С. П. ЛУППОВ · КНИГА В РОССИИ

С. П. ЛУППОВ

КНИГА В РОССИИ

В ПОСЛЕПЕТРОВСКОЕ ВРЕМЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
БИБЛИОТЕКА

С. П. ЛУППОВ

КНИГА В РОССИИ

В ПОСЛЕПЕТРОВСКОЕ ВРЕМЯ 1725–1740

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД · 1976

В монографии на основе архивных материалов, опубликованных источников и литературы исследуются проблемы, связанные с историей русской книги: книгопечатание, создание рукописных книг, книготорговля, распространение книг среди населения, возникновение и развитие библиотек и частных книжных собраний. Особое внимание уделяется составу книжных собраний представителей разных слоев русского общества, что дает возможность охарактеризовать уровень русской культуры в исследуемый период. Ряд материалов вводится в научный оборот впервые.

Книга рассчитана на историков, историков культуры, книговедов, библиотечных и издательских работников.

Сергей Павлович Луппов

КНИГА В РОССИИ

в послепетровское время (1725—1740)

Утверждено к печати
Ученым советом Библиотеки
Академии наук СССР

Редактор издательства *И. П. Палкина*
Художник *Д. С. Данилов*
Технический редактор *М. Э. Карлайтис*
Корректоры *Э. В. Коваленко, Л. Я. Комм*
и *Н. З. Петрова*

Сдано в набор 10/VI 1976 г. Подписано к печати 12/X 1976 г. Формат $84 \times 108^1/_{32}$. Бумага № 3. Печ. л. $11^7/_8 =$ 19.95 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 21.54. Изд. № 6483. Тип. зак. № 1283. М-38427. Тираж 9000. *Цена 1 р. 53 к.*

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, д. 1

1-я тип. издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9-линия, д. 12

Л $\frac{61001\text{-}551}{042\,(02)\text{-}76}$ БЗ-42-43-76

Предисловие

Настоящая монография является непосредственным продолжением двух предыдущих исследований автора, опубликованных в 1970—1973 гг.: «Книга в России в XVII веке» (Л., 1970) и «Книга в России в первой четверти XVIII века» (Л., 1973). При написании всех трех монографий была поставлена общая задача: установить, как отразились Петровские реформы на развитии книжного дела в России, в какой мере крупнейшие преобразования в области книжного дела, осуществленные при Петре, были подготовлены ходом предшествующего развития, насколько они оказались жизненными и сохранились ли после смерти Петра темпы развития русского книгопечатания петровского времени. Такая постановка проблемы требовала исследования истории развития русской книги на протяжении трех хронологических отрезков: 1) эпоха, предшествующая реформам Петра (XVII в.); 2) Петровская эпоха (в основном первая четверть XVIII в.); 3) период, непосредственно следующий за реформами Петра.

Предлагаемая монография посвящена третьему из названных периодов. При установлении ее хронологических рамок автор исходил из следующих соображений. Факт поступательного развития русской культуры в годы активной деятельности Ломоносова, т. е. начиная с 40-х годов XVIII в., является общепризнанным. Однако в оценке экономического и культурного развития России в предшествующий период (от Петра до Ломоносова) много спорного и неясного, ставился даже вопрос: не были ли эти годы для России периодом застоя и контрреформ?

Но если Петровские реформы были обусловлены общим ходом исторического процесса, то жизненность их должна была проявиться уже в ближайшие годы после смерти Петра, несмотря на недальновидность и консерватизм тогдашних, большей частью случайных, правителей России. Исходя из этого, автор ограничил рамки своего исследования очень небольшим отрезком времени (1725—1740 гг.), и, как показали результаты исследования, такой выбор оказался вполне оправданным.

Как и в предыдущих работах автора по данной теме, история русской книги исследуется в настоящей монографии многоаспектно, т. е. изучается весь комплекс вопросов, связанных с этой проблемой: книгопечатание, дальнейшие судьбы рукописной книги, книготорговля, распространение книг среди различных групп населения, условия возникновения и развития библиотек и частных книжных собраний, их роль в развитии культуры России.

При написании монографии использованы архивные материалы Центрального государственного архива древних актов, Центрального государственного исторического архива СССР, Ленинградского отделения Архива Академии наук СССР, Государственного Исторического музея, рукописных отделов и фондов редких книг Библиотеки Академии наук СССР, Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, Центральной научной библиотеки Академии наук Украинской ССР, а также опубликованные источники по теме исследования: описи книжных собраний и библиотек, записи на старинных книгах и т. д. Ряд материалов, например описи библиотек А. П. Волынского, П. М. Еропкина, сведения о деятельности Петербургской и Московской книжных лавок Синода, вводится в научный оборот впервые. Автором использована также вся известная ему литература по истории книги, включая и справочные издания.

Монография построена по тому же плану, что и предыдущие работы автора по исследуемой проблеме, и так же, как они, состоит из шести глав. В главе первой, вводной и излагающей общие вопросы просвещения, особое внимание уделяется Академии наук. Это объясняется тем, что деятельность Академии наук чрезвычайно сильно сказалась на развитии русской культуры вообще и истории русской книги в частности; не случайно также,

что в первой главе отводится много места изложению материала о развитии учебных заведений послепетровского времени. Учебные заведения подготовляли новые кадры просвещенных людей, при учебных заведениях неизбежно возникали библиотеки, о многих из которых никаких сведений не сохранилось, но сам характер учебных заведений позволяет получить какое-то представление об этих библиотеках и общем развитии библиотечного дела.

В главе второй рассматриваются особенности развития русской печати в послепетровское время, подчеркивается ведущая роль типографии Академии наук в развитии книгопечатания, в увеличении значения светской книги, в подготовке научных изданий, в дальнейшем развитии русской периодики. Материалы этой главы убедительно опровергают существовавшее ранее представление о свертывании издательской деятельности после смерти Петра и говорят как раз об обратном — об увеличении темпов развития издательского дела в России.

Главы третья («Книготорговля») и четвертая («Распространение книг среди населения») тесно связаны между собой. Книготорговля рассматривается как один из путей распространения книг среди населения. Подчеркивается ведущая роль книжной лавки Академии наук в распространении светской, как русской, так и в особенности зарубежной книги, прослеживается дальнейшая эволюция книжных цен и расширение круга покупателей книг. Особый интерес представляют новые архивные данные, приводимые в главе четвертой, о том, кто именно был покупателем книг в Петербурге в 1739—1741 гг. и какая конкретно литература интересовала данного покупателя.

Глава пятая («Частные книжные собрания») является наиболее обширной. Здесь на основании описей дана характеристика всех известных автору личных библиотек рассматриваемого периода. Материалы главы позволяют проследить дальнейшее расширение круга книголюбов России, установить область духовных запросов представителей передовых кругов различных слоев населения, констатировать дальнейшее повышение уровня образованности русских людей. Как и в предыдущих монографиях, анализ состава личных библиотек крупнейших государственных деятелей, а также деятелей

науки и культуры дается в связи с их биографией и общей характеристикой.

В главе шестой исследуются вопросы развития библиотечного дела в России, приводятся данные о наиболее крупных библиотеках духовного ведомства, библиотеках учебных заведений, Библиотеке Академии наук. Деятельность Библиотеки Академии наук — ведущей библиотеки в России того времени — освещается подробно и всесторонне. Это объясняется значением Библиотеки в развитии не только библиотечного дела, но и всей культуры страны.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, историков культуры, историков книги, издательских и библиотечных работников. Специальные вопросы (палеографии, текстологии, издательского оформления книг) в ней не затрагиваются.

Продолжая работу над следующим очерком («Книга в России в середине XVIII века»), автор особенно заинтересован в получении отзывов на свою монографию. Все пожелания и критические замечания просьба посылать по адресу: Ленинград, В-164, Библиотека Академии наук СССР, научно-исследовательский отдел истории книги.

Г Л А В А   П Е Р В А Я

НАУКА. ПРОСВЕЩЕНИЕ. УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ

История развития России во второй четверти XVIII в. изучена еще недостаточно. Годы, непосредственно следовавшие за эпохой Петра, рассматривались буржуазной историографией как период контрреформ, экономического застоя и общего упадка в стране. Такая оценка — результат недостаточно глубокого анализа исторического процесса. Историки дореволюционной России уделяли основное внимание внешнему ходу событий, и крупные сдвиги, происходившие в эти годы в России в области экономики и культуры, оказались вне поля их зрения.

Советские ученые опровергли тезис об экономическом упадке. Несмотря на неблагоприятные условия, создавшиеся после Петра в эпоху дворцовых переворотов, господства случайных людей, засилья иностранцев при дворе, экономика страны продолжала развиваться. Увеличивалась продукция промышленности и сельского хозяйства, возрастала внешняя и внутренняя торговля, росло население городов. Несомненно петровские традиции продолжала и внешняя политика правительства. Сколько-нибудь существенных изменений не претерпели и новые государственные учреждения, созданные в результате реформ Петра.

А как обстояло дело в области культуры? Здесь на первый взгляд имело место движение назад: уменьшение числа учебных заведений и типографий, сокращение издательской деятельности и т. д. Но можно ли на основании отдельных фактов говорить об отказе от ряда начинаний Петра в области культуры, и правильна ли трак-

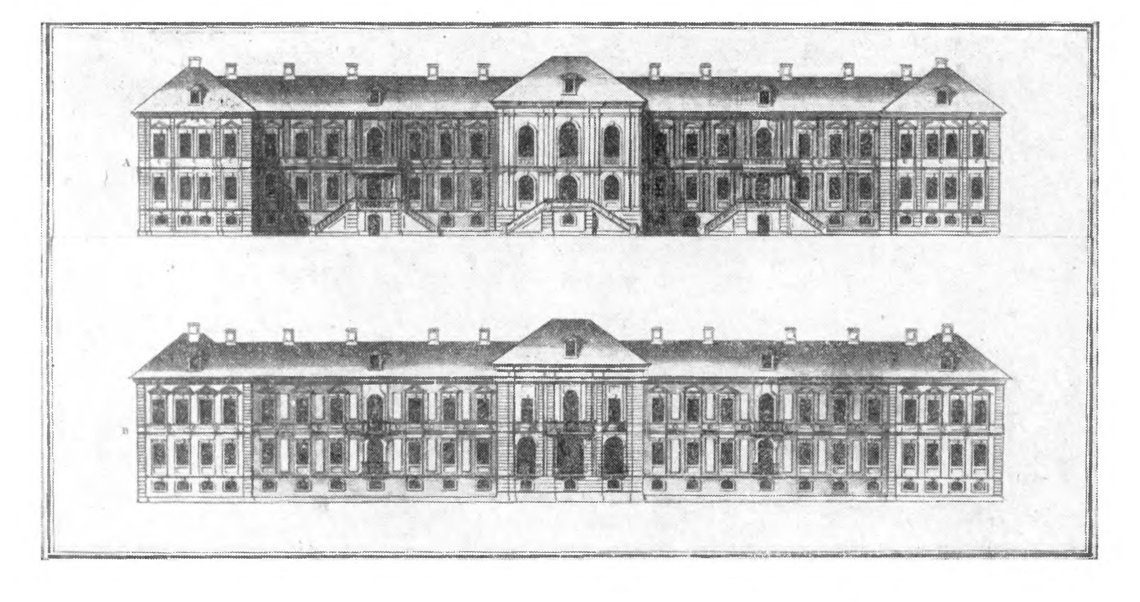
товка приводимых фактов? Для ответа на эти вопросы необходимо более подробно рассмотреть состояние просвещения в России в послепетровское время. Это для нас представляет особую важность, поскольку развитие науки и культуры в стране самым тесным образом связано с дальнейшими судьбами русской книги.

Из научных и культурно-просветительных учреждений, созданных в результате реформ Петра, особое значение имела Академия наук. Учрежденная по указу Петра от 28 января 1724 г.,[1] Академия фактически начала свою работу уже после его смерти. Торжественное открытие состоялось 27 декабря 1725 г., после того как в Петербург съехались приглашенные в Академию зарубежные ученые.[2] За несколько дней до открытия был объявлен Сенатом именной указ от 7 декабря 1725 г. о создании Академии наук и назначении ее первым президентом царского лейб-медика Л. Л. Блюментроста.[3]

Русская Академия наук имела свои особенности по сравнению с зарубежными, что не могло не наложить отпечаток на характер ее деятельности. Особенности эти заключались в следующем. Во-первых, с самого своего основания русская Академия была государственным учреждением, а не общественным органом на добровольных началах. Она имела свой бюджет, дававший возможность Академии проводить в довольно крупных масштабах научно-исследовательскую работу. С первых лет существования при Академии наук возник целый ряд дочерних учреждений: Обсерватория, Физический кабинет, Анатомический театр, Ботанический сад, типография, инструментальные мастерские, гравировальная и рисовальные палаты и др. Деятельность всех этих учреждений весьма способствовала успеху научной и практической работы, выполнявшейся русской Академией. Во-вторых, новая Академия была создана как учреждение, имевшее не только научно-исследовательские, но и педагогические функции. При Академии учреждались учебные заведения — университет и гимназия. Третьей особенностью петербургской Академии наук был ее универсальный характер: научно-исследовательская работа протекала в трех основных направлениях, в соответствии с которыми Ака-

---

[1] ПСЗ, т. VII, № 4443, с. 220—224.
[2] История Академии наук СССР, т. 1. М.—Л., 1958, с. 49.
[3] ПСЗ, т. VII, № 4807, с. 553—554.



Фасады здания Академии наук (вверху — на Неву, внизу — на противоположную от Невы сторону). Гравюра Х. Вортмана. Из книги «Палаты Санктпетербургской Академии наук».

демия наук делилась на три класса: математический, физический и гуманитарный. Классы в свою очередь делились на кафедры. Для сравнения укажем, что в английском Королевском обществе не существовало гуманитарного класса, а в Париже имелись две параллельные академии. Четвертой особенностью Академии было то, что она носила сугубо светский характер и совершенно не занималась богословскими науками, в то время как в Берлине изучение богословских наук играло большую роль.

Очень существенной была еще одна особенность петербургской Академии — практическая направленность ее деятельности, что чрезвычайно характерно для всех научно-просветительных учреждений петровского времени. Академики обязаны были не только заниматься науками, но и следить за научной литературой и составлять сводки («экстракты») научных достижений по своей специальности, проверять правильность открытий, о которых стало известно Академии, делать научные справки, читать публичные лекции, составлять для студентов курсы и т. д.[4] К этому надо добавить то, что русская Академия в начальный период своего существования уделяла преимущественное внимание развитию естественных и математических наук, изучению природных ресурсов России, активно участвовала в научных экспедициях, организованных русским правительством.

Благодаря практическому, сугубо светскому характеру деятельности молодого научного учреждения, имевшего в своем распоряжении собственные средства, отпущенные государством, были достигнуты большие успехи в различных отраслях знания уже в первые десятилетия существования Академии. Можно смело сказать, что Академия наук сразу же возглавила дальнейшее развитие науки в России и что все важнейшие начинания в области научной жизни страны были так или иначе связаны с Академией.

Первыми академиками и адъюнктами петербургской Академии наук были иностранцы. Некоторые из них, как например Я. Герман, Ж.-Н. Делиль, Г. Бюльфингер, приехали в Петербург уже имея крупные научные имена, другие (Л. Эйлер) только в России сделались первоклассными учеными. Отсутствие в числе первых

---

[4] История Академии наук СССР, т. 1, с. 32—34, 36.

академиков русских людей не говорит о том, что в России в это время не было ученых, достойных такого почетного звания. Так, например, В. Н. Татищев, Я. В. Брюс вполне могли бы находиться в числе академиков, но они были незаменимы и в практической деятельности, где обойтись без них правительству было нелегко.

Условия деятельности Академии наук не были вполне благоприятными. Президент Л. Л. Блюментрост уделял ей мало времени, так как не был освобожден от обязанностей царского лейб-медика. Довольно скоро фактическим главой Академии сделался ее секретарь — ловкий карьерист И.-Д. Шумахер, которому чужды были интересы русской науки. В Академии его занимала лишь внешняя, показная сторона. Главное внимание он обращал не на научные занятия академиков, а на организацию ее подсобных учреждений: типографий, мастерских, книжной лавки и др.

Будучи, по выражению М. В. Ломоносова, «в науках скуден», Шумахер создал себе прочное положение в Академии, используя благосклонность к себе влиятельных особ, перед которыми он всегда заискивал и которым умел оказывать различные услуги. И Блюментрост, и его преемники на посту президента неизменно благоволили к Шумахеру. Большие средства ежегодно расходовались на устройство иллюминации и фейерверков в торжественные дни, хотя бюджет Академии был не так уж велик и деньги выплачивались ей с большим запозданием.

Бесконтрольное хозяйничание Шумахера, приносившее большой вред Академии, вызывало резкие протесты академиков. Начиная с 1729 г. они неоднократно обращались к правительству с просьбой о принятии мер по устранению недостатков. Просьбы успеха не имели. Шумахер, как правило, выходил из этой борьбы победителем, а «несработавшиеся» с ним академики вынуждены были покидать Академию. Так, в 1731 г. уехали из России академики Я. Герман, Г. Бюльфингер, в 1733 г. — Д. Бернулли.[5] Лишь на короткое время, при воцарении Елизаветы Петровны, Шумахер был отстранен от должности и попал под следствие, однако наличие сильных покровителей при дворе помогло ему выйти из беды и восстановить свое положение.

---

[5] Там же, с. 72, 74, 88.

Другим обстоятельством, сильно осложнявшим работу Академии наук, было недоброжелательство консервативных кругов русского духовенства. Синод фактически осуществлял цензурный надзор за издательской деятельностью Академии и препятствовал публикации книг, содержание которых не соответствовало установкам духовной власти (см. с. 93). Однако, несмотря на все трудности, Академия наук работала плодотворно. О напряженной деятельности молодой Академии говорят сохранившиеся протоколы заседаний общего собрания Академии наук, происходивших два раза в неделю и чаще, на которых академики выступали с научными докладами, а также разрешался целый ряд вопросов, входивших в компетенцию Академии. Некоторые заседания происходили публично, но, к сожалению, речи на таких собраниях произносились на латинском языке, малопонятном широкой аудитории.[6]

Крупнейшие успехи были достигнуты Академией наук в области физико-математических наук. Здесь прежде всего следует отметить работы Д. Бернулли в области гидродинамики, Л. Эйлера — в области математики и механики. Приехав в Петербург 20-летним юношей (1727 г.), Эйлер именно в России сложился как крупнейший ученый XVIII в., создавший на своей новой родине научную математическую школу. Немалый вклад в развитие физико-математических наук в России внесла деятельность академиков Я. Германа, Г.-В. Крафта, И.-Г. Лейтмана, Г.-Б. Бюльфингера, Ж.-Н. Делиля и др.

Основанный академиком Крафтом Физический кабинет Академии очень скоро стал одним из лучших физических кабинетов в Европе, созданная по проекту Ж.-Н. Делиля астрономическая Обсерватория по своему оборудованию не уступала другим обсерваториям мира.[7]

Немалое значение имели и инструментальные мастерские Академии наук, работавшие под руководством крупнейшего русского специалиста первой половины XVIII в. в области станкостроения и приборостроения А. К. Нартова.[8] Решение трудной проблемы создания отечественных инструментов и приборов в немалой степени обеспечило успех развития в России естественных наук.

---

[6] Там же, с. 49—52.
[7] Там же, с. 71—96.
[8] Там же, с. 66—69.

В послепетровское время продолжалась активная деятельность по изучению географии России. Первая Камчатская экспедиция Беринга (1725—1730 гг.) установила наличие пролива между берегами Азии и Америки. Во второй Камчатской экспедиции, в результате которой были исследованы и описаны обширные территории Северной Сибири и Камчатки, принимала участие Академия наук. Специальный академический отряд, в который входили биолог И.-Г. Гмелин, историк Г.-Ф. Миллер, астроном Л. Делиль де ла Кройер, два адъюнкта и 5 студентов (в том числе С. П. Крашенинников), работал самостоятельно. Результатом его деятельности явились такие капитальные труды, как «Флора Сибири» Гмелина, «Описание земли Камчатки» Крашенинникова и др. Вторая Камчатская экспедиция дала возможность собрать огромный фактический материал. На его основе был составлен и в 1745 г. издан Атлас Российской империи. Картографические работы, начатые И. К. Кириловым, с 1739 г. сосредоточились в Географическом департаменте Академии наук. Для развития географической науки в России много было сделано В. Н. Татищевым.

В области биологических наук, помимо указанных трудов Крашенинникова и Гмелина, Академией был подготовлен ряд крупных работ. Большое значение имело создание богатых коллекций — результат деятельности экспедиции Мессершмидта, трудов ученых академиков Буксбаума, Гмелина, Аммана и др. При Академии был учрежден Анатомический театр и собственный академический Ботанический сад, существовавший помимо возникшего при Петре Аптекарского огорода.

Меньших успехов достигла в эти годы Академия наук в развитии гуманитарных наук. В области истории основное внимание Академии было обращено на сбор исторических материалов. По инициативе Академии наук Кабинет министров 23 июня 1736 г. распорядился выслать в Сенат «разных годов и походов дневные журналы и рисунки и собственноручные их величеств письма и прочие ведомости» и там, отобрав нужные для жизнеописания царей Ивана Грозного, Михаила Федоровича и Алексея Михайловича материалы, передать в Академию наук.[9] Во время второй Камчатской экспедиции много сделал по

---

[9] ПСЗ, т. IX, № 6993, с. 862—863.

сбору архивных материалов академик Г.-Ф. Миллер («Сибирские портфели» Миллера). Он был также инициатором публикаций известий по русской истории в специальном издании, выходившем на немецком языке («Sammlung russischer Geschichte»).

Гораздо большее значение, чем работы Миллера, для развития русской исторической науки имели труды В. Н. Татищева, о котором мы еще будем говорить в пятой главе монографии. Не будучи сам академиком, Татищев предложил свою 5-томную «Историю Российскую с древнейших времен» русской Академии наук. Это было по существу первое крупное историческое исследование по русской истории.

Из всего вышеизложенного видно, что русская наука в послепетровское время продолжала свое поступательное движение, причем наиболее крупные успехи были достигнуты в области естественных наук. Эти успехи были тесно связаны с Академией наук. Уже в первые десятилетия своего существования петербургская Академия завоевала прочный авторитет у ученого мира Западной Европы, а блестящие работы Л. Эйлера и Д. Бернулли создали русской Академии славу во всем мире.

Большое внимание уделялось Академией наук развитию просвещения. При Академии в соответствии с поставленными перед ней Петром I задачами создавались гимназия и университет, являвшиеся двумя ступенями при подготовке образованных людей. Академическая гимназия, готовившая студентов для университета, состояла из двух отделений: «немецкой» (3 класса) и «латинской» (2 класса) школ. Необходимость немецкой школы вытекала из того, что преподавателями были немцы, не знавшие русского языка. Основной курс проходился в латинской школе, где, помимо латыни, ученики изучали также греческий и некоторые новые языки (факультативно), а также арифметику, историю, географию, логику, риторику.

Первый прием учеников в гимназию состоялся в 1726 г., когда было принято 112 человек, в дальнейшем число принимаемых стало сокращаться: в 1727 г. — 58, в 1728 г. — 26, в 1729 г. — 74, в 1730 г. — 14 учеников, причем прием происходил круглый год. Сильный удар гимназии нанесло учреждение в 1731 г. Шляхетского корпуса, оканчивающие который получали чины (гимназия

такого права не имела).[10] Это имело для гимназии и другое следствие — увеличение демократической прослойки ее учеников. В соответствии с установками Петра I в гимназию не был закрыт доступ для представителей разночинцев. Несмотря на желание академического начальства увеличить процент учащихся из верхних слоев общества, получалось наоборот, эта прослойка сокращалась, поскольку дети дворян устремились в привилегированные учебные заведения. Списки учащихся гимназии, опубликованные в «Материалах Академии наук»,[11] позволяют установить их социальную принадлежность. Среди них мы находим детей ремесленников, солдат, моряков и т. д. Большой процент учащихся составляли дети иностранцев.

Учебный процесс в гимназии стоял на невысоком уровне. Занятия проходили в малоподготовленных помещениях. Посещаемость гимназии оставляла желать много лучшего. Так, в 1738 г. из 13 учеников на занятия ходили лишь несколько человек, в 1739 г. из 33 учеников гимназию посещало не более половины. Следует отметить, что систематический курс обучения проходили не все. Некоторые ученики изучали лишь определенные предметы, по-видимому, по своему выбору. Очевидно, этим обстоятельством можно объяснить большую разницу в возрасте учащихся: от 6 до 24 лет. Характерна помета, стоящая в делах Академии наук против фамилии одного из учеников гимназии в возрасте 24 лет: «...приехал по-немецки учиться». К числу великовозрастных учеников (17—23 года) относились многие из присланных Адмиралтейством.[12]

Несмотря на недостатки академической гимназии, ею было сделано немало в деле подготовки кадров образованных людей. Уже за первые пятнадцать лет существования гимназии ее окончило несколько сот человек.

---

[10] Толстой Д. А. Академическая гимназия в XVIII столетии по рукописным документам Архива Академии наук. СПб., 1885, с. 1—6; История Академии наук СССР, т. 1, с. 142.

[11] Материалы для истории имп. Академии наук. Т. 1, СПб., 1885, с. 217—226, 325—330, 431—433, 605—612, 694—695; т. 2, СПб., 1886, с. 88—91, 245—247, 417—421, 556—559, 850—852; т. 3, СПб., 1886, с. 174—183, 258—274, 298—300, 584—585; т. 4, СПб., 1887, с. 292, 533—534, 795—797 и т. д.

[12] Толстой Д. А. Академическая гимназия..., с. 4, 9, 13; История Академии наук, т. 1, с. 143, 144.

Имена некоторых из них приобрели впоследствии известность: В. Е. Адодуров, П. З. Кондоиди, И. И. Мелиссино, И.-К. Тауберт и др.

Академический университет[13] как учебное заведение существовал лишь номинально. Приглашенные в Петербург академики обязаны были читать публичные лекции, постоянными слушателями которых являлись «студенты», находившиеся «на государственном коште» и постепенно подготовлявшиеся к самостоятельной научной работе. В качестве студентов приглашались как русские, так и иностранцы. Сохранился список 38 студентов, числившихся в академическом университете с 1726 по 1733 г. Здесь наряду с представителями знати (например, князь А. Д. Кантемир) числились академические служащие и их родственники, дети иностранцев, находившихся на русской службе, в том числе и приглашенных по рекомендации профессоров из-за границы, и т. д.

Программа лекций определялась самими профессорами, которые не ставили своей задачей систематическое изложение какой-нибудь научной дисциплины. Из-за недостатка слушателей занятия часто прекращались.

Фактический глава академической администрации И.-Д. Шумахер часто использовал учеников для выполнения различных работ, например, в типографии или канцелярии Академии наук.

Так, например, в 1726—1728 гг. студент Г. Пашке, прибывший в Россию вместе с профессором Байером, работал в Библиотеке Академии наук, где «библиотекарем» числился сам Шумахер.[14] Попытка правительства пополнить число студентов за счет учащихся Славяно-греко-латинской академии большого успеха не имела.

Таким образом, академический университет как учебное заведение не оставил после себя заметного следа в истории просвещения в России. Тем не менее из числа студентов вышли крупные ученые, работавшие впослед-

---

[13] Сведения об университете Академии наук почерпнуты нами из следующих книг: История Академии наук, т. 1, с. 144—148; Толстой Д. А. 1) Академический университет в XVIII столетии по рукописным документам Архива Академии наук. — «Зап. имп. Академии наук», 1885, т. 51, прил. 3, с. 1—4; 2) Взгляд на учебную часть в России в XVIII столетии до 1782 г. — Там же, 1883, т. 47, прил. 2, с. 8—9.

[14] История Библиотеки Академии наук СССР. 1714—1964. Л., 1964, с. 90.

ствии в Академии наук: В. Е. Адодуров, С. П. Крашенинников, С. К. Котельников, Г.-Ф. Миллер, И. Вейтбрехт и др.

Как известно, в петровское время были созданы специальные светские учебные заведения: Морская академия, навигацкие, артиллерийские, инженерные, медицинские школы. Эти школы уже при Петре подверглись реорганизации. Так, например, московская Инженерная школа в 1723 г. была слита с петербургской, в свою очередь петербургская Инженерная школа слита с Артиллерийской.[15] К 1727 г. в Петербурге и Москве остались лишь 4 учебных заведения морского и инженерно-артиллерийского профиля: Морская академия и Инженерно-артиллерийская школа в Петербурге и Навигацкая и Артиллерийская школы в Москве.

Все эти учебные заведения испытывали большие трудности с набором учащихся. Так, в марте 1726 г. в Навигацкой школе было всего 158 учеников (при установленном комплекте 500), а в Морской академии — лишь 136 (при комплекте 330). Вследствие принятых правительством мер по направлению в эти учебные заведения «недорослей» из дворянских детей в возрасте от 12 до 17 лет[16] число учащихся несколько возросло: в 1727 г. в московской Навигацкой школе находилось уже 206 учеников, в Морской академии в Петербурге — 269 (174 дворянина и 95 разночинцев).[17]

В 1731 г. распоряжением правительства число учащихся в Морской академии и Навигацкой школе было сокращено: в Петербурге — до 150, в Москве — до 100. Лишних учеников предложено было: «...годных определить в службу адмиралтейскую, а других в Военную коллегию отослать».[18] Помимо того, при Морской академии, как и в прежние времена, находился класс геодезистов — 30 человек, а также «русская школа» для обу-

---

[15] Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973, с. 21—22.

[16] ПСЗ, т. VII, № 4863, с. 597—598; то же: Материалы для истории русского морского флота, ч. 5. СПб., 1875, с. 202.

[17] Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века, с. 14—15, 18. Интересно, что неспособных учеников Навигацкой школы, которые «под видом учения время проводили и науки не приняли», правительство распорядилось «определить в матросы» (ПСЗ, т. VII, № 5105, с. 813—815).

[18] ПСЗ, т. VIII, № 5831, с. 536.

чения грамоте «морских и адмиралтейских служителей». Интересны сведения о сроке обучения, установленном для Морской академии: на изучение каждого из проходимых предметов полагалось определенное время (арифметики — 1 год, геометрии — 8 месяцев и т. д.), а на весь курс академии отводилось 6 лет и 9 месяцев.[19]

Несмотря на сокращение контингента учащихся в петербургской и московской академиях (Навигацкая школа в документах того времени часто также называлась академией), учащихся постоянно не хватало, так как из числа учащихся Адмиралтейской коллегии некоторых приходилось посылать в Гардемаринскую роту (посылали исключительно дворян) и «в подштурманскую должность» на кораблях (посылали разночинцев); кроме того, при Адмиралтействе, как мы знаем, обучалось еще 30 геодезистов. В апреле 1737 г. в Морской академии было лишь 129 учащихся,[20] в мае 1739 г. в обеих академиях училось 239 человек, но надо было из их числа укомплектовать также гардемаринскую роту и «определить» «в подштурманскую должность».[21] В ноябре того же года учащихся в академиях осталось лишь 199, из них 7 «непонятных» (неспособных), и для полного комплекта, считая команду геодезистов, гардемаринскую роту и учеников, направляемых в подштурманы, не хватало 154 человек.[22] Набор дворян производился через Герольдмейстерскую контору.

Как уже сообщалось, при Адмиралтейской конторе имелась «русская школа» начального образования. Кроме того, существовали школы в Кронштадте, Ревеле, Казани, Астрахани, при Сестрорецких заводах и в Таврове. По данным 1732 г., в этих учебных заведениях училось 645 человек,[23] в том числе: в «русской школе» в Петербурге — 211, в Кронштадтской школе — 87, в Ревельской — 53, в Казанской — 70, в Астраханской — 17, в школе при Сестрорецких заводах — 47, в Таврове — 160 человек.

Во все эти школы дети «адмиралтейских служителей» вербовались в принудительном порядке. Так, например,

---

[19] Материалы для истории русского морского флота, ч. 7. СПб., 1879, с. 277—278.
[20] Там же, ч. 8, СПб., 1880, с. 335.
[21] Там же, с. 538—539.
[22] Там же, с. 579—580.
[23] Там же, ч. 7, с. 283.

распоряжением Адмиралтейской коллегии от 13 мая 1729 г. предписывалось Ревельской портовой конторе направлять в Ревельскую адмиралтейскую школу «малолетних морских и адмиралтейских служителей детей» в возрасте от 5 до 10 лет.[24]

Таким образом, число учащихся адмиралтейских учебных заведений составляло около 600. А если учесть, что в ведении Адмиралтейской коллегии находились и «цыфирные школы», то выходит, что общее число учащихся адмиралтейских школ было значительно выше.

Интересно, что по инициативе Беринга «навигацкие» школы были созданы даже в Сибири: около 1736 г. в Якутске, между 1732—1740 гг. в Охотске. В Якутскую школу в год ее основания было набрано 25 детей, в Охотскую — 20. Учителем Якутской школы назначили бывшего протокариуса юстиц-коллегии Ф. Гейденрейха. В обе эти школы в связи с трудностью набора учащихся принимали без социальных и национальных ограничений. Здесь учились дети казаков, якутских и русских крестьян.[25]

Как уже говорилось выше, от петровского времени остались две школы инженерно-артиллерийского профиля: Инженерная в Петербурге и Артиллерийская в Москве. В 1727 г. в московской Артиллерийской школе числилось 90 учеников, в петербургской Инженерно-артиллерийской школе — 148.[26] В следующем, 1728 г. число учащихся петербургской школы было сокращено до 60 (из них 20 человек учились фортификации, 20 — геометрии и тригонометрии, 20 — арифметике), по штату полагался на школу 1 учитель в чине инженер-капитана, два «кондуктора для преподавания разных наук» и два «рисовальных мастера» для обучения рисованию и черчению.[27]

В послепетровское время было создано и несколько специальных учебных заведений, которые, по мнению историографа военных учебных заведений М. С. Лалаева, давали лишь элементарные знания. Это были учрежденная в 1730 г. при С.-Петербургской крепости школа для

---

[24] Там же, ч. 5, СПб., 1875, с. 763.

[25] Копылов А. Н. Культура русского населения Сибири в XVII—XVIII вв. Новосибирск, 1968, с. 72—73.

[26] Кирилов И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства... М., 1831, кн. 1, с. 19, 94.

[27] ПСЗ, т. VIII, № 5277, с. 43—45; т. XLIII, с. 47.

обучения «малолетних детей мастеровых инженерных людей» с целью подготовки их в писари и мастеровые по инженерному ведомству и созданная в том же году Минихом в Петербурге артиллерийская школа на 60 человек («пушкарских детей»), которая вскоре получила название «арифметической». Школа эта готовила канцелярских и полковых писарей. В ней обучали «словесной и письменной науке, а также арифметике, геометрии и тригонометрии».[28]

К этой же группе школ относилась и учрежденная в 1735 г. в Петербурге «чертежная» артиллерийская школа на 30 человек для дворянских и офицерских детей. Здесь обучали математическим наукам и артиллерии и выпускали окончивших унтер-офицерами артиллерийских частей. Вскоре арифметическая и чертежная школы были объединены в одно учебное заведение, носившее название С.-Петербургской артиллерийской школы. Незадолго до этого подобная школа на 700 человек была учреждена и в Москве близ Сухаревой башни.[29]

Самым крупным из учебных заведений инженерного профиля был Шляхетский кадетский корпус. Еще Петр стремился к тому, чтобы квалифицированные специалисты выходили из дворян. Дети разночинцев допускались в крупные специальные учебные заведения лишь по необходимости, поскольку дворянство, консервативное и инертное, было тогда не в состоянии дать установленное число учащихся. Тем не менее курс, проходимый дворянами и разночинцами в специальных учебных заведениях, был различен. Так, в 1727 г., по данным И. К. Кирилова, в Морской академии дети разночинцев учились в основном чтению, письму, арифметике и лишь некоторым специальным предметам («плоской навигации» и геодезии), в то время как дети шляхетства изучали, кроме того, специальные дисциплины: «круглую навигацию», «сферистику», астрономию, геометрию, тригонометрию и др.[30] Вспомним также, что именно при Петре в 1724 г. в Петербурге Инженерная школа была превра-

---

[28] Лалаев М. С. Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению, ч. I. СПб., 1880, с. 11, 12.

[29] Там же, с. 12.

[30] Кирилов И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства..., кн. 1, с. 18—19.

щена в привилегированное учебное заведение только для дворян.[31]

Продолжая эту петровскую традицию, правительство Анны Иоанновны открыло в 1731 г. в Петербурге специальное учебное заведение для дворян — Шляхетский кадетский корпус, который впоследствии получил название сухопутного. В указе от 29 июля 1731 г. говорилось: «... учредить корпус кадетов, состоящий из 200 человек шляхетских детей от тринадцати до осьмнадцати лет..., которых обучать арифметике, геометрии, рисованию, фортификации, артиллерии, шпажному действу, на лошадях ездить и прочим к воинскому искусству потребным наукам. А понеже не каждого человека природа к одному воинскому склонна, також и в государстве не меньше нужно политическое и гражданское обучение, того ради иметь при этом учителей чужестранных языков, истории, географии, юриспруденции, танцеванию, музыки и прочих полезных наук, дабы, видя природную склонность, по тому б и к учению определяли». На содержание корпуса выделялось 30 000 руб в год.[32]

Таким образом, с самого начала предполагалось, что корпус будет готовить специалистов не только для армии, но и для гражданской деятельности. 18 ноября того же 1731 г. был утвержден устав Кадетского корпуса. В корпусе было 4 класса, при этом курс «вышних» трех классов проходился в течение 5—6 лет.[33] В мае следующего, 1732 г. был утвержден штат корпуса, и в связи с тем, что было много желающих поступить в это учебное заведение, число учащихся по докладу Миниха было увеличено до 360.[34]

Шляхетский корпус сыграл немалую роль в подготовке национальных кадров образованных людей в России. Из него вышел ряд крупных деятелей XVIII в. За период с 1732 г. по 1762 г. в Кадетский корпус поступило 2058 человек, а окончило 1557, причем из них выпущены офицерами лишь 1200 человек.[35]

---

[31] Пруссак А. А. Инженерные школы при Петре I. — «Военно-исторический журнал», 1940, № 7, с. 126.

[32] ПСЗ, т. VIII, № 5811, с. 519.

[33] Там же, № 5881, с. 557—559.

[34] Там же, № 6050, с. 812—813.

[35] Бескровный Л. Г. Военные школы в России в первой половине XVIII в. — «Ист. записки», 1953, т. 42, с. 299.

Из других специальных школ этого времени, но не относившихся к числу привилегированных, следует назвать находившуюся в Петербурге Школу канцелярии от строений. По данным И. К. Кирилова, в Школе учились дети мастеровых людей этой канцелярии, которых обучали грамоте, письму, арифметике, рисованию и различным ремеслам.[36] Об этой же школе Е. А. Борисова пишет, что в ней, помимо обучения «пяти орденам архитектуры» и черчению, учили также арифметике, геометрии и другим предметам. Несмотря на то что занятия проводились нерегулярно, это было все же настоящее учебное заведение.[37]

Продолжали существовать и медицинские школы. В школе при московском госпитале выдерживался установленный еще при Петре комплект учащихся — 50 человек. После каждого выпуска начальство госпиталя стремилось добирать недостающее число учащихся за счет учеников Славяно-греко-латинской академии, владеющих латинским языком, используя для этого разрешение, данное еще Петром.

Так, в 1727 г., после выпуска 16 учеников (из которых 8 человек получили звание лекаря и 8 — подлекаря), начальник госпиталя доктор Бидлоо сообщил в Синод, что в школе у него осталось лишь 30 учеников. Бидлоо просил Синод пополнить недостающее до установленного (50 человек) число учеников за счет учащихся Славяно-греко-латинской академии. Синоду ничего не оставалось делать, как дать соответствующее распоряжение. За подготовку в школе каждого лекаря Бидлоо получал 100 руб., за подлекаря — 50 руб.[38]

В 1733 г. открылась медико-хирургическая школа при петербургском сухопутном госпитале (учрежденном еще в 1716 г.). В школе числилось 10 подлекарей и 20 учеников. В том же 1733 г. медико-хирургические школы были созданы и при других госпиталях: петербургском адмиралтейском (учрежденном в 1719 г.) и при кронштадтском

[36] Кирилов И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства..., кн. 1, с. 31—32.

[37] Борисова Е. А. Архитектурное образование в Канцелярии от строений во второй четверти XVIII века. — В кн.: Ежегодник Института истории искусств за 1960 год. М., 1961, с. 97—106.

[38] Описание документов и дел архива Синода, т. 7. СПб., 1885, стб. 56—59.

(учрежденном в 1720 г.).[39] Несмотря на сравнительно небольшое число учащихся первых медицинских школ в России, они сыграли большую роль в деле подготовки медицинских кадров страны.

При Московской типографии и на ее средства продолжала существовать школа греческого языка, в которой в 1727 г. имелось 35 учеников. Преподавателями школы были: с 1725 г. — Алексей Барсов, а с 1732 г. — ученик этой школы Яковлев. В 1738 г. было предписано ввести преподавание греческого языка в Славяно-греко-латинской академии, что неизбежно поставило вопрос о целесообразности дальнейшего самостоятельного существования греческой школы, и в 40-х годах XVIII в. она была слита с Академией.[40]

Особый интерес представляют горнозаводские школы. Начало этим школам на Урале, как известно, было положено еще при Петре Татищевым. Сменивший Татищева Геннин учредил в новом городе Екатеринбурге, ставшем центром уральской промышленности, школу на 100 человек, с которой были слиты созданные ранее Татищевым Уктусская и Кунгурская школы.

В конце 1727 г. в Екатеринбургской школе числилось 85 учеников, из которых 66 находились в «словесном» классе и 19 — в «арифметическом».[41] К 1734 г. число учащихся в школе несколько изменилось. В этом году в словесном классе значилось 64 ученика, в арифметическом — 32.

Большие изменения в уральских горнозаводских школах произошли после возвращения в 1734 г. на Урал Татищева, который энергично взялся за преобразование школ. Екатеринбургская школа была превращена им в крупное учебное заведение, состоявшее из нескольких

---

[39] Палкин Б. Н. Русские госпитальные школы XVIII века и их воспитанники. М., 1959, с. 16—18.

[40] Смирнов С. К. История московской Славяно-греко-латинской академии. М., 1885, с. 113, 114; Знаменский П. В. Духовные школы в России до реформы 1808 г. Казань, 1881, с. 41.

[41] Нечаев Н. В. Школы при горных заводах Урала в первой половине XVIII столетия. М., 1944, с. 39, 42, 43. И. К. Кирилов дает другую цифру количества учащихся в Екатеринбургской школе в 1727 г.: 94, из которых 10 учились геометрии, 29 арифметике, 18 письму, 37 «словесной науке» (Кирилов И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства..., кн. 2, с. 66). Это объясняется, по-видимому, тем, что цифры И. К. Кирилова и Н. В. Нечаева относятся к разным месяцам 1727 г.

отделений. Помимо того, возникли и другие школы. В 1737 г. в школах Урала насчитывалось уже 654 ученика, в том числе в Екатеринбургской школе 284, в 9 других школах — 370.[42] Татищев предполагал довести число учащихся до 1000.[43]

В своей монографии о горнозаводских школах Урала Н. В. Нечаев особо останавливается на социальном составе учащихся этих школ. По его подсчетам, из общего числа учащихся Екатеринбургской школы в 1736 г. на долю детей мастеров приходилось 55%, детей работников — 16.5%, детей солдат — 11%, всех остальных категорий населения (духовенство, подьячие, крестьяне и т. д.) — лишь 17.5%.

Самым массовым отделением Екатеринбургской школы было словесное (так называемая «словесная школа»), где учили читать и писать. По окончании «словесной школы» поступали в «арифметическую», где обучали арифметике, тригонометрии, основам горного дела. Техническое образование, помимо изучения немецкого языка, давалось в «немецкой школе», в «латинской школе» изучался латинский язык, в «знаменованной» обучали рисованию и черчению. Дети интеллигенции, как правило, в словесной школе не учились. Возраст учащихся колебался от 7 до 21 года. Малообеспеченным учащимся выплачивалось жалованье.[44]

Деятельность Татищева по вербовке учеников в горнозаводские училища вызывала недовольство горнозаводчиков. 12 декабря 1735 г. по прошению Демидова Кабинет министров вынес решение: «...на партикулярных заводах обывательских детей учить читать и писать охотников, а в неволю не принуждать, а кто из них пожелают вступить в прочие науки, таких учить при казенных заводах».[45] В 1737 г. по проискам Бирона Татищев был отстранен от руководства горными заводами Урала. Из числа учебных заведений были оставлены школы лишь в Екатеринбурге, Кунгуре, при пермском, нерчинском,

---

[42] Нечаев Н. В. Школы при горных заводах Урала..., с. 43, 47.

[43] Павленко Н. И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в. Промышленная политика и управление. М., 1953, с. 202.

[44] Нечаев Н. В. Школы при горных заводах Урала..., с. 48, 49, 58—63.

[45] ПСЗ, т. IX, № 6840, с. 607—608.

красноярском горнозаводских начальствах, а также при Кушвинском горном заводе. «Латинская», «немецкая» и «знаменованная» школы в Екатеринбурге просуществовали только до 1742 г.[46]

Горнозаводские школы сыграли большую роль в подготовке специалистов для нужд промышленности. Несомненно имело немаловажное значение то, что наряду с обучением в школе учащиеся проходили практическое обучение на заводах. Окончивших школы «определяли» к мастерствам и на канцелярские должности. Только за 9 лет, с 1728 по 1737 г., к мастерствам было определено 76 выходцев из екатеринбургских школ, на приказные должности поставлено 60.[47]

Особо следует остановиться на низших школах общеобразовательного характера — так называемых «цифирных» школах. Такие школы для детей всех сословий были созданы при Петре I в различных городах России, но из-за отсутствия в них постоянного контингента учащихся (дети духовенства и купечества были еще при Петре освобождены от посещения этих школ) влачили жалкое существование. Тем не менее в 1727 г. цифирные школы существовали по крайней мере в 23 городах России: Москве, Новгороде, Костроме, Суздале, Севске, Казани, Уфе, Вологде и др.[48] Адмиралтейская коллегия, в ведении которой находились цифирные школы, тяготилась ими. По ее ходатайству Верховный Тайный совет постановил 31 октября 1726 г. передать эти школы в ведение Синода и слить их с архиерейскими,[49] однако вследствие активного сопротивления Синода (основной мотив — отсутствие денежных средств) это постановление не было выполнено. Цифирные школы остались за Адмиралтейской коллегией.

Между тем правительство приступило к организации гарнизонных школ для детей военнослужащих. В соответствии с указом от 2 сентября 1732 г. гарнизонные школы были учреждены в Петербурге, Кронштадте, Риге,

---

[46] Павленко Н. И. Развитие металлургической промышленности..., с. 202—203.

[47] Там же, с. 202.

[48] Кирилов И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства..., кн. 1, с. 60, 73, 75, 78, 94, 108, 109, 112, 115, 117, 127, 149, 157, 162, 177; кн. 2, с. 4, 10, 17, 22, 26, 35, 42, 46.

[49] ПСЗ, т. VII, № 4975, с. 706—708.

Ревеле, Нарве, Выборге, Кексгольме, Москве, Казани, Смоленске, Сибири, Астрахани, Воронеже, Белгороде и «в крепости святыя Анны». В школах положено было учить детей в возрасте от 7 до 15 лет «словесной и письменной науке», пению, «солдатской экзерциции», «арифметике, артиллерийской и инженерной науке». Как видно из текста указа от 21 сентября того же года, обучение в гарнизонных школах для солдатских детей и детей офицеров (не из шляхты), родившихся во время военной службы их отцов, было обязательным, так же как обязательна была и их последующая служба в военном ведомстве. Общее число учащихся было установлено в 4000 человек.[50] Указы эти в последующем неоднократно подтверждались.[51]

Следует сказать, что некоторые гарнизонные школы существовали и до 1732 г. Такая школа при Петре имелась, например, в Тобольске, и в 1713 г. в ней обучалось 43 ученика.[52] В Петербургской гарнизонной школе в 1727 г. 159 человек учились грамоте, арифметике, пению, игре на музыкальных инструментах.[53]

У нас нет подробных данных о том, как указ 1732 г. об учреждении гарнизонных школ воплощался в жизнь. Известно только, что гарнизонные школы были созданы даже в таких отдаленных городах, как Томск, Красноярск, Енисейск, Якутск, Селенгинск и др.[54] В 1744 г. встал вопрос о слиянии гарнизонных школ с цифирными. Из связанной с этим переписки видно, что в соответствии с рапортами учителей положение с учащимися в существовавших тогда гарнизонных и цифирных школах было следующее.[55]

Смоленская гарнизонная школа: «из шляхетства» — 5 человек, «служилых чинов» — 72, «подьяческих» — 1 человек;

---

[50] Там же, т. VIII, № 6188, с. 928—930; т. XII, № 9054, с. 249.

[51] См., например: ПСЗ, т. VIII, № 6188, с. 928—930; т. IX, № 6767, с. 540—541 и др.

[52] Копылов А. Н. Культура русского населения Сибири в XVII—XVIII в., с. 70.

[53] Кирилов И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства..., кн. 1, с. 19.

[54] Копылов А. Н. Культура русского населения Сибири в XVII—XVIII в., с. 70.

[55] ПСЗ, т. XII, № 9054, с. 247—248.

Казанская гарнизонная: офицерских и солдатских детей — 484;

Новгородская цифирная: солдатских детей — 54, дворян — 2 человека;

Белгородская цифирная: «подьяческих» — 2;

Костромская цифирная: «из шляхетства» — 35, солдатских детей — 2;

Юрьев-Польская цифирная: «из шляхетства» — 18;

Свияжская цифирная: «из шляхетства» — 10, солдат — 3, приказных — 5;

Тверская цифирная: дворян, офицеров, драгун — 16.

Всего, таким образом, обучалось 709 человек, но сведения эти явно не полны. Здесь нет, например, Московской гарнизонной школы, о которой в тексте указа о слиянии цифирных и гарнизонных школ (из этого указа мы и приводим данные о школах) сказано, что она уже ранее была слита с цифирной школой. Не приводятся сведения об учащихся упомянутых нами выше школ Сибири, ничего не говорится о Петербургской гарнизонной школе, которая, по архивным данным, несомненно существовала в 1740 г.,[56] и т. д. Кроме того, если основываться только на приведенных в указе сведениях, то выходит, что в каждом из городов существовало лишь по одной школе (либо гарнизонной, либо цифирной). Спрашивается, что же тогда надо было сливать?

Тем не менее и приведенные сведения любопытны. Они показывают прежде всего размах обучения: в 8 школах обучалось свыше 700 человек и в одной лишь Казанской 484. Интересны и данные о составе учащихся: в гарнизонных школах, как и следовало ожидать, обучались почти исключительно дети военнослужащих. В цифирных школах училось немало дворян, а кроме того, дети приказных и солдат.

Указом от 26 октября 1744 г. правительство вынесло решение слить цифирные школы с гарнизонными, а там, где не было гарнизонных школ (Новгород, Кострома, Юрьев-Польский, Свияжск, Тверь и др.), а только учителя, посланные от Адмиралтейства, передать школы в ведение губернаторов и воевод.[57] Таким образом, цифирные школы окончательно прекратили свое существо-

[56] ЦГАДА, ф. 248, кн. 1072, л. 444—445.

[57] ПСЗ, т. XII, № 9054, с. 250—251.

вание и остались лишь школы гарнизонные и школы при местных административных властях.

Необходимо упомянуть о попытке организовать школы в пограничных местностях. Указом от 27 декабря 1736 г. предписывалось поселить отставных унтер-офицеров и рядовых, не имеющих своих деревень, близ границы на пустых землях. В этих поселениях намечалось построить церкви, а при них школы обучения солдатских детей грамоте и письму. Желающих получить дальнейшее образование предполагалось направлять в гарнизонные школы.[58]

В деле подготовки образованных людей в послепетровское время продолжали играть большую роль учебные заведения духовного ведомства. В первые годы после смерти Петра имело место прекращение существования некоторых из церковных школ. Так, в 1726 г. были закрыты все малые школы Новгородской епархии, открытые при Феодосии Яновском (осталась только Новгородская архиерейская, основанная еще митрополитом Иовом). В этом же году закрылись школы в Ростове, Ярославле, Суздале. Были распущены ученики и Вологодской школы.

Однако взамен распущенных школ создавались новые, например в Харькове, Пскове.[59] Общее число учащихся в учебных заведениях духовного ведомства в конце 20-х годов XVIII в. составляло около 3 тысяч, что видно из следующих данных:[60]

Киевская академия (1727 г.)	653
Черниговская семинария (1728 г.)	257
Харьковский коллегиум (1727 г.)	422
Московская Славяно-греко-латинская академия (1727 г.)	505[61]
С.-Петербургская семинария (1727 г.)	51
Новгородская (1726 г.)	19

[58] Там же, т. IX, № 7136, с. 1013—1014.

[59] Описание документов и дел архива Синода, т. 7, прил. VIII, стб. CIX—CX; Знаменский П. В. Духовные школы в России..., с. 141.

[60] Описание документов и дел архива Синода, т. 7, прил. VIII, стб. XCIV—CLVII. Эти сведения опубликованы П. П. Пекарским в сокращенном виде (в кн.: Наука и литература в России при Петре Великом, т. I. СПб., 1862, с. 107—121), при этом Пекарским допущены ошибки в подсчетах, которые нами исправлены.

[61] По данным И. К. Кирилова, в Московской академии в 1727 г. было 500 учащихся (Кирилов И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства..., кн. 1, с. 94).

Рязанская архиерейская в Симоновом монастыре (1727 г.)	339
Переславль-Рязанская цифирная (1727 г.)	32
Коломенская (Коломенская епархия) (1727 г.)	40
Тульская (1727 г.)	34
Орловская (1727 г.)	25
Тверская (1727 г.)	20
Нижегородская (1727 г.)	94
Смоленская (1728 г.)	19
Вятская (1728 г.)	35
Псковская (1727 г.)	58
Казанская (1726 г.)	80
Холмогорская (1726 г.)	46
Тобольская архиерейская (1727 г.)	57
Иркутская (1727 г.)	38
Итого	2833

Таким образом, духовное ведомство имело 21 учебное заведение, из них две академии (Московская, Киевская), две семинарии (Петербургская, Харьковская), несколько школ повышенного типа (Новгородская, Рязанская архиерейская, Казанская, Нижегородская) и одну цифирную. Некоторые епархии имели по нескольку школ: Коломенская — 3, Рязанская — 2, Тобольская — 2. Зато было 8 епархий, в которых школ совсем не было: Крутицкая, Вологодская, Суздальская, Воронежская, Устюжская, Переславльская, Астраханская, Ростовская.

Киевская и Московская академии продолжали оставаться сложными по своей структуре учебными заведениями, в которых учащиеся проходили 8 ступеней обучения. Длительность обучения зависела от успехов, и лишь немногие заканчивали курс за 12—13 лет, большинство же задерживалось на каждой ступени по нескольку лет. Сохранились сведения, что ученик Андрей Ушаков, окончивший Московскую академию в 1760 г., проучился в ней в общей сложности 20 лет.[62]

Далеко не все окончившие курс Московской академии оставались в духовном ведомстве, некоторые использовались на гражданской службе в качестве переводчиков, учителей, на канцелярской работе и т. д.[63] Московская академия постоянно испытывала недостаток учащихся

---

[62] Смирнов С. К. История московской Славяно-греко-латинской академии. М., 1855, с. 181, 182.

[63] Описание документов и дел архива Синода, т. 7, прил. VIII, стб. CLIV—CLVII.

и возбуждала перед правительством вопрос о подтверждении еще петровских указов, обязывавших духовенство посылать своих детей для обучения в академию. Такие подтверждающие указы издавались неоднократно в 30-е годы XVIII в.[64] Наиболее мирским характером обучения отличалась Киевская академия, основной особенностью которой, как отмечает М. И. Демков, было то, что на протяжении всего ее существования в академии «постоянно воспитывались дети всех государственных сословий от дворянского до земледельческого». Число светских учеников порой даже превышало число духовных.[65]

Структура Харьковского коллегиума строилась по образцу академий. По числу учащихся это учебное заведение немногим уступало, как мы видели, академиям. В 1731 г. по ходатайству епископа Белгородского Епифания правительство Анны Иоанновны дало Харьковскому коллегиуму жалованную грамоту, в которой коллегиум обязывался учить «всякого народа и звания детей» «не только пиитике и риторике, но и философии и богословию, славяно-греческим и латинским языки». Обучение должно было проводиться на русском языке.[66] Из школ повышенного курса обучения выделялась по числу учеников Рязанская архиерейская, что несомненно являлось результатом трудов Гавриила Бужинского. В этой школе обучали грамоте и латинскому языку.

Особо следует отметить так называемую «мунгальскую» школу, возникшую по инициативе архимандрита Иркутского Вознесенского монастыря Антония Платковского. Архимандрит еще в 1724 г. обратился в Синод с просьбой организовать при своем монастыре школу монгольского языка, так как ощущалась потребность в переводчиках с монгольского языка, которого никто из русских людей не знал. Синод дал соответствующее разрешение, и в 1726 г. школа была открыта. Позднее в ней стали обучать и русской грамоте.[67] В 1727 г. в школе училось 38 человек.

---

[64] ПСЗ, т. VIII, № 5882, с. 560—561; № 6066, с. 824—825.

[65] Демков М. И. История русской педагогики, ч. 2. Изд. 2-е. М., 1910, с. 121—122.

[66] ПСЗ, т. VIII, № 5716, с. 394—395.

[67] ПСПиР, т. 4, с. 227—229; Лиховицкий А. Просвещение в Сибири в первой половине XVIII столетия. — «Журнал Министерства нар. просвещения», 1905, ч. 360, Отдел народного образования, с. 25—28.

Приведенные выше сведения о школах духовного ведомства относятся, как мы видели, к 1726—1727 гг. В последующие годы развитие сети школ Синода продолжалось. В 1729 г. открылись Вологодская и Астраханская школы. В дальнейшем и церковные школы стали преобразовываться в семинарии: в 1730 г. были учреждены Холмогорская и Вологодская семинарии, в 1731 г. — Коломенская, в 1733 г. — Казанская, в 1735 г. — Хлыновская (Вятская), в 1738 г. — Нижегородская, Устюжская, Переславльская (на Украине), в 1739 г. — Крутицкая в Вязьме, в 1740 г. — Рязанская и Новгородская. Общее число семинарий к 1741 г. достигло 17, не считая кратковременно существовавших еще трех семинарий: Воронежской (1731—1742), Ростовской (1739—1745) и Суздальской (1740—1742).[68] Расцвет деятельности Казанской семинарии начался с того времени, когда в 1738 г. во главе епархии был поставлен Лука Конашевич, большой поборник просвещения. Он подарил семинарии свою собственную, хорошо подобранную библиотеку, много сделал для улучшения учебного процесса в семинарии.[69]

Учреждение семинарий было связано с немалыми трудностями, сопряженными как с недостатком средств на образование, так и с сопротивлением обучению консервативных кругов населения. Ярким примером может служить история Хлыновской семинарии. В 20-х годах XVIII в. в Хлынове существовала лишь начальная епархиальная школа, открытая в 1727 г.; в 1731 г. в школе обучалось около 50 детей. Назначенный в 1733 г. в Вятскую епархию епископ Лаврентий Горка, весьма просвещенный для своего времени человек, друг Феофана Прокоповича, принял энергичные меры для создания в Хлынове славяно-греко-латинской школы (семинарии). Учителя для семинарии были выписаны из Киева, учащиеся собирались в Хлынов с использованием строгих административных мер. В случае сопротивления приказано было даже доставлять детей под караулом, предварительно связав их или сковав в колодки.

[68] Знаменский П. В. Духовные школы в России..., с. 145, 158—172.

[69] Библиотека Казанской духовной семинарии. Краткий исторический очерк от начала ее до настоящего времени. (1738—1888). — «Православный собеседник», 1889, октябрь, с. 262—267.

К концу 1734 г. в Хлынове было собрано свыше 400 детей от 7 до 25 лет, и в следующем году семинария начала свою работу. Консервативное духовенство встретило новую школу враждебно, под влиянием духовенства недовольство перекинулось и на другие слои населения. В сентябре 1736 г. архиерейскому дому пришлось выдержать настоящую осаду со стороны недовольных школой горожан, пытавшихся разгромить резиденцию Лаврентия. Следует сказать, что противникам школы потакали и реакционные элементы светской администрации.

Через полгода Лаврентий Горка умер (апрель 1737 г.), и из боязни за свою безопасность один из учителей пытался бежать, но был схвачен и возвращен под караулом. Бегство учителя послужило сигналом к побегу 199 учеников. Но семинария все же сохранилась. В ней было 6 отделений, построенных по типу других семинарий.[70] История становления Хлыновской семинарии показывает, с какими трудностями было связано распространение просвещения в середине XVIII в. Характерно, что самые просвещенные люди того времени вроде Лаврентия Горки пытались преодолеть эти трудности путем крутых административных мер.

Помимо семинарий, продолжали создаваться и епархиальные начальные школы, например в 1735 г. в Якутске, в 1737 г. в Курске и в Старом Осколе. Полное число этих школ установить невозможно. Некоторые из них были недолговечны, прекращали свое существование и возникали вновь. В Смоленской епархии имелось целых 5 школ (в Дорогобуже, Белом, Рославле, Торопце, Вязьме).[71] Открытие школ в этой епархии вызывалось, между прочим, стремлением духовных властей воспрепятствовать посылке шляхтой своих детей для получения образования в Польшу. Специальными царскими указами запрещалось смоленской шляхте направлять своих детей для получения образования в католические учебные заведения. Было запрещено также брать в домашние учителя польских ксендзов.[72] Однако смоленские шляхтичи весьма неохотно отдавали своих детей в школы духовного

---

70 Луппов П. Н. История города Вятки. Киров, 1958, с. 141—144.

71 Знаменский П. В. Духовные школы в России.., с. 173, 174.

72 ПСЗ, т. VIII, № 5238, с. 12—13; № 5251, с. 20—21.

ведомства, и, как показывают сохранившиеся сведения, число детей шляхетства, обучавшихся даже в учебном заведении повышенного типа — Смоленской семинарии, исчислялось единицами.[73]

От 1741 г. имеются сведения о числе школьников, обучавшихся «славяно-российской грамоте, писать и петь»: Псковская епархия — 64 ученика, Устюжская — 13, Коломенская — 14, Тверская — 9, Белгородская — 119, Смоленская — 351, Нижегородская («в разных городах и уездах, всего в 12 местах славяно-греко-грамматических») — 1091, Московской академии — 29, Вятской епархии — 18, Новгородской — 425, Воронежской — 405, Ростовской — 109, Тобольской — 40 (всего 2687 человек). В конце справки приписка: «а в Казанской, Суждальской, Вологодской, Астраханской, Рязанской и Архангелогородской таковых в славяно-российской науке учеников по тем ведомостям более не значится».[74]

Здесь речь идет явно не о всех учащихся учебных заведений духовного ведомства, а лишь о тех, которые проходили начальное обучение (по Московской академии значится, например, только 29 учеников, по Казанской епархии вообще не числится учащихся, а между тем там в это время существовала Казанская семинария, и т. д.). Таким образом, с 1727 г., когда общее число учащихся учебных заведений духовного ведомства, как мы видели, составляло 2833 человека (включая и тех, кто проходил повышенное обучение), учащихся стало несомненно больше. Возросло и общее число учебных заведений духовного ведомства.

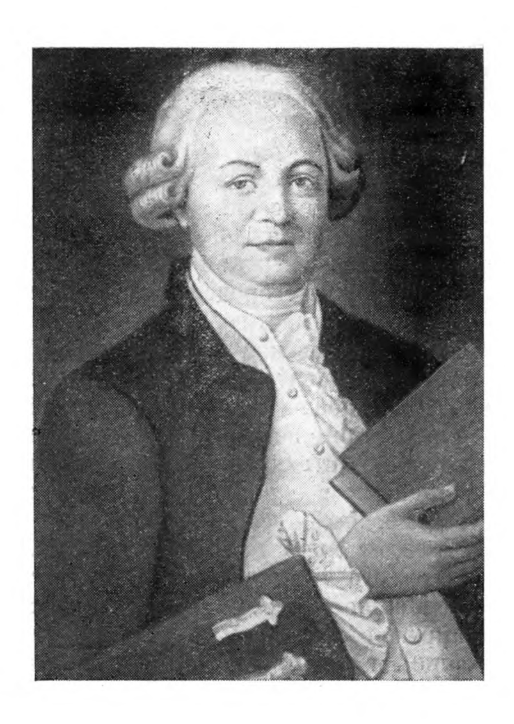
Из всего этого можно сделать вывод, что известное сокращение числа школ имело место лишь в первые годы после смерти Петра, в дальнейшем же стало увеличиваться и число учебных заведений, и число учащихся в них. Характерно увеличение числа учебных заведений повышенного типа (это особенно видно на примере развития сети школ духовного ведомства). Сословный характер учебных заведений, наметившийся еще во времена Петра, проявился значительно сильнее после его смерти.

Одновременно с развитием науки и просвещения шло и развитие русской культуры. Несомненные успехи

---

[73] Описание документов и дел архива Синода, т. 16. СПб., 1906, стб. 149—151.

[74] Там же, т. 19, СПб., 1913, стб. 247.



В. К. Тредиаковский. Портрет маслом неизвестного художника. Институт русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом), Ленинград.

были достигнуты в области литературы, которая дала в эти годы трех крупных писателей: Ф. Прокоповича, В. К. Тредиаковского и А. Д. Кантемира. В последнее десятилетие своей жизни (умер в 1736 г.) Прокопович написал драму «Милость божия», различные силлабические стихи, эпиграммы, эпитафии и т. д. Один из культурнейших людей своего времени, поборник реформ Петра, Прокопович тем не менее использовал в своих произведениях архаические формы художественной литературы, чем и объясняется недолгая жизнь его произведений. Однако, ратуя за возвеличение разума, бичевание пороков и т. д., Прокопович проявил себя как прогрессивный писатель, борец за передовые идеи.

Значительно больший след в русской литературе оставили предшественники русского классицизма А. Д. Кан-

темир и В. К. Тредиаковский. Произведениям Кантемира свойствен обличительный характер, проявившийся в его сатирах и баснях, тесно связанных по содержанию с русской действительностью. В. К. Тредиаковский (1703—1769) — не только крупный поэт своего времени, но и автор теоретических трактатов о русском стихосложении и литературных жанрах. Ему принадлежат первые попытки введения тонического стихосложения. Тредиаковский, как и Кантемир, известен как талантливый переводчик. Его перевод романа «Езда в остров любви» являлся одной из популярнейших книг того времени, которую, как мы увидим далее, можно было найти в самых различных библиотеках. Литературная деятельность Прокоповича, Кантемира, Тредиаковского подготовила развитие русского классицизма.

На реалистические тенденции в произведениях русских писателей второй четверти XVIII в. оказало влияние дальнейшее развитие русского народного творчества: исторические и лирические песни, пословицы, произведения народной драмы, сатирические произведения имели в этот период широкое распространение.

Несомненно, что народная драма оказала влияние на дальнейшее развитие русского театра во второй четверти XVIII в.; сатирические сцены, навеянные народным творчеством, включаются в произведения церковно-школьной драматургии, театральные произведения которой разыгрываются во многих учебных заведениях. Сатирические интермедии при этом зачастую берут материал из русской действительности. Все больше ставится любительских спектаклей. Однако при дворе успех имели труппы иностранных актеров: французские комедианты, итальянская опера. Как и в стихотворных произведениях, в русской драматургии того времени постепенно создавались условия для появления выдающихся драматургических произведений русского классицизма.

В целом следует сказать, что период, непосредственно следующий за эпохой Петра, в области культуры, как и в области экономики, был периодом не застоя, а, наоборот, дальнейшего, все более набиравшего темпы развития. Получив толчок в результате Петровских реформ, Россия продолжала движение вперед, и издательское дело, к рассмотрению которого мы переходим, не было исключением.

Г Л А В А В Т О Р А Я

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО. РУКОПИСНЫЕ КНИГИ

В нашем предыдущем исследовании уже говорилось о том, что тяжелое финансовое положение синодальных типографий и наличие на складах большого числа нераспроданных книг привело правительство уже вскоре после смерти Петра к мысли о необходимости свертывания издательской деятельности.[1]

4 октября 1727 г. по ходатайству Синода Верховный Тайный совет издал свой известный указ о типографиях. Петербургская и Александро-Невская типографии были упразднены, их оборудование (по печатанию книг кириллицей) передавалось в Московскую типографию, которой с этого времени разрешалось издавать «только одни церковные книги, как издревле бывало». Эта типография оставалась в ведении Синода. Печатание светских книг поручалось Сенатской типографии и вновь создаваемой типографии Академии наук. Здесь было проведено разграничение сфер деятельности: Сенатская типография должна была печатать указы, типография Академии наук — исторические книги, «которые на российский язык переведены и в Синоде апробованы будут».[2]

Несмотря на то что указом 4 октября 1727 г. были упразднены две крупные русские типографии и сокращена сфера деятельности третьей (Московского печатного двора), положение с книгопечатанием в России не было уж столь мрачным. Во-первых, указ не коснулся

---

[1] Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973, с. 76—77.
[2] ПСЗ, т. VII, № 5175, с. 873—874.

ряда типографий (Морской, Киевской и др.), которые продолжали свою деятельность. Во-вторых, взамен двух упраздненных типографий была создана новая — типография Академии наук. Два стана Петербургской типографии Синода со всеми шрифтами (русским гражданским, немецким, латинским), оборудованием и типографским персоналом были переданы Академии наук.[3]

Однако Академия наук начала принимать меры к созданию собственной типографии значительно раньше. 14 мая 1725 г. президент Академии Л. Л. Блюментрост ходатайствовал перед Сенатом об учреждении академической типографии, без которой Академия обойтись не могла, и просил, чтобы все необходимое для типографии (бумага, оборудование) было доставлено из-за рубежа беспошлинно.[4] Из письма Блюментроста в Коммерц-коллегию от 9 сентября следующего, 1726 г. видно, что из Голландии были доставлены для Академии наук «два станка к печатанию книг, такожде литеры и антимониум».[5]

Однако организация типографии была не таким простым делом. Несмотря на получение из-за границы типографского оборудования, Академия наук еще в течение ряда месяцев не могла развернуть книгопечатание на собственной базе. Из писем Л. Л. Блюментроста и А. В. Макарова видно, что в конце 1726 г. академическая типография практически еще не существовала (в письме Блюментроста от 1 декабря 1726 г. так и сказано: «. . . в реченной Академии (т. е. Академии наук, — *С. Л.*) собственная типография не учреждена».[6]

И все же в следующем, 1727 г. типография Академии наук начала понемногу работать. Первым ее изданием, по словам академика Миллера, было поздравление Академии наук вел. кн. Наталье Алексеевне в день ее рождения (12 июля 1727 г.), написанное на немецком языке

---

[3] Гаврилов А. В. Очерк истории С.-Петербургской синодальной типографии. Вып. 1. 1711—1839. СПб., 1911, с. 133.

[4] Материалы для истории имп. Академии наук, т. 1. СПб., 1885, с. 111—112.

[5] Там же, с. 201; Юферов Д. В. Ранняя деятельность академической типографии (1727 г.). — «Вестн. АН СССР», 1933, № 2, стб. 28—29.

[6] Материалы для истории имп. Академии наук, т. 1, с. 207, 211.

академиком И.-С. Бекенштейном и напечатанное в новой типографии готическим шрифтом.[7]

В типографии в это время имелись лишь два стана, привезенные в предыдущем году из Голландии, а штат типографских работников, как видно из доношения Шумахера в Верховный Тайный совет, состоял в конце августа 1727 г. всего из нескольких человек: типографщик Брукнер, два наборщика, два теретордщика (печатника), два батыйщика (накладчика краски).[8] Типографскому персоналу выплачивалось в год 499 руб.[9] Было очевидно, что такая типография не соответствовала потребностям Академии наук.

Полное отсутствие первоначально собственной издательской базы, а затем ее недостаточная мощность вынуждали Академию наук в первые годы ее существования пользоваться услугами других типографий. Так, в 1726 г. в Кенигсберге были напечатаны публичные речи академиков Г. Бюльфингера и Я. Германа, произнесенные на торжественном собрании Академии 27 декабря 1725 г.[10]

Гораздо больше использовались для этой цели С.-Петербургская типография Синода, которая была в состоянии печатать тексты не только на русском, но и на иностранных языках. Как видно из справки, обнаруженной С. Р. Долговой на полях протокола заседания Сената от 24 июля 1725 г., в этой типографии «у набору немецкой и латинской азбук обретается обученный из русских наборщик мастеровой один человек, который ... получает в год денежного 40 рублей, хлеба 3 юфти».[11] В начале 1726 г. С.-Петербургской типографией Синода были напе-

---

[7] Там же, т. 6, СПб., 1890, с. 145. Сведения о том, что типография Академии наук начала работать именно в 1727 г., мы находим и у Бакмейстера, см.: Бакмейстер И.-К. Опыт о библиотеке и кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-петербургской императорской Академии наук... Перев. В. Костыгова. (СПб.), 1779, с. 75.

[8] Юферов Д. В. Ранняя деятельность академической типографии (1727 г.), стб. 29—30.

[9] Академическая типография. 1728—1729. [Изд. 2-е]. Л., 1929, с. 9.

[10] Описание изданий, напечатанных при Петре I. Сводный каталог. Составители: Т. А. Быкова, М. М. Гуревич, Р. И. Козинцева. Л., 1972, с. 187.

[11] ЦГАДА, ф. 248, Сенат, кн. 696, л. 102—103.

чатаны для Академии объявления о публичных лекциях, которые читали академики начиная с 24 января 1726 г.[12] В следующем, 1727 г. типография приступила к печатанию еженедельной газеты «Peterburgische Zeitung», которую начала издавать Академия наук с января этого года.[13]

Разумеется, использование других типографий было для Академии наук не лучшим выходом из положения, и президент Академии Л. Л. Блюментрост продолжал изыскивать средства для расширения деятельности академической типографии. В октябре 1727 г. он обратился в Синод с доношением о передаче Академии из С.-Петербургской синодальной типографии одного наборщика, который мог бы набирать русский, латинский и немецкий тексты, а также 24 пудов шрифтов. Если же готовых шрифтов не найдется, Блюментрост просил Синод дать распоряжение С.-Петербургской типографии отлить для Академии за ее счет новые шрифты.[14]

Но в октябре же, как мы знаем, состоялся указ об упразднении Петербургской типографии, и Блюментрост получил гораздо больше того, что он просил: в академическую типографию были переданы два печатных стана со шрифтами и другим оборудованием, а также переведены 6 наборщиков, 2 тередорщика, 2 батыйщика, словолитец и писец.[15] Таким образом, в типографии Академии стало уже 4 стана, а штат ее увеличился в $2^1/_2$ раза. Можно было подумать и о расширении книгоиздательской деятельности.

---

[12] Гаврилов А. В. Очерк истории С.-Петербургской синодальной типографии, с. 155—156.

[13] Князев Г. А., Шафрановский К. И. Академическая газета 1727 г. — В кн.: Сборник статей и материалов Библиотеки АН СССР по книговедению, вып. 2. Л., 1970, с. 139—140.

[14] Материалы для истории имп. Академии наук, т. 1, с. 290, 291.

[15] Академическая типография, с. 10. В делах Синода сохранилось решение его (октябрь 1727 г.) о передаче Академии двух печатных станов «с материалы, гражданскими, латинскими и немецкими». При этом намечено было передать также (перечисляются имена) 6 наборщиков, 2 переводчиков, словолитца, 3 батыйщиков и писца. Сведения эти несколько расходятся с приведенными выше данными «Академической типографии». В числе батыйщиков передавался впоследствии известный библиотечный деятель Андрей Богданов (см.: Описание документов и дел архива Синода, т. 4, стб. 393—394).

С номера от 13 октября 1727 г. газета «Peterburgische Zeitung» печаталась уже в академической типографии.[16] Начали выходить и другие издания, в том числе речи академиков на торжественном собрании 27 декабря 1726 г. и календарь на 1728 г. В следующем, 1728 г. типография Академии наук значительно расширила рамки своей работы. С января в этой типографии стали печататься выпуски русского варианта газеты «Ведомости», а с апреля того же года — научно-популярный журнал «Примечания» к газете «Ведомости» на русском и немецком языках. Штат типографии в 1728 г. составлял 18 человек. В следующем, 1729 г. произошло разделение типографии на две части: «немецкую» и «российскую».[17] В связи с возрастанием объема работы в последующие годы число сотрудников типографии продолжало увеличиваться.

По штату 1735 г. в «немецкой типографии» числилось 5 человек (1 наборщик, 2 тередорщика и 2 батыйщика), в «российской» — 13 человек (4 наборщика, 2 тередорщика, 3 батыйщика, 4 словолитца). Помимо того, имелась «печатная палата» (очевидно, для печатания гравюр), в которой работало 18 человек.[18] По штату 1741 г. в немецкой типографии было уже 23 человека (7 наборщиков и 16 тередорщиков), в российской — 23 человека (2 корректора, 21 наборщик) и их ученики, в «словолитной палате» (выделенной из состава «российской») — 12 человек, в «фигурной палате» (б. «печатной») — 21 человек. Типография превратилась, таким образом, в крупное предприятие, в котором работало 79 человек. Помимо того, имелась особая переплетная палата (10 человек).[19]

Увеличивалось и число типографских станов. Сохранились сведения, что в 1745 г. было решено в целях экономии сократить число станов до 6 постоянных и 2 «для временных дел». Из этого можно заключить, что до

---

[16] Описание изданий, напечатанных при Петре I, с. 238. Данные о том, что петербургские «Ведомости» печатались в типографии Академии наук уже в 1727 г., подтверждаются Бакмейстером (см.: Бакмейстер И.-К. Опыт о библиотеке и кабинете редкостей..., с. 75).

[17] История Академии наук СССР, т. 1. М.—Л., 1958, с. 129.

[18] ЛОААН, ф. 3, оп. 1, № 703, л. 235—236.

[19] Там же, № 68, л. 239—244.

1745 г. в типографии Академии наук станов было еще больше. Типография находилась в том же здании, в котором размещалась Академия наук (б. дворец царицы Прасковьи Федоровны на нынешней Университетской набережной Васильевского острова), занимая помещения 2-го этажа (если считать первым полуподвальный этаж) западной части здания, которое до нас не дошло.[20]

Типография Академии наук очень скоро превратилась в самую мощную типографию страны, издававшую более половины всех книг и брошюр, выходивших в России, и всю периодику. Тематика ее изданий была весьма разнообразной. Помимо трудов русских академиков, академическая типография издавала переводы иностранных книг по различным отраслям знаний, учебники, календари, произведения художественной литературы (оды, либретто спектаклей, поздравительнные стихи), описания торжеств и фейерверков, законодательные материалы, газету «Ведомости», научно-популярный журнал «Примечания» к «Ведомостям» и др.

Значительная часть продукции академической типографии выходила на иностранных языках: немецком, латинском, французском, итальянском и др. В 1729—1730 гг., когда печаталась «Хинейская грамматика» академика Байера, впервые в России были награвированы китайские иероглифы. Сохранилось приветствие иранскому шаху, напечатанное в декабре 1736 г. в типографии Академии наук на арабском языке.[21] В 1737 г., когда встал вопрос о напечатании религиозных книг для Грузии на грузинском языке, выяснилось, что типография имела и грузинские шрифты. По ходатайству Академии Кабинет министров дал разрешение типографии печатать книги для Грузии, но обязал Синод иметь в своем штате людей, знающих грузинский и калмыцкий языки.[22] Как известно, в Петербурге была напечатана русско-грузинская азбука, инициатором издания которой был игумен Христофор Гурамишвили.[23]

---

[20] Академическая типография. . ., с. 12, 13.

[21] Там же, с. 13, 14.

[22] ПСПиР, т. 9, с. 582, 589, 590.

[23] Абрамишвили А. З. Из истории грузинского книгопечатания за пределами Грузии. Рим (1629—1800 гг.). Москва. (1705—1917 гг.). — В кн.: Книга. Исследования и материалы, сб. 3. М., 1960, с. 286—287.

Поражает обилие шрифтов, которые находились в распоряжении наборщиков академической типографии. В обнаруженном в Архиве Академии наук каталоге, относящемся к 1744 г., даны образцы 54 различных шрифтов (не считая заглавных букв, виньеток, рамок, концовок), среди них 19 немецких, 20 латинских, 2 греческих, 1 турецкий, математические знаки и т. д. Начиная с 30-х годов XVIII в. в типографии Академии наук печатаются и ноты.[24]

Издания Академии снабжались хорошими гравюрами, вырезанными на меди. В самые первые годы существования Академии было положено начало гравировальной палате. В декабре 1725 г. в Академию был приглашен «грыдыровальщик» Стефан Коровин, в июле следующего года — Ю.-И. Унферцахт. Но наибольший след оставил приглашенный в 1727 г. «грыдыровальных дел мастер» Х.-А. Вортман, создавший в России школу гравировального искусства. Коровину был назначен оклад 120 руб. в год, Унферцахту — 144, Вортману — 800 руб. в год.[25] При всех достоинствах Вортмана как мастера гравировального дела все же нельзя не видеть, что столь большая разница в окладах русских и иностранных мастеров, отражая традицию еще петровского времени, при возросшем мастерстве русских едва ли была обоснованна. К числу учеников Вортмана принадлежали талантливые русские граверы Иван Соколов, Качалов. В этот период меняется внешний вид книги, стиль украшений.[26]

В штате Академии наук работал целый ряд переводчиков, переводивших для последующего издания произведения иностранных авторов. Переводчиками Академии были В. К. Тредиаковский, В. Е. Адодуров, И. С. Горлицкий, С. С. Волчков и др. Следует сказать, что академики были устранены от руководства переводами, которые находились в полном ведении Шумахера. Девизом же Шумахера было: для начала все хорошо, ошибки можно исправить и при переиздании. Вследствие этого переводы

---

[24] Академическая типография. . ., с. 14, 19.

[25] Там же, с. 18.

[26] Более подробные сведения о художественном оформлении изданий Академии наук см.: Быкова Т. А. Книгопечатание в России во 2-й четверти XVIII в. (февраль 1725—октябрь 1740 г.). — В кн.: Книга. Исследования и материалы, сб. 4. М., 1961, с. 248—257.

не всегда были добротными. Как сообщает Г.-Ф. Миллер, переводчики немецко-латинского лексикона Э. Вейсманна И. И. Ильинский, И. С. Горлицкий, Сатаров, не знавшие немецкого языка, не могли обеспечить хорошее качество перевода. Каждый из них работал над определенной частью книги Вейсманна, а Шумахер, даже не попытавшись исправить недостатки, просто соединил все части и отправил в печать.[27]

Издания Академии наук имели широкое распространение за рубежом. Некоторые из них, как мы увидим далее (см. главу третью), зарубежные предприниматели пытались переиздать без согласования этого с русской Академией, и последней приходилось энергично отстаивать свои права.

Продолжали свою деятельность и учрежденные при Петре Сенатская и Морская типографии. Сенатская типография издавала в основном законодательные материалы: указы, сборники указов, регламенты и т. д. В соответствии с указом Синода от 29 февраля 1728 г. в Сенатскую типографию из Московской был послан для печатания указов типографский стан «немецкого дела гражданской печати». Вместе со станом в Сенатскую типографию было передано большое число шрифтов и различное оборудование, а также 6 мастеровых людей: 2 наборщика, 2 тередорщика и 2 батыйщика.[28] Таким образом, были созданы условия для набора в типографии иностранных текстов.

Сенат стремился использовать свою типографию для получения доходов. 18 ноября 1737 г. он распорядился, чтобы все коллегии, канцелярии и конторы печатали свои указы, а также различные формы для книг, ведомостей и рапортов в Сенатской типографии, предоставляя ей для этих целей бумагу и оплачивая работу по 2 коп. за отпечатанный лист.[29] В марте следующего года был поднят вопрос о привлечении Сенатской типографии, «которая временами бывает праздна», к переизданию указов прежних лет, поскольку типография Академии наук не справляется с этой работой. Кабинет министров поручил Се-

[27] Материалы для истории имп. Академии наук, т. 6. СПб., 1890, с. 169—171.

[28] Описание документов и дел архива Синода, т. 10. СПб., 1901, стб. 72, 73.

[29] ПСЗ, т. X, № 7444, с. 356, 357.

нату и Академии наук принять меры к скорейшему переизданию правительственных указов.[30] Издания Сенатской типографии выходили в Петербурге и в Москве.

Типография Морской академии носила ярко выраженный ведомственный характер: она обеспечивала своими изданиями Морское ведомство. В типографии печатались регламенты, инструкции, учебные пособия для учащихся Морской академии, атлас «Восточного, или Варяжского моря» и т. д. Решение о напечатании той или иной книги выносилось Адмиралтейской коллегией. Так, в марте 1732 г. коллегия постановила напечатать «Эвклидовы элементы» в переводе А. Фарварсона,[31] в апреле 1734 г. было решено напечатать первую часть «Светильника морского» Ф. И. Соймонова (тиражом 100 экз.),[32] в сентябре 1740 г. — «Каталог краткий...» С. И. Мордвинова (1000 экз.).[33]

Штат Морской типографии был очень невелик. В 1727 г., например, в ней работало всего 16 человек (1 наборщик, 1 тередорщик, 1 батыйщик, 6 типографских учеников, 1 «грыдыровщик» и 5 его учеников, 1 литерщик). Кроме того, при типографии находились 2 переплетчика.[34] Именно вследствие малой мощности типографии решения Адмиралтейской коллегии о напечатании той или иной книги не скоро проводились в жизнь. Так, «Эвклидовы элементы» вышли из печати только в 1739 г. (через 7 лет после решения), «Светильник морской» — в 1738 г. (через 4 года после решения), «Каталог краткий» С. И. Мордвинова — в 1744 г. (через 4 года после решения). Продукция обеих типографий, Сенатской и Морской, по общему объему была в несколько раз меньше продукции одной лишь типографии Академии наук.

Что касается типографии Киприанова, то после смерти В. О. Киприанова (1723 г.) она практически перестала существовать. Сын его, В. В. Киприанов, продолжавший именоваться подобно отцу «библиотекарем», занимался в основном книготорговой деятельностью. С его именем, как установил А. В. Бородин, связаны в части издатель-

---

[30] Там же, № 7534, с. 438, 439.

[31] Материалы для истории русского морского флота, ч. 7. СПб., 1879, с. 375.

[32] Там же, с. 691.

[33] Там же, ч. 8. СПб., 1880, с. 705—706.

[34] Там же, ч. 5. СПб., 1875, с. 419.

ской деятельности лишь два портрета (Екатерины I и Петра II) и карта Московской губернии, датированная 1726 г. и составляющая 45-й лист «Брюсова календаря».[35] Кроме того, он печатал географические карты для атласа И. К. Кирилова.

В соответствии с запросом Синода 1735 г. выяснилось, что купец В. В. Киприанов ничего не печатает, а все книги, изданные этой типографией, вышли при его отце в 1721—1723 гг. Тем не менее типографское оборудование у Киприанова сохранилось: при обыске у него были обнаружены 1 стан для печатания гравюр, неполные типографские станы для печатания русских и немецких книг и кое-какое другое оборудование (шрифты, матрицы и т. д.).[36]

Старейшая типография России, Московская синодальная, ранее называвшаяся Печатным двором, в послепетровское время резко изменила профиль своей деятельности. В соответствии с указом Верховного Тайного совета от 4 октября 1727 г. она, как мы знаем, должна была издавать лишь церковные книги. Однако это распоряжение не было выполнено буквально: типография и после указа печатала время от времени учебные азбуки, в 1738 г. — букварь Ф. Прокоповича «Первое учение отроком», а в 1739 г. по распоряжению Синода издала даже учебник латинского языка. Во время русско-турецкой войны Московской типографией печатались кириллицей реляции о военных действиях (1736—1739 гг.).

Тем не менее общий профиль издательской деятельности типографии в послепетровское время носил сугубо церковный характер, а объем издательской продукции сразу после смерти Петра резко сократился. Уже в начале 1725 г. число станов типографии было уменьшено до 6. В декабре следующего, 1726 г. Синод решил отказаться еще от одного стана. Лишь в конце 1730-х годов создались условия для расширения типографской деятельности. В январе 1739 г. Московская типография просила разрешения Синода на прибавление одного стана, а в июне того же года сообщала, что типографии необхо-

[35] Бородин А. В. Московская гражданская типография и библиотекари Киприановы. — В кн.: ТИКДП, вып. V. М.—Л., 1936, с. 89, 97.

[36] Описание документов и дел архива Синода, т. 15. СПб., 1907, стб. 405—406.

димо иметь 7 станов. Просьба была уважена,[37] а так как в течение всего периода сокращения объема работ администрация типографии в надежде на лучшие времена сохраняла свои кадры квалифицированных мастеровых людей, новое расширение издательской деятельности прошло легко.

Что же издавала Московская типография? Традиционные богослужебные книги для русских церквей (евангелия, апостолы, триоди, минеи, часословы и др.) и кое-какую богословскую литературу, например «Камень веры» Стефана Яворского. Все остальные издания ее составляли явно меньшую часть. Нормальным тиражом книг, как и в XVII в., считался тираж 1200 экз., но некоторых книг печатался не один завод, а 2 и даже 4 (2400, 4800 экз.). В среднем в год Московская типография печатала около 10 заводов. Вот эти данные: в 1732—1735 гг. — 35 заводов книг, в 1736 г. — 10, в 1737 г. — 5, в 1738 г. — 11, в 1739 г. — 8, в 1740 г. — 10 (печатание не было закончено).[38] Приведенные данные показывают, что общий объем издательской деятельности Московской типографии был сравнительно невелик и не имел тенденции к сколько-нибудь значительному увеличению. Роль крупнейшей русской типографии была Московским печатным двором безнадежно утрачена.

В Москве (вернее, под Москвой, в селе Всесвятском) существовала грузинская типография. Начало ей было положено еще при Петре, в 1689 г., грузинским царем Арчилом, навсегда поселившимся в России. Типография Арчила была открыта в 1703—1704 гг., причем шрифты для нее отливались в Голландии. В марте 1705 г. этой типографией было закончено печатание Псалтыри. Со смертью Арчила (1713 г.) типография бездействовала до 1737 г. В 1737 г. сын царя Вахтанга VI Бакар совместно с архиепископом И. Самебели возобновил деятельность грузинской типографии, которая на средства И. Самебели печатала для Грузии богослужебные и некоторые другие книги («Первое учение отроком» Ф. Прокоповича, «Камень веры» Стефана Яворского). Типографщиком, корректором и редактором типографии был игумен

---

[37] Там же, т. 20, СПб., 1908, с. 237; ПСПиР, т. 5, с. 451—452.

[38] Описание документов и дел архива Синода, т. 9. СПб., 1913, стб. 783—786; т. 11, СПб., 1903, стб. 93—96; т. 20, стб. 34—37.

Х. Гурамишвили (родной брат великого грузинского поэта Давида Гурамишвили). В 1745 г. грузинская типография прекратила свою деятельность.[39]

Как уже говорилось, в соответствии с указом Верховного Тайного совета от 4 октября 1727 г. Петербургская и Александро-Невская типографии Синода были упразднены и печатание в Петербурге книг кириллицей прекратилось. Однако когда в 1735 г. возникла мысль о переиздании Библии, Синод решил печатать эту книгу в Петербурге. Типография кирилловского шрифта в Петербурге была учреждена по традиции при Александро-Невском монастыре, куда было доставлено оборудование из Московской типографии. Помимо Библии, напечатанной в 1736—1739 гг. (но поступившей в продажу значительно позднее), здесь были изданы и кое-какие другие книги религиозного характера.[40]

Продолжала свою деятельность и Киевская типография. Характер изданий этой типографии в послепетровское время не претерпел существенных изменений. Издавалась почти исключительно религиозная литература и единичные книги другого типа (календари). По общему объему своей продукции Киевская типография не так уж много уступала Московской.

Что касается Черниговской типографии, то она, как известно, в 1724 г. едва не была упразднена, вызвав своей деятельностью гнев московского духовного начальства. С большим трудом удалось черниговским духовным властям спасти свою типографию от вывоза оборудования, однако ей был нанесен огромный ущерб. Историограф Черниговской типографии Т. Н. Каменева допускает, что с 1724 г. по 1743 г. типография вообще не работала, поскольку до нас не дошли ее издания этого периода.[41] Та-

---

[39] Абрамишвили А. З. Из истории грузинского книгопечатания..., с. 268—294; Ватейшвили Д. Л. Русская общественная мысль и печать на Кавказе в первой трети XIX века. М., 1973, с. 32—33; ПСЗ, т. 10, № 7411, с. 324.

[40] Быкова Т. А. Книгопечатание в России во 2-й четверти XVIII в., с. 236.

[41] Каменева Т. Н. Черниговская типография и ее деятельность. — «Тр. Гос. библиотеки им. В. И. Ленина», 1959, т. 3, с. 239. В автореферате Каменевой говорится, что после ревизии 1724 г. «работать типография начала, видимо, лишь в 1743 г.; от этого года сохранились ее издания» («История Черниговской типографии. (XVII—XVIII вв.)». Автореферат. М., 1964, с. 10)

ким образом, ставится под сомнение реальность существования черниговских изданий, на которые имеются указания в библиографии. Другой историк книгопечатания XVIII в. — Т. А. Быкова — пишет еще категоричнее: «...в Черниговской типографии за это время (1725—1740 гг., — *С. Л.*) не вышло ни одного издания».[42] Нам представляется, что полностью отрицать существование черниговских изданий в 1725—1740 гг. только на том основании, что они до нас не дошли, неправомерно. С таким же успехом можно утверждать, что в рассматриваемый нами период в Москве не издавались учебные азбуки, хотя имеются неопровержимые данные о том, что они печатались не один раз и большими тиражами. Почему же мы будем ставить под сомнение свидетельство В. М. Ундольского о существовании, например, каноника черниговского издания 1739 г., имевшегося в свое время в коллекции Кастерина.[43]

Типографии были и в Прибалтике, но деятельность их в рассматриваемый период не имела существенного влияния на общее состояние книгопечатания в России.

Все сказанное о типографиях послепетровского времени позволяет сделать вывод, что в отношении общего их числа после смерти Петра значительных изменений не произошло. Однако характер деятельности типографий все же изменился, и довольно существенно, что видно из таблиц 1, 2. В обеих таблицах учтены издания 1725—1740 гг. объемом от 5 страниц и выше. За пределами таблиц остались все выпуски газеты «Ведомости» и «Примечаний» к ним (независимо от того, что некоторые из них были объемом более 5 страниц), отдельно изданные указы и реляции, картографические и иллюстративные материалы и кое-какие другие издания. В табл. 1 издания этого периода сгруппированы в соответствии с их шрифтовым оформлением (гражданский шрифт, кириллица, латиница), в табл. 2 — по типографиям. В качестве источников для подсчета послужили все основные из имеющихся в нашем распоряжении печатных каталогов и библиографических справочников о русских изданиях

---

[42] Быкова Т. А. Книгопечатание в России во 2-й четверти XVIII века, с. 231.

[43] Ундольский В. М. Очерк славяно-русской библиографии. М., 1871, стб. 188.

Таблица 1

Число изданий, вышедших в России в 1725—1740 гг.

	Годы																Без указания года	Всего
	1725	1726	1727	1728	1729	1730	1731	1732	1733	1734	1735	1736	1737	1738	1739	1740		
Издания на русском языке *																		
напечатанные гражданским шрифтом	14	12	5	11	8	8	15	16	32	29	22	16	19	18	17	19	—	261
напечатанные кириллицей	27	21	19	9	9	12	11	15	12	8	7	11	15	12	17	11	2	218
Итого . . .	41	33	24	20	17	20	26	31	44	37	29	27	34	30	34	30	2	479
Издания на иностранных языках	—	7	4	10	3	3	5	4	21	23	8	11	12	10	4	11	1	137
Итого . . .	41	40	28	30	20	23	31	35	65	60	37	38	46	40	38	41	3	616 **

* В том числе и книги, напечатанные на русском языке с параллельным иностранным текстом (немецким или латинским).

** Помимо того, с 1727 г. издавались газета «Ведомости» (на русском и немецком языках) и с 1728 г. «Примечания» к «Ведомостям» (также на русском и немецком языках). Всего в 1725—1740 гг. вышло свыше 5000 выпусков «Ведомостей» и «Примечаний» к ним.

Таблица 2

Число книг, напечатанных в России в 1725—1740 гг. в различных типографиях

Типографии	Годы																Без указания года	Всего
	1725	1726	1727	1728	1729	1730	1731	1732	1733	1734	1735	1736	1737	1738	1739	1740		
Академии наук	—	—	5	14	7	9	12	13	48	51	29	22	31	27	16	24	1	309
Петербургская синодальная	13	18	7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	38
Московская синодальная	16	14	7	3	4	10	7	10	5	6	5	6	7	7	8	4	2	121
Киевская	2	—	7	6	4	1	4	5	4	3	2	3	8	5	4	2	—	60
Сенатская:																		
петербургские издания	4	3	—	5	1	—	2	—	1	—	1	1	—	—	1	1	—	20
московские издания	—	—	1	1	2	2	3	2	4	—	—	1	—	—	—	1	—	17
Морской академии	—	1	—	—	—	—	3	5	1	—	—	1	—	1	4	2	—	18
Александро-Невская	6	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	4	5	—	18
Черниговская	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	—	—	2
Рижская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	2	—	3
Ревельская	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	2
Кенигсбергская (по заказу Академии наук)	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Киприанова	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Типография неизвестна	—	—	1	1	2	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	6
Итого	41	40	28	30	20	23	31	35	65	60	37	38	46	40	38	41	3	616

первой половины XVIII в.,[44] картотека Отдела рукописной и редкой книги БАН СССР «Книги, вышедшие в России в XVIII веке на иностранных языках» (а также подготовленная часть рукописи «Сводный каталог книг, вышедших в России в XVIII веке на иностранных языках»), «Списки разыскиваемых изданий», составленные Библиотекой СССР им. В. И. Ленина, опубликованные и неопубликованные материалы архивов, содержащие сведения о русских книгах первой половины XVIII в., которые не учтены в библиографических изданиях.

Разумеется, приведенные в таблицах данные ни в коей мере не могут считаться исчерпывающими, поскольку имеющиеся в нашем распоряжении сведения далеко не полны. Как правило, справочные издания приводят данные лишь о тех изданиях XVIII в., которые сохранились и могут быть описаны de visu (или были описаны ранее библиографами прежних лет). Между тем, как нам удалось убедиться, целый ряд книг, несомненно вышедших в России в первой половине XVIII в., не сохранился и поэтому не отражен в библиографических источниках. Архивные материалы, опубликованные и неопубликованные, в какой-то мере пополняют данные библиографических изданий, однако эти материалы изучены еще недостаточно. Недостаточно полно взяты на учет издания на иностранных языках, вышедшие в России во второй четверти XVIII в., особенно издания типографий Прибалтики.

Вследствие всего этого приводимые нами в табл. 1, 2, 3 цифры следует считать предварительными, и они несомненно будут уточняться в течение еще длительного времени.

---

[44] Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. 1725—1800. Т. 1—5. М., 1962—1967; З е р н о в а А. С., К а м е н е в а Т. Н. Сводный каталог русской книги кирилловской печати XVIII века. М., 1968; У н д о л ь с к и й В. М. Очерк славяно-русской библиографии с дополнением А. Ф. Бычкова и А. Викторева. М., 1871; Г о л о в а ц к и й Я. Дополнение к очерку славяно-русской библиографии В. М. Ундольского. СПб., 1874; Описание изданий, напечатанных при Петре I. Л., 1972; Б ы к о в а Т. А., Г у р е в и ч М. М. Описание изданий гражданской печати. 1708—январь 1725 г. М.—Л., 1955; Б ы к о в а Т. А., Г у р е в и ч М. М. Описание изданий, напечатанных кириллицей. 1689—январь 1725 г. М.—Л., 1958; Б ы к о в а Т. А. Каталог русской книги кирилловской печати петербургских типографий XVIII века (1715—1800). Л., 1971.

Из табл. 1 видно, что в противоположность первой четверти XVIII в., когда темпы книгопечатания непрерывно возрастали, в послепетровское время (1725—1740 гг.) тенденция к возрастанию объема печатной продукции не прослеживается. Годовой объем издательской продукции в начале и в конце рассматриваемого периода стоит примерно на одном уровне. Наибольшее же число изданных в России книг падает на 1733 и 1734 гг., когда Академия наук регулярно печатала очень небольшими тиражами (обычно 100 экз.) либретто спектаклей итальянского театра при императорском дворе — явление довольно случайное для развития русского книгопечатания.

Интересно сравнить среднегодовой объем издательской продукции в 1725—1740 гг. и первой четверти XVIII в. Чтобы данные были сопоставимы, необходимо внести коррективы в цифры, приводившиеся в табл. 2 нашего предыдущего исследования по истории книги,[45] поскольку принципы подсчета книг там были иные, чем в настоящей монографии. Из общего числа непериодических изданий петровского времени исключены малолистные, составлявшие более половины изданий: отдельно изданные указы, информационные материалы объемом менее 5 стр. текста и др. Сопоставление данных, относящихся к двум периодам издательской деятельности, приводится в табл. 3.

Таблица 3

Сравнительная таблица числа изданий, вышедших в 1701—1724 и 1725—1740 гг.

Годы	Книги и брошюры		Периодические издания («Ведомости» и «Примечания» к «Ведомостям»)	
	общее число	среднегодовое число	общее число выпусков	среднегодовое число
1701—1724	761	31.7	584	24.3
1725—1740	616	38.5	ок. 5000	313

Как видно из таблицы, среднегодовое число книг, вышедших в послепетровское время, выросло по сравнению

[45] Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII в., с. 86.

с 1701—1724 гг. немногим более чем на 20%, в то время как среднегодовое число выпусков периодических изданий («Ведомости», «Примечания» к «Ведомостям») после Петра увеличилось во много раз. Высокие темпы развития периодической печати — результат деятельности Академии наук — характерная черта книгопечатания послепетровского времени.

Но вернемся к табл. 1, в которой все издания 1725—1740 гг. сгруппированы в соответствии с их шрифтовым оформлением. Как мы видим, наибольшее число книг в эти годы было напечатано русским гражданским шрифтом — 261 (42.4% от общего числа изданий), на втором месте по общему объему продукции идут книги, напечатанные кириллицей, — 218 (35.6%), на третьем — книги на иностранных языках (137, или 23%). Соотношение числа книг, напечатанных тем или иным шрифтом, за весь рассматриваемый период не раскрывает тенденцию в развитии послепетровского книгопечатания. Она выявляется при сопоставлении данных той же таблицы по годам. Как видим, число книг, напечатанных русским гражданским шрифтом, имеет известную тенденцию к возрастанию, в то время как число книг, напечатанных кириллицей, начинает уменьшаться, хотя в отдельные годы и имеет место небольшой подъем. Кириллица далеко не сразу сдает свои позиции. Этим шрифтом набиралось свыше 1/3 всех выходивших в России книг.

Роль отдельных русских типографий раскрывается в табл. 2. Около половины всех вышедших в России в 1725—1740 гг. книг (304, или 49.4%) напечатано в типографии Академии наук. Она же издавала всю выходившую в эти годы в России периодику. На втором месте по общему объему издательской деятельности стояла Московская типография, которая в 1725—1740 гг. издала 120 книг (19.5% общего количества). На третьем месте — также старейшая русская типография, Киевская (60 книг, или 9.7% общего числа изданий). На все остальные типографии России приходилось немногим более 1/5 издательской продукции послепетровского времени. Следует при этом сказать, что доля типографии Академии наук в общем количестве выходящих в стране изданий имела явную тенденцию к повышению, в то время как доля других типографий постепенно падала. Таким образом, годы, следовавшие за смертью Петра,

можно охарактеризовать как период издательской монополии типографии Академии наук. Это было также время постепенного уменьшения значения кириллицы.

Какова же была тематика послепетровского книгопечатания? Ответ на этот вопрос дает табл. 4, в которой все издания этого периода распределены в соответствии с их содержанием на 11 групп. Следует при этом иметь в виду, что в группу гуманитарной литературы в таблицу, помимо изданий явно гуманитарной тематики, включены также учебные пособия для начального обучения (буквари и азбуки), в группу художественной литературы, помимо художественных произведений, вошли довольно многочисленные в то время описания различного рода торжеств, составлявшиеся крупными филологами и писателями первой половины XVIII в., а также либретто театральных музыкальных представлений. Религиозная литература разбита в таблице на две группы: книги исключительно религиозной тематики (богослужебные, священное писание и т. д.) и издания религиозного характера со светскими мотивами (например, благодарственные молебны, связанные с событиями светской жизни). Сюда же отнесены и религиозные книги, использовавшиеся для учебных целей (учебные псалтыри).

Данными таблицы устанавливается, что наибольшее число изданий 1725—1740 гг. относится к трем разделам: научная и учебная литература, художественная литература и книги религиозного содержания. Несмотря на то что по числу изданий на первом месте шли религиозные книги (178, или 27,3% общего количества изданий), не эта литература определяла специфику книгопечатания рассматриваемого периода. Религиозная тематика уходила корнями в прошлое, была проявлением сложившихся традиций русского издательского дела и отнюдь не отражала новые тенденции. Если сопоставить цифры, характеризующие долю религиозной книги в общем потоке издательской продукции разных периодов русской истории, то мы можем констатировать постепенное снижение роли религиозной литературы в послепетровское время по сравнению с первой четвертью XVIII в. (см. табл. 5), не говоря уже о XVII и тем более XVI веке. К тому же, как мы видели, в числе религиозных книг имелись и такие, которые использовались не только в религиозных целях.

Таблица 4

Тематика книг, изданных в России в 1725—1740 гг.

	Годы																Без указания года	Всего
	1725	1726	1727	1728	1729	1730	1731	1732	1733	1734	1735	1736	1737	1738	1739	1740		
Законодательная литература	6	4	3	6	5	1	8	8	7	—	2	3	4	4	5	4	—	70
Литература информационного характера	3	3	—	—	1	—	2	1	1	2	5	2	—	—	1	5		26
Календари	2	4	7	3	3	2	3	3	4	4	4	2	2	2	3	2	2	50
Военное и морское дело (без уставов и регламентов)	—	1	—	1	—	1	—	1	3	—	—	—	—	1	2	—	—	10
Научная литература общего характера	—	2	—	2	1	—	1	1	—	2	2	—	—	2	—	1	—	14
Естественнонаучная литература	1	—	1	7	1	—	3	—	1	—	5	4	6	7	7	6	—	49
Гуманитарная литература	5	11	2	2	—	6	4	3	3	4	4	2	8	6	2	5	—	67
Изобразительное искусство	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	2
Художественная литература	1	4	2	2	1	3	—	4	38	40	9	14	11	8	4	8	1	150
Религиозная литература со светскими мотивами	11	4	2	—	—	1	—	—	—	2	1	3	1	—	1	—	—	26
Богослужебная и богословская литература	12	7	11	7	8	9	10	14	8	4	5	8	14	10	13	10	2	152
Итого	41	40	28	30	20	23	31	35	65	60	37	38	46	40	38	41	3	616

Не отражала новые тенденции книгопечатания и художественная литература, хотя по числу изданий этот раздел стоял на втором месте (150 изданий, или 24.4% общего количества). Как мы уже видели, значительную часть этих изданий составляли малотиражные либретто спектаклей итальянского театра, ставившихся при императорском дворе, не имевшие сколько-нибудь широкого распространения среди населения даже Петербурга. На весьма ограниченный круг читателей были рассчитаны и придворные оды, а также описания различного рода торжеств. Настоящих произведений художественной литературы было, как мы увидим далее, немного.

На третьем месте по числу изданий (130, или 21.1%) стояла научная и учебная литература. Именно этот вид изданий — продукт деятельности русской Академии наук — имел явную тенденцию к дальнейшему развитию. Доля других видов изданий послепетровского книгопечатания была значительно менее весома: законодательные материалы (70 изданий, или 11.4%), календари (50, или 8.1%), военное и морское дело (10, или 1.6%). Таким образом, основное внимание в изданиях светского содержания отводилось в послепетровское время научной и художественной литературе. Доля научной книги еще более возрастет, если учитывать, что календари по существу были разновидностью научно-популярных изданий и имели прямое отношение к научной литературе.

Необходимо иметь в виду, что характеристика послепетровского книгопечатания, данная на основе табл. 4, является неполной без учета периодической печати и различного рода малолистных изданий, не отраженных в табл. 4. Принимая во внимание, что выпуски газеты «Ведомости» и реляции следует отнести к изданиям информационного характера, «Примечания» к «Ведомостям» — к научно-популярной литературе, а отдельно изданные указы — к материалам законодательного характера, можно сделать вывод, что доля научных, информационных и законодательных изданий в послепетровском книгопечатании была выше, чем это устанавливается на основе одних только данных табл. 4.

Интересно сопоставить тематику книгопечатания 1701—1724 гг. и 1725—1740 гг. Какие произошли изменения? Чтобы ответить на этот вопрос, мы подсчитали для каждого из указанных периодов среднегодовое число

книг той или иной тематики, взяв за основу при подсчётах те же критерии отбора изданий, как и в табл. 1—4 (т. е. учитывались лишь издания объемом не менее 5 стр.). Полученные результаты приводятся в табл. 5.

Таблица 5

Среднегодовое число книг различной тематики, вышедших в петровское и послепетровское время

Годы	Законодательные и информационные материалы	Календари	Военное и морское дело. Кораблестроение	Общенаучная литература	Естественнонаучная литература	Гуманитарная литература. Буквари и азбуки	Архитектура и искусство	Художественная литература	Религиозная литература	Всего
1701—1724	7.7	1.8	2.9	—	1.1	3.9	0.1	3.5	10.7	31.7
1725—1740	6.0	3.1	0.6	0.9	3.1	4.2	0.1	9.4	11.1	38.5

Примечание. Цифры, относящиеся к послепетровскому времени в этой таблице, несколько расходятся с теми, которые приведены в табл. 1 нашей статьи, опубликованной в сборнике «Печатная и рукописная книга» (М., 1975, с. 188), вследствие того что после выхода этой статьи нами был выявлен ряд изданий послепетровского времени (в основном из числа опубликованных на иностранных языках), не учтенных при прежних подсчетах.

Данные табл. 5 показывают, что в послепетровское время увеличилось среднегодовое число изданий всех научных и учебных книг (общенаучная, естественнонаучная и гуманитарная литература), календарей, произведений художественной литературы. Уменьшилось среднегодовое число изданий законодательных и информационных материалов, книг по военному и морскому делу. Эти выводы, на наш взгляд, наглядно характеризуют изменение тематики книгопечатания, происшедшее после смерти Петра: увеличилось внимание к научной и художественной литературе, уменьшился интерес к литературе военной и морской, к публикации законодательных и информационных материалов. Чтобы дать лучшее представление о тематике русского книгопечатания в 1725—1740 гг., попытаемся сделать обзор важнейших изданий этих лет, придерживаясь той их классификации, которую мы установили в табл. 4.

В числе законодательных материалов, опубликованных в рассматриваемый период, были различного рода правительственные постановления: указы, сборники указов, регламенты, инструкции, уставы, тарифы и т. д. Некоторые из этих законодательных актов печатались почти одновременно в разных типографиях. Так, например, «Инструкция (или Устав), каким образом потребные для содержания... флотов леса где заказаны и порядочно готовлены и рублены быть имеют и как в бережении их поступать» (май 1732 г.) была напечатана в мае 1732 г. в типографии Академии наук, в июне того же года — в типографии Морской академии, в августе 1732 г. — в Сенатской типографии. Отдельные правительственные постановления по мере надобности переиздавались. «Наказ губернаторам и воеводам...» (1728 г.), вышедший двумя изданиями (в Петербурге и Москве), был переиздан в 1736 г.

В 1725—1740 гг. были изданы «генеральные регламенты» Камер-коллегии (1731 г.), Ревизион-коллегии (1733 г., вышло 3 издания), Берг-коллегии (1739 г.), «Морской пошлинный регламент, или устав» (1731 г., вышло 3 издания), «Регламент» о содержании Кадетского корпуса (1731 г.) и «Штат» этого корпуса (1732 г.), «Тариф портовый» (1731 г.), «Пошлинный тариф» (1731 г.), «Должность генерал-фискала и его помощника...» (1725 г., 2 издания) и др. В связи с большим спросом переиздавались и регламенты петровского времени: «Генеральный регламент, или устав» (2 переиздания: 1725 и 1735 г.), «Регламент о управлении Адмиралтейства и Верфи» в двух частях (1740 г.), «Духовный регламент» (2 переиздания: 1738 и 1739 гг., оба напечатаны кириллицей).

В эти же годы был опубликован ряд уставов: «Вексельный устав» (в 1728—1729 гг. 4 издания на русском и немецком языках), «Устав о соляных промыслах и торгах» (1728 г.), «Устав о банкрутах» (1740 г.). Кроме того, переизданы уставы петровского времени: «О должности генералов, фельтмаршалов, всего генералитета и протчих чинов» (1732 г.) и «Артикул воинский с кратким толкованием» (1735 г.), которые вышли параллельным текстом на русском и немецком языках.

Особыми изданиями выходили инструкции, касающиеся отдельных ведомств. Перечислим некоторые из

них: «Инструкция полкового комиссара» (1726 г.), «Инструкция генералу провиант-мейстеру» (1725 г.), «Инструкция комиссару от земли» (1729 г.), «Инструкция канцелярии конфискации» (1730 г.), «Инструкция... крикс-комиссару» (1732 г., 2 издания) и др. Законодательные материалы публиковались в основном Сенатской типографией, но некоторые из них печатали и другие типографии: Морской академии, Академии наук, Петербургская и Московская синодальные типографии.

Продолжалась традиция и изданий сборников указов. В 1728 г. вышел из печати сборник указов 1727 г. (2 издания) и отдельно — сборник указов, «состоявшихся» в Верховном Тайном совете «по доношениям комиссии о коммерции», в 1729 г. — сборник указов 1728 г. Неоднократно переиздавались и сборники указов Петра I: в 1726 г. — указы за 1719—1720 гг., в 1733 г. — за 1720—1721 гг., в 1737 г. — за 1722 г., в 1738 г. — за 1723 г., в 1739 г. — за 1714—январь 1725 г. (2 издания) и т. д.

Из приведенных данных видно, что население проявляло большой интерес к законодательству Петра. Впрочем, не меньшим спросом пользовался и свод законов допетровского времени: «Уложение» царя Алексея Михайловича было переиздано в 1737 г. дважды и оба раза большими тиражами: 4500 и 2025 экз.[46] Таким образом, петровская традиция публикации важнейших законодательных материалов продолжалась при его преемниках; правда, законодательных актов выходило из печати меньше, чем при Петре.

Менее разнообразны, чем в петровское время, были и издания информационного характера. Эти издания можно разбить на 4 группы: 1) договоры («трактаты»), заключенные между Россией и другими странами, 2) описание церемоний, связанных с внешней политикой, 3) описание церемоний, связанных с событиями внутренней жизни России, 4) все прочие издания информационного

---

[46] 2-е издание, помеченное 1737 г., фактически вышло в свет лишь в 1748 г. Интересно, что на переиздание «Уложения» по ходатайству Академии наук в феврале 1735 г. была дана санкция правительства (ПСЗ, т. IX, № 6686, с. 478—479). Точно так же в том же году была дана санкция на переиздание Академией правительственных указов, как тех, которые вышли в 1714—1725 гг., так и тех, которые вышли позднее (ПСЗ, т. IX, № 6687, с. 479).

характера. Публикацией договоров, заключенных между Россией и другими странами, правительство стремилось обеспечить надлежащей информацией высшие слои населения, особенно в тех случаях, когда заключенные соглашения могли быть расценены как не вполне выгодные для России. Два договора с Персией, подписанные в Реште в 1729 и 1732 г., устанавливали начало добрососедских отношений с этой страной и окончательно закрепляли за Россией завоевания Петра I в районе Каспийского моря. Тем не менее часть приобретенных территорий все же возвращалась Персии, и это не могло не вызвать недовольства русского общества. Для прекращения ненужных толков были опубликованы оба рештских договора. Правительство надеялось, по-видимому, что сами тексты договоров способны успокоить общественное мнение. Оба трактата были напечатаны в типографии Академии наук параллельным текстом на русском и немецком языках.

Другим непопулярным в России договором был торговый договор между Россией и Англией, заключенный 2 декабря 1734 г. Он устанавливал для англичан условия наибольшего благоприятствования и наносил серьезный удар русскому купечеству. Это объяснялось тем, что фактический глава тогдашнего русского правительства Э. Бирон получил большую взятку от английских купцов. Опубликованием договора правительство пыталось положить конец ненужным разговорам. Трактат «О дружбе и коммерции» между Россией и Англией вышел в 1735 г. двумя изданиями (напечатан в Сенатской типографии и в типографии Академии наук, последнее издано параллельным текстом на русском и немецком языках).

Специальными изданиями, а иногда и с параллельной информацией в «Примечаниях» к «Ведомостям», печатались описания церемоний, связанных с событиями внешней политики, которым правительство придавало большое значение. Так, в 1734 г. было опубликовано «Описание оного церемониала, с которым персидский Хусеин хан 5 дня декабря свой публичный въезд имел и потом 8-го дня того ж месяца к ее величеству на аудиенцию приведен был», в 1735 г. — «Церемониал отпускной аудиенции, которую депутаты города Гданска при российском императорском дворе ...имели», в 1740 г. — описание церемониала обмена русского и турецкого по-

слов, в 1731 г. — описание церемониала приема в Москве «хинейского посольства».

К публикациям, связанным с событиями внешней политики, относится письмо вице-канцлера А. И. Остермана от 12 апреля 1736 г. к турецкому великому визирю. В этом издании был напечатан также Манифест императрицы Анны Иоанновны по случаю объявления Россией войны Турции. Таким образом, русское общество ставилось в известность об обстоятельствах начала тяжелой войны с сильным врагом.

Публиковались и описания церемоний, приуроченных к крупным событиям внутренней жизни страны. Церемония погребения Петра I, как известно, тщательно готовилась. Описание ее было опубликовано в специальных изданиях двух типографий: Сенатской (1725 г.) и Московской синодальной (1726 г.). В 1725 г. были изданы описания коронации Екатерины I (Московская синодальная типография) и бракосочетания царевны Анны Петровны (С.-Петербургская типография), в 1731 г. — описание коронации Анны Иоанновны, в 1740 г. — Манифест регента Русского государства Бирона, переизданный на немецком языке в Риге всего за неделю до падения временщика. Из других видов информационных изданий следует упомянуть «Росписи книгам», продававшимся в книжной лавке Академии наук. Это были публикации рекламного характера, которые начинали находить себе все большее применение в жизни России. Так, в «Росписи» 1740 г. сообщался перечень 103 книг, печатавшихся в типографии Академии наук.

С информационными изданиями была тесно связана и газета «Ведомости»,[47] которая, как известно, начала выходить при Петре, причем издавалась в обоих столичных городах — Петербурге и Москве. В первые годы после смерти Петра существенных изменений не произошло. «Ведомости» по-прежнему издавала Коллегия иностранных дел, помещая в них материал о событиях как зарубежной, так и внутренней жизни страны. Важнейшие учреждения России (коллегии и канцелярии), как видно

[47] Материал о газете «Ведомости» заимствован из следующих изданий: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века, т. 4. М., 1966, с. 9—14, 51—59; Описание изданий, напечатанных при Петре I, с. 192—240; Князев Г. А., Шафрановский К. И. Академическая газета 1727 г., с. 139—153.

из текста указа от 8 апреля 1725 г., обязаны были представлять материал для газеты и сообщать «о всех знатных делах, принадлежащих к ведению народному».[48]

В дальнейшем было решено передать издание газеты Академии наук. В 1727 г., как уже говорилось, начал выходить немецкий вариант «Ведомостей» («Peterburgische Zeitung»). Газета на русском языке под названием «Российские ведомости» продолжала в течение всего этого года издаваться Коллегией иностранных дел. С 1728 г. к Академии наук перешло и издание русского варианта газеты.[49] Поскольку газету готовили сотрудники Академии наук из числа немцев, оригиналом являлся немецкий вариант, а русский текст был переводом с немецкого, причем в первые годы он уступал немецкому по своей полноте. Составителем газеты (в течение первого полугодия 1727 г.) был Х.-Ф. Гросс, его сменил во втором полугодии 1727 г. И.-С. Бекенштейн. В 1728 г. газетой занимался известный историк Г.-Ф. Миллер. В последующие годы в издании газеты принимали участие А.-Б. Крамер (1734—1736 гг.), И.-К. Тауберт (с 1736 г.) и др. В 1727 г. газета выходила еженедельно, с 1728 г. — 2 раза в неделю, тираж газеты составлял 500 экз., иногда больше. Содержание «Ведомостей» было довольно разнообразно. Помимо известий из-за рубежа (заимствованных из иностранных газет), здесь освещались и события внутренней жизни страны. Помещались различного рода официальные сообщения о правительственных распоряжениях, событиях придворной жизни, празднествах, освещалась научная жизнь (например, давались объявления о публичных лекциях академиков), публиковались сообщения о торговых новостях, о продажах и подрядах, известия о театральных представлениях и т. д. Заслуживает внимания сообщение от 28 ноября 1728 г. об открытии в новом здании Библиотеки Академии наук и Кунсткамеры. К номеру от 21 декабря того же года был приложен перечень изданий Академии наук. Газета издавалась в Петербурге, а в Москве лишь перепечатывались отдельные номера.

Помимо газеты «Ведомости», отдельными изданиями выходили, как и при Петре, хотя и в значительно мень-

[48] ПСЗ, т. VII, № 4694, с. 445.

[49] С 1730 г. заглавие русской газеты стало «Санктпетербургские ведомости».

шем числе, реляции о военных действиях. Такие реляции печатались во время русско-турецкой войны 1735—1739 гг., как гражданским шрифтом (типография Академии наук), так и кириллицей (Московская типография). В реляциях сообщалось об успехах русского оружия, например о взятии Хотина (1 октября 1739 г.), о победе Миниха в битве при реке Кадиме и т. д.[50] Печатание реляций кириллицей говорило о том, что этот шрифт оставался еще популярным у значительной массы населения.

Кроме газеты «Санктпетербургские ведомости», Академия наук с 1728 г. приступила по инициативе Г.-Ф. Миллера к изданию своеобразного прибавления к ним, носившего название «Примечания». Заглавие этого издания несколько раз менялось: № 1 назывался «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях», №№ 2—10 вышли под названием «Примечания в Ведомостях», в 1729 г. заглавие было: «Исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях» и т. д. В 1728 г. «Примечания» выходили ежемесячно и с опозданием, с 1729 г. было установлено выпускать два раза в неделю, но периодичность постоянно нарушалась (выпускались сдвоенные номера и т. д.).[51] С 1729 г. «Примечания» стали выходить и на немецком языке под заглавием «Historische, genealogische und geographische Anmerkungen über die Zeitungen» (позднее «Anmerkungen bei den Zeitungen»).

Первоначально содержание «Примечаний» было тесно связано с газетой «Ведомости», и на сообщения этой газеты «Примечания» давали обширные комментарии в виде статей. Например, после сообщения «Ведомостей» о находке в Сибири костей мамонта в «Примечаниях» были помещены статьи по палеонтологии. В дальнейшем связь «Примечаний» и «Ведомостей» стала все более и более утрачиваться и «Примечания» превратились в самостоятельный научно-популярный журнал для широкого круга читателей. В «Примечаниях» публиковались статьи на разнообразные темы: по физике, химии, технике, географии, этнографии, медицине, истории и т. д. Здесь публи-

[50] Быкова Т. А. Книгопечатание в России во 2-й четверти XVIII в., с. 233.

[51] Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века, т. 4, с. 170—172.

ковались события политической жизни, реляции о военных действиях, описания приема иностранных послов. Такого рода сообщения иногда дублировались с содержанием специальных брошюр, выходивших одновременно.

С течением времени в «Примечания» все больше проникает материал литературного характера: публикуются стихотворные описания иллюминаций и фейерверков, оды, переводы из зарубежных журналов, статьи по истории литературы и театра. Таким образом, в России появился научно-популярный журнал очень широкого профиля — явление небывалое в истории русского книгопечатания. Статьи для «Примечаний» составлялись академиками,[52] но подписи автора не имели. Написанные простым языком, они способствовали большой популярности «Примечаний» у широких кругов читателей.

Другим научно-популярным изданием Академии наук были календари. Первый календарь, изданный в типографии Академии наук, был календарь на 1728 г., вышедший из печати в декабре 1727 г. (составитель Ф.-Х. Майер). Однако фактически и изданные ранее календари — на 1726 и 1727 гг., несмотря на то что они были напечатаны в С.-Петербургской синодальной типографии, являлись изданиями Академии наук. Составителями их были Х.-Н. Винсгейм и Ж.-Н. Делиль (оба календаря вышли двумя изданиями).

В дальнейшем академические календари выходили регулярно раз в год, причем Академия следила за тем, чтобы они не запаздывали. Начиная с 1729 г. в календарях, помимо обычных сведений, повторяющихся из года в год, стали помещаться статьи научно-популярного характера по астрономии (сведения о планетах и т. д.), истории (поиски голландцами морского пути в Индию), географии (описание Камчатки и др.), этнографии (описание обрядов народов России) и др.

К обычным, повторяющимся из года в год материалам относились такие, как «Изъяснение календарных знаков», «Хронология вещей достопамятных», «О затмениях», «О четырех временах года», «О здравии и болезнях», «Краткое родословное показание ... владеющих в Европе высоких государей и княжеских фамилий» и др. С 1733 г.

---

[52] Авторами были Г.-Ф. Миллер, Г.-В. Крафт, И. Вейтбрехт, Х.-Н. Винсгейм и др.

стали помещаться также сведения о почтах. По старинной традиции в календарях помещались также астрологические предсказания, но им отводилось мало места, кроме того, эти предсказания сопровождались критическими замечаниями. Составителями календарей были ученые Академии наук Х.-Н. Винсгейм, Ж.-Н. Делиль, Ф.-Х. Майер, Г.-В. Крафт. Наибольшее число календарей подготовил Винсгейм. Академические календари, как мы увидим далее, пользовались большой популярностью и издавались большими тиражами. Следует сказать, что эти календари были несколько различны по содержанию. На 1729 г., например, были напечатаны календари «исторические» (продававшиеся по 15—21 коп. за экземпляр), «торговые» (по 8—21 коп.), «конторские» (по 6 коп.).[53] Помимо русского варианта, Академия наук издавала календари и на немецком языке. В 1735 г., например, издано календарей на русском языке 4200 экз., на немецком — 1600 экз.

Календари, или месяцесловы, издавались также Московской и Киевской типографиями. Московская типография выпустила календари на 1726, 1727, 1728 г. Это были издания, аналогичные тем, которые выходили в Москве при Петре. Тираж календаря на 1726 г. составлял 1600 экз. В 1726 г. Синод предложил Московской типографии «по делу календарей иметь особливо корреспонденцию с Петербургской типографией, не утруждая тем впредь ... Синода ... понеже то дело не церковное, но гражданское». С 1728 г. Московская типография прекратила выпуск календарей гражданской печати.[54] Однако месяцесловы, напечатанные кириллицей, выходили в Москве и в более позднее время. Киевская типография также продолжала выпуск календарей, которые, как и московские, издавались по старинке, т. е. содержали лишь те сведения и статьи, которые повторялись в календарях из года в год. Печатались киевские календари кириллицей.

Военному и морскому делу, как известно, уделялось большее внимание в петровском книгопечатании. В послепетровское время положение сильно изменилось. Если не считать переиздания военного устава (о чем говорилось выше), то все другие издания на эти темы насчитывались буквально единицами. В 1728 г., как известно, вышло из

[53] Академическая типография, с. 16.

[54] Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века, т. 4, с. 244—245.

печати трехтомное учебное пособие, составленное для Петра II на французском языке академиками Я. Германом и Ж.-Н. Делилем, — «Abrégé des mathématiques pour l'usage de Sa Majesté». Третий том этого издания, написанный Германом, содержал материалы по фортификации. Через два года, в 1730 г., этот солидный труд вышел в русском переводе И. С. Горлицкого (205 с. текста).

Вопросам артиллерии были посвящены «Мемории, или записки артиллерийские» Пьера Сюрирея де Сен-Реми, вышедшие в переводе с французского в двух томах в 1732—1733 гг., и «Nachricht von gezogenen Büchsen und etliche rare Anmerkungen von Schießen» академика И.-Г. Лейтмана. Записки Сен-Реми, богато иллюстрированные, были переведены на русский язык еще по распоряжению Петра I. Они продолжали петровскую традицию издания в России книг по артиллерийскому делу. Труд И.-Г. Лейтмана о нарезном оружии вызвал интерес за рубежом, где его, как мы увидим далее (см. главу третью), даже пытались переиздать, против чего Академия наук выразила энергичный протест.

Более многочисленны были послепетровские издания по навигации и кораблестроению. Сюда относятся: «Штат настоящей пропорции» (СПб., 1726, 106 с.), посвященный вопросам кораблестроения. «Сокращенная навигация по картие де редюксион» С. Г. Малыгина (СПб., 1733, 33 с.), «Экстракт штурманского искусства из наук, принадлежащих к мореплаванию» (СПб., 1739, 321 с.) Ф. И. Соймонова, «Разговор у адмирала с капитаном о команде, или Полное учение, како управлять кораблем...» К. Н. Зотова (СПб., 1738 (?), 48 с.) и «Книга морская, зело потребная, явно показующая правдивое мореплавание в Балтийском море» И. Монсона в русском переводе со шведского (СПб., 1739, 186 с.). Последние две книги были переизданием пособий петровского времени. По книгам Соймонова и Малыгина, изданным Морской академией, учились воспитанники этой академии.

Со времени основания Академии наук в России стала выходить научная литература по самым различным проблемам. Из трудов универсального характера следует прежде всего назвать «Commentarii Academiae Scientiarum imperialis Petropolitanae» («Комментарии Санкт-Петербургской императорской Академии наук») — продолжающееся издание, которое представляло собой сборники

Фронтиспис книги Ф. И. Соймонова «Экстракт штурманского искусства. . .» (СПб., 1739).

работ сотрудников Академии наук, публиковавшиеся на латинском языке. Первый том «Комментариев» вышел в 1728 г., всего же до 1740 г. включительно вышло 7 томов. Статьи для «Комментариев» подвергались тщательному обсуждению на общем собрании Академии (особенно строго отбирались статьи для первого тома) и при публикации распределялись по трем отделам: математическому, физическому и историческому. В качестве авторов фигурировали крупнейшие ученые России этого времени: Л. Эйлер, Д. Бернулли, Г. Бюльфингер, И. Дювернуа, Г.-З. Байер и др. Издание «Комментариев» подняло престиж молодой русской Академии за рубежом.

Первоначально предполагалось параллельно с латинским текстом «Комментариев» издавать отдельно и перевод статей на русский язык. Первый том русского издания «Комментариев» вышел уже в 1728 г. под названием «Краткое описание Комментариев Академии наук». Как видно уже из названия, это был не просто перевод первого тома на русский язык. Не все статьи вошли в русский вариант, а кроме того, они давались лишь в извлечениях и с пояснениями. Исключение составляли исторические статьи Байера, опубликованные полностью. По-видимому, академики считали, что к исторической тематике русские читатели подготовлены больше, чем к естественнонаучной, но вследствие недостаточного интереса к «Краткому описанию Комментариев» это издание прекратилось уже на первом томе.

К изданиям общего характера следует отнести и публикации (полностью и в извлечениях) торжественных речей, произнесенных на общих собраниях Академии наук, а также издания, не укладывающиеся в рамки одних только естественных или гуманитарных наук. Сюда относится, например, «Описание о Японе, содержащее в себе три части...» (СПб., 1734), представлявшее собой перевод трех различных сочинений о Японии и излагавшее материал как географического, так и истрического характера. Эта книга, часто фигурировавшая в документах того времени под названием «Японские истории», пользовалась успехом у читателя.

Разнообразна тематика послепетровских изданий по естественным наукам (в основном это издания типографии Академии наук и частично Морской академии): математика, механика, астрономия, география, геодезия, биоло-

СОКРАЩЕНІЕ
МАТЕМАТИЧЕСКОЕ
ко употребленію
ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
ІМПЕРАТОРА
всея россіи.
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
Содержащая
Аріѳметику, Геометрію,
и Тригонометрію.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

ВЪ Типографіи Академіи НаукЪ 1728 года.

Титульный лист книги «Сокращение математическое. . .», часть 1(СПб., 1728). Слева — экслибрис Я. В. Брюса на экземпляре этой книги, хранящейся в БАН.

гические науки, физика, техника и т. д. Здесь были и учебные пособия, и исследовательская литература. Большинство этих изданий выходило на иностранных языках (латинский, французский, немецкий), поскольку академики были иностранцами; некоторые труды одновременно издавались и в переводах на русский язык, но были и такие, которые выходили только на русском языке.

Из книг по математике следует назвать четвертое издание (1725 г.) известной книги петровского времени «Приемы циркуля и линейки». Это был сделанный Брюсом по поручению Петра перевод практического руководства по геометрии, составленного Бурхардом Пюркенштейном.[55] Другое руководство по геометрии, вышедшее в двух томах на немецком языке в 1738—1740 гг., было составлено Л. Эйлером для учеников академической гимназии. В русском переводе вышел (в 1740 г.) только первый том этой книги, а второй том увидел свет лишь двадцать лет спустя — в 1760 г. Третье руководство по геометрии — академика Крафта («Kurtze Einleitung zur theoretischen Geometrie») вышло в 1740 г. и в течение долгого времени использовалось в России для преподавания геометрии. В рассматриваемый период вышли еще три учебника по математике: руководство по геометрии, составленное профессором Морской академии А. Фарварсоном и изданное этой академией в переводе на русский язык в 1739 г. под названием «Эвклидовы элементы...», его же «Книжица о сочинении и описании сектора, скал, плоской и гунтерской со употреблением оных инструментов в решении математических проблем...», также издания Морской академии (СПб., 1739) и пособие по математике, составленное академиком Германом для Петра II. Это пособие, содержащее сведения по арифметике, геометрии и тригонометрии, являлось первым томом упоминавшегося выше трехтомного издания «Abrégé des mathématiques...» («Сокращение математическое») и вышло из печати в двух вариантах: на французском и русском языках.

Из изданий по физике и механике следует прежде всего упомянуть фундаментальный двухтомный труд Л. Эйлера «Mechanica sive motus scientia analytice exposita...» («Механика, или наука о движении, изложенная

---

[55] Депман И. Я. О первом печатном руководстве по геометрии на русском языке. — «Тр. Ин-та истории естествознания и техники АН СССР», М.—Л., 1949, т. 3, с. 378—380.

аналитически»), открывший новый период в развитии механики. Оба тома вышли в 1736 г. Другой крупный труд Эйлера, «Tentamen novae theoriae musicae...» («Новый опыт теории музыки»), излагавший математическую основу музыки, вышел в свет в 1739 г. За год до этого, в 1738 г., Академией было издано учебное руководство по физике Г.-В. Крафта «Experimentorum physicorum praeci brevis descriptio...» («Краткое описание физических опытов»). В 1735 г. вышла из печати книга Лакруа «Extrait de mechanisme de mouvemens des corps flotants» («Экстракт о механике движения плавающих тел»).

Издания по астрономии Академии наук не могли обойти теорию Коперника. Даже во второй четверти XVIII в. выступать в России в защиту Коперника, к которому официальная церковь относилась крайне враждебно, было небезопасно. Именно поэтому автор второго тома «Abrégé des mathématiques...», посвященного вопросам астрономии и географии, академик Ж.-Н. Делиль, отстаивал гелиоцентрическое учение Коперника в очень осторожной форме. Том вышел в 1728 г. в двух вариантах: на французском и русском языках.[56] В том же году была опубликована на французском языке публичная лекция Делиля, произнесенная им 2 марта 1728 г. на Общем собрании Академии наук, в которой он также выступал за учение Коперника.[57] Однако русский перевод лекции Делиля опубликовать не решились. Через 10 лет, в 1738 г., был издан большой труд Делиля «Mémoires pour servir à l'histoire et au progrès de l'astronomie, de la géorgaphie, de la physique, recueillis de plusieurs dissertations...» («Записки, цель которых отметить для истории успехи астрономии, географии, физики, созданные на основе многочисленных диссертаций»).

Для характеристики тех трудностей, которые встречало в России распространение учения Коперника, показательна история русского перевода известной книги французского писателя и ученого — популяризатора научных знаний, бессменного секретаря французской Акаде-

[56] В фондах Библиотеки Академии наук СССР обнаружено более раннее издание этого учебного пособия Делиля: La cosmographie ou abrégé d'astronomie et géographie... СПб., 1727 (8), 83 с. (см.: Описание изданий, напечатанных при Петре I, с. 190—191).

[57] Райков Б. Е. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. Изд. 2-е. М.—Л., 1947, с. 196—202.

мии наук Б. Фонтенеля «Entretiens sur la pluralité des mondes», вышедшей в 1686 г. В этой занимательно написанной в форме диалогов книге сообщались важнейшие сведения о Земле, других планетах и звездах, причем допускалась возможность существования иных обитаемых миров. Русский перевод книги, сделаный Антиохом Кантемиром в 1730 г. и носивший название «Разговоры о множестве миров...», из-за боязни противодействия церковных властей был опубликован лишь через 10 лет, в 1740 г. Церковь действительно встретила это издание крайне враждебно и в 1756 г. добилась его запрещения, а также изъятия экземпляров, имевшихся у владельцев. Однако в России эта книга имела большой успех.[58]

К географической литературе этих лет осносятся издания Морской академии, подготовленные Ф. И. Соймоновым: «Светильник морской ... то есть Описание Восточного, или Варяжского моря...» (СПб., 1738, 44 с.), «Описание Каспийского моря от устья Волги реки...» (СПб., 1731, 27 с.), Атлас Каспийского моря (СПб., 1731, 8 л. карт). Эти издания должны были облегчить мореплавание в Балтийском и Каспийском морях. «Атлас, сочиненный к пользе и употреблению юношества и всех читателей Ведомостей и исторических книг» (22 карты), изданный Академией наук в 1737 г. для учебных целей, был первым всемирным атласом на русском языке.[59]

Особо следует отметить первые варианты «Атласа Всероссийской империи». Этот атлас, издававшийся Кириловым на свой счет, был задуман как трехтомное издание, по 120 карт в каждом томе. Работа по подготовке карт шла медленно, и Кирилов пришел к мысли о необходимости по мере выхода их собирать и переплетать в виде отдельных книг. Таких изданий, относящихся к 1731 г., называемых Атласами Кирилова, сохранилось три: в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина — из 10 карт, в Библиотеке АН СССР — из 14 листов, в Центральном государственном архиве древних актов — из 16 листов.[60] Карты Кирилова, первенцы русской научной картографии, были еще несовершенны, но они сыграли свою роль в развитии русской картографии.

---

[58] Там же, с. 220, 234, 263.

[59] История Академии наук, т. 1, с. 103.

[60] Невлянская М. Г. И. К. Кирилов и его атлас Всероссийской империи. М.—Л., 1958, с. 21—26.

Карта Европы из «Атласа, сочиненного к пользе и употреблению юношества...» (СПб., 1737).

К географической литературе относился и учебник по географии Г. Крафта, вышедший на немецком языке в 1738 г. под названием «Kurtze Einleitung zur mathematischen und naturalischen Geographie», а на следующий год — в русском переводе. Это издание состояло из трех разделов: математическая география, физическая география, гидрография.

В январе 1737 г. академик Ж.-Н. Делиль прочитал в Академии наук доклад о геодезических съемках, производящихся в то время в России. Этот доклад был издан в том же году на русском («Предложение о мерянии земли в России...»), немецком и французском языках.

Академия наук выпускала и издания по прикладной механике и технике. Здесь следует прежде всего назвать учебное пособие Г.-В. Крафта «Краткое руководство к познанию простых и сложных машин», вышедшее в 1738 г. на немецком языке и в русском переводе Адодурова. Этот общедоступный курс прикладной механики служил пособием в учебных заведениях Петербурга, Москвы и в уральских горнозаводских школах.[61]

К технической литературе относится и описание солнечных часов, сделанных механиком Академии наук И. Брукнером. Оно было издано в 1735 г. на немецком языке, а также в русском переводе Г.-В. Крафта (в том же году оно переведено и на французский язык). В 1739 г. были опубликованы две работы асессора при Монетной канцелярии И. А. Шлаттера по монетному делу: «Описание при монетном деле потребного искусства» и «Арифметические табели о всех пробах золота и серебра». Обе книги были напечатаны в типографии Академии наук. Написанные понятным языком, они характеризовали сравнительно высокий уровень знаний русских людей по количественному анализу и сыграли свою роль в подготовке в России специалистов по химической технологии.[62]

В области биологических наук Академией наук был опубликован ряд изданий по ботанике. Крупный (состоящий из 5 частей) труд академика И.-Х. Буксбаума «Plantarum minus cognitarum... complectens plantas circa Byzantium et Oriente observantas» («Собрание малоизвестных растений, найденных в окрестностях Византии и на

---

[61] История Академии наук, т. 1, с. 138.
[62] Там же, с. 138, 140.

Востоке»), написанный на основе обширных коллекций этого ученого, публиковался частями в 1728—1740 гг. В другом труде, принадлежавшем академику И. Амману, «Stirpium rariorum in imperio Rutheno sponte provenientium icones et descrirtiones» («Изображения и описания редких растений, произрастающих дико в Российской империи»), давалось описание малоизвестных сибирских растений. Книга Аммана вышла в 1739 г. К 30-м годам относятся 4 брошюры И.-Г. Сигезбека, заведовавшего Ботаническим садом на Аптекарском острове в Петербурге, не имевшие какой-либо ценности. Из них «Botanosophiae...» (СПб., 1737), по меткому замечанию П. П. Пекарского, приобрела некоторую известность лишь потому, что Сигезбек, «не угадав значения гениального открытия Линнея о полах растений, высказался противником его».[63]

Сделанный нами обзор изданий по естественным наукам показывает, что в послепетровское время наряду с серьезными научными исследованиями (например, работы Л. Эйлера) выходили и книги описательного, а также прикладного характера. Большое внимание уделялось подготовке учебных пособий, которые составлялись крупными учеными (Л. Эйлер, Г.-В. Крафт и др.).

Среди изданий по гуманитарным наукам больше всего было книг по истории, филологии, политике. В области истории видное место занимали труды Г.-З. Байера и Г.-Ф. Миллера. Академик Байер, знаток древних и восточных языков, подготовил ряд крупных работ по истории древнего мира и Востока. В 1734 г. вышел его труд «Historia Osroëna et Edessena...» («История Осроены и Эдессы»), в 1738 г. — «Historia regni graecorum Bactriani in qua simul graecorum in India coloniarum vitus memoria explicatur...» («История греческого Бактрийского царства, в которой сообщаются также древние известия о греческих колониях в Индии»).

Байер занимался и русской историей, но, не зная русского языка, пользовался исключительно иностранными источниками, вследствие чего его труды не имели большой научной ценности, тем более что он придерживался антинаучной норманской теории. По заданию русского правительства в связи с происходившей в это время русско-ту-

---

[63] Пекарский П. П. История Академии наук в Петербурге, т. 1. СПб., 1870, с. 724.

рецкой войной Байер написал и опубликовал в 1737 г. труд «Begebenheiten von Asow...», который в 1738 г. вышел в русском переводе под названием «Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова, от создания сего города до возвращения оного под Российскую державу». Для юного Петра II Байером было подготовлено учебное пособие по истории, опубликованное в 1728 г.: «Auszug der älteren Staatsgeschichte...» («Извлечение из старинной государственной истории»).

В противоположность Байеру академик Г.-Ф. Миллер, приступая к работе в области истории России, обратил свое внимание на русские источники и много сделал для их собирания. Миллер выступил с предложением издания Академией наук сборников известий по русской истории, считая, что систематическое изложение истории страны пока преждевременно. Проспект нового издания, составленный Миллером (первый в истории русского книгоиздательства), был опубликован в 1732 г. в двух вариантах: на русском и немецком языках. Русский текст носил название «Объявление предложения, до исправления Российской истории касающееся, которое может учиниться частным изданием собрания всяких известий, до истории Российского государства принадлежащих». В проспекте сообщалось, какие извлечения из имеющихся источников готовятся к изданию.

Публикация материалов по русской истории производилась на немецком языке в специальном продолжающемся издании, выходившем под общим названием «Sammlung russischer Geschichte». В течение 1732—1737 гг. вышло 9 сборников, в которых печатались отрывки из летописей, извлечения из сочинений иностранных писателей о России и ее восточных соседях, жизнеописание Александра Невского и другие материалы. Сборники Миллера имели большое значение для ознакомления иностранных ученых с источниками по истории России. Они представляли известный интерес и для русского читателя в связи с запрещением Синодом в 1734 г. публикации летописей на русском языке.

Отсутствие пособий по русской истории было причиной переиздания Академией наук в 1735 г. «Синопсиса» — одной из популярных книг того времени. Это было уже 3-е ее издание гражданским шрифтом (первые два вышли еще при Петре — в 1714—1718 гг.). Другие книги истори-

ческой тематики, изданные Академией наук в рассматриваемый период, относились к области всеобщей истории. В числе их мы видим 4 перевода иностранных авторов: «Известие о двух возмущениях, случившихся в Константинополе 1730 и 1731 года при низложении Ахмета III и возведении на престол Магомета» (СПб., 1738, перев. с франц. В. К. Тредиаковского); «Военное состояние Оттоманской империи с ее приращением и упадком...» Л. Ф. Марсельи (СПб., 1737,[64] ч. I, II, перев. с франц. В. К. Тредиаковского); «Житие и дела Марка Аврелия Антонина, цесаря римского...», вышедшее в 1740 г. двумя изданиями (перев. с нем. С. Волчкова); «Описание жития и дел принца Евгения, герцога Савойского...» (СПб., 1740, перев. с нем. И.-К. Тауберта). Первые два из упомянутых изданий, как и книга Байера «Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова», были связаны с русско-турецкой войной 1735—1739 гг., когда естественно возрос интерес правительства к литературе о Турецкой империи.

Из книг исторической тематики следует упомянуть также составленное академиком И.-С. Бекенштейном руководство по геральдике на немецком, французском и латинском языках: «Kurtze Einleitung zur Wappenkunst und zur Art des Blasonieren» (СПб., 1731).

Филологические издания Академии наук были в большинстве случаев связаны с переводческой деятельностью, которой Академия уделяла большое внимание: словари, грамматики, руководства. Самым капитальным из этих изданий был «Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами русского языка» (свыше 800 страниц, 1731), являвшийся переводом немецкого словаря Э. Вейсманна. Несмотря на отмечавшиеся выше недостатки перевода (см. с. 43), издание словаря имело положительное значение. К словарю, вышедшему большим тиражом (2500 экз.), была приложена русская грамматика — «Anfangs-Gründe der russischen Sprache» («Первые основания российского языка»), составленная В. Е. Адодуровым.

Потребность в словарях была, видимо, большая, и через год после выхода словаря Вейсманна, в 1732 г., Академия наук решила переиздать латино-русско-немецкий словарь, первое издание которого известно под названием

[64] Фактически вышла не ранее 1739 г.

«Номенклатор» И. Ф. Копиевского (2-е издание вышло в 1718 г. под названием «Вокабулы, или речи на славянском, немецком и латинском языках»).

В 1730 г. были изданы грамматики французская («Грамматика французская и русская нынешнего языка, сообщена с малым лексиконом...») и немецкая с параллельным текстом на немецком и русском языках. Составителем немецкой грамматики был учитель немецкого языка академической гимназии М. И. Шванвиц, который, по сведениям П. Н. Беркова, участвовал и в составлении немецко-латинско-русского словаря.[65] Грамматика Шванвица в несколько иной редакции была переиздана в 1734 г. К числу учебных пособий по иностранным языкам относились и «Школьные разговоры» И. Ланге. Это был разговорник на латинском, русском, немецком и французском языках, переведенный с латинского тем же Шванвицем и изданный Академией в 1738 г. Кроме того, Академией наук в 1739 г. было выпущено руководство по изучению латинского языка на латинском и русском языках. Русский текст был набран кириллицей.

Все перечисленные филологические издания имели, как мы видели, практическую направленность. Новым словом в русской филологической науке был труд В. К. Тредиаковского, вышедший в 1735 г. под названием: «Новый и краткий способ к сложению российских стихов...». В этой работе Тредиаковский доказывал возможность построения стихов на русском языке по тоническому принципу, т. е. придерживаясь правильного чередования ударений. В том же году была напечатана публичная речь В. К. Тредиаковского на общем собрании Академии наук, посвященная проблеме чистоты русского языка. К филологическим изданиям Академии наук следует отнести и двухтомный труд академика Байера, вышедший в 1730 г. под названием «Museum sinicum, in quo sinicae linguae et literaturae ratio explicatur».

Следуя традициям петровского книгопечатания, Академия наук продолжала уделять внимание и нравоучительной литературе. Здесь прежде всего следует назвать книгу «Истинная политика знатных и благородных особ» (СПб., 1737), излагавшую правила поведения в жизни.

---

[65] Берков П. Н. Из истории русской поэзии первой трети XVIII века. — В кн.: XVIII век, сб. 1. Л., 1935, с. 78.

ВОЕННОЕ

СОСТОЯНІЕ

ОТТОМАНСКІЯ ІМПЕРІИ

съ ея

приращеніемъ и упадкомъ.

Сочинено

чрезъ

ГРАФА де МАРСІЛЬЛІ

ЧЛЕНА

ПАРІЖСКІЯ КОРОЛЕВСКІЯ АКАДЕМІИ НАУКЪ И МОНПЕЛЬЕРСКІЯ

Также

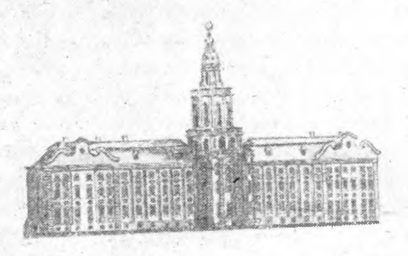
ЛОНДОНСКАГО КОРОЛЕВСКАГО СОЦІЭТЕТА

И

ОСНОВАТЕЛЯ БОЛОНСКАГО ІНСТІТУТА.

Все украшено грыдорованными листами.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.



Печатано въ Санктпетербургѣ при Імператорской Академіи Наукъ.

1737 года.

Титульный лист книги «Военное состояние Оттоманской империи. . . »(СПб., 1737).

Это был перевод Тредиаковским французского издания, вышедшего под названием «La véritable politique des personnes de qualité». Любопытно, что Тредиаковский напечатал перевод за свой счет. Как показывает доношение Тредиаковского в Академию наук, он просил напечатать «Истинную политику» на «собственном ... иждивении артиллерийскими литерами» тиражом 1200 экз.[66] Среди другой нравоучительной литературы этих лет мы видим переиздания петровских книг «Юности честное зерцало» (напечатано дважды: в 1737 и 1740 гг), «Приклады, како пишутся комплементы разные» (СПб., 1725).

Была издана и книга явно педагогического характера. Это было составленное академиком Бюльфингером подробное методическое руководство по обучению малолетнего императора Петра II, вышедшее в двух вариантах: на русском и немецком языках. Русский перевод, сделанный В. Е. Адодуровым, носил название «Расположение учении е. и. в. Петра II...». Автор придерживался передовых взглядов того времени, отстаивал наглядность обучения, разносторонность образования (гуманитарные и естественные науки) с широкой программой обучения.

Об учебных книгах по различным предметам мы уже говорили выше. Следует сказать несколько слов о пособиях для начального обучения: азбуках и букварях. Азбуки, как мы увидим далее (см. главу третью), пользовались большим спросом и поэтому переиздавались неоднократно. Сохранившиеся сведения об издании Московской типографией большими тиражами азбук в 1726, 1728 и 1730 гг.[67] явно неполны, как, по-видимому, и об издании букварей (в 1738 и 1740 гг.). В рассматриваемый период, как и прежде, в качестве учебной литературы использовались некоторые религиозные книги, например учебные псалтыри, отнесенные нами к группе религиозных изданий со светскими мотивами. Но и об этого рода книгах наши сведения неполны. В 1737 г. в типографии Академии наук была напечатана грузинская азбука с переводом на русский язык.

К политической литературе послепетровского времени относились главным образом сочинения Феофана Прокоповича. «Правда воли монаршей» Прокоповича, обосно-

---

[66] Материалы для истории имп. Академии наук, т. 3, с. 460.

[67] Описание документов и дел архива Синода, т. 10, прил. XII, стб. 1086—1094; т. 11, стб. 93—96.

вывавшая право монарха самому выбирать себе преемника, только в 1726 г. вышла 4 изданиями. Из других произведений Прокоповича политического характера следует назвать его «Слова» на погребение Петра Великого (1725), на поминовение Петра, на коронацию Екатерины I, на восшествие на престол Анны Иоанновны.

Юридическая литература этих лет была представлена двумя крупными работами по злободневной в то время проблеме «естественного права» — книгами С. Пуффендорфа «О должности человека и гражданина» (СПб., 1726) и академика Ф.-Г. Штрубе де Пирмонта «Recherche nouvelle de l'origine et des fondemens du droit de la nature» («Новое исследование о происхождении и основах естественного права», СПб., 1740). Необходимо упомянуть также об изданиях, которые по своей тематике стоят несколько особняком от прочих. В 1738 г. Академией наук была издана под названием «Флоринова экономия» книга по домоводству — перевод с немецкого, сделанный С. Волчковым в 1734 г. В двух изданиях вышла книга И.-Д. Прейслера «Основательные правила, или краткое руководство к рисовальному художеству», оба издания с параллельным текстом на русском и немецком языках. Это было первое на русском языке руководство по изобразительному искусству, оно должно было привить у русских людей навыки рисования с натуры. Академия наук ходатайствовала перед Сенатом о распространении этого издания в русских школах в качестве учебного пособия.

Если исходить из данных табл. 4, то может создаться впечатление, что в исследуемый нами период вышло большое число художественных произведений. Однако такой вывод был бы неправильным. Выше уже говорилось, что подавляющее большинство изданий, отнесенных нами к разделу художественной литературы, составляли либретто театральных представлений, дававшихся при императорском дворе, которые сами по себе не представляли какой-либо художественной ценности. К подлинно же художественной литературе можно отнести сравнительно немногие издания этого времени. Среди них в первую очередь следует назвать произведения В. К. Тредиаковского, начавшего свою литературную деятельность именно в этот период. В 1730 г. Академией наук была издана «Езда в остров любви» — перевод в стихах и прозе полузабытого уже в то время во Франции романа П. Тальмана, напи-

санного в аллегорической форме. Вследствие почти полного отсутствия в России беллетристических произведений перевод Тредиаковского имел большой успех. Этому в немалой степени способствовало и то обстоятельство, что роман, целиком посвященный воспеванию любви, был воспринят читателями как антиклерикальное произведение. На страницах 149—210 издания с отдельным шмуцтитулом были помещены «Стихи на разные случаи» на русском и французском языках, написанные В. К. Тредиаковским.

В эти же годы начали издаваться и первые оды Тредиаковского («Ода приветственная ... в день ... торжества ... восшествия ... на престол... Анны Иоановны», СПб., 1733, «Ода торжественная о сдаче города Гданска...», СПб., 1734), а также А. П. Сумарокова (Ее имп. величеству... Анне Иоановне ... поздравленные оды в первый день Нового года 1740...СПб., 1740).

Другие произведения, отнесенные нами к разделу художественной литературы, имеют меньшую ценность. Большую группу среди них составляли издания, связанные с различными торжественными датами (Новый год, именины императрицы, день восшествия ее на престол и т. д.): оды, похвальные стихи, приветственные речи, описания фейерверков и иллюминаций с раскрытием содержания эмблем и девизов и т. д. Такие издания печатались либо параллельно на русском и немецком языках, либо на каждом из этих языков в отдельности. В качестве авторов в этом жанре выступали академики Я. Я. Штелин, Х. Гольдбах, Г.-Ф.-В. Юнкер и др. Сюда же можно условно отнести и некоторые произведения Ф. Прокоповича, например «Слово на новое лето».

И все же основную массу изданий художественной литературы составляли либретто спектаклей, дававшихся в 1733—1735 гг. в придворном императорском театре труппой итальянских артистов. Либретто издавались на немецком и итальянском языках и в переводе на русский язык и имели очень малый тираж — 100 экз. Вот названия некоторых комедий, интермедий, трагедий, опер и т. д.: «Честная куртизанка» (1733), «Арлекин и Смеральдина. Любовники разгневавшиеся» (1733), «В ненависть пришедшая Смеральдина» (1733), «Муж ревнивый» (1734), «Портомоя дворянка» (1734), «Напасти щастливые Арлекину» (1734), «Сампсон» (1735), «Наивысшая слава государю, чтоб побеждать самого себя» (1735). Некоторые

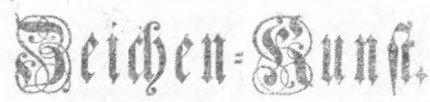
Gründlich-verfaßte

Reguln

oder

kurtze Anleitung

zu der



Erster Theil:

herausgegeben

von

Johann Daniel Preißler,

Der Nürnbergischen Kunst-Mahler-Academie Director.

ОСНОВАТЕЛЬНЫЯ

ПРА́ВИЛА

или

КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО

къ

РИСОВАЛЬНОМУ ХУДОЖЕСТВУ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ,

изданная

отъ

Іоанна Даніила Прейслера,

Управителя Нирнбергской Академіи живописнаго художества

Переведено съ Нѣмецкаго языка при Академіи Наукъ.

St. Petersburg,

Gedruckt bey der Kayserl. Academie der Wissenschafften.

1734.

Титульный лист книги И.-Д. Прейслера «Основательные правила, или краткое руководство к рисовальному художеству» (СПб., 1734).

переводы либретто на русский язык были сделаны В. К. Тредиаковским.

Даже такой краткий обзор изданий художественной литературы 1725—1740 гг. показывает, что они не могли (за редкими исключениями) иметь сколько-нибудь существенного влияния на развитие общественного мнения и эстетических вкусов русских людей вследствие низких художественных достоинств, незначительности тем и узкого круга распространения основной массы этих изданий. Большинство произведений этого жанра издавалось либо для прославления высокопоставленных особ, в первую очередь членов царской фамилии, либо для развлечения верхов русского общества.

Нам остается сказать несколько слов об изданиях религиозного характера. Эти издания, публиковавшиеся кириллицей, мы, как уже говорилось выше, разбили на две неравные группы: религиозные издания со светскими мотивами и все прочие, посвященные всецело религиозной тематике. К первой группе, сравнительно немногочисленной, относятся благодарственные церковные службы в память Ништадского мира со Швецией (таких изданий в 1725—1727 гг. было не менее 7), молебствия о здравии Екатерины I и восшествии на престол Анны Иоанновны и т. д. Сюда же мы отнесли и учебные псалтыри, использовавшиеся и в послепетровское время в качестве учебных пособий наряду с гражданскими букварями и азбуками.

Во вторую группу, насчитывающую в 1725—1740 гг. свыше 150 изданий, входят традиционные религиозные книги, использовавшиеся при церковных службах: Евангелие, Апостол, Псалтырь, Триоди (цветная и Постная), Минеи, Пролог, Часослов, Новый завет, Шестоднев, Ирмологий и т. д., а также богословская литература: «Камень веры» Стефана Яворского, «Православное исповедание веры» Петра Могилы и некоторые другие. Ввиду большой потребности в богослужебных книгах они издавались по многу раз, особенно такие, как евангелия, псалтыри, часословы, минеи, служебники и др. Переиздавались и произведения церковных писателей. Выпуском религиозной литературы занимались Московская и Киевская типографии, некоторые книги выходили в Чернигове.

Обзор изданий 1725—1740 гг. показывает, что в тематике книгопечатания этого периода имелись существенные пробелы. Так, например, по-прежнему не выпускалась

АРЛЕКІНЪ и СМЕРАЛДІНА

ЛЮБОВНИКИ РАЗГНѢВАВШІЕСЯ.

КОМЕДІЯ ІТАЛІАНСКАЯ,

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

1733 года.

Титульный лист либретто «Арлекин и Смеральдина» (СПб., 1733).

медицинская книга, очень мало было книг по русской истории, а издания художественной литературы, несмотря на их многочисленность, были явно не рассчитаны на широкие круги населения. Таким образом, недостаточно учитывались духовные запросы русского общества.

В отношении размера тиражей изданий в послепетровское время больших изменений не произошло. Для церковных книг нормальным продолжал оставаться тираж 1200 экз. Но ходовых книг Московская типография печатала не один, а два и более «заводов», т. е. устанавливала тираж 2400, 4800 экз. и более.[68] Помимо того, ходовые книги постоянно переиздавались. В числе их следует назвать Новый завет, Псалтырь, Апостол, Часослов, Евангелие и др. Некоторые из этих книг в рассматриваемый период переиздавались до 10 и более раз.

Из светских книг наиболее многотиражными были календари. Первое академическое издание календаря (на 1726 г.) имело тираж 1250 экз., календарь на 1727 г. — уже 1500 экз., но в январе 1729 г. президент Академии наук Л. Л. Блюментрост, находившийся тогда в Москве, писал в Академию наук, что этого тиража явно недостаточно, вследствие чего он просил, «чтоб еще 1200 календарей напечатать и оные хотя через месяц времени в Москву прислать». На 1730 г. тираж увеличился до 4100 экз., на 1735 г. — 4200 экз., то же и на 1736 и 1739 гг.[69]

Из других многотиражных светских изданий назовем «Уложение» Алексея Михайловича (1737 г.) — 4500 экз., немецко-русский лексикон Вейсманна (1731 г.) — 2500 экз. По-прежнему большими тиражами выходили азбуки и буквари. Так, Азбука в 1728 г. Московской типографией была издана тиражом 12 000 экз., в 1730 г. — 2995 экз.; Букварь Прокоповича (1738 г.) — 2400 экз. Остальные светские издания выходили тиражом не свыше 1000—1200 экз. и очень редко переиздавались. Такие случаи, как выход в 1734 г. руководства Прейслера по рисованию, а в 1740 г. книги «Житие Марка Аврелия» сразу в двух изданиях, являются исключениями. Некоторые специаль-

[68] Данные о тиражах церковных книг за 1736—1740 гг. см.: Описание документов и дел архива Синода, т. 20. СПб., 1908, стб. 34—36.

[69] Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века, т. 4, с. 228—231.

ные издания печатались небольшими тиражами, например «Сокращение математическое» (1728 г.) — 300 экз. Тираж «слов» духовных лиц значительно колебался в зависимости от темы. Наиболее частым являлся тираж в 300 экз. (например, «Слова» Ф. Прокоповича «На новое лето»), но если предполагалось, что тема «слова» заинтересует многих (например, «Слово на похвалу Петра Великого» Ф. Прокоповича), то тираж увеличивался до 1200 экз.

Часть тиража книг Московской типографии раздавалась бесплатно. В 1726 г. была сделана попытка отказаться от этой практики, убыточной для типографии. Однако уже в декабре 1728 г. «древнее обыкновение» оставлять для бесплатной раздачи по 50 экз. книг каждого выхода снова было подтверждено решением Синода и неуклонно проводилось в жизнь в последующие годы. Из 50 экз., предназначенных для бесплатной раздачи, 1 экз. шел в библиотеку Успенского собора, остальные передавались членам царской фамилии, членам Синода, представителям знати, представителям верхушки служащих типографии (справщики, подьячие, чтецы, писцы). Список на бесплатную раздачу не был постоянным.[70]

Как видно из данных за 1736—1739 гг., некоторых изданий раздавалось бесплатно не 50, а 100 и даже 200 экз., причем книги, подносимые знатным особам, переплетались в дорогие переплеты («по обрезу золотом», «немецкий» — см. табл. 6).[71]

В 1735 г. среди лиц, которым бесплатно подносились книги, значились (в числе министров и генералитета) фельдмаршал И. Ю. Трубецкой, вице-канцлер А. И. Остерман, князь А. М. Черкасский, князь Д. М. Голицын, генерал-адъютант А. И. Ушаков, президент Коммерц-коллегии П. П. Шафиров, главный командир Монетного двора М. Г. Головкин (всем этим лицам не подносились только служебники, раздававшиеся духовенству). Бесплатно издания Московской типографии получили также все члены Синода начиная с Феофана Прокоповича. Кроме того, книги полагались духовнику императрицы Варлааму,

---

[70] ПСПиР, т. 5, с. 341; т. 6, с. 262—264, 275—276; т. 9, с. 48—51; Описание документов и дел архива Синода, т. 9, стб. 785—786 и др.

[71] Описание документов и дел архива Синода, т. 20, стб. 34—36.

Таблица 6

Число экземпляров книг Московской типографии, раздававшихся бесплатно

Год издания	Название книги	Тираж	Общее число розданных бесплатно книг	Из них			
				переплетено «по обрезу золотом»	переплетено в «немецкий переплет»	роздано служащим типографии	осталось после раздачи
1736	Псалтырь учебная без киновари (в 1/2 дести)	2400	100	16	53	30	1
	Требник	1200	50	8	26	15	1
	Псалтырь учебная (в 1/4 дести)	2400	100	16	53	30	1
	Часослов с киноварью	4800	200	32	99	68	1
	Псалтырь следованная	1200	50	8	24	17	1
1737	Псалтырь учебная с киноварью	2400	100	16	49	34	1
	Служба Иоанну Воину	1200	50	8	24	17	1
	Симфония на Апокалипсис	1200	50	30	20	—	—
1738	Святцы	4800	200	32	107	60	1
	Букварь	2400	100	16	53	30	1
	Часослов	2400	100	16	53	30	1
	Новый завет	2400	100	16	53	30	1
	Духовный регламент	1200	50	8	26	15	1
1739	Часослов	4800	200	32	99	68	1
	Служебник	2400	100	16	50	33	1
	Псалтырь учебная	2400	100	16	50	33	1

в Успенский собор, обер-секретарю и секретарям Синода, генерал-обер-гофмейстеру С. А. Салтыкову, московскому генерал-губернатору Чернышеву.[72]

Чрезвычайно широко применялась бесплатная раздача книг в Академии наук. Из сохранившихся архивных материалов видно, что Шумахер не только «подносил» академические издания знатным особам, но и раздавал их академикам, различным служащим Академии, а также целому ряду лиц, в которых Шумахер был заинтересован. Книги, предназначенные для знати, переплетались в дорогие переплеты и хранились в особой «каморе». Многие книги для бесплатной раздачи брались из книжной лавки Академии наук. Только за время с октября 1738 г. до начала процесса Шумахера (октябрь 1742 г.) им взято из книжной лавки для бесплатной раздачи книг на сумму 6065 р. 68 к. В списке получателей значились как отдельные лица, так и учреждения: Канцелярия Академии наук, португальская Академия исторических наук, французская Академия наук и т. д.[73]

Интересны данные о скорости прохождения издательского процесса в Московской типографии. Крупные издания набирались и печатались около года, а иногда значительно дольше, издания меньшего размера — за несколько месяцев, малолистные — всего за несколько дней. Например, известная книга Стефана Яворского «Камень веры» издания 1729 г. проходила издательский процесс в течение 20½ мес., та же книга издания 1730 г. — в течение 10½ мес., Минея общая (1729 г.) — 14 мес., Евангелие (1730 г.) — 11½ мес., Псалтырь с восследованием (1730 г.) — 12½ мес., Часослов без кафизм (1729 г.) — 3½ мес., Святцы (1730 г.) — 4½ мес., Азбука учебная (1728 г.) — 1 мес., грамоты разрешительные — 2 дня и т. д.[74]

Переплет книг сдавался Московской типографией в подряд. Как видно из данных за 1740 г., 8 февраля переплетчику Стефану Рудину с товарищами «девяти человеком» было уплачено 612 р. 30 к. за переплет 1325 книг и 48 тысяч азбук.[75] Книги, распределявшиеся бесплатно,

[72] ПСПиР, т. 9, с. 48—51.

[73] ЛОААН, ф. 3, оп. 1, № 80, л. 146—219.

[74] Описание документов и дел архива Синода, т. 11, стб. 93—96.

[75] Там же, т. 20, стб. 669.

т. е. подносившиеся высокопоставленным особам и раздававшиеся мастеровым типографии, переплетались в различные переплеты (или вовсе не переплетались) в зависимости от того, кому они подносились или раздавались.[76]

Труд мастеровых типографий регулировался специальными инструкциями. Согласно инструкции Академии наук, относящейся ко времени царствования Екатерины I, продолжительность рабочего дня была летом 13 часов, зимой 12 часов, в субботу работали до обеда. За невыход на работу полагался вычет из жалованья, за повторные невыходы налагался штраф. Каждый тередорщик обязан был отпечатать за день зимой 1500 листов, летом — 2000.[77] Как и при Петре I, в послепетровское время существовали два вида оплаты мастеровых типографий: повременная и сдельная. Заинтересованная в интенсификации труда, администрация стремилась всюду, где это было возможно, внедрять сдельную оплату или сдачу работ в подряд. В декабре 1725 г. было решено перевести на сдельную оплату мастеровых «стана фигурного дела» (гравировального). Четырем мастеровым стали платить по 1 руб. за отпечатанную стопу бумаги, тогда как раньше они находились на повременной оплате и получали в год около 100 руб. (т. е. по 25 руб.).[78]

На тяжелые условия труда в типографиях указывают данные, относящиеся к декабрю 1726 г. Настаивая перед Синодом на сокращении числа типографских станов, администрация, между прочим, аргументировала свое предложение тем, что печатники типографии, не имея «перемены» (т. е. смены), работают непосильно: «...понеже де ныне один за двух печатая без перемены в силе своей изнемогает и хворает, а книги марает...». Такие условия не могли не вызывать недовольства мастеровых. А администрация, как видно из того же документа, стремилась избавиться от наиболее строптивых, «отрешала» от работы тех мастеровых, которые проявляли «предерзость».[79]

И все же работа в типографии привлекала грамотных людей различных кругов населения, и в первую очередь

---

[76] Там же, с. 34—36.

[77] Инструкция академикам и другим служащим в Академии. Из времен императрицы Екатерины I. — «Учен. зап. Академии наук по I и III отделениям», 1854, т. 2, с. 189—191.

[78] ПСПиР, т. 5, с. 243—245.

[79] Там же, с. 451—452.

ремесленников. В свою очередь и типографская администрация дорожила кадрами квалифицированных людей, обучить которых было не так просто. Любопытен факт, относящийся к декабрю 1726 г. В это время, как мы знаем, очень остро стоял вопрос о сокращении станов типографии и лишних мастеровых людей. Не желая навсегда лишиться квалифицированных кадров, типография возбудила ходатайство перед Синодом о том, чтобы лишним мастеровым дать «волные пашепорты», с тем чтобы они свободно могли «в городы отъезжать, и в слободы записываться, и в господских домех жить из найму невозбранно», поскольку «среди них есть торговые и ремесленные люди: иконники, живописцы, серебренники, переплетчики и прочие, которые ремеслом своим могут пропитаться и без типографии, а когда понадобятся к нужному делу, тогда и сыскать их можно, ибо будут именоваться типографскими мастеровыми людьми».[80] В первую очередь намечались к сокращению престарелые, а также «предерзостные» люди.

Именно это стремление сохранить кадры до лучших времен, когда создастся возможность расширения издательской деятельности, побуждала администрацию Московской типографии держать в своем штате излишнее число людей. По данным 1729 г., в Московской типографии числилось «на жалованье», т. е. в штате, 94 человека (из них 7 справщиков). Кроме того, 54 человека работали сверх штата.[81]

Интересны сведения о подборе кандидатуры на должность справщика. В 1734 г., после смерти справщика Московской типографии монаха Феолога, встал вопрос о его замене. Типография предложила Синоду назначить справщиком чтеца Илью Васильева, «понеже он греческому диалекту обучен и в книжном правлении весьма потребен и трудился в типографии лет с двенадцать беспорочно», а вместо него в чтецы, «как издревле бывало», «определить» человека из Славяно-греко-латинской академии. Синод в мае 1725 г. предложил «освидетельствовать» Васильева. Ему поручили сделать перевод с греческого, который был одобрен справщиками типографии, после чего Васильева назначили справщиком.[82]

---

[80] Там же.

[81] Описание документов и дел архива Синода, т. 9, стб. 672—673; прил. IX, стб. 83—100.

[82] Там же, т. 14, СПб., 1910, стб. 262—263.

Выходившие из печати книги и периодика подвергались цензуре. Роль цензора изданий своего ведомства осуществлял Синод, однако, как мы увидим далее, цензорские функции Синода распространялись и на светские издания. Основная задача Синода заключалась в том, чтобы светские и духовные издания, а также распространявшиеся среди населения рукописные материалы не подрывали догматов православной церкви и не противоречили установкам духовных властей. Выполняя эти функции, Синод ревностно следил за издательской деятельностью всех типографий своего ведомства, требуя, чтобы все издания строго соответствовали апробированным образцам. Особые подозрения вызывали украинские типографии. Как уже говорилось выше (см. с. 47), Черниговская типография в 1724 г. едва спаслась от разгрома. В августе 1725 г. Синод разрешил типографии печатать книги, с тем чтобы они во всем соответствовали аналогичным апробированным московским изданиям. Не доверяя черниговским духовным властям, Синод потребовал, чтобы до выхода тиража новых книг два экземпляра каждого издания высылались в Москву для контроля.[83] После доноса о том, что в Чернигове не выполняются указания Синода, возникли новые осложнения. И, как мы видели, работа Черниговской типографии была фактически возобновлена лишь во второй половине 1730-х годов.

Лучше обстояло дело с Киевской типографией, хотя и ее деятельность вызывала в Москве недоверие. В ответ на письмо Киевской типографии с просьбой о разрешении печатать нужные для Киевской епархии книги Синод в декабре 1726 г. подтвердил такое разрешение, обязав при этом архимандрита Иоанникия строго соблюдать указ от 5 октября 1720 г. (о том, чтобы киевские издания строго соответствовали московским образцам) и по напечатании тиража высылать в Москву для контроля по 2 экз. каждой книги. Впрочем, сверка киевских изданий с московскими вскоре оказалась для Москвы обременительной, и уже 29 ноября 1727 г. Синод разрешил Киево-Печерской лавре самой «свидетельствовать» книги нового выхода, но все же «для известия» присылать в Синод по 1 экз. книг каждого тиража, которые хранить в Синодальном архиве. Однако если в книги будут сделаны какие-то добавления

---

[83] ПСПиР, т. 5, с. 164.

(например, предисловие), то свидетельствование их в Синоде обязательно.[84]

Под строгим наблюдением находились не только украинские, но и сама Московская типография. В ответ на запрос этой типографии Синоду о том, какие из перечисленных ниже книг можно переиздавать, не спрашивая на то всякий раз разрешение Синода, Синод 31 декабря 1731 г. постановил: из перечисленных в реестре книг «печатать те, которые до церковного круга принадлежат, а в казне их не имеется, или есть, но меньше 100 книг, дабы недостатка не было, печатать же оные книги во всем точно, как и в прежних выходах печатно, не прибавляя и не умаляя ни мало чего под прежесточайшим штрафом».[85]

Цензурный контроль распространялся и на светские издания. Указом Екатерины I от 15 июля 1726 г. запрещалось печатать в России новые книги без апробации государыни.[86] В дальнейшем цензура над изданиями светского содержания была поручена Синоду. В известном указе Верховного Тайного совета от 4 октября 1727 г. о типографиях, которым упразднялась С.-Петербургская типография Синода и гражданское книгопечатание сосредоточивалось в новой типографии Академии наук, говорилось, что издания Академии должны быть предварительно «опробованы» Синодом. Основываясь на этом указе, Синод уже в ноябре 1727 г. потребовал передать ему для цензуры самое первое научно-популярное издание Академии — календарь на 1728 г., что и было выполнено.

Разумеется, цензурный контроль Синода очень обременял Академию наук, которая стремилась добиться большей независимости в отношении цензуры своих изданий и в известной мере достигла этого. В статье Д. В. Тюличева, посвященной цензуре изданий Академии наук в XVIII в., подробно рассматриваются взаимоотношения Академии и Синода в вопросах цензуры. В январе 1728 г. Академия наук обратилась к обер-секретарю Сената

---

[84] Там же, с. 446—447; Описание документов и дел архива Синода, т. 7. СПб., 1885, стб. 334—336.

[85] Описание документов и дел архива Синода, т. 11, стб. 724.

[86] Тонкова Р. М. Петербургские типографии первой четверти XVIII века, включая академическую. — ТИКДП, вып. 5. М.—Л., 1936, с. 115.

И. К. Кирилову за разъяснением, «надлежит ли из Академии наук для апробации святейшему Синоду предложить сочиненные на газеты исторические истолкования, германико-российский лексикон и грамматику». Кирилов ответил, что, по его мнению, не стоит. Руководствуясь таким ответом, Академия наук не стала в дальнейшем посылать в Синод для апробации все без исключения рукописи, а лишь те из них, против публикации которых могли возникнуть возражения Синода. На публикацию всех других рукописей начиная с 1728 г. стал давать разрешение сам президент Академии наук или замещающий его глава Канцелярии Академии наук И. Д. Шумахер. Таким образом, цензура академических изданий отменена не была, а в целом ряде случаев проводилась в самой Академии. Даже научные труды академиков после одобрения их в Академическом собрании печатались лишь после утверждения их президентом или Шумахером.[87] Освобожденные письмом И. К. Кирилова от духовной цензуры, «Примечания» к «Ведомостям» проходили в соответствии с инструкцией 1733 г. предварительную цензуру со стороны одного из 5 старших членов Академии наук.[88]

И все же в сомнительных случаях разрешение на публикацию своих работ Академия должна была получать у Синода или других высших учреждений страны. По-прежнему в Синод для апробации ежегодно представлялись календари, в которых публиковались справочные сведения из разных областей знания, что привлекало особое внимание духовных властей. Приходилось соблюдать осторожность при публикации работ о строении Вселенной, исторических материалов и т. д. И не всегда удавалось Академии получить нужную апробацию. Так, например, из-за противодействия Синода не был опубликован русский перевод известной уже нам речи академика Делиля на тему: вращается земля или нет (французский текст речи был напечатан в 1728 г.). В 1731 г., как мы видели, И. Д. Шумахер не рискнул издать и перевод книги Фонтенеля «Разговоры о множестве миров...», и этот перевод пролежал до 1740 г., когда и был издан. В 1734 г. Си-

---

[87] Тюличев Д. В. Цензура изданий Академии наук в XVIII в. — В кн.: Сборник статей и материалов Библиотеки АН СССР по книговедению, вып. 2, с. 79—84.

[88] Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века, т. 4, с. 171.

РАЗГОВОРЫ
О
МНОЖЕСТВѢ МІРОВЪ
ГОСПОДИНА
ФОНТЕНЕЛЛА
ПАРІЖСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
СЕКРЕТАРЯ.
Съ французскаго перевелъ и потребными
примѣчаніями изъяснилъ
КНЯЗЬ АНТІОХЪ КАНТЕМИРЪ
ВЪ МОСКВѢ 1730 ГОДУ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.
При Імператорской Академіи Наукъ
MDCCXL.

Фронтиспис и титульный лист книги «Разговоры о множестве миров» (СПб., 1740).

нод воспротивился опубликованию русских летописей, поскольку в летописях «писаны лжи явственные» и опубликование их может вызвать в народе «соблазн».[89]

Правительственные перевороты, переход верховной власти из одних рук в другие влекли за собой большие изменения в области цензуры. Так, после переворотов 1740—1741 гг. в соответствии со строжайшими правительственными указами изымались из печати всякие упоминания о прежних правителях империи: регенте Бироне, малолетнем императоре Иоанне Антоновиче и т. д. Вследствие этого издания с именами опальных правителей превратились теперь в библиографическую редкость.[90] Интересно, что в связи с приходом новых правителей попадали под запрет такие издания, которые до того времени не только не вызывали подозрения, но, наоборот, всячески пропагандировались властями. Очень показателен пример «Правды воли монаршей», сочинения Феофана Прокоповича, написанного со специальной целью обосновать известный указ Петра о престолонаследии, дававший право монарху самому назначать себе преемника в обход законных наследников. Книга эта, печатавшаяся при Петре I и Екатерине I большими тиражами и усиленно распространявшаяся, после вступления на престол Петра II, сына устраненного от наследования престола царевича Алексея, попала под запрет. Указом Верховного Тайного совета от 26 июля 1727 г. было предписано изымать петровские указы и манифесты, касавшиеся вопроса о престолонаследии и дел царевича Алексея Петровича и царицы Евдокии Лопухиной.[91] Вместе с ними были изъяты из присутственных мест и у населения все имевшиеся экземпляры «Правды воли монаршей». Всего, по сохранившимся данным, в соответствии с указом Верховного Тайного совета к 19 марта 1733 г. было конфиско-

---

[89] История Академии наук, т. 1, с. 47. См. также: Пекарский П. П. История имп. Академии наук в Петербурге, т. 1, с. LXV—LXVIII, 145—146; Проект издания российских летописей в 1734 году, в каком виде оно предполагалось и отчего не состоялось. — ВМОИДР, 1856, кн. 24, Смесь, с. 49—50.

[90] В Библиотеке Академии наук, например, сохранилось издание 1741 г. «Грациан Придворный человек», на титульном листе которого указано, что оно печаталось при императоре Иоанне Антоновиче.

[91] ПСЗ, т. VII, № 5131, с. 831—832.

вано 14 931 экз. этого издания.[92] Попали под запрет и некоторые другие издания петровского времени. В июне 1731 г. было приказано изъять все имеющиеся экземпляры русского перевода книги Пуффендорфа «Введение в гисторию европейскую» (напечатанную по распоряжению Петра), вследствие того что в этой книге оскорбительно говорилось об отце императрицы Анны — царе Иоанне Алексеевиче. В изъятых у населения книгах Пуффендорфа приказано было делать исправления, после чего они подлежали возврату владельцам. После воцарения Елизаветы Петровны указом 17 ноября 1743 г. книгу Пуффендорфа снова было разрешено свободно продавать.[93]

По-видимому, в связи с изъятием книги Пуффендорфа были поставлены под подозрение и другие русские переводы иностранных книг петровского времени. В 1731 г. Канцелярия тайных розыскных дел запросила Синод, кто были авторы книг «Объявление подлинное и краткое о монашестве», «Толкование блаженств евангельских», «Регламент духовный», «Феатрон исторический», «Пуффендорфия», «Служба благодарственная о замирении России с шведским государством», и если какие-то из этих книг являются переводами с иностранных текстов, то кем именно переведены.[94]

Отношение к ряду указов петровского времени и книгам, изданным по его распоряжению, иллюстрирует изменения, происшедшие в политической жизни России в послепетровское время. Вся литература XVIII в., в том числе и официальная, полна панегирических высказываний в отношении преобразователя страны. И тем не менее заправилы политической жизни не постеснялись запретить не только книги, вышедшие по его непосредственному указанию, но и государственные акты, изданные от имени Петра I и несомненно составленные при его самом ближайшем участии.

Особенно большие заботы доставляло Синоду распространение в стране нелегальной литературы. Сюда относится прежде всего литература старообрядческая, всякого

---

[92] Описание документов и дел архива Синода, т. 7, стб. 143—149.

[93] Там же, т. 11, стб. 298—300, 337—338; ПСПиР, т. 7, с. 284—285; ОИГП, с. 247.

[94] Описание документов и дел архива Синода, т. 11, стб. 280.

рода книги, гравюры, листовки, подрывающие престиж духовных и светских властей, зарубежные издания, противоречащие официальному мировоззрению, принятому в России. В октябре 1731 г. по инициативе Феофана Прокоповича был задержан в Кремле сын пономаря Григорий Черный, торговавший у Вознесенского Девичьего монастыря печатными и письменными листами, среди которых были молитвы, образа, указы. Задержанный показал, что сам он листов не печатает и соответствующих инструментов не имеет, а купил листы для продажи у торговцев Федора Степанова и Степана Федотова. Первый из них продавал свои товары в Кремле у Кирилловского подворья, второй — на Спасском мосту. У «купецкого человека» Степана Федотова оказались «листы» следующего содержания: образа, «Толкование премудрого Льва, царя греческого», молитвы, «О немке, едущей на мужике», «О свинье, едущей на быке», картинка о немке, картинка о немце, «Погребение кота» и др. Федотов показал, что сам он листов не печатает, но приобрел свой товар у некоего человека, который теперь умер. Задержанных обязали не торговать таким товаром и отпустили.[95] Приведенный факт показывает, что некоторые мастера занимались распространением изготовленных ими гравюр антиправительственного содержания и направленных против официальной церковности. Этот вывод подтверждается и таким фактом: по приказу казанского митрополита в 1732 г. был препровожден в Москву старообрядец В. В. Крашенинников вместе со своей библиотекой. В числе его книг имелись и тетради «воровской, а не государевой печати».[96]

Подвергались гонениям и старопечатные, дониконовские книги. У того же старообрядца В. В. Крашенинникова был обнаружен целый ряд таких книг: Триодь 7129 г., Минея 7153 г., Псалтырь 7154 г., Часослов 7143 г.[97] В 1725 г. по распоряжению духовных властей было изъято из церквей Калужской епархии 535 старопечатных книг, и Синод даже не позаботился о том, чтобы заменить эти книги новыми изданиями.[98] В 1733 г., обнаружив, что в петербургском Гостином дворе продавался

[95] Там же, т. 1. СПб., 1868, стб. 171—174.
[96] Там же, т. 11, стб. 709—720.
[97] Там же, стб. 709.
[98] Там же, т. 10, стб. 671—674.

Служебник Московской типографии без титульного листа (где должно быть обозначено, чьим повелением печатается и когда книга вышла из печати), Синод запретил переплет и продажу изданий, не имеющих выходных листов.[99] В 1739 г. по доношению С.-Петербургской портовой таможни Синод запретил (4 мая) купцу Штелегину продавать в России напечатанную в Галле на русском языке книгу «Учение о начале христианского жития».[100]

Из всего сказанного в этой главе видно, что русское книгопечатание в послепетровское время достигло новых успехов, в основном по линии научной литературы, главным образом научной периодики. Однако, как уже отмечалось выше, тематика послепетровского книгопечатания, несмотря на происшедшие существенные сдвиги, по-прежнему имела существенные пробелы. Именно это обстоятельство, а также дороговизна печатных книг (этого вопроса мы коснемся в следующей главе) и несколько официозный характер русской печати, ни в малой степени не отражавшей оппозиционных настроений общества (даже его верхов), были причинами устойчивой позиции рукописных книг, и следовательно, положение дел по сравнению с петровским временем практически мало изменилось.[101]

Узость круга потребителей печатных изданий первой половины XVIII в. как основную причину широкого распространения рукописной литературы отмечал М. Н. Сперанский, по мнению которого типография в этот период обслуживала лишь господствующие классы, а средние и низшие классы пользовались преимущественно рукописной литературой.[102] С точкой зрения Сперанского нельзя полностью согласиться, поскольку, как мы увидим далее (см. главу четвертую), печатная книга в первой половине XVIII в. имела распространение не только среди верхов русского общества; тем не менее факт большей популярности рукописных книг у представителей средних и низших кругов населения, чем у высших, несомненен. Руко-

---

[99] ПСПиР, т. 8, с. 163.

[100] Там же, т. 10, с. 250.

[101] О причинах широкого распространения рукописных книг в петровское время см.: Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века, с. 107—108.

[102] Сперанский М. Н. Рукописные сборники XVIII века. Материалы для истории русской литературы XVIII века. М., 1963, с. 16.

писная книга, как и в петровское время, продолжала существовать наряду с печатной, а в ряде случаев и успешно конкурировала с ней.

Какова же была тематика рукописных книг? Внимательное ознакомление с сохранившимися рукописными материалами, относящимися к послепетровскому времени, позволяет установить, что содержание их было чрезвычайно разнообразно. Здесь были рукописи по истории, географии, математике, физике, медицине, военному и морскому делу, художественная и религиозная литература, сборники правительственных постановлений и т. д. Постараемся на конкретных примерах рукописей, хранящихся в Библиотеке Академии наук и некоторых других библиотеках, показать широту тематики рукописного наследия исследуемого нами периода. По военному делу в Библиотеке Академии наук хранятся, например, такие рукописные книги, как «Фортификация»,[103] «Сборник воинский»,[104] «Kurtzes Compendium der Artillerie»,[105] «Артикул воинский с кратким толкованием и процессами» (рукописная копия петровского издания) [106] и др.

Среди рукописных книг по математике и физике мы видим учебные пособия: «Начальные основания математики»,[107] «Геометрия и геодезия и основание и практика артиллерийского искусства, собранная от разных авторов»,[108] «Записки по математике»,[109] «Алгебра, или арифметика литеральная»,[110] «Сборник, содержащий статьи по геометрии, тригонометрии, географии и навигации»,[111] «О первых учения физического фундаментах».[112] Таким образом, некоторые из перечисленных учебных пособий касались не только математики и физики, но и тех областей, где они применялись: артиллерия, навигация. К числу учебных пособий относился и учебник мореходного дела.[113]

---

[103] БАН РО, Мордов., № 15.
[104] Там же, 45.4.7.
[105] Там же, 44.5.86.
[106] Там же, Плюшк., 242.
[107] Там же, Строг. собр., № 12.
[108] Там же, Собр. музея Прион. края, № 58.
[109] Там же, 26.3.52.
[110] Там же, 26.3.65.
[111] Там же, Собр. тек. пост., 1182.
[112] Там же, 26.3.28.
[113] Там же, 17.6.5.

Большое число рукописей сохранилось по географии. Среди них была и традиционная литература, например «Хождение Трифона Коробейникова», и переводы произведений иностранных писателей, например «Историческое и географическое описание восточной части Европы и Азии» Страленберга, и такие памятники, как «Журнал морского пути Хитрова к Камчатке», сочинение Спафария о Китае, «Описание остяцкого народа и крещения его митрополитом Филофеем Лещинским» Григория Новицкого, «Атлас географический» Лоттера и т. д.

Русских людей продолжает интересовать космография, астрономия (например, «Новосочиненная планетная книга», перевод с латинского) и даже астрология. Появляются рукописи и по анатомии («О познании обычаев человеческих и о возрасте тела»). По-прежнему привлекала к себе внимание медицина. Среди рукописей по медицине мы встречаем такие, как «Лекарственник» Блюментроста, «Прохладный вертоград» и ряд других.

Особенно много сохранилось рукописей исторического характера, которые дошли до нас как в виде отдельных произведений, так и в составе сборников исторического и смешанного содержания. Здесь и традиционные хронографы (например, Хронограф редакции 1617 г.), летописи (например, «Есиповская летопись», «Львовская летопись»), степенные книги, «История астраханская», и исторические сочинения писателей XVII—XVIII вв. («Сказание» Авраамия Палицына, «Летописец» Дмитрия Ростовского, «Ядро российской истории» А. И. Манкиева), и сборники исторических материалов, и исторические труды современных писателей (например, «Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова» Г.-З. Байера), и переводы произведений иностранных авторов («Завещание Ришелье»).

Некоторые рукописи представляли собой выписки из разных памятников, сделанные одним лицом (например, компилятивная летопись, отражающая события с 1552 по 1667 г., хранящаяся в БАН под шифром Тек. пост. 1176). В других рукописях, более раннего происхождения, делались позднее дописки, относящиеся к рассматриваемому периоду. В целом ряде случаев рукописи, входящие в состав сборников и сборных рукописей, имели ранее самостоятельное хождение. Следует отметить наличие большого числа рукописных материалов, посвященных Петру

Великому. Здесь и отдельные памятники, вроде «деяний» и путешествий Петра, и целые сборники различных произведений. Сохранились рукописные экземпляры сочинения П. Н. Крекшина «О зачатии и рождении... Петра Первого», описания погребения Петра и т. д.

Ряд рукописей исследуемого периода относится к разряду экономики (например проект, составленный в августе 1730 г. Пьером Куку, — «Записка о развитии торговли и купечества»,[114] «Книга отпуска соли...» служителей Пыскорского Спасо-Преображенского монастыря за 1726—1727 гг.),[115] к области архитектуры и изобразительного искусства (например, «Правила о пяти ченех архитектуры Виньолы»,[116] «Собрание видов Петербурга и коронационных торжеств»).[117] Большое число дошедших до нас рукописей относится к религиозной литературе. Здесь и традиционные богослужебные книги, и сборники с выдержками из произведений церковных писателей, и др. Примером тематического сборника религиозного содержания может служить рукопись, хранящаяся в БАН под шифром Колоб. 218. В состав ее входят Сказание о Софии, премудрости божией, Сказание о церкви св. Софии, Служба св. Софии, различные «слова» и т. д. Из датированных рукописей Пушкинского дома упомянем «Страсти Христовы» (1739 г.), Катехизис (1731 г.).[118]

Несомненный интерес для исследователей представляют сборники смешанного содержания, отражающие любознательность владельцев. В состав сборной рукописи, хранящейся в РО БАН (16.85.8), входят такие разнородные материалы, как «Посыльная грамота Дмитрия толмача», отрывок Повести о белом клобуке, «О перенесении образа св. Николая из Корсуни в пределы Рязанской земли», выписки из разрядных книг 1601—1605 гг., «Описание Китайского государства. 1619—1620», «Заметки о разделении западных народов на 10 королевств». В состав сборника, хранящегося в РО БАН под шифром 24.5.34, входят выписки из Библии, Евангелия, «Синопсиса», сочинений Барония (печатное издание 1719 г.), сочинений Ивана Дамаскина, «Повесть о воскресении ку-

---

[114] Там же, 31.7.17.
[115] Там же, 1.5.25.
[116] Там же, Петр. гал., 49.
[117] Там же, 30.2.53.
[118] ИРЛИ РО, Перетц, № 248, 256.

рицы в Иерусалиме», летописные записи о восшествии на престол и смерти русских царей от Ивана Грозного до Петра II, помета 1739 г. о затмении солнца 24 июля этого года. Некоторые сборники и сборные рукописи содержали в большом объеме местный материал. Так, например, в сборнике, хранящемся в БАН под шифром 32.8.8, наряду с другими материалами имелся ряд произведений, относящихся к Сибири: «История Сибирской земли», «Описание о поставлении града Тобольска», «Краткое описание Сибирской земли», «Дорога московская чрез Тюмень в слободу и степь» и др.

Для сборников и сборных рукописей характерны не только пестрота тематики, но и смешение материала разных эпох. Наряду с произведениями, восходящими к далекому прошлому (выписки из хронографов, летописей), в них нередко можно найти отзвуки на современные события. И этих отзвуков становится все больше. Процесс осовременивания рукописных книг, наметившийся еще в петровское время, продолжался. Показателен интерес к законодательным материалам, календарям и т. д. До нас дошли рукописные сборники и сборные рукописи правительственных постановлений, например сборник уставов и инструкций по таможенному делу,[119] копии указов Петра I, Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны,[120] копия вексельного устава,[121] большое число копий календарей петровского и более позднего времени, копии воинских уставов, рукописи различных учебных пособий[122] и др.

Доля современного материала в сборниках в значительной мере зависела от места их составления: чем дальше от культурных центров составлялся сборник, тем более архаичным было содержание. Показательны, например, сборники и сборные рукописи, вывезенные Институтом русской литературы АН СССР с низовьев Печоры (усть-цилемские рукописи). В них явно преобладала религиозная тематика. Например, в сборник второй чет-

[119] БАН РО, Тек. пост., 471.

[120] Там же, 16.5.41.

[121] Там же, Колоб., 417.

[122] Целый ряд рукописей учебных пособий, относящихся к исследуемому периоду, хранится в фондах ЦНБ АН УССР. См., например, шифры: $\frac{\text{ДА}}{\text{48П}}$; $\frac{\text{ДА}}{\text{49П}}$; $\frac{\text{ДА}}{\text{50П}}$; $\frac{\text{ДА}}{\text{66П}}$; $\frac{\text{ДА}}{\text{67П}}$.

верти XVIII в., приобретенный в деревне Боровской, входила исключительно религиозная литература: «слова» Ефрема Сирина, тропари, каноны.[123] Почти исключительно религиозного содержания были и рукописные материалы, оставшиеся от старообрядцев и близких к ним лиц.

Особо следует остановиться на рукописных произведениях художественной литературы. В числе рукописного наследия второй четверти XVIII в. до нас дошло немало художественных произведений, а это доказывает, что русский читатель этого периода уделял им значительное внимание. Детально исследуя рукописные сборники XVIII в., М. Н. Сперанский приходит к выводу, что тематика художественных произведений, помещенных в этих сборниках, еще сильно связана с традициями прошлого (русские повести XVII в., повести западного происхождения и т. д.). В первой половине XVIII в. уже наблюдается стремление отозваться на современные события, тяготение к публицистике и т. д. Появляются сборники, тематически тесно связанные с Петровской эпохой, но литературная проза занимала в них сравнительно небольшое место.[124]

Еще А. Н. Пыпин, отмечая разнообразие литературных жанров в рукописных материалах рассматриваемого периода (повести, переводные романы, сказки и т. д.), установил их переходный характер, тесную связь как с допетровской письменностью, так и с последующей русской литературой. Резкого перерыва здесь не было, поскольку литература, вызванная Петровскими реформами, складывалась медленно. Ощутимые проявления ее начинаются лишь около половины столетия, а до тех пор наблюдалось лишь, с одной стороны, прямое продолжение традиций XVII в., с другой — медленное развитие вкусов, которые полностью проявились в дальнейшем.[125]

И действительно, в рукописях рассматриваемого периода встречаются и старинные редакции переводных романов («Рыцарь Петр Златых ключей», «Королевич Брун-

---

[123] Малышев В. И. Усть-цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960, с. 78.

[124] Сперанский М. Н. Рукописные сборники XVIII века, с. 32—33.

[125] Пыпин А. Н. Для любителей книжной старины. Библиографический список рукописных романов, повестей, сказок, поэм и пр., в особенности из первой половины XVIII века. М., 1888, с. III—IV.

цвик»), и более поздние переводы («Евдон и Барфа», «Францнев Венциан», «Гишпанский шляхтич Венциан»), и переводы произведений западноевропейских писателей («Телемака» Фенелона, «Потерянного рая» Мильтона, «Похвалы глупости» Эразма Роттердамского), и традиционные русские повести («Савва Грудцын», «Фрол Скобеев», «Шемякин суд»), и повести, сложившиеся уже в XVIII в., к которым относятся такие, как «Повесть о российском матросе Василии», «Повесть о российском кавалере Александре», «Повесть о шляхетском сыне». Эти последние возникли в первой трети XVIII в. и отражали уже новые черты русского быта, связанные с Петровскими реформами, — заграничные путешествия, обучение за рубежом. В отличие от героев переводных романов герои этих повестей — люди незнатные, которые добиваются успехов лишь благодаря личным качествам.[126]

Сочетание старинных и новых сюжетов в русской литературе особенно проявляется в рукописных сборниках и сборных рукописях этого времени. Вот, например, содержание сборника 1741 г. (ГПБ, Q XV. 139):

Гистория о французском принце Евдоне
Гистория... о любви английские земли кавалера Арсаса тоя ж земли с фрейлиною Размерою
История о шпанском шляхтиче Долторне
Гистория о Александре, российском дворянине.

В сборник начала 40-х годов XVIII в. (ГИМ, Муз. 1283) входили:

Гистория о Францеле Венециане
Гистория о Александре дворянине
Гистория о Елизавете, королеве английской
Гистория о некоем шляхецком сыне
Гистория о Василии, королевиче златовласом
Гистория о российском матросе Василии Кериатцком.[127]

В приведенных примерах повести первой трети XVIII в. сочетаются с традиционными переводными романами. Однако нередко сборники носили еще более пестрый характер, а художественные произведения в них объединялись с религиозной литературой или с материалами исторического содержания. Так, например, в сборник, принадлежавший в 1728 г. подьячему Троице-Сергиевой лавры Уразову (Тих. 211), входили: «Брунцвик», Житие

[126] Моисеева Г. Н. Русские повести первой трети XVIII века. М.—Л., 1965, с. 3.
[127] Там же, с. 86.

Евстахия Плакиды, Сын церковный, Сказание о Мамае; в сборник 1729—1730 гг. (Барс, 1621) входили религиозные сказания, церковные службы, апофегмы, анекдоты.[128]

Еще более пестрый состав отмечает М. Н. Сперанский в сборнике 1734 г. (Тих. 222).:

Повесть об Апполонии Тирском
Повесть о Кеинге и Афире
Шемякин суд
Притча о слепце и хромце (Кирилла Туровского)
Молитва Николаю Чудотворцу
Повесть о царевиче Диоклитиане
Повесть о Савве Грудцыне
Сказание о 12 пятницах
Былина о Илье Муромце
Повесть о Францеле Венецианском.[129]

Здесь самобытная русская литература сочетается с западными романами и религиозными материалами.

Широкое распространение в XVIII в. рукописных материалов, особенно сборников смешанного содержания, объясняет одну из важных причин устойчивости рукописания и в послепетровскую эпоху — возможность подбора в одном переплете произведений, представляющих особый интерес для владельцев. Такую возможность печатная книга того времени дать не могла. Разумеется, это была лишь одна из причин широкого распространения рукописных книг, о других мы уже говорили выше, отмечая, в частности, дороговизну печатных изданий. Переписка в ряде случаев обходилась дешевле, чем покупка, хотя стоимость переписки в XVIII в., как отмечает В. П. Адрианова-Перетц, и возросла по сравнению с XVII в.,[130] поскольку сузился круг профессионалов-переписчиков. Наиболее часты были случаи переписки книг для себя, дававшие возможность обходиться без траты денег на покупку или переписку нужных книг. Среди лиц, переписывавших книги, были представители самых различных слоев населения. Так, например, «Повесть об Ипполите, английском кавалере» была писана «трудами» капитана Хрущова (1741 г.),[131] сборник 1726—

[128] Сперанский М. Н. Рукописные сборники XVIII века, с. 90, 92.

[129] Там же, с. 31.

[130] Адрианова В. П. Материалы для истории цен на книги в Древней Руси в XVI—XVIII вв. СПб., 1912, с. 18.

[131] Пыпин А. Н. Для любителей книжной старины, с. 31.

1734 гг. (Пер. № 240) писал поп Василий Яковлев.[132] Одну из тетрадей сборной рукописи (БАН РО, 21.9.26) переписывал «шуянин Емельян Жуков» (село Шуйское Петрозаводского уезда),[133] в числе переписчиков этого периода значилась и жена подканцеляриста, помещика Пошехонского уезда П. И. Баранова Марфа Андреевна.[134]

Переписка рукописей и печатных книг производилась и в некоторых учреждениях. Показательно, что даже в Академии наук, обладавшей самой мощной в стране типографией, практиковалась переписка или, по тогдашней терминологии, «списывание» книг для своей библиотеки из числа взятых во временное пользование. В фондах Библиотеки Академии наук выявлен целый ряд таких рукописных копий, выполненных в рассматриваемый нами период. В 1737 г. был «списан» перевод турецкой книги «Краткое описание Турецкого государства», сделанный в 1726 г. в Константинополе подьячим Федором Сенюковым. Он принадлежал П. Н. Крекшину, который и предоставил его Академии наук для снятия копии. Копия хранится в Библиотеке Академии наук.[135] В том же 1737 г. с печатного экземпляра была списана «Беседа милости с истиной» Андрея Белободского,[136] примерно в то же время скопирована сборная рукопись, в состав которой входили: письмо Феофана Прокоповича к М. Ф. Миларду (от 9 октября 1733 г.) и вопросы игумена Питирима иеромонаху Герасиму.[137] В 1738 г. скопирован отрывок из рукописи А. А. Матвеева «Записки о бунте стрелецком» и «Извещение прекраткое сказание о ветхом западном Риме» Григория Скибинского[138] и т. д.

Как видно из этих примеров, тематика переписанных в Академии наук книг и рукописей была разнообразна. Академия стремилась пополнить рукописными копиями отсутствовавшие в ее библиотеке книги. Точно так же поступали и частные лица, имевшие книжные собрания.

---

[132] Малышев В. И. Древнерусские рукописи Пушкинского дома. Обзор фондов. М.—Л., 1965, с. 165.

[133] Описание рукописного отделения Библиотеки Академии наук СССР, т. 4, вып. 1. М.—Л., 1951, с. 246—247.

[134] Лебедев А. Н. Надписи на старинных книгах. М., 1896, с. 25. (Прил. к журналу «Книговедение» за 1896 г.).

[135] БАН РО, 17.8.6.

[136] Там же, 16.6.21.

[137] Там же, 17.5.25.

[138] Там же, 32.4.13, 17.8.7.

Г Л А В А Т Р Е Т Ь Я

КНИГОТОРГОВЛЯ

В послепетровское время в России произошли большие изменения в области книготорговли, и эти изменения были в значительной степени связаны с учреждением Академии наук. Ведя большую книгоиздательскую деятельность, Академия наук была крайне заинтересована в продаже своих изданий, вследствие чего уже в первые годы своего существования она была поставлена перед необходимостью создания собственной книжной лавки.

Книжная лавка, или, как она тогда называлась, Книжная палата Академии наук, была учреждена в 1728 г. Впервые она упоминается как существующее учреждение с ноября этого года: в петербургских «Ведомостях» за 26 ноября 1728 г. сообщалось о посещении голштинской делегацией палаты, «в которой книги продаются».[1] В этой же газете за 21 декабря было помещено объявление о продаже в Книжной палате академических календарей на 1729 г., а в приложении к этому номеру («Суплементе») был опубликован перечень 11 книг, продававшихся в это время в Книжной палате.[2] Это была первая книготорговая роспись.

Учреждение при Академии наук книжной лавки преследовало две цели: 1) продажу академических изданий

---

[1] «Ведомости», 1728, № 95, с. 384.

[2] Там же, № 102, с. 412. О начале книготорговой деятельности Академии наук см. также: Бочагов А. Д. Книжная палата Академии наук (1728—1740). СПб., 1893, с. 5—7; Тонкова Р. М. Петербургские типографии первой четверти XVIII века, включая академическую. — ТИКДП, вып. 5, М.—Л., 1936, с. 125.

как внутри страны, так и за рубежом, 2) покупку иностранных изданий для нужд самой Академии наук и ее библиотеки. Как видно из свидетельства ближайшего помощника Шумахера по Библиотеке и Канцелярии Академии наук И. К. Тауберта, эти задачи были поставлены академическим начальством уже при организации книжной лавки. Правда, Тауберт ошибся в дате основания Книжной палаты Академии наук, указав 1729 г. вместо 1728 г.[3]

Таким образом, с самого своего основания книжная лавка Академии наук осуществляла функции, совершенно необычные для прежних русских книжных лавок: наряду с продажей русских изданий — выписку и продажу заграничных изданий, закупленных на Западе. Следует сказать, что вскоре после учреждения Академии наук некоторые зарубежные книготорговцы предлагали Академии разрешить им открыть в России книжную торговлю, но Академия предпочла создать свою лавку. До учреждения этой книжной лавки академические «Ведомости» и календари продавались в академической конторе «Ведомостей».[4]

Первым фактором (книготорговцем) книжной палаты был толмач Михаэль Матисен Траугод, который явно тяготился своей дополнительной обязанностью, хотя обороты книжной лавки в это время были и невелики: выручка за 1729 г. составила всего 506 руб. Новый фактор Ульрици не сумел добиться улучшения в книготорговле и проработал недолго.[5] В июле 1730 г. Шумахер по рекомендации Г.-Ф. Миллера пригласил на должность фактора Книжной палаты опытного немецкого книгопродавца Готлиба Кланера, с которым и был заключен соответствующий контракт. По инструкции, данной Кланеру, ему полагалось продавать издания Академии (принимая меры к тому, чтобы в продаже были «все книги здешнего завода»), а также закупать для Академии наук книги за рубежом, испрашивая на то всякий раз разрешение академического начальства. Кланеру запрещалось продавать книги в кредит и давать их для чтения. В его ведении находились также типография со словолитней, гравиро-

---

[3] ЛОААН, ф. 3, оп. 6, № 2, л. 1—1 об.
[4] Бочагов А. Д. Книжная палата Академии наук..., с. 5.
[5] Там же, с. 9, 10, 12.

вальная палата и переплетная мастерская.[6] При Кланере обороты книжной лавки Академии наук заметно возросли:

Год	Сумма, вырученная за книги	Год	Сумма, вырученная за книги
1729	506 р. 71 5/12 к.	1732	5 380 р. 46 1/3 к.
1730	1 076 р. 61 к.	1733	4 199 р. 76 к.
1731	6 350 р. 87 к.	1734	5 339 р. 61 к.

Увеличение торгового оборота в значительной мере шло за счет возрастания объема торговли иностранными книгами. На распространение в России каждого зарубежного издания требовалось одобрение кого-либо из академиков. Закупка иностранных книг производилась через посредство зарубежных книгопродавцев. Такими комиссионерами Академии наук в 1725—1730 гг. были Вейтбрехт в Амстердаме, Кледичен и Шустерн в Лейпциге.

Кланер обращал большое внимание и на упорядочение отчетности Книжной палаты, были заведены специальные бухгалтерские книги, возрос и штат ее. Помимо фактора Кланера, в Книжной палате с 1735 г. работали бухгалтер Прейслер, получавший 200 руб. в год, и два помощника: «эстляндец» Аврелиус (72 руб. в год) и «русский человек» Яков Трусов (24 руб. в год). Сам Кланер, первоначально получавший 200 руб. в год, а по прошествии двух лет — 250, позднее получал в год уже 500 руб. и 36 руб. квартирных.[7]

По окончании контракта Кланер не пожелал остаться в России. В конце 1738 г. он отказался от своей должности и в следующем году уехал к себе на родину в Лейпциг, продолжая оставаться комиссионером Академии наук по закупке для нее книг. Фактором книжной лавки после него был бухгалтер Прейслер, которому за заведование лавкой к его жалованью бухгалтера (200 руб.) стали дополнительно платить 100 руб. в год.[8] Штат Книжной па-

---

[6] Материалы для истории имп. Академии наук, т. 2. СПб., 1886, с. 56, 57, 103—107, 111—115, 778—779; «Учен. зап. имп. Акад. наук по I и III отделениям», 1854, т. 2, с. 187—189.

[7] Бочагов А. Д. Книжная палата Академии наук..., с. 7, 8, 12, 18, 19, 21.

[8] Материалы для истории имп. Академии наук, т. 4. СПб., 1887, с. 168, 169, 225—228, 372.

латы при Прейслере остался прежним,[9] однако обороты лавки сократились. В 1742 г., например, выручка от продажи книг составила лишь 2887 р. 4 к.,[10] т. е. значительно меньше, чем при Кланере.

Для привлечения покупателей активно использовались объявления в петербургских «Ведомостях». Здесь публиковались и перечни продаваемых в лавке книг, и сведения о предстоящем выходе в свет новых академических изданий, и условия выписки иностранной литературы, и другие сведения, связанные с книготорговлей.

Вот несколько примеров объявлений, помещенных в «Ведомостях» за 1729 г. 18 января сообщалось, что «в палате Академии, где книги продаются, прошлогодские Ведомости все сполна с титулом и реестры получить возможно».[11] 11 марта помещалось извещение, что желающие получить «немецкий, латинский и российский лексикон... полистно» (т. е. по мере напечатания отдельных листов) должны оплатить вперед стоимость издания, после чего они будут получать еженедельно по два листа.[12] 9 августа давалась подробная информация о календарях «на предбудущий 1730 год», имеющихся в продаже.[13] 16 августа 1729 г. сообщалось о предстоящем выходе в свет 2-й части «Комментариев» Академии наук, 3-й части «Сокращений математических», а в следующем году — «Истории Эдессы» академика Байера.[14] 20 сентября читатель извещался о том, что в продаже имеется «Вексельный устав на русском и немецком языках, цена 25 коп.».[15]

Любопытно объявление, помещенное 1 марта того же года. «Охотникам до изрядных книг» сообщалось, что в «академической Книжной палате реестр всяким преизрядным книгам безденежно дается», а если найдутся желающие приобрести книги, не указанные в реестре, то Книжная палата окажет надлежащие услуги, и книги,

---

9 ЛОААН, ф. 3, оп. 1, № 68, л. 241 об. В Книжной палате в этом году числились: бухгалтер Прейслер (300 руб. в год), кассир Розен (150 руб. в год), служитель Аврелиус (72 руб. в год), ученик Трусов (24 руб. в год).

10 Бочагов А. Д. Книжная палата Академии наук..., с. 23.

11 «Ведомости», 1729, 18 января, № 5, с. 20.

12 Там же, 11 марта, № 20, с. 80.

13 Там же, 9 августа, № 63, с. 252.

14 Там же, 16 августа, № 65, с. 260.

15 Там же, 20 сентября, № 75, с. 300.

«которые ныне еще к продаже не готовы, первым корабелным путем из Германии, Галандии и прочих мест сюда привезены» будут. При этом с покупателей сверх цены книг будет удержана только стоимость перевозки.[16] Росписи продававшихся в академической лавке книг печатались не только в «Ведомостях», но и отдельными изданиями; например, сохранились росписи, вышедшие в 1735, 1736, 1740 гг.

Таким образом, в первой половине XVIII в. в России появилась книготорговая реклама. Правда, она велась еще неумело, и это неумение заинтересовать по-настоящему покупателя отмечал еще П. Н. Столпянский.[17]

Стремясь к расширению торговли, Академия наук пыталась использовать для этой цели различные каналы, включая и частных книготорговцев. Так, в 1729 и 1730 гг. фактором книжной палаты Ульрицем были переданы продавцу синодальной книжной лавки Андрею Недьякову различные книги и «Ведомости» (на общую сумму 128 р. 80 к.) для продажи их в синодальной лавке. Впрочем, этот опыт оказался неудачным: за 10 лет Недьяков сумел продать этих книг лишь на 5 руб.[18] Позднее Недьяков попал под суд; и только в 1747 г. Академии наук удалось получить обратно нераспроданные им книги издания 1729 г.: «Вексельный устав» (70 экз.), «Немецкий тариф» (1 экз.), «Трактат о мире с Персией» (76 экз.), «Ведомости» и «Примечания» к «Ведомостям». Все это было передано снова в книжную лавку Академии наук. Нераспроданные же календари прежних лет издания поступили в академическую типографию в качестве макулатуры, так как продать их Академия уже не надеялась.[19]

Более крупным комиссионером по продаже академических изданий оказался московский купец и «библиотекарь» В. В. Киприанов, сын известного владельца частной типографии В. О. Киприанова. Деловые отношения

---

[16] Там же, 1729, 1 марта, № 17, с. 68.

[17] Столпянский П. Н. Книга в старом Петербурге. Книжная лавка XVIII века. — В кн.: Русское прошлое. Исторические сборники. Сб. 1. Пг.—Москва, 1922, с. 110.

[18] Описание документов и дел архива Синода, т. 16. СПб., 1906, стб. 497—498.

[19] ЛОААН, ф. 3, оп. 1, № 108, л. 159—160.

с Киприановым у руководителя академической канцелярии И.-Д. Шумахера завязались еще в 1728 г. через посредство И. К. Кирилова. Киприанову направлялись в Москву для продажи календари, «Ведомости» и другие издания Академии наук. 16 декабря 1728 г. Киприанову была выслана первая партия книг — 500 экз. различных календарей на общую сумму 47 р. 50 к. Календари в Москве хорошо продавались, и в январе 1729 г. была направлена Киприанову вторая партия — 600 экз. В том же месяце Академия наук выслала в Москву первую партию научных книг — 15 экз. «Сокращения математического» в 2 частях. В дальнейшем, до 1731 г. включительно, Киприанову регулярно направлялись для продажи в Москве календари (в больших количествах), «Ведомости», научные и иллюстрированные издания.[20] Однако книготорговые дела у Киприанова шли не особенно хорошо. По-видимому, в этом был повинен сам Киприанов, который, по свидетельству академика Х.-Ф. Гросса, занимался больше своими кирпичными заводами и постоянно отсутствовал в книжной лавке.[21] Академия наук стала тяготиться поддержанием деловых связей с Киприановым. В 1732 г. он уже не был комиссионером Академии. Однако за Киприановым накопился за это время солидный долг Академии наук, который он смог погасить лишь в 1737 г.[22]

Другим комиссионером Академии наук в Москве был переплетчик Иоганн Войткен. В петербургских «Ведомостях» от 6 апреля 1730 г. было помещено объявление, что «напечатанные при Академии в Санкт-Петербурге книги можно приобрести в Москве у тамошнего переплетчика Иоганна Войткена в Немецкой слободе».[23] Войткен (или Войдеке) не был аккуратен в расчетах с Академией наук. Это видно из переписки его с Шумахером, относящейся к более позднему времени. В письме от

---

[20] Там же, № 703, л. 138—215. См. также: Бородин А. В. Московская гражданская типография и библиотекари Киприановы. — ТИКДП, вып. 5, с. 97—105.

[21] Пекарский П. П. История имп. Академии наук в Петербурге, т. 1. СПб., 1870, с. 219.

[22] Бородин А. В. Московская гражданская типография..., с. 106, 107.

[23] «Ведомости», 1730, № 28, 6 апреля. См. также: Бородин А. В. Московская гражданская типография..., с. 106.

11 ноября 1745 г. Войткен предлагал возобновить деловые отношения с Академией наук, прерванные на длительное время, и просил отпустить ему для продажи в Москве 1000 календарей из 30% комиссионных. Академия выразила согласие при условии, что Войткен погасит свои прежние долги книжной лавке и что академические издания ему будут отпускаться непосредственно из книжной лавки за наличный расчет.[24] А долг за Войткеном значился огромный — 503 р. 77 к.[25]

Деловые связи поддерживались с рядом московских купцов, однако и здесь, как и в случаях с Киприановым и Войткеном, Академия наук имела много неприятностей. В 1742 г. за московскими купцами Ильей Петровым и Сергеем Васильевым «за взятые ими в 1731 году календари и протчие книги» (на сумму 118 р. 5 к.) значился долг 73 р. 5 к. Академия наук неоднократно писала по этому поводу в Московскую ратушу, но безрезультатно. В 1744 г. она вынуждена была обращаться за помощью в Главный магистрат, чтобы тот взыскал долг как с Петрова и Васильева, так и с Войткена.[26]

Таким образом, с комиссионерами по продаже книг Академии наук явно не везло, однако и в самой книжной лавке торговля шла не бойко. Хорошо продавались лишь календари. Это видно из сохранившихся данных за 1742 г. За время с 20 декабря до конца года было продано всего 15 русских книг: «Юности честное зерцало» (2 экз.), «Пиитика» Тредиаковского, «Аглинский купеческий трактат», «Российский лексикон», «География», «Расположение учении Петра II», «Флоринова экономия» (3 экз.), «Описание солнечных часов» и др., 1367 русских календарей, 293 немецких календаря и 3 плана Петербурга и Москвы.

Кроме того, с 16 декабря до конца года было продано 79 экз. газеты «Ведомости» на русском и немецком языках.[27]

Разумеется, подобные итоги не могли радовать академическое начальство, поскольку и русские, и зарубежные издания продолжали поступать в книжную лавку

---

[24] ЛОААН, ф. 3, оп. 1, № 99, л. 85—88.
[25] Там же, оп. 6, № 14, л. 1—1 об.
[26] Там же, № 11, л. 10 об.; № 14, л. 1—1 об.
[27] Там же, ф. 3, оп. 1, № 73, л. 26—27.

в большом количестве. В сентябре 1739 г. в Книжной палате находилось:

иностранных изданий на сумму	9 739 р. 55 к.
академических изданий . . .	49 518 р. 03 к.
напечатанных в Академии ландкарт, портретов	270 р. 15 к.
Итого	59 527 р. 73 к.[28]

Трудности с распродажей книг побудили академическое начальство в 1742 г. внести предложение об обязательной покупке книг представителями различных категорий населения (чиновниками, купцами и др.), но Сенат такое предложение не утвердил.[29] Конечно, обязательная покупка академических изданий не являлась выходом из положения. Книги расходились плохо и вследствие дороговизны их, и вследствие непривычности для русских людей тематики изданий Академии наук. Книжная палата испытывала постоянные финансовые затруднения, которые еще усугублялись тем обстоятельством, что покупатели книг, особенно высокопоставленные лица, не торопились платить деньги за взятые ими книги. В 1740 г. общая задолженность книжной лавке достигла огромной суммы — 6250 р. 95 к.; в списке 74 должников, помимо знати (царевна Елизавета Петровна, герцог Курляндский, Б.-Х. Миних, принц Брауншвейгский, А. П. Волынский и др.), значились также академическое начальство, крупные чиновники и отдельные представители других слоев населения.[30]

Государственные учреждения были также должны Книжной палате крупные суммы за отпущенные им книги. Так, Сенат за 1737—1742 гг. задолжал Академии наук 8211 р. 59 к. В списках должников, хотя и на гораздо меньшие суммы, числились также: Кадетский корпус, Медицинская канцелярия, Бергколлегия и целый ряд других учреждений.[31]

Распространяя в России зарубежные издания, Книжная палата находилась в двойственном положении: с одной стороны, она стремилась продать возможно больше

[28] Материалы для истории имп. Академии наук, т. 4, с. 264.

[29] Тонкова Р. М. Петербургские типографии первой четверти XVIII века..., с. 126.

[30] ЛОААН, ф. 3, оп. 6, № 9, л. 1—4.

[31] Там же, № 11, л. 8—13 об.

книг, с другой — опасалась конкуренции со стороны иностранных книг изданиям Академии. Именно этой боязнью было вызвано, например, запрещение 29 сентября 1732 г. продажи немецкой книги «Тариф». Вместе с тем принимались серьезные меры противодействия попыткам зарубежных книгоиздателей перепечатывать русские книги. Так, например, книга академика И.-Г. Лейтмана о нарезном оружии, напечатанная в Академии наук в 1733 г., была переиздана нюрнбергским книгоиздателем А. Шмидтом. Академия наук в мае 1735 г. выразила энергичный протест императорскому комиссару по книжному делу во Франкфурте, в результате которого издание Шмидта было конфисковано. По настоянию Академии в Польше также была запрещена перепечатка русских изданий.[32]

Ко времени, когда была учреждена Книжная палата Академии наук, Петербургская типография, как мы уже знаем, прекратила свое существование. Однако в книжной лавке и на складе этой типографии оставалось еще большое число книг. Продавать книги Синод поручил уже известному нам надсмотрщику Андрею Недьякову, в помощь которому было дано несколько работников бывшей Петербургской типографии, оставленных в Петербурге после переезда всех других в Москву. В книжной лавке, помещавшейся в петербургском Гостином дворе, имелось в это время книг петербургской и московской печати на сумму около 500 руб. Кроме того, непроданные издания петербургской и московской типографий Синода на сумму свыше 7270 руб. хранились при Оружейном дворе.[33]

В последующие годы Недьяков был занят продажей оставшихся книг, и синодальная книжная лавка в Петербурге продолжала свое существование. Таким образом, предположение А. Д. Бочагова о том, что после ликвидации типографии в Петербурге ее книжная лавка была преобразована в книжную лавку Академии наук,[34] не подтверждается. Напротив, продавая синодальные книги

[32] Материалы для истории имп. Академии наук, т. 6, СПб., 1890, с. 387, 388; ЛОААН, ф. 3, оп. 6, № 4, л. 1—6 об.; № 5, л. 1—3 об.

[33] Описание документов и дел архива Синода, т. 4, стб. 393. Петербургская и московская типографии Синода в петровское время, как известно, обменивались своими изданиями. Московских изданий в Петербургской книжной лавке было, разумеется, значительно меньше, чем петербургских.

[34] Бочагов А. Д. Книжная палата Академии наук..., с. 9.

в своей лавке, Недьяков даже брал на комиссию некоторые издания Академии наук, однако, как мы видели, ему удалось продать не много. Впрочем, и в торговле синодальными изданиями Недьяков не преуспел. В 1732 г. Синод обратил внимание на то, что суммы, вырученные от книготорговли, которые он время от времени сдавал Синоду, очень малы (за 4 года, с 1728 по 1732, Недьяков, по его данным, продал книг всего на 149 р. 7 к.). Заподозренный в нечестности, Недьяков был отстранен от книготорговли и отдан под суд. Дело это, как и другие подобные процессы, растянулось надолго. Недоимку с него взыскать так и не удалось. В 1741 г. дело Недьякова было прекращено «за скудностью его» (Недьякова), и недоимка списана. Возможно, что подобная мягкость решения правительства являлась результатом заступничества сына Недьякова — Иллариона, синодального служащего. Интересны сведения о том, какое вознаграждение получал Недьяков как продавец книжной лавки: 35 р. и 3 юфти хлеба в год. За недостатком в Синоде денег жалованье ему и оставшимся с ним в Петербурге синодальным служащим нередко выдавалось книгами.[35]

После отстранения Недьякова Синод в сентябре 1738 г. поручил принять книги и продавать их в Петербурге наборщику Московской типографии Сергею Сидорову (какое-то время, пока выяснялась недоимка Недьякова, — 1732—1738 гг. — книжная лавка в Петербурге, видимо, вообще не работала). В декабре 1738 г. Сидоров представил в Синод ведомость книг, принятых от Недьякова.[36]

В фондах Центрального государственного архива древних актов имеются очень интересные данные о дальнейшей судьбе книг Петербугской типографии. Сохранилась учетная книга изданий, проданных наборщиком Сергеем Сидоровым за время с 15 марта 1739 г. по февраль (включительно) 1741 г.[37] Регистрировались буквально каждая проданная книга и все имена покупателей. Эти данные позволяют установить не только размер торговых оборотов петербургской книжной лавки, но и все виды продаваемых ею изданий. Продавались и солидные изда-

[35] Описание документов и дел архива Синода, т. 4, стб. 393—400.

[36] Там же, с. 398—399.

[37] ЦГАДА, ф. 1184, оп. 1, № 393, л. 1—32.

ния, например «Историография... народа славенского», книга Квинта Курция об Александре Македонском, и мелкий печатный материал (проповеди, «слова» и т. д.), а также гравированные листы (чертежи, портреты, изображения церквей), карты. Об объеме торговых оборотов лавки Сидорова дает представление табл. 7.

Как видно из таблицы, за 23½ месяца было продано 924 книги на сумму 303 р. 24 к. и, кроме того, иллюстративные материалы и карты. Карт было продано всего две, но они стоили дорого (карта Варяжского моря — 3 р. 54 к., карта Европы — 72 коп.). Число продаваемых в месяц книг колебалось в очень больших пределах (от 1 до 186), что в значительной мере объясняется разнородностью материлов, принятых в таблице за проданную единицу. Такие мелкие издания, как проповеди, покупались в значительно большем количестве, чем книги. Например, из числа 186 изданий, купленных в мае 1739 г., 168 составляли проповеди. Цифра месячной выручки за книги была более устойчива, но и здесь имелись довольно значительные отклонения, причем какой-либо закономерности в изменении этой цифры по временам года не наблюдалось. В среднем продавалось в месяц 39 книг на сумму около 17 руб. Как видно, Сидоров продавал книги более успешно, чем Недьяков. Однако обороты Петербургской книжной лавки в указанные годы не шли ни в какое сравнение с оборотом Московской лавки (см. ниже), что в какой-то мере объяснялось тем, что продавались не новые издания, а прежних лет. Сведений о дальнейшей судьбе Петербургской книжной лавки Синода нам отыскать не удалось.

Самой крупной книжной лавкой в России после книжной лавки Академии наук была лавка Московской синодальной типографии, существовавшая с 40-х годов XVII в. Основная задача ее заключалась в продаже изданий Московской типографии. Вышедшие книги отпускались типографией «под поручные записи» лавочнику-сидельцу, который и продавал их в своей лавке. При этом типография следила за тем, чтобы задолженность ей продавца за отпущенные ему книги не превышала установленной суммы. Так, в сентябре 1731 г. типографией было признано, что продавца Алексея Федорова, хорошо отчитавшегося за отпущенные ему ранее для продажи книги, можно и впредь оставить в лавке и отпускать ему из типографии

Таблица 7

Продажа изданий Петербургской типографии в 1739—1741 гг.

Дата	Число проданных книг	Стоимость			Сумма
		книг	иллюстративного материала	карт	
1739					
Март	6	2 р. 35 к.	55 к.	—	2 р. 90 к.
Апрель	19	8 р. 45 к.	1 р. 12 к.	3 р. 54 к.	13 р. 11 к.
Май	186	26 р. 60 к.	—	—	26 р. 60 к.
Июнь	7	1 р. 95 к.	—	—	1 р. 95 к.
Июль	1	45 к.	1 р. 30 к.	—	1 р. 75 к.
Август	40	9 р. 23 к.	54 к.	—	10 р. 47 к.
Сентябрь	75	22 р. 35 к.	—	—	22 р. 35 к.
Октябрь	46	15 р. 96 к.	—	72 к.	16 р. 68 к.
Ноябрь	43	17 р. 5 к.	—	—	17 р. 5 к.
Декабрь	36	16 р. 55 к.	89 к.	—	17 р. 44 к.
Итого	459	121 р. 64 к.	4 р. 40 к.	4 р. 26 к.	130 р. 30 к.
1740					
Январь	5	2 р. 45 к.	—	—	2 р. 45 к.
Февраль	6	3 р. 31 к.	—	—	3 р. 31 к.
Март	74	36 р. 74 1/4 к.	97 к.	—	37 р. 68 1/4 к.
Апрель	12	6 р. 37 к.	—	—	6 р. 37 к.
Май	17	6 р. 23 к.	39 к.	—	6 р. 62 к.
Июнь	23	12 р. 93 к.	—	—	12 р. 93 к.
Июль	47	14 р. 95 к.	—	—	14 р. 95 к.
Август	16	10 р. 32 к.	—	—	10 р. 32 к.
Сентябрь	79	35 р. 26 к.	—	—	35 р. 26 к.
Октябрь	30	9 р. 51 к.	15 к.	—	9 р. 66 к.
Ноябрь	98	21 р. 64 3/4 к.	—	—	21 р. 64 3/4 к.
Декабрь	25	7 р. 94 к.	—	—	7 р. 94 к.
Итого	432	167 р. 63 к.	1 р. 51 к.	—	169 р. 14 к.
1741					
Январь	22	8 р. 31 к.	—	—	8 р. 31 к.
Февраль	11	5 р. 66 к.	—	—	5 р. 66 к.
Итого	33	13 р. 97 к.	—	—	13 р. 97 к.
Всего	924	303 р. 24 к.	5 р. 91 к.	4 р. 26 к.	313 р. 41 к.

«книг и листов» на сумму до 1000 руб.[38] В дальнейшем так и делалось. По мере продажи книг и сдачи вырученных денег типографии Федоров каждый раз получал новую партию книг на сумму, равную выручке от проданной литературы. Это хорошо видно из сохранившихся архивных материалов. В фондах Центрального государственного архива древних актов хранятся «записные книги» переданных в лавку из типографии и проданных лавкой книг в 1731—1740 гг.[39] Получив в октябре 1731 г. книг от «расходчика» типографии Чупреянова на сумму 1000 руб., лавочник Алексей Федоров примерно раз в месяц сдавал в типографию выручку и получал новую партию книг с таким расчетом, чтобы задолженность Федорова типографии не превышала установленных 1000 руб.

Материалы записных книг хорошо иллюстрируют размах книжной торговли Московской типографии в 30-х годах XVIII в. Суммы, вырученные типографией за проданные книги в 1731—1740 гг.:[40]

	Дата	Сумма		Дата	Сумма
1731	22 дек.	376 р. 5 к.	1733	Январь	256 р. 12 к.
1732	Февраль	508 р. 30 к.		Февраль	464 р. 30 к.
	Март	511 р. 50 к.		Март	653 р. —
	Апрель	432 р. —		Апрель	589 р. —
	Май	139 р. 50 к.		Май	241 р. —
	Июнь	284 р. —		Июнь	251 р. 31 к.
	Июль	311 р. 45 к.		Июль	328 р. 25 к.
	Август	308 р. 5 к.		Август	368 р. 85 к.
	Сентябрь	256 р. 50 к.		Сентябрь	223 р. —
	Октябрь	134 р. 80 к.		Октябрь	320 р. —
	Ноябрь	111 р. 16 к.		Ноябрь	187 р. —
	Декабрь	139 р. 70 к.		Декабрь	230 р. 50 к.
	Итого	3136 р. 96 к.		Итого	4112 р. 43 к.
1734	Январь	273 р. 50 к.	1735	Январь	378 р. 65 к.
	Февраль	459 р. 25 к.		Февраль	430 р. $21^3/_4$ к.
	Март	552 р. 25 к.		Март	1092 р. 26 к.
	Апрель	471 р. —		Апрель	198 р. 45 к.
	Май	93 р. 65 к.		Май	271 р. 70 к.
	Июнь	203 р. 60 к.		Июнь	226 р. 13 к.
	Июль	180 р. 45 к.		Июль	426 р. 70 к.

[38] Описание документов и дел архива Синода, т. 11. СПб., 1903, стб. 51.

[39] ЦГАДА, ф. 1184, оп. 1, № 301, л. 1—47 об.; № 309, л. 1—10; № 312, л. 1—64; № 313, л. 1—36; № 354, л. 1—45 об.; № 369, л. 1—22; № 390, л. 1—11.

[40] Данные о продаже книг за 1731—1736 гг. (первая половина) взяты из ЦГАДА, ф. 1184, оп. 1, № 301, л. 40—47 об.; данные

Продолжение

Дата	Сумма
Август	390 р. —
Сентябрь	257 р. —
Октябрь	156 р. 90 к.
Ноябрь	249 р. —
Декабрь	246 р. 90 к.
Итого	3533 р. 50 к.

Дата	Сумма
Август	387 р. 70 к.
Сентябрь	283 р. 28 к.
Октябрь	298 р. 87 к.
Ноябрь	310 р. 12 к.
Декабрь	406 р. 26 к.
Итого	4710 р. $33^{3}/_{4}$ к.

Дата		Сумма
1736	Январь	657 р. 41 к.
	Февраль	606 р. 51 к.
	Март	379 р. 20 к.
	Апрель	233 р. 87 к.
	Май	512 р. 76 к.
	Июнь	362 р. 21 к.
	Июль	108 р. 13 к.
	Август	848 р. 38 к.
	Сентябрь	160 р. $80^{1}/_{2}$ к.
	Октябрь	477 р. $53^{1}/_{2}$ к.
	Ноябрь	497 р. 70 к.
	Декабрь	451 р. 15 к.
	Итого	5295 р. 66 к.

Дата		Сумма
1737	Январь	610 р. $53^{3}/_{4}$ к.
	Февраль	524 р. $22^{1}/_{2}$ к.
	Март	1035 р. 47 к.
	Апрель	412 р. $19^{1}/_{4}$ к.
	Май	765 р. $51^{1}/_{4}$ к.
	Июнь	63 р. 67 к.
	Июль	235 р. 38 к.
	Август	569 р. 18 к.
	Сентябрь	510 р. 19 к.
	Октябрь	133 р. $86^{1}/_{2}$ к.
	Ноябрь	472 р. $23^{1}/_{2}$ к.
	Декабрь	1368 р. $25^{1}/_{2}$ к.
	Итого	6650 р. $71^{1}/_{4}$ к.

Дата		Сумма
1738	Январь	207 р. $95^{1}/_{4}$ к.
	Февраль	637 р. 39 к.
	Март	620 р. $81^{1}/_{4}$ к.
	Апрель	1209 р. 21 к.
	Май	434 р. 35 к.
	Июнь	663 р. 67 к.
	Июль	913 р. 99 к.
	Август	182 р. $2^{1}/_{2}$ к.
	Сентябрь	513 р. $16^{1}/_{2}$ к.
	Октябрь	207 р. 5 к.
	Ноябрь	635 р. $1^{3}/_{4}$ к.
	Декабрь	164 р. 51 к.
	Итого	6389 р. $14^{1}/_{2}$ к.

Дата		Сумма
1739	Январь	341 р. 41 к.
	Февраль	1422 р. 01 к.
	Март	549 р. $38^{1}/_{4}$ к.
	Апрель	188 р. $65^{1}/_{4}$ к.
	Май	237 р. 69 к.
	Июнь	1211 р. $16^{1}/_{4}$ к.
	Июль	149 р. 15 к.
	Август	155 р. 85 к.
	Сентябрь	92 р. 59 к.
	Октябрь	140 р. 67 к.
	Ноябрь	229 р. $94^{1}/_{2}$ к.
	Декабрь	195 р. $65^{1}/_{4}$ к.
	Итого	4914 р. $16^{1}/_{4}$ к.

Дата		Сумма
1740	Январь	817 р. 18 к.
	Февраль	670 р. 4 к.
	Март	1400 р. $73^{3}/_{4}$ к.
	Апрель	674 р. $26^{1}/_{4}$ к.
	Май	488 р. 3 к.
	Июнь	604 р. $16^{1}/_{2}$ к.*
	Июль	346 р. 98 к.**
	Август	302 р. 64 к.
	Сентябрь	537 р. $67^{1}/_{2}$ к.***
	Октябрь	422 р. $87^{1}/_{2}$ к.
	Ноябрь	438 р. 30 к.
	Декабрь	473 р. $10^{1}/_{4}$ к.
	Итого	7175 р. $98^{1}/_{4}$ к.

* В том числе получено от лавочника В. Алексеева 250 р. 14 к.
** В том числе от В. Алексеева 151 р. 60 к.
*** В том числе от В. Алексеева 330 р. 65 к.

Из этих данных видно, что сумма книгооборота Московской книжной лавки за 1731—1740 гг. имела тенденцию к возрастанию (в 1732 г. — 3136 р. 96 к., в 1740 г. — 7175 р. 98½ к.). Однако, если мы сравним эти данные со сведениями за 1702—1715 гг.,[41] то увидим, что за 30 лет больших изменений не произошло и обороты Московской лавки в 30-х годах XVIII в. остались на уровне 1700—1710-х годов.

Что же касается изменения объема книгооборота по месяцам года, то здесь, как и прежде, проследить какую-то закономерность трудно. В таблице, как мы видим, есть примечания, указывающие, что суммы, вырученные за продажу книг в книжной лавке в июне, июле и сентябре 1740 г., составляют лишь часть общей суммы выручки от книготорговли в эти месяцы. Отсюда следует, что московская типография продавала книги не только в своей лавке, но и помимо нее.

На основании изучения книг, продававшихся в Московской книжной лавке, устанавливается, что ею продавались не только религиозные книги. Дело в том, что Московская типография, несмотря на прямое указание издавать лишь церковные книги, продолжала, как мы видели (см. главу вторую), печатать и кое-какую учебную литературу, которая была в большом ходу. Из данных тех же архивных дел видно, что в Московскую синодальную книжную лавку постоянно отпускались для продажи буквари, азбуки, учебные псалтыри и часословы, кое-какие гражданские издания петровского времени. Таким образом, говорить о специализации Московской лавки на продаже только религиозной литературы можно только условно.

В течение длительного времени «сидельцем» (продавцом) московской книжной лавки был Алексей Федоров «из купечества, переплетчиков сын». Он числился в Московской типографии батыйщиком, но там не работал, по-

---

за второе полугодие 1736 г. и за 1737 г. — там же, № 312, л. 1—164; данные за 1738 г. — там же, № 354, л. 1—45; данные за январь и февраль 1739 г. — там же, № 390, л. 1—11; данные за март—декабрь 1739 г. — там же, № 319, л. 1—31 об.; данные за 1740 г. взяты из «Описания документов и дел архива Синода», т. 20. СПб., 1908, с. 666—692.

[41] Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973, с. 114.

скольку находился «у лавочной продажи на жалованье».[42] За период с 1726 г. по сентябрь 1736 г. Федоров получил из типографии книг для продажи на общую сумму 8024 р. 43 к. и сумел в этой сумме хорошо отчитаться.[43] В дальнейшем (вплоть до конца 1737 г.) он, как мы видели, регулярно получал из типографии книги для продажи в лавке. В 1738—1740 гг. лавочником уже был Василий Алексеев. За свою работу в качестве сидельца Алексеев получал «кормовых денег» 5 коп. в день.[44] «Расходчиками» типографии, отпускавшими книги в лавку, были в разное время: канцелярист типографии Иван Яковлев (с 1726 г.), Андрей Чупреянов (с октября 1731 г.), Илья Иванов (с июля 1736 г.). Книги из типографии расходчикам выдавались справщиками и записывались в специальные тетради. Расходчик обязан был ежемесячно вносить деньги за книги, проданные как в книжной лавке, так и непосредственно им самим.[45]

Для обеспечения лучшего успеха торговли Синод 26 февраля 1741 г. распорядился завести в книжной лавке алфавитные списки продаваемых книг с указанием цен. Продавцы книг обязывались находиться в лавке неотлучно с 8 утра до 7 часов вечера.[46] Несмотря на сравнительно большие обороты книготорговли, книг в лавку поступало все же значительно больше, чем удавалось продать, и год от года количество нераспроданных изданий непрерывно росло. Часть книг из-за недостаточно бережного хранения приходила в ветхость. Среди нереализованной литературы было немало изданий петровского времени. Синоду пришлось серьезно задуматься над тем, что делать с нераспроданными изданиями. В 1740 г. он распорядился: «разрешительные молитвы» разослать по епархиям, взыскав с епархий стоимость этих изданий по полной цене; остальные нераспроданные книги попытаться продать хотя бы по уменьшенной цене, а что не удастся реализовать,

---

[42] Описание документов и дел архива Синода, т. 9. СПб., 1913, прил. IX, стб. 88, 96.

[43] Там же, т. 11, стб. 51.

[44] ЦГАДА, ф. 1184, оп. 1, № 301, л. 1—40; № 309, л. 1—10; № 313, л. 1—10 об.; № 369, л. 1—22; Описание документов и дел архива Синода, т. 20, стб. 666—682.

[45] Описание документов и дел архива Синода, т. 11, стб. 42—51; ЦГАДА, ф. 1184, оп. 1, № 319, л. 1—13; № 354, л. 1—45 об.; № 390, л. 1—11.

[46] Описанис документов и дел архива Синода, т. 20, стб. 35, 36.

продать в качестве макулатуры на бумажные мельницы. Постановление было подтверждено 15 мая 1741 г., но, видимо, проводилось в жизнь недостаточно энергично, потому что 14 ноября 1743 г. Московская синодальная контора доносила в Синод, что в типографии скопилось изданий, негодных даже на обертку, на общую сумму 1864 р. $13^{1}/_{8}$ к., годных на обертку — на сумму 6759 р. $56^{1}/_{2}$ к., годных «в придачу» к продаваемым книгам (указы прежних лет, куншты, различный иллюстративный материал) — на сумму 446 р. 46 к.; книг «Пуффендорфовых» (которые в то время не разрешено было продавать по цензурным соображениям) — на сумму 302 р. 50 к., «книг Апполодоровых», приготовленных «для подноса», — 24 экз.

Таким образом, стоимость общего количества непроданной литературы составляла огромную сумму по тому времени — около 9400 руб. «Разрешительные молитвы» (25 534 экз.) удалось к тому времени уже продать и даже напечатать еще 10 «заводов» с наказом наблюдать за тем, чтобы непроданные экземпляры «от залежания» не повредились. Типография и Синодальная контора связались с бумажной мельницей по вопросу о продаже макулатуры, но ответа не получили.

Было решено достаточно сохранившиеся книги употребить на обертку новых изданий (вместо покупки оберточной бумаги по 50 коп. стопа), прежних лет указы, куншты и т. д. продавать по полной цене «в придачу» к новым изданиям (т. е. в качестве «нагрузки»); «Апполодоровы книги передать в Синодальную библиотеку», «Пуффендорфовы книги» продолжали лежать до соответствующего решения Синода.[47]

Другой крупной книжной лавкой в Москве была лавка В. В. Киприанова, появившаяся еще в петровское время. Здание книжного склада Киприанова, называвшегося «библиотекою», находилось в Москве, на территории, где велась оживленная книжная торговля, недалеко от Спасских ворот. Это было помещение в два этажа с верхней галереей («палаты»), по обе стороны от палат имелось еще 10 лавок.[48]

---

[47] Там же, стб. 348—352.

[48] Бородин А. В. Московская гражданская типография..., с. 97, 109.

О книготорговой деятельности лавки сохранилось очень мало сведений. Мы уже знаем о том, что в 1728—1731 гг. Киприанов был комиссионером Академии наук по продаже академических изданий в Москве, но потом дело разладилось. Киприанов охладел к книжной торговле и подолгу не бывал в своей книжной лавке. Следует думать, что в 30-е годы XVIII в. деятельность книжной лавки Киприанова практически сошла на нет, а сам он в эти годы занимался гравированием карт для И. К. Кирилова. В апреле 1737 г. Кирилов умер,[49] и в следующем году Киприанов обратился к Синоду с просьбой передать ему «для переплета и продажи» издания Московской типографии и впредь передавать новые издания этой типографии. Синод отказал Киприанову, ссылаясь на свое определение от 24 января 1732 г., по которому запрещалось продавать издания Московской типографии где-либо в другом месте, кроме типографской лавки, во избежение наценок на книги, что вызовет «народную тягость».[50]

Не имея возможности получить книги для продажи ни в Академии наук, ни в Московской типографии, Киприанов не сумел развернуть свою книжную торговлю, потому что его собственная типография после смерти Кирилова не проявляла каких-либо признаков деятельности. Книжная лавка Киприанова практически прекратила свое существование. В 1747 г. помещения «Палаты» и лавок Киприанов сдавал в наем.[51]

Книжная лавка имелась и при Славяно-греко-латинской академии. Историограф этой академии С. К. Смирнов пишет, что «в половине прошедшего (т. е. XVIII, — *С. Л.*) века упоминается академическая книжная лавка; в ней продавались преимущественно учебные книги.[52] Каких-либо других сведений об этой лавке в нашем распоряжении не имеется. Совершенно очевидно, что книги продавались и при других существовавших в то время в России типографиях: Сенатской, Киево-Печерской, Ревельской и т. д., но конкретных данных о деятельности

---

[49] Там же, с. 107.

[50] ПСПиР, т. 10, с. 51—52.

[51] Бородин А. В. Московская гражданская типография..., с. 109.

[52] Смирнов С. К. История московской Славяно-греко-латинской академии. М., 1855, с. 102.

этих лавок в рассматриваемый период нам обнаружить не удалось.

В различных городах России существовал и частный книжный рынок. О частной книготорговле в Москве очень образно пишет в своем прошении в Синод от 13 апреля 1727 г. В. В. Киприанов: «...а в книжном ряду, в котором только две лавки, и по Спасскому мосту в рундуках и в ларях, на неопределенных и безоброчных местах и кои походя торгуют книгами и указами письменными, а не печатными, также тетрадьми и листами, а между новопечатными продают и старопечатные, противные указу Святейшего синода, откуда больше раскольники довольствуются...».[53]

Через 10 с лишним лет характер частной книготорговли в Москве практически не изменился. В определении Синода от 17 марта 1738 г. говорится, что книжные торговцы в Москве «торгуют в книжном ряду и в нижнем москательном и по Спасскому мосту в рундуках и ларях на неопределенных местах и походя».[54] Таким образом, значительная часть торговли шла помимо книжного ряда.

Ходовым товаром по-прежнему была раскольническая литература, но книготорговцы стремились получить для продажи и издания Московской типографии, проявляя при этом большую активность.

В том же синодском документе от 1738 г. имеется прямое указание на то, что продавцы типографской книжной лавки, которые «в лавке сидят весьма леностно», вступают в сговор с книготорговцами, создавая для них условия продавать книги «против настоящих цен с излишеством» (т. е. с наценкой).[55] О том же говорит и другой документ, относящийся к 14 ноября 1743 г. В доношении Московской синодальной конторы говорится о случаях, когда желающим купить книгу на Печатном дворе отказывали, а передавали книги перекупщикам, торговавшим на Спасском мосту.[56]

В фондах архивных материалов, хранящихся в ЦГАДА, упоминается ряд купцов, занимавшихся продажей книг

---

[53] Описание документов и дел архива Синода, т. 4, стб. 160.
[54] ПСПиР, т. 10, с. 51—52.
[55] Там же, с. 51—52.
[56] Описание документов и дел архива Синода, т. 20, стб. 353—354.

Московской типографии. Так, например, 25 марта 1737 г. московский купец Савва Петров взял в типографской лавке церковных книг на сумму 142 р. $61^1/_2$ к., московский же купец Алфим Максимов купил в декабре 1737 г. книг на огромную сумму — 802 р. 85 к., а в феврале 1739 г. — на сумму 700 р. 50 к. «для продажи в Санктпетербурге и в протчих городах на ярманки».[57] 27 апреля 1738 г. московский купец Иван Андреянов приобрел церковных книг на сумму 368 р. 44 к., а 26 июня того же года — на сумму 432 руб. Во втором случае в книге учета проданных книг стояла помета: «для продажи на московскую и на протчея ярмарки».[58]

Интересно, что среди оптовых покупателей Московской книжной лавки были не только купцы Москвы, но и других городов России. 20 ноября 1736 г. партию книг на сумму 148 р. 25 к. (в том числе 5 лексиконов) купил ярославский купец Иван Андреянов (не тот ли, который в 1738 г. фигурировал, как мы видели, под названием «московского купца»?). 18 мая следующего года книг на сумму 550 р. 46 к. (в том числе 500 часословов) закупил петербургский купец Тимофей Сарский (при этом также стояла помета «для продажи на ярмарке»).[59] 30 октября 1736 г. книги на сумму 237 р. 4 к. были приобретены серпуховским купцом «для продажи в сибирских городах»; 26 апреля 1738 г. «тульский купецкий человек» Семен Федоров купил книг на сумму 368 р. 20 к.[60] 24 ноября 1738 г. серпуховскому купцу Василию Ножедникову «для продажи в сибирских городах» было отпущено книг на сумму 105 р. 92 к., а на другой день купцу «нерехченину» Василию Суворову и московскому купцу Илье Вахрамееву — на сумму 229 р. 55 к. В числе покупателей упоминается также петербургский купец Тимофей Федоров, который приобрел книг на сумму 204 р. 30 к.[61]

Все это были в основном религиозные книги. Однако наряду с церковными купцы брали и отдельные гражданские, а также в большом числе церковные книги, употреблявшиеся в то время для учебных целей. Так, в числе

---

[57] ЦГАДА, ф. 1184, оп. 1, № 312, л. 39, 39 об.—40, 60 об.—62; № 390, л. 10—11.

[58] Там же, № 354, л. 18—18 об., 24—24 об.

[59] Там же, № 312, л. 14 об.—15 об., 42 об.—43.

[60] Там же, л. 11 об.—12; № 354, л. 17 об.—18.

[61] Там же, № 354, л. 40—40 об., 41—42; № 359, л. 21 об.—22.

книг, купленных петербургским купцом Тимофеем Сарским, находилось 500 часословов (по 28 коп. за экземпляр), в числе книг, купленных Алфимом Максимовым, — 400 учебных псалтырей (по 40 коп. за экземпляр) и 10 книг Квинта Курция об Александре Македонском (по 95 коп.), в числе книг, взятых Василием Ножедниковым, — 600 азбук и т. д. Как мы уже знаем, московские купцы Илья Петров и Сергей Васильев, являвшиеся комиссионерами Академии наук, продавали в Москве академические издания. Из приведенных сведений особенно интересны указания на то, что книги в Москве закупались для продажи их в Сибири, а также на ярмарках в различных городах России.

Выше уже говорилось, что в Петербурге в 1739—1741 гг. продавались книги, оставшиеся после ликвидации Петербургской синодальной типографии. Здесь наряду с церковными было много гражданских изданий петровского времени. Их также покупали для перепродажи, но в значительно меньших количествах, чем в Москве. Среди этих оптовых покупателей мы видим ладожского купца Якова Матвеева, устюжского купца Сидора Карпова, московских «питейных компанейщиков» Ивана Рубинского и Михаила Савина, купца Федора Раева (дважды покупал книги), «дедиковского» купца Ивана Семенова.[62] Перепродажей книг занимались не только купцы, но и представители других слоев населения, прежде всего работники самой типографии, особенно переплетчики. Так, в 1731 г. поступил донос на то, что справщик Московской типографии Феолог выдал переплетчику Никифору Понкратову разных книг для продажи на 500 руб. При расследовании выяснилось, что Понкратов брал большое количество книг «для продажи приезжим купцам и московским жителям, в том числе и на Спасский мост, однако выше указной цены ни четвертою частью никогда не продавал [т. е. наценку делал умеренную], книги брал и раньше, деньги платил до выдачи книг, иногда и после выдачи».[63] Это был тот самый Никифор Понкратов, который вместе с другими переплетчиками Московской типографии еще в 1710-х годах регулярно брал в типографии

[62] Там же, ф. 1184, оп. 1, № 313, л. 1—32.

[63] Описание документов и дел архива Синода, т. 11, стб. 41—44.

книги для продажи.[64] Таким образом, стаж продажи книг был у него солидный, а книготорговля приносила, по-видимому, хороший доход, раз он платил деньги за книги даже вперед. Мы знаем и другого московского переплетчика, занимавшегося продажей книг, — Войткена, являвшегося комиссионером Академии наук, но он, возможно, и не был связан с Московской типографией. Явно для продажи покупал книги переплетчик Осип Тихонов (ЦГАДА, ф. 1184, оп. 1, № 393, л. 1—32) в 1740 г.

В своем предыдущем исследовании мы приводили большое число случаев, когда разные категории сотрудников Московской типографии занимались продажей ее изданий.[65] Эта практика продолжалась и в послепетровское время, тем более что не прекратилась и выдача книг в счет жалованья. Так, например, 21 октября 1726 г. директор Московской типографии М. П. Аврамов доносил в Синод, что мастеровые типографии желают получить жалованье за майскую и сентябрьскую трети 1726 г. церковными и гражданскими книгами, подобно тому как это было сделано в отношении жалованья за 1725 г. Аврамов был очень заинтересован в разрешении Синода на выдачу книг вместо жалованья, потому что опасался, как бы книги «от лежания не тлели». Синод дал соответствующую санкцию.[66]

Из известного уже нам архивного дела о продаже книг, оставшихся после ликвидации Петербургской типографии, явствует, что батыйщик Федор Елизарьев в течение двух лет (с марта 1739 г. по февраль 1741 г.) 5 раз покупал книги явно для перепродажи: «Апофегматы», например, он купил 8 экз., «Истории иерусалимской» — 7 экз.[67] Также для перепродажи приобретали книги наборщик сенатской типографии Федор Бакин,[68] чтец Московской типографии Васильев.[69]

---

[64] Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века, с. 124.

[65] Там же, с. 123—125.

[66] Описание документов и дел архива Синода, т. 6. СПб., 1883, стб. 453. О разрешении Синода на выдачу жалованья за 1725 г. книгами см.: там же, стб. 203. Желание мастеровых получить жалованье книгами было, разумеется, вынужденным, вызванным большим запозданием с выдачей им полагающихся денег.

[67] ЦГАДА, ф. 1184, оп. 1, № 393, л. 6, 10, 16 об., 24 об.—25 об.

[68] Там же, л. 6, 23 об.

[69] Описание документов и дел архива Синода, т. 11, стб. 53.

Но перепродажей книг занимались не только купцы и сотрудники типографий. В том же архивном деле о продаже в 1739—1741 гг. книг, оставшихся от Петербургской типографии, упоминается ряд лиц, покупавших книги в нескольких экземплярах. Упомянем некоторых из них: копиист Синода Иван Искрин, поручик Новотроицкого полка Отбашев, Академии ученик Сергей Ачкурин.[70]

До ноября 1737 г. книги в Петербурге можно было купить на Морском рынке, находившемся в районе нынешней Дворцовой площади. Позднее книжная торговля тяготела к Гостиному двору (район нынешнего канала Грибоедова и Невского проспекта).[71] Одним из петербургских книгопродавцев был «купецкий человек» Терентий Никифоров, у которого библиотечный деятель А. И. Богданов в 30-х годах XVIII в. закупил целый ряд рукописных книг для Библиотеки Академии наук. Так, в 1736—1737 гг. были приобретены 42 рукописи как религиозного, так и светского содержания (например, «Сказание» Авраамия Палицына, исторические сборники и т. д.). Некоторые из них Богданов приобрел в обмен на ходовые издания Академии наук.[72] Часть рукописных книг, приобретенных Богдановым у Терентия Никифорова, выявлена в настоящее время в фондах Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР.[73]

Книги можно было купить и на аукционах по распродаже разного рода имущества. В петербургских «Ведомостях» за 1740 г. сообщалось, что в доме «иноземца Клеофа» продавались с публичного торга библиотека и движимое имущество, оставшееся после «покойного пастора Сивирина». При этом объявлялось, что «прежде всего книги продавать будут». По мнению П. Н. Столпянского, эта дописка в объявлении объяснялась тем, что книги в то время не были ходким товаром и их стремились продать в первую очередь.[74]

Частная книготорговля по-прежнему (как и в XVII в., и при Петре I) находилась под неусыпным наблюдением

---

[70] ЦГАДА, ф. 1184, оп. 1, № 393, л. 6—6 об., 13 об., 14 об.

[71] Столпянский П. Н. Книга в старом Петербурге..., с. 118—119.

[72] Исторический очерк и обзор фондов, с. 231, 232, 449—456.

[73] См., например, исторические сборники под шифрами 16.15.8, 16.7.15.

[74] Столпянский П. Н. Книга в старом Петербурге..., с. 119.

духовных и светских властей, опасавшихся распространения запрещенной литературы. Выше уже говорилось (см. с. 98) о книгопродавцах Григории Черном и Степане Федотове, задержанных в Москве в октябре 1731 г. в связи с продажей ими нелегальной литературы. Интересно, что Федотов совмещал торговлю книгами и «листами» с разным мелким торгом: зеркалами, очками, «винными фляжками». Наряду с религиозной литературой Федотов продавал и явно антиправительственную литературу, которая печаталась (гравировалась) кустарным способом.[75]

Велась борьба и с продажей украинских изданий, вызывавших подозрения духовных властей. Как видно из синодских материалов, относящихся к 1743 г., торговцам на Спасском мосту в Москве было строжайше запрещено Синодом продавать «малороссийские книги».[76] Еще бо́льшие подозрения вызывали иностранные издания. Мы уже знаем (см. с. 99), что в 1739 г. была запрещена продажа в России книги «Учение о начале христианского жития», напечатанной на русском языке в Галле. Несмотря на такую подозрительность по отношению к частному книжному рынку, правительству все же иногда приходилось прибегать к покупке там книг. Так, например, в 1734 г. были закуплены в Петербурге, в Гостином дворе, книги, необходимые для церкви в Митаве.[77]

Какие же книги пользовались в рассматриваемый период наибольшим спросом? Среди ходовых изданий светского характера на первом месте шли календари и учебная литература. Выше уже говорилось (см. главу вторую) о большом тираже календарей, издаваемых Академией наук, причем этот тираж имел явную тенденцию к возрастанию (календари на 1726 г. — 1250 экз., календарь на 1735 г. — 4200 экз.). Другим изданием, выходившим большим тиражом, была Азбука (в 1728 г., например, было напечатано 12 000 экз. Азбуки). К сожалению, сведения о целом ряде изданий Азбуки до нас, по-видимому, не дошли. Любопытные данные о продаже азбук в Московской типографской книжной лавке имеются в архивных фондах ЦГАДА. За 10 месяцев 1739 г.

---

[75] Описание документов и дел архива Синода, т. 1, стб. 171—174.

[76] Там же, т. 20, стб. 353—354.

[77] Там же, т. 14. СПб., 1910, стб. 157—159.

(с марта по декабрь), например, было продано 2182 азбуки, или свыше 200 азбук в месяц.[78]

О большом спросе на книги для первоначального обучения свидетельствуют приводившиеся выше (с. 128) данные о закупке их большими партиями в Московской книжной лавке в 1737—1739 гг. Об этом говорит и такой факт. В 1736 г., учитывая интерес, проявляемый покупателями, к букварю Феофана Прокоповича «Первое ученье отроком», который до того времени печатался только кириллицей, Академия наук возбудила ходатайство о переиздании букваря, на этот раз гражданским шрифтом.[79] По-видимому, это ходатайство успеха не имело, зато Московская типография, как уже говорилось (см. главу вторую), переиздала этот учебник в 1738 г. традиционным кирилловским шрифтом тиражом 2400 экз.

В послепетровское время существовало большое число учебных заведений, и это было причиной возрастания спроса на учебную литературу, не только на азбуки, буквари и «цифирные книги», но и на пособия по специальным научным дисциплинам. Как правило, учащиеся должны были сами обеспечивать себя учебниками, но в ряде случаев учебную литературу, особенно для неимущих учеников, закупали и сами учебные заведения. В 1731 г. Славяно-греко-латинская академия вынесла решение о покупке для своих учащихся 60 азбук, 20 часословов и 20 славяно-греко-латинских лексиконов. Любопытно, что для этой покупки были использованы «прогульные ученические деньги», т. е. средства, полученные от наложения штрафов на учащихся за непосещение занятий.[80]

Точных сведений о том, как раскупались в рассматриваемый период те или иные издания, дошло до нас не так уж много. В ряде случаев приходится довольствоваться косвенными данными, например сведениями о том, какие именно книги чаще всего брали в типографиях для перепродажи купцы, типографские сотрудники, получавшие книги в счет жалованья, и др.

Выше уже говорилось о том, что сотрудник Библиотеки Академии наук А. И. Богданов выменивал у книготор-

---

[78] ЦГАДА, ф. 1184, оп. 1, № 391, л. 1—31 об.

[79] Материалы для истории имп. Академии наук, т. 3. СПб., 1886, с. 41.

[80] Описание документов и дел архива Синода, т. 11, стб. 725.

говца Терентия Никифорова нужные для Библиотеки рукописи на издания Академии наук. Разумеется, Терентий Никифоров мог согласиться отдать рукопись в обмен лишь на такие академические издания, которые он надеялся продать, т. е. на спрашиваемые в Петербурге книги.

Такими оказались календари, «Генеральный регламент» (очевидно, издания 1735 г.), «Уложение» царя Алексея Михайловича (было издано Академией в 1737 г.), «Японские истории» (очевидно, «Описание о Япone...», издание 1734 г.), «Вокабулы» (по-видимому, «Латинороссийская и немецкая словесная книга» И. Ф. Копиевского издания 1732 г.).

Какие же академические издания стремились получить в типографии сотрудники Академии наук, вынужденные подчас получать книги взамен жалованья? Как показывают дошедшие до нас заявления сотрудников, наиболее желательными для них изданиями были: «Уложение» царя Алексея Михайловича, «Арифметика», «Юности честное зерцало», «Азовская история» (видимо, книга Г.-З. Байера «Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова», 1738), «Книга принца Евгения» (очевидно, «Описание жития и дел принца Евгения, герцога Савойского...», 1740), «Книга Грациана» (очевидно, «Грациан Придворный человек», перев. с франц., 1741), «Вейсманнов лексикон» (1731), «Японская история», «Флоринова экономия» (1738), «Марк Аврелий» («Житие и дела Марка Аврелия Антонина», 1740). Наибольшим успехом пользовались «Уложение» и «Юности честное зерцало».[81]

Отсюда понятно, почему Академия наук решила в конце 30-х годов XVIII в. переиздать обе эти книги, вышедшие, как известно, задолго до учреждения академической типографии. В «определении» академической канцелярии от 21 марта 1737 г. записано: «...понеже многия разных чинов люди в Академии наук требуют книги, именуемыя „Юности честное зерцало“, чего ради оную книгу Академия намерена и печатать гражданской печатью, токмо словесную азбуку при той книге набрать против прежнего церковными буквами...», т. е. приложенную к книге Азбуку, как и раньше, печатать кириллицей, ис-

---

[81] Материалы для истории имп. Академии наук, т. 5. СПб., 1889, с. 441, 787—790, 794, 806—809; ЛОААН, ф. 3, оп. 6, № 10, л. 2—5, 9—9 об.

пользуя для этого с разрешения Синода шрифты, оставшиеся от бывшей Александро-Невской типографии.[82]

Ценные сведения о спросе на книги Петербургской типографии, продававшиеся в 1739—1741 гг., дает «Записная книга» проданных книг, хранящаяся в ЦГАДА,[83] в которой, как мы уже знаем, регистрировались все случаи продажи книг с 15 марта 1739 г. по февраль 1741 г., т. е. за $23^1/_2$ месяца (около двух лет). Данные «Записной книги» приведены в табл. 8; в ней отражены сведения о продаже только ходовых изданий. В таблицу не вошли также данные о продаже всевозможных «слов», церковных служб (по различным поводам), поскольку эти сведения в большинстве случаев относятся не к какому-то определенному изданию, а к группе изданий (например, в деле значится: «различных проповедей на 15 р. 64 к.»), и несопоставимы с другими цифрами таблицы.

Данные таблицы показывают большой интерес жителей Петербурга к художественной («Апофегмата»), исторической («История о разорении ... Иерусалима», книга Квинта Курция об Александре Македонском и др.), нравоучительной («Тестамент Василия, царя греческого») и юридической («О должности человека и гражданина» Пуффендорфа, «Рассуждение» П. П. Шафирова) литературе. Помимо того, они иллюстрируют повышение интереса петербургского читателя послепетровской эпохи к светской литературе. Из таблицы видно, что она пользовалась не только не меньшим, но даже большим спросом, чем религиозная. Из церковных изданий хорошо расходился лишь Катехизис. Характерно, что из прочей религиозной литературы большим успехом пользовались те издания, которые касались злободневных вопросов политики правительства: «Объявление» о раскольнике Калине, «О поливательном крещении».

Сравнивая данные о продаже книг Петербургской типографии в 1739—1741 гг. с данными 1714—1722 гг.,[84] мы видим, что спрос на книги снизился. И это неудивительно, поскольку в 1739—1741 гг. продавались лишь издания прежних лет. И все же некоторые их них («Апофегмата») продолжали пользоваться большим успехом.

[82] Материалы для истории имп. Академии наук, т. 3, с. 358.

[83] ЦГАДА, ф. 1184, оп. 1, № 393, л. 1—32.

[84] Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века, с. 135—139, 143—144.

ОПИСАНІЕ
ЖИТІЯ И ДѢЛЪ
ПРИНЦА
ЭВГЕНІЯ
ГЕРЦОГА САВОЙСКАГО
И
ГЕНЕРАЛИССИМУСА
надъ арміями
ЕГО РИМСКАГО ЦЕСАРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
И ВСЕЯ ИМПЕРІИ
съ
грыдорованными изображеніями
всѣхъ его баталій и знатнѣйшихъ осадъ

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академіи Наукъ
1740.

Фронтиспис и титульный лист книги «Описание жития и дел принца Евгения, герцога Савойского. . .» (СПб., 1740).

Таблица 8

Продажа изданий Петербургской типографии петровского времени в 1739—1741 гг.

Название книги	Продано экземпляров	
	всего	в среднем в месяц
«Катехизис»	87	3.8
«Апофегмата» («Кратких, витиеватых и нравоучительных повестей книги три . . .»)	79	3.5
«История иерусалимская» («История о разорении . . . святого града Иерусалима»)	43	1.8
«Книга Квинта Курция о делах содеянных Александра Великого Македонского»	27	1.2
«Историография . . . народа славенского»	27	1.2
«Дедикация» («Рассуждение» о причинах шведской войны П. П. Шафирова)	25	1.1
«О браках правоверных с иноверными»	23	1.0
«О должности человека и гражданина. . .» С. Пуффендорфа	20	0.9
«О поливательном крещении»	19	0.8
«Комплемент» («Приклады, како пишутся комплементы разные. . .»)	18	0.77
«Азбука виршевая»	18	0.77
«Система, или состояние мухаммеданские религии»	17	0.7
«Молитвенник сухопутный» («Молитвы для войска сухопутного»)	16	0.68
Святцы	13	0.6
«Тестамент» («Тестамент, или завет Василия, царя греческого. . .»)	12	0.5
«Книга Вобанова» («Истинный способ укрепления городов . . . Вобана»)	10	0.4
«Понтифекс» («Розыск исторический» Феофана Прокоповича)	9	0.38
«Объявление» о «раскольщике» Калине Михайлове	9	0.38
«Ратификация» Ништадтского мира	9	0.38
«Табель о рангах»	7	0.3
«Регламент духовный»	6	0.26
«Регламент адмиралтейский»	4	0.17
«Артиллерия-практика»	4	0.17
«Экзерциция» («Книга о экзерцициях, церемониях и должностях, воинским людям надлежащая»)	4	0.17
«Устав морской»	4	0.17

Показателен спрос на такие серьезные издания, как «О должности человека и гражданина» С. Пуффендорфа, «Рассуждение» о причинах шведской войны П. П. Шафирова. Книга Квинта Курция об Александре Македонском хорошо раскупалась, несмотря на очень большую по тому времени цену (1 р. 26 к.). Закономерен интерес к «Рассуждению» Феофана Прокоповича на тему «о браках правоверных лиц с иноверными» (СПб., 1721), разъяснявшему указ от 23 июня 1721 г., которым разрешались браки православных с лицами, исповедовавшими другие религии. Русские люди теперь уже не чуждались иностранцев в такой степени, как в прежние времена.

Из той же «записной книги» мы можем почерпнуть сведения о том, какие именно издания привлекали внимание перекупщиков. Так, например, купец Федор Раев закупил в сентябре 1741 г. в числе других книг 5 экз. «Рассуждений» П. П. Шафирова, по 3 экз. книг «Апофегмата», «История иерусалимская», «Историография... народа славенскаго», по 2 экз. книг «О должности человека и гражданина» С. Пуффендорфа, «Система, или состояние мухаммеданские религии», «Духовный регламент».[85] В ноябре того же года он купил 2 экз. «Истории иерусалимской» и 1 экз. «Апофегматы»; московские питейные компанейщики 5 марта 1740 г. купили 5 экз. «Апофегматы», 4 экз. книги Квинта Курция и т. д. Сенатский наборщик Федор Бакин купил 20 сентября 1739 г. 6 экз. «Апофегматы». Такое же количество этой книги купил в том же месяце синодальный копиист Иван Искрин.[86]

Все приведенные выше факты касаются очень интересной проблемы, какие из книг первой половины XVIII в. продолжали иметь спрос спустя ряд лет после их выхода. Мы уже видели, что некоторые петровские издания продолжали привлекать внимание покупателя 30-х—начала 40-х годов XVIII в., но расходились все же медленнее, чем прежде. Невысокие темпы реализации книг в рассматриваемый период, характерные для книги как предмета продажи, отмечал еще В. В. Киприанов, который в 1727 г. в доношении Синоду писал: «Книжный товар не как иной, которым чрез один год дважды и трижды торгуют (т. е. который оборачивается в продаже 2—3 раза в год, —

[85] ЦГАДА, ф. 1184, оп. 1, № 393, л. 25.
[86] Там же, л. 6, 15, 27 об.

С. Л.), а книги могут чрез многие годы продажею продолжаться».[87]

У нас есть возможность наглядно показать, как реализовались некоторые петровские издания на протяжении сравнительно большого отрезка времени. Для этого использованы сохранившиеся сведения о нераспроданных книгах петровского времени в Московской типографии в 1730 и 1741 гг.[88] Сопоставимые данные сгруппированы нами в табл. 9. В отдельных случаях исправлены ошибки в указании года издания.[89]

Таким образом, книга петровского времени продолжала, хотя и медленно, продаваться в 30-е годы. Но темпы реализации были различны. Если такие издания, как книга Кугорна «Новое крепостное строение», книга Брауна «Новейшее основание и практика артиллерии» или такое специальное издание, как «История о ординах», расходились туго, то некоторые ходовые книги, такие как «История иерусалимская», «Геометрия», «Приемы циркуля и линейки», «Юности честное зерцало», «Апофегмата», «История троянская» и другие к 1741 г. практически разошлись. Среди хорошо разошедшихся книг имелись и специальные издания, например «Архитектура воинская», книга «Римплерова манера строения крепости». В течение 1730—1741 гг. было продано много экземпляров «Табеля о рангах», «Артиллерии-практики» Бухнера, «Генерального регламента», «Географии, или краткого земного круга описания» и др.

Работники типографии, получавшие временами книги в счет жалованья, подрывали государственную книготорговлю. Начальство отлично понимало это. В январе 1732 г. Синод вынес решение запретить выдачу жалованья служащим типографии книгами.[90] Однако отказаться от порочной практики вследствие постоянной нужды типографии в деньгах было трудно. Та же практика существовала и в Академии наук. Случаи выдачи в Академии жа-

---

[87] Соловьев А. Н. Государев печатный двор и Синодальная типография в Москве. М., 1903, с. 73—74.

[88] Описание документов и дел архива Синода, т. 10, прил. XII, стб. 1086—94; т. 20, прил. II, стб. 763—769.

[89] Для таблицы использованы данные, опубликованные в «Описании документов и дел архива Синода» (т. 10, прил. XII, стб. 1086—1094; т. 20, прил. II, стб. 763—769).

[90] ПСПиР, т. 7, с. 440—441.

Таблица 9

Нераспроданные книги некоторых изданий петровского времени

Название книги	Год издания	Формат	Число экземпляров	
			1730 г.	1741 г.
«Деяния» Барония (гнездо) . .	1719	В десть	856¹/₁	559
«География генеральная» . . .	1718	То же	185	131
Книга Кугорна	1710	» »	393	362
Книга Брауна	1710	» »	409	405
Книга Вергилия	1720	» »	82	—
Уставы военные	1719	» »	358	7
Генеральный регламент . . .	1725	» »	430	151
«Артиллерия-практика» Бухнера	1711	» »	61	4
«Табель о рангах»	1722	» »	289	182
«Генералитет, или табель о полевой армии»	1722	В десть	945	840
Алкоран	1716	То же	432	310
Книга Римплера	1709	» »	7	6
Книга Пуффендорфа «Введение в гисторию европейскую» .	1718	» »	135	75
«Ратификация мира со Швецией»	1721	» »	2322	2282
«Земноводного круга краткое описание»	1719	» »	286	207
«Побеждающая крепость под Азовом»	1709	» »	461	349
«Поверенные воинские правила»	1709	» »	443	447
Трехъязычный лексикон Поликарпова	1701	В ¹/₂ дести	1850	1408
«Историография. . . народа славенского»	1722	То же	487	404
Каталог греческих рукописей	1723	» »	39	35
Книга Квинта Курция об Александре Македонском	1719	» »	148	15
«История Троянская»	1719	В ¹/₄ дести	215	5
«История о ординах. . .» . . .	1710	» »	270	265
«Синопсис»	1714	» »	178	83
«Краткое описание о войнах из книг Цезариевых»	1711	» »	29	22
«Описание артиллерии» Бринка	1710	» »	385	356
«О способах, творящих водохождение рек свободное» . .	1708	В ¹/₄ дести	193	178
«География, или краткое земного круга описание» . . .	1710	То же	430	292

Таблица 9 (*продолжение*)

Название книги	Год издания	Формат	Число экземпляров	
			1730 г.	1741 г.
Книга «Мирозрение, или мнение о небесноземных глобусах. . .»	1724	В 1/4	394	353
«Артикул солдатский» * . . .	1700	То же	1436	1420
«Приклады, како пишутся комплементы разные»	1712	» »	69	55
«Апофегмата»	1716	» »	302	Нет
Геометрия («Приемы циркуля и линейки»)	1709	» »	10	4
«Юности честное зерцало» . .	1723	» »	40	Нет
«Архитектура воинская» ** . .	1713	» »	9	9
«Апполодора . . . библиотека, или о богах»	1725	» »	221	187
«История иерусалимская» . .	1713	» »	11	1
«Овидиевы метаморфозы» . . .	1722		28	18
«Тестамент, или завет Василия, царя греческого»	1718	В 1/4 дести	98	Нет

* Видимо, «Краткое обыкновенное учение. . . в строении пеших полков».

** Видимо, «Книга Марсова, или воинских дел» (перевод книги Аллана Маллэ).

лованья книгами мы наблюдаем в течение всего рассматриваемого периода.

Успех реализации книг русских типографий в значительной степени зависел от книжных цен. А эти цены и в послепетровское время продолжали оставаться непомерно высокими, и каких-либо существенных изменений в отношении уровня книжных цен в рассматриваемое время не произошло. Цены книг Московской типографии назначались Синодом после того, как типография сообщала ему общую сумму расходов по набору каждого издания и подсчитанную себестоимость одного экземпляра, а также продажную цену этой книги прежних изданий.

Обычно Синод утверждал прежнюю цену и для нового издания, но в ряде случаев назначал и новую цену. Так, за 31 декабря 1731 г. Синод утвердил продажные цены 7 изданий Московской типографии, причем в 5 случаях согласился с ценой, предложенной этой типографией,

а в двух случаях назначил новые цены.[91] Изменение цен диктовалось, по-видимому, увеличением или уменьшением спроса на книгу. В число расходов по изданию типография относила и стоимость тех экземпляров, которые шли в бесплатную раздачу. Так, в 1731 г. стоимость 50 экз. Триоди Постной, розданных бесплатно, повысила себестоимость каждого экземпляра книги, шедшего в продажу, на $5^3/_{16}$ коп.[92]

Из каких элементов складывалась цена книг Московской типографии, можно видеть из сохранившихся данных о некоторых ее изданиях 1729—1730 гг. (см. табл. 10).[93] Как видно из таблицы, наценка на себестоимость книг устанавливалась Синодом в размере всего 8—20% от продажной их цены, из чего можно заключить, что Синод не преследовал цели получения больших прибылей от книготорговли, да это и невозможно было сделать, если учитывать и без того высокую стоимость книг в то время. Лишь на такие дешевые и очень ходовые издания, как азбука, устанавливалась гораздо большая наценка на себестоимость (67.7%), но этот случай не был типичным. Что же касается расходов, входящих в себестоимость книг, то, как мы видим из данных таблицы, стоимость материалов, израсходованных на издание книги, и стоимость всех других видов расходов были примерно равны.

Данные о себестоимости и продажной цене книг Московской типографии приводятся также в табл. 11.[94]

Приведенные данные подтверждают наши выводы о размере наценки на себестоимость книг Московской типографии. Здесь попутно следует заметить, что наценка на себестоимость изданий Александро-Невской типографии, ликвидированной, как известно, в 1727 г., была значительно выше. Так, например, на книгу «Феатрон, или позор исторический» (издания 1724 г.) наценка составляла около 35% продажной цены, несмотря на то что книга была дорогая (2 р. 47 к.).[95]

[91] Описание документов и дел архива Синода, т. 11, стб. 725—728.

[92] Там же, стб. 727.

[93] Таблица составлена на основе данных, приведенных в «Описании документов и дел архива Синода» (т. 11, стб. 93—96) и ПСПиР (т. 6, с. 391—392).

[94] Описание документов и дел архива Синода, т. 10, прил. XII, стб. 1086—1094.

[95] Там же, т. 8, стб. 45—48.

Таблица 10

Элементы, из которых складывалась продажная цена книг Московской типографии Синода

Название книги	Год издания	Тираж	На 1 экз. книги приходится		Себестоимость книги	Наценка на себестоимость	Продажная цена, установленная Синодом	Прежняя цена
			стоимость материалов	прочие расходы				
Минея общая	1729	1150	1 р. $47\frac{3}{4}$ к. (49.25%)	1 р. $28\frac{1}{4}$ к. (42.75%)	2 р. 76 к. (92%)	24 к. (8%)	3 р. (100%)	3 р. 20 к.
«Камень веры»	1729	1198	1 р. $46\frac{1}{4}$ к. (48.75%)	1 р. $8\frac{3}{4}$ к. (36.25%)	2 р. 55 к. (85%)	45 к. (15%)	3 р. (100%)	
Евангелие напрестольное	1730	1150	1 р. $38\frac{1}{2}$ к. (60.2%)	$71\frac{1}{2}$ к. (31.1%)	2 р. 10 к. (91.3%)	20 к. (8.7%)	2 р. 30 к. (100%)	2 р. 30 к.
Псалтырь с восследованием	1730	1150	97 к. (48.5%)	81 к. (40.5%)	1 р. 78 к. (89%)	22 к. (11%)	2 р. (100%)	2 р.
Служебник	1730	1150	$29\frac{3}{4}$ к. (39.7%)	$30\frac{1}{4}$ к. (40.3%)	60 к. (80%)	15 к. (20%)	75 к. (100%)	72 к.
Часослов без кафизм	1729	2299	$9\frac{3}{4}$ к. (39%)	$10\frac{1}{4}$ к. (41%)	20 к. (80%)	5 к. (20%)	25 к. (100%)	35 к.
Святцы	1730	2300	$6\frac{3}{4}$ к. (37%)	$13\frac{1}{4}$ к. (53%)	20 к. (80%)	5 к. (20%)	25 к. (100%)	35 к.
Азбука учебная	1728	12000	$\frac{1}{4}$ к. (16.65%)	$\frac{1}{4}$ к. (16.65%)	$\frac{1}{2}$ к. (33.3%)	1 к. (66.7%)	$1\frac{1}{2}$ к. (100%)	
То же	1730	2995	$\frac{1}{4}$ к. (16.65%)	$\frac{1}{4}$ к. (16.65%)	$\frac{1}{2}$ к. (33.3%)	1 к. (66.7%)	$1\frac{1}{2}$ к. (100%)	$1\frac{1}{2}$ к.

Таблица 11

Себестоимость и продажная цена книг Московской типографии Синода

Название книги	Год издания	Тираж	Себестоимость	Наценка	Продажная цена	% наценки от продажной цены
Азбука учебная	1726	16800	$^1/_2$ к.	1 к.	$^1/_2$ к.	66.7
Апостол	1726	1200	1 р. 35 к.	15 к.	1 р. 50 к.	10
Календарь . . .	1726	2360	12 к.	3 к.	15 к.	20
Псалтырь с киноварью	1726	1200	50 к.	10 к.	60 к.	16.7
Псалтырь учебная	1726	1200	30 к.	10 к.	40 к.	25
Святцы в 8° . . .	1726	2400	25 к.	5 к.	30 к.	16.7

Стоимость переплета удорожала книги, и в зависимости от качества переплета эта наценка была большей или меньшей (см. данные по Московской типографии, относящиеся к 1731 г., в табл. 12).[96]

Таблица 12

Стоимость изданий Московской типографии в зависимости от качества переплета

Название книги	Цена книги			Стоимость переплета	
	в тетрадях (без переплета)	в простом переплете	в «немецком» переплете	простого	«немецкого»
Апостол	1 р. 50 к.	1 р. 72 к.	1 р. 97 к.	22 к.	47 к.
Октай (гнездо)	3 р. 25 к.	3 р. 69 к.	4 р. 19 к.	44 к.	94 к.
Пролог (за год)	5 р.	5 р. 88 к.	6 р. 88 к.	88 к.	1 р.
Триоди постная и цветная . . .	3 р. 20 к.	4 р. 69 к.	4 р. 94 к.	1 р. 49 к.	1 р. 74 к.
Евангелие воскресное толковое	2 р.	2 р. 30 к.	2 р. 46 к.	30 к.	46 к.
Евангелие повседневное толковое	3 р. 20 к.	3 р. 47 к.	3 р. 68 к.	27 к.	48 к.
Псалтырь с восследованием	2 р.	2 р. 27 к.	3 р. 57 к.	27 к.	1 р. 57 к.
Требник малый	50 к.	57 к.	69$^1/_2$ к.	7 к.	19$^1/_2$ к.
Ирмологий (два)	58 к.	67 к.	77 к.	9 к.	19 к.
Каноник	30 к.	36 к.	41 к.	6 к.	21 к.

[96] Там же, т. 11, стб. 726.

Таким образом, стоимость простого переплета книг колебалась в пределах от 6 до 30 коп. Переплет комплектов книг — Миней за год, Октай (гнездо) — обходился значительно дороже. «Немецкий» переплет стоил дороже примерно в два раза и более, чем простой. В отдельных случаях (например, Псалтырь с восследованием) стоимость немецкого переплета в несколько раз превышала стоимость простого.

По какой же цене продавались академические издания? У нас нет данных, из каких расчетов Академия наук назначала цены на те или иные книги. Однако сведений о ценах академических изданий сохранилось немало. Самыми ходовыми из них были календари. Цена календаря была небольшая. «Малые календари» на 1728 г. продавались, например, по 4 коп. за 1 экз. Цена академических календарей на 1729 г. зависела от их содержания: «конторские календари» продавались по 6 коп., «торговые» — по 8—21 коп., «исторические» — по 15—21 коп.[97] Большое значение для цены книги имело качество бумаги, на которой она была напечатана. Так, например, 1 экз. тома I «Комментариев» Академии наук на «серой бумаге» стоил 1 руб., на «расхожей бумаге» — 1 р. 75 к., «на белой бумаге» — 2 руб.[98] Годовой комплект газеты «Ведомости» в 1728 г. стоил 4 руб.[99] В табл. 13 приводятся сведения о ценах ряда академических изданий, почерпнутые из материалов Ленинградского отделения Архива Академии наук СССР.[100] К сожалению, отметка о наличии переплета в этих материалах сделана далеко не везде, а качество переплета несомненно влияло на цену книги.

Из данных таблицы видно, что научные труды Академии наук стоили дорого — около 2 руб. (и дороже) каждая книга. Относительно дешевле стоили «Комментарии Академии наук» и такие книги, как «Сокращение математическое», а также «Лексикон» Вейсманна (при объеме 836 с. он стоил всего 1 р. 75 к.). Очевидно, при назначении цен учитывалась возможность реализации

[97] Академическая типография. 1728—1928. Л., 1928, с. 16.

[98] ЛОААН, ф. 3, оп. 1, № 703, л. 176.

[99] Бородин А. В. Московская гражданская типография..., с. 98.

[100] ЛОААН, ф. 3, оп. 1, № 73, л. 26; № 80, л. 183 об., 186, 189 об., 196; № 84, л. 311; № 703, л. 26, 47, 48, 174.

Таблица 13

Стоимость изданий Академии наук

Название книги	Год издания	Формат	Общее число страниц	Цена
Немецко-латинский и русский лексикон Вейсманна (в переплете) . . .	1731	4°	836	1 р. 75 к.
«Сокращение математическое», ч. I, II	1728	8°	223	1 р.
То же, ч. III	1730	8°	205	1 р. 30 к.
«Флоринова экономия»	1738	4°	320	2 р. 25 к.
«Житие и дела принца Евгения» . .	1740	4°	320	2 р. 10 к.
«Житие и дела Марка Аврелия» (в переплете)	1740	4°	380	6 р.
«Школьные разговоры» (в переплете)	1738	8°	253	1 р. 70 к.
Буксбаум. «Plantarum», ч. I, II . .	1728		94	2 р. 50 к.
«Комментарии» Академии наук, т. 2	1729	4°	526	2 р. 50 к.
«Расположение учении Петра II» . .	1731	8°	82	20 к.
«Юности честное зерцало»	1740	8°	80	20 к.
«Трактат о дружбе и коммерции между Российской империей и короной Великобританской»	1735	2°	24	20 к.
«Пошлинный тариф»	1731	4°	124	30 к.
«Вексельный устав»	1729	8°	42	25 к.

этих изданий. Непомерно большая по сравнению с другими изданиями цена книги о жизни Марка Аврелия (6 руб.), по нашему представлению, объясняется дорогим переплетом. Академией издавался и целый ряд дешевых изданий, рассчитанных на широкое распространение: «Юности честное зерцало», тарифы, уставы, информационные издания и т. д. Цена их составляла всего 20—30 коп. за экземпляр. Однако установить прямую зависимость цены от объема книги нельзя: 20 коп. стоили брошюры и в 20—40, и 80 с. На основании всего этого следует сделать вывод, что при назначении цены книги Академия наук исходила не только из объема издания, его формата, наличия переплета, качества бумаги, но учитывала и возможности реализации.

Интересно выяснить вопрос, каково было соотношение рыночных и казенных цен на книги. Как известно, на изданиях того времени цена не проставлялась, и лица, занимавшиеся перепродажей на рынке книг, действовали в зависимости от конъюнктуры: если книг не хватало, они назначали повышенные цены. В материалах, отно-

сящихся к 1732 г., говорится, что книгопродавцы, торгующие в Москве на Спасском мосту, пользуясь тем, что некоторых ходовых книг осталось в «типографской казне» «малое число», назначают цену вдвое и втрое выше казенной, отчего типография терпит убыток.[101] В данном случае речь шла, очевидно, о недорогих и очень популярных книгах, таких как азбуки, часословы, псалтыри. Синод попытался ограничить размеры спекуляции, установив правило, что каждый книгопродавец может единовременно продавать лишь 1 экземпляр какого-либо издания Московской типографии.[102] Разумеется, такое ограничение трудно было провести в жизнь. Интересна другая рекомендация Синода: если книга идет на продажу за пределы Москвы, директор типографии обязан был проставлять на книгах цену, чтобы предотвратить спекуляцию.

В 1734 г. имел место такой случай. Для отправки в Митавскую церковь потребовался ряд церковных книг. Эти книги отсутствовали в Московской типографии, а в Петербурге в Гостином дворе продавались по очень дорогой цене. Синоду пришлось все же купить в Петербурге книги с большой приплатой. Так, например, за Псалтырь с восследованием было заплачено по 3 р. 50 к. за 1 экз. (казенная цена, как мы видели, была значительно ниже), за Псалтыри учебные было заплачено по 1 р. 20 к. (казенная цена в четыре раза дешевле: 30 коп.), за Триодь постную — 5 руб. (казенная цена в том же году без переплета — 2 р. 80 к.) и т. д.[103]

Были случаи и покупки книг гражданской печати по цене, значительно более дорогой, чем казенная. Так, например, книга «Система, или состояние мухаммеданские религии» (СПб., 1722), судя по помете на одном из экземпляров, хранящемся в Библиотеке Академии наук СССР, была куплена в 1725 г. в Кронштадте у писаря Н. В. Карандеева за 2 р. 65 к.[104] Интересны случаи, когда рыночные цены одной и той же книги колебались в очень больших пределах. Так, «Симфония, или согласие ... на книгу псалмов» Антиоха Кантемира (СПб., 1727) стоила

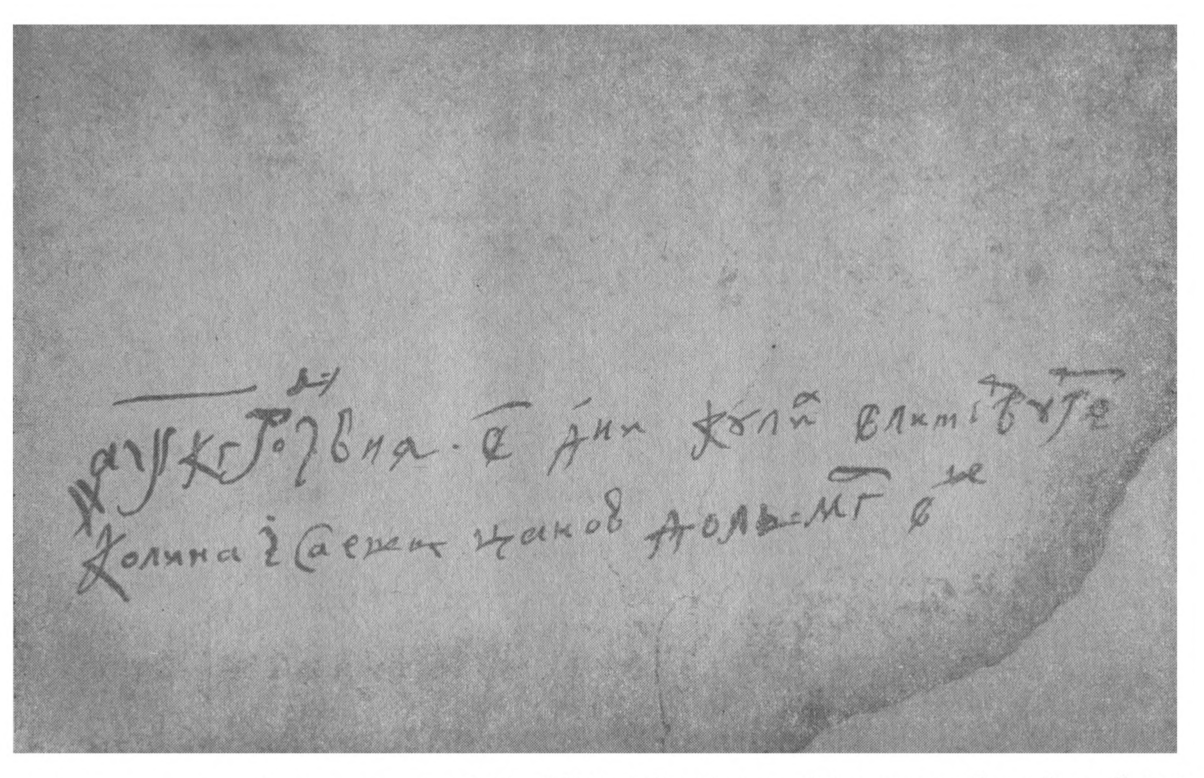
---

[101] ПСПиР, т. 7, с. 440—441.

[102] Там же.

[103] Описание документов и дел архива Синода, т. 14, стб. 157—159.

[104] ОИГП, с. 394—395; ЦГАДА, ф. 1184, оп. 1, № 23, л. 133.



Помета на книге «Устав воинский» (СПб., 1719): «1723 году июня 5 дня купил в Петербурге Колина Исаев ценою дал 43 алтына 2 деньги» [1 р. 30 к.].

по казенной цене 80 коп., но один ее экземпляр был продан в Петербурге в 1729 г. за 1 р. 50 к., другой — в 1731 г. за 40 коп.[105] Но если книг в книжной лавке было достаточно, рыночная цена не отличалась от казенной или была близка к ней. Так, «Историография... народа славенского» (СПб., 1722, 359 с.) была куплена в Петербурге в июле 1727 г. за 80 коп. (казенная цена — 76 коп).[106] Книга «Разговоры дружеские» Эразма Роттердамского (СПб., 1716, 520 с.) была куплена тоже в июле 1727 г. за 70 коп.[107] (казенная цена — 60 коп., а в кожаном переплете — 75 коп.).

Бывали случаи, когда книги на рынке продавались и по значительно меньшей цене, чем казенная. Так, например, известный трехъязычный лексикон Поликарпова (М., 1701), вышедший большим тиражом и на протяжении десятков лет имевшийся в очень большом числе экземпляров в Московской книжной лавке и типографии, был продан в первой половине XVIII в. за 50 коп.[108] (казенная цена — 1 р. 30 к.). Книга «Устав воинский» (СПб., 1719), состоявшая, как известно, из трех частей, как видно из пометы, была куплена в 1728 г. у флигель-адъютанта Щербинина за 1 рубль.[109] Между тем исходя из цены каждой части устава эта книга стоила 1 р. 10 к. (а в переплете и дороже). Интересно, что за 5 лет до этого другой экземпляр книги был продан, судя по помете, за 1 р. 30 к. (см. рисунок). Можно привести и еще два примера рыночных цен. Известная «Арифметика Магницкого» (М., 1703) была куплена в 1731 г. за 2 р. 50 к.[110] Книга «Истинная политика знатных и благородных особ» (СПб., 1737, 232 с.) куплена в Петербурге в 1738 г. за 65 коп.[111]

Из всего сказанного о книжных ценах можно сделать вывод, что эти цены в рассматриваемый период колебались в больших пределах. Наряду с очень дешевыми изданиями (азбуки, календари) имелись и дорогие книги,

---

[105] Описание изданий, напечатанных при Петре I. Л., 1972, с. 182—183.
[106] ОИГП, с. 385.
[107] Там же, с. 196.
[108] ОИНК, с. 72.
[109] ОИГП, с. 268.
[110] ОИНК, с. 87.
[111] Лебедев А. Н. Надписи на старинных книгах. М., 1896 (прил. к журн. «Книговедение» за 1896 г.), с. 31.

стоившие от 2 руб. и выше. К дорогим книгам относились фундаментальные научные издания и ряд книг религиозного содержания. Так, например, первая четверть года «Четьих миней» Дмитрия Ростовского (Киев, 1689, 657 л.) была продана в первой половине XVIII в. за 4 р. 32 к.[112] Цена книг, имевших дорогие оклады (например, напрестольных евангелий), была гораздо больше.

Следует сказать, что цены рукописных книг продолжали оставаться высокими и, так же как и печатных книг, колебались в больших пределах. Рукописный сборник второй половины XVII в. был куплен в 1737 г. А. И. Богдановым для Библиотеки Академии наук за 50 коп., между тем как рукописный «Маргарит» (рукопись XVIII в.) оценивался в 10 руб.[113] — сумма огромная по тому времени. На эти деньги, по свидетельству И.-Г. Гмелина, простой человек в Тобольске в 30—40-е годы XVIII в. мог прожить целый год.[114]

---

[112] ОИНК, с. 52.

[113] Копанев А. И. Новые записи на древнерусских книгах. — ТОДРЛ, 1969, т. 24, с. 389.

[114] Gmelin J. G. Reise durch Sibirien von dem Jahr 1733 bis 1743. Th. 1. Göttingen, 1751, S. 189.

Г Л А В А   Ч Е Т В Е Р Т А Я

РАСПРОСТРАНЕНИЕ КНИГ СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ

Выяснение вопроса о том, к какой литературе проявляла интерес та или иная группа населения, имеет особое значение для исследователей. Успех или неуспех какой-то книги зависит от характера духовных запросов определенных слоев русского общества, от общего уровня образованности. Не меньшее значение имеет и изучение данных, касающихся географического перемещения книг по территории Русского государства. Оседали ли книги полностью в тех городах, где они были изданы, или же по прошествии известного времени эти книги обнаруживались на значительном расстоянии от мест издания? Установление подобных фактов дает возможность определить бóльшую или меньшую степень культурного единства России, выяснить, в какой мере периферия отставала от центра в отношении уровня культурного развития. Основными источниками при написании настоящей главы послужили для нас: 1) владельческие пометы на книгах и рукописях, 2) архивные материалы книжных лавок, позволяющие установить репертуар продававшихся книг и социальное лицо покупателей. Наиболее ценные данные при этом извлечены нами из неоднократно упоминавшейся ранее «записной книги» изданий, проданных в Петербурге в 1739—1741 гг.[1]

Среди основных слоев населения в послепетровское, так же как и в петровское время, видное место занимало офицерство. Эта группа русского общества выделялась среди других уровнем образованности и повышенным ин-

---

[1] ЦГАДА, ф. 1184, оп. 1, № 393, л. 1—32.

тересом к книге. Что же читало офицерство? Разумеется, в первую очередь военную литературу. И действительно, записи на книгах говорят об этом. Книгу «Устав воинский» (СПб., 1719) купил 19 марта 1728 г. прапорщик Бакинского полка И. Е. Чебуков у флигель-адъютанта фельдмаршала В. В. Долгорукова Щербинина, а Щербинин в свою очередь купил ее у генерал-майора Шипова. Другой экземпляр этой книги принадлежал с первой половины XVIII в. лейтенанту флота мичману С. И. Арсеньеву и был получен им от отца, умершего в 1732 г., третий экземпляр — капитану Федору Семичеву (помета 1735 г.[2]). «Книгу о экзерциции, церемониях и должностях, воинским людям надлежащих» (3-я часть «Устава воинского») купил в мае 1732 г. аудитор Оренбургского драгунского полка Сергей Неклюдов.[3]

Но офицеров интересовали и невоенные книги, причем их тематика была весьма разнообразна: математика, география, история, политика, художественная литература и т. д. «Таблицы синусов, тангенсов и секансов» (М., 1716) принадлежали секунд-майору кн. Г. И. Мещерскому,[4] «Арифметика» Магницкого (М., 1703) — майору П. И. Турчанинову,[5] «География генеральная» (М., 1718) — генералу штаб-квартирмейстеру С. В. Полочанинову.[6]

Особенно интересовались военнослужащие исторической тематикой. Рукописная «Степенная книга в извлечениях с прибавлением краткого летописца» принадлежала капитану морского флота И. Ф. Татищеву,[7] рукописный Хронограф редакции 1599 г. с прибавлением — бригадиру и лейб-гвардии Преображенского полка майору Корчину (умер в 1731 г.).[8] Книга Пуффендорфа «Введение в гисторию европейскую» имелась у капитана артиллерии Реада, полковников Осипова, Лесовицкого, Надоржанского, полкового писаря Капустянского, сотника Милорадовича.[9] Книга «История о разорении Иеруса-

---

[2] ОИГП, с. 268.
[3] ЦГАДА, ф. 1184, оп. 1, № 393, л. 2 об.
[4] ОИГП, с. 201.
[5] ОИНК, с. 87.
[6] ОИГП, с. 239.
[7] ОРО, т. 3, вып. 1, с. 528—529.
[8] БАН РО, 31.6.27.
[9] Описание документов и дел архива Синода, т. 11, стб. 337—338.

лима» (М., 1713) была у капитана Азовского драгунского полка Ивана Татищева.[10] Ее купил в июне 1740 г. майор Иван Челищев, в июле того же года — прапорщик геодезии Стефан Арсеньев, в сентябре — вахмистр Петр Щекотов.[11] Популярна среди военнослужащих была и книга Квинта Курция об Александре Македонском. Ее купил в мае 1739 г. сержант М. П. Тютчев, в мае 1740 г. — поручик И. В. Тараканов, в сентябре 1740 г. — вахмистр Рижского драгунского полка П. Щекотов.[12]

Следует отметить, что военных интересовали и такие серьезные книги, как «О должности человека и гражданина» Пуффендорфа (сержант М. П. Тютчев), «Система, или состояние мухаммеданские религии» Д. Кантемира (подпоручик П. М. Калычев), «Рассуждение» о причинах шведской войны П. П. Шафирова (майор Ф. М. Надоржевский), «Историография ... народа славенского» (аудитор драгунского полка С. Неклюдов, поручик И. В. Тараканов). Из других книг, имевшихся у офицеров, назовем: «Ратификацию» Ништадтского мира, «Тестамент, или завет Василия, царя греческого», «Регламент адмиралтейский», «Краткая повесть» о смерти Петра I Феофана Прокоповича, календари и т. д.[13]

Несомненно интересовала военнослужащих и художественая литература. Они охотно покупали в книжной лавке «Апофегмату» петровских изданий, имели и рукописные художественные произведения. Так, у капитана Хрущева была повесть «Ипполит и Жулия», переписанная им самим в 1741 г. Сатира на подьячих «Милорд Гереон» принадлежала поручику гренадеру Алексею Сверчкову.[14]

Иногда художественные произведения входили в состав рукописных сборников смешанного содержания. Например, сборник, который включал апофегмы, анекдоты, религиозные сказания и церковные службы, принадлежал ротному писарю 2-го Московского полка (1729—1730 гг.).[15] Рукописный сборник песен и стихов

---

[10] ОИГП, с. 142.

[11] ЦГАДА, ф. 1184, оп. 1, № 393, л. 18 об., 19 об., 23 об.

[12] Там же, л. 2 об., 17 об., 23 об.

[13] Там же, № 313, л. 1—32.

[14] Сперанский М. Н. Рукописные сборники XVIII века. Материалы для истории русской литературы XVIII века. М., 1963, с. 91, 92.

[15] Там же.

светского содержания принадлежал «осадной артиллерии капитану» Григорию Нечаеву.[16]

Имели военнослужащие и чисто религиозную литературу. Но здесь, среди катехизисов, молитвенников и т. п. изданий, внимание офицерства привлекали в большей степени религиозные книги с гражданскими мотивами: «О браках правоверных с иноверными», «О поливательном крещении», Проповедь в годовщину поминовения Петра и т. д.

В числе офицеров были настоящие библиофилы, приобретавшие в книжной лавке литературу широкой тематики. Так, упоминавшийся выше поручик Муромского полка Иван Васильев Тараканов 3 мая 1740 г. купил в книжной лавке книгу Квинта Курция об Александре Македонском, «Историографию ... народа славенского», «Рассуждение» о причинах шведской войны, «Тестамент, или завет Василия, царя греческого», «Апофегмату», «Ратификацию» Ништадского мира, «О поливательном крещении» и ряд других изданий. Общая стоимость покупки превышала 4 руб. — сумма очень крупная по тому времени.[17]

Упоминавшийся выше Петр Щекотов приобрел в книжной лавке в сентябре 1740 г. «Историю иерусалимскую», сочинение Квинта Курция, «Регламент адмиралтейский», «Тестамент, или завет Василия, царя греческого».[18] Можно привести и другие примеры покупки сразу нескольких книг, причем, по всем данным, книги эти покупались не для продажи, а для себя, так как каждое издание приобреталось лишь в одном экземпляре (перекупщики, как мы видели из предыдущей главы, покупали каждой книги по нескольку экземпляров).

Таким образом, тематика книг, интересовавших офицеров, была весьма разнообразна. В ту эпоху офицеры, как правило, были выходцами из дворян. Другая часть дворянства пополняла ряды высших слоев штатской администрации (и в какой-то мере духовенства). Поэтому выяснение круга чтения чиновничества в известной степени пополняет наши данные о культурных за-

---

[16] БАН РО, 25.7.14.
[17] ЦГАДА, ф. 1184, оп. 1, № 393, л. 17 об.—18.
[18] Там же, л. 23 об.—24.

просах дворян. Следует оговориться, что в этой главе мы не коснемся круга чтения представителей знати, имевших обычно крупные личные библиотеки, о которых пойдет речь в пятой главе.

Что же читало чиновничество? Эта категория населения очень сильно выросла в результате Петровских реформ как численно, так и по культурному уровню. К чиновничеству условно мы относим не только сотрудников государственных, дворцовых и духовных (светские лица) учреждений, но и всякого рода «служителей», между которыми было немало и поверенных частных лиц. Среди чиновничества недворянская прослойка была значительно сильнее, чем среди офицерства (особенно в низах), и говорить о единстве интересов всей этой большой группы населения едва ли правомерно. Приводимые ниже данные характеризуют в основном круг чтения средних и нижних слоев чиновничества: подьячие, канцеляристы, копиисты, писчики, регистраторы, разные «служители» (частных лиц, монастырские, архиерейские и т. д.). Лишь немногие сведения относятся к представителям высоких слоев чиновничества: комиссары, секретари, дьяки, стряпчие. Материал почерпнут нами в основном из упоминавшейся выше «Записной книги» проданных в 1739—1741 гг. изданий Петербургской типографии. Помимо того, привлечены данные владельческих помет (последние случаи оговорены в подстрочных примечаниях).

Большой интерес проявляло чиновничество к исторической литературе: «История иерусалимская» (служитель князя А. В. Долгорукова Михаил Игнатьев, канцелярист Военной коллегии Алексей Зубарев, копиист сената Андрей Щеглов и др.), книга Квинта Курция об Александре Македонском (комиссар Яков Федоров, кабинет-секретарь Яков Бахирев, сенатский секретарь Семен Лукин и др.), «Тестамент, или завет Василия, царя греческого» (юстиц-коллегии копиист Иван Попов), книга «Историография ... народа славенского» (сенатский протоколист Петр Иванов Боголюбов, служитель князя А. В. Долгорукова Михаил Игнатьев, сенатский подьячий Илья).

Внимание чиновников привлекала политическая и юридическая литература: «Мемориал, каков... подан английскому двору 1719 году...» (СПб., 1720), судя по владельческой помете, принадлежал в 1726 г. подканце-

ляристу Мирону Припечину,[19] сочинение С. Пуффендорфа «О должности человека и гражданина» (СПб., 1726) приобрели канцелярист Федор Галденин, сенатский подканцелярист Михаил Лебедев, вахмейстер портовой таможни Василий Афанасьев. Чиновники покупали и известное произведение П. П. Шафирова «Рассуждение» о причинах шведской войны (например, копиист Соляной конторы Афанасий Васнецов, подканцелярист Михайло Остолопов, синодальный подьячий Никита Сергеев.

Но чиновничество интересовалось не только исторической и политической литературой. Они покупали такие книги, как «Книга считания удобного» (комиссар П. Н. Крекшин, копиист юстиц-коллегии Иван Попов). Книгу «Систима, или состояние мухаммеданские религии» (СПб., 1722 г.) купили служитель обер-крикс-комиссара Микулина Никита Карпов, вахмейстер портовой таможни Василий Афанасьев. Известное издание петровского времени «Приклады, како пишутся комплементы разные» купили сенатский секретарь Иван Тимофеев Муринов, сенатский протоколист Петр Иванов Боголюбов; копии указов 1719—1720 гг. (СПб., 1721), как видно из пометы, принадлежали дьяку архиерейского казенного приказа Стефану.[20]

Несомненно интересовала чиновничество и художественная литература. Особенно популярна была «Апофегмата». Она, судя по архивным данным, была куплена целым рядом лиц: синодальным подьячим Иваном Никитиным, подканцеляристом Алексеем Головковым, служителем тобольского архиерейского дома Алексеем Малаховым, служителем архиерейского рязанского дома Иваном Петровым, подьячим Камер-коллегии Ильей Ивановым, копиистом комиссарской конторы Афанасием Васильевым, регистратором Иваном Шавровым и др. Интересовалось чиновничество и всякого рода «словами» (Феофана Прокоповича, Фиофилакта Лопатинского и др.), проповедями и т. п. литературой. У некоторых из них имелись и рукописные художественные произведения. Так, сборник с текстом «Сказки о Волоте Волотовиче» купил в 1735 г. канцелярист С. Деев, сборник, содержащий «Брунцвик», «Житие Евстахия Плакиды»,

---

[19] ОИГП, с. 298.
[20] Там же, с. 332.

«Сказание с Мамае», принадлежал подьячему Троице-Сергиева монастыря Уразову (1728 г.).[21]

Из религиозных изданий, помимо проповедей и катехизиса, популярны были: указ «О поливательном крещении», «О браке правоверных с иноверными», «Объявление» о раскольнике Калине, святцы.

Среди чиновничества были и большие библиофилы. Это видно из данных о покупке книг в книжной лавке. Так, актуариус Иностранной коллегии Иван Постников, придя в декабре 1740 г. в книжную лавку, купил сразу 6 книг для серьезного чтения: «Историографию ... народа славенского», книгу Квинта Курция об Александре Македонском, «Историю иерусалимскую», книгу «Систима, или состояние мухаммеданские религии», книгу С. Пуффендорфа «О должности человека и гражданина», «Рассуждение» П. П. Шафирова о причинах шведской войны.[22]

К числу библиофилов принадлежали также сенатский копиист Андрей Щеглов, купивший в книжной лавке в октябре 1740 г. книгу С. Пуффендорфа «О должности человека и гражданина», «Историю иерусалимскую», «О браке правоверных с иноверными», «Объявление» о раскольнике Калине и ряд других изданий. Другой любитель книг, сенатский подканцелярист Михаил Лебедев, посещал в 1739—1740 гг. книжную лавку неоднократно и закупил большое число книг, в том числе книгу С. Пуффендорфа «О должности человека и гражданина», «Апофегмату», «Историю иерусалимскую», «Мемориал, каков... подан английскому двору 1719 году...» (СПб., 1720 г.), «Рассуждение о оказательствах к миру...» (СПб., 1720), книгу Квинта Курция об Александре Македонском, «Сказание» Ф. Лопатинского, «Тестамент, или завет Василия, царя греческого», «Регламент адмиралтейский», «Приклады, како пишутся комплементы разные», предики, каталог записных книг Синодальной библиотеки и др.[23]

Несомненно библиофилами были сенатский секретарь Яков Леванидов, кабинет-секретарь Андрей Яковлев (интересовавшийся исторической и религиозной литерату-

[21] Сперанский М. Н. Рукописные сборники XVIII века, с. 90, 91.

[22] ЦГАДА, ф. 1184, оп. 1, № 393, л. 28 об.

[23] Там же, л. 26 об.

рой), канцелярист Алексей Пугвошников (покупавший различного рода «слова» и проповеди), сенатский подканцелярист Антипа Нагибин (также интересовавшийся «словами» и, кроме того, описаниями торжественных церемоний и религиозной литературой), дворцовый стряпчий Володимир Дружинин (он купил в книжной лавке 23 ноября 1739 г. книгу Квинта Курция, «Историографию ... народа славенского», книгу Пуффендорфа «О должности человека и гражданина», «Устав морской») и др.[24] В числе библиофилов, как мы видим, было много чиновников из Сената.

Из сказанного о чиновниках видно, что круг их чтения был достаточно широк. Интересно, что он во многом совпадал с кругом чтения офицеров. Впрочем, даже среди крупных чиновников были лица, мало интересовавшиеся чтением. Так, например, из описи имущества дьяка Никифора Иванова сына Зайцева (1731 г.) видно, что у него имелись всего три печатные богослужебные книги и одна рукописная («Похвала» царю Федору Алексеевичу).[25]

Работники типографий, как мы уже знаем, нередко получали книги вместо жалования и вынуждены были продавать их. Часто они брали в типографии книги специально для перепродажи, но в ряде случаев покупали их в единичных экземплярах, т. е. лично для себя. Так, например, справщик Андрей Иванов купил «Симфонию на псалтырь», наборщик Алексей Говоров — «Синопсис», разборщик Филипп Миляков — Катехизис, батыйщик Илья Сахаров — «Устав морской», переплетчик дворцовой конторы Григорий Смоленинов — «Историю иерусалимскую».

Известны отдельные факты покупки книг представителями интеллигентных профессий. Переводчик иностранной коллегии Василий Бокенев купил «Историографию ... народа славенского» и Катехизис, учитель артиллерийской школы Даниил Иванов Суровский — «Приклады, како пишутся комплементы разные».

Покупали книги и ученики. Ученик Кадетского корпуса Иван Дмитриев сын Наумов купил 8 сентября 1739 г. книгу Квинта Курция об Александре Македонском, того же корпуса кадет Алексей Тихменев купил

---

[24] Там же, л. 1—32.
[25] Там же, ф. 340, оп. 1, № 947, л. 49—60.

27 ноября 1739 г. книги «Артиллерия-практика», «Истинный способ укрепления городов... Вобана», «Молитвенник сухопутный». Книгу об укреплении городов купили также (13 марта 1740 г.) «морского флота ученик» Микита Федоров и «артиллерийский ученик» Михайло Мор... (неразборчиво). Семинарист Григорий Николаев 18 октября 1739 г. купил в книжной лавке целую партию книг: «Артиллерию-практику», «Историографию... народа славенского», «Истинный способ укрепления городов», «Историю иерусалимскую», «Дружеские разговоры» Эразма Роттердамского, «Систиму, или состояние мухаммеданские религии» и др., «Морской академии ученик» Михайло Четвериков закупил в лавке ряд гравированных чертежей; чертежи загородных домов купил ученик «новоучрежденной комиссии инженерного корпуса» Петр Забелин.[26] Приведенные отрывочные сведения показывают, что учащиеся покупали книги, не только связанные с их занятиями.

Книги имелись и у посадских людей, которые проявляли наибольший интерес к гуманитарной и религиозной тематике. Так, книга «Систима, или состояние мухаммеданские религии» (СПб., 1722) принадлежала «ладожскому посадскому человеку» Лазарю Данову,[27] книга «Синаксар» (Чернигов, 1710) — владимирскому мещанину Михаилу Ефимову сыну Моторину (куплена им в 1730 г.),[28] рукописный Хронограф, судя по помете на рукописной копии с него, принадлежал «белозерке посадской вдове» П. И. Чепыжниковой,[29] сборная рукопись, состоящая из 19 отдельных рукописей, в основном религиозного и исторического содержания, принадлежала устюжскому купцу А. М. Понамареву,[30] рукописное «Житие Александра Македонского» — посадскому человеку В. Т. Поповых.[31]

В известной нам «Записной книге» книжной лавки за 1739—1741 гг. имеются сведения о покупке книг куп-

---

[26] Там же, ф. 1184, оп. 1, № 393, л. 1—32.

[27] ОИГП, с. 395.

[28] ОИНК, с. 177.

[29] На рукописи БАН с шифром 9.1.4 имеется помета: «Списана у белозерки, посадской вдовы Параскевы Ивановы дочери Яковлевской жены Чепыжниковы» (1744 г.).

[30] БАН РО, Тек. пост. 496.

[31] См. помету на сборной рукописи БАН (шифр 33.17.25).

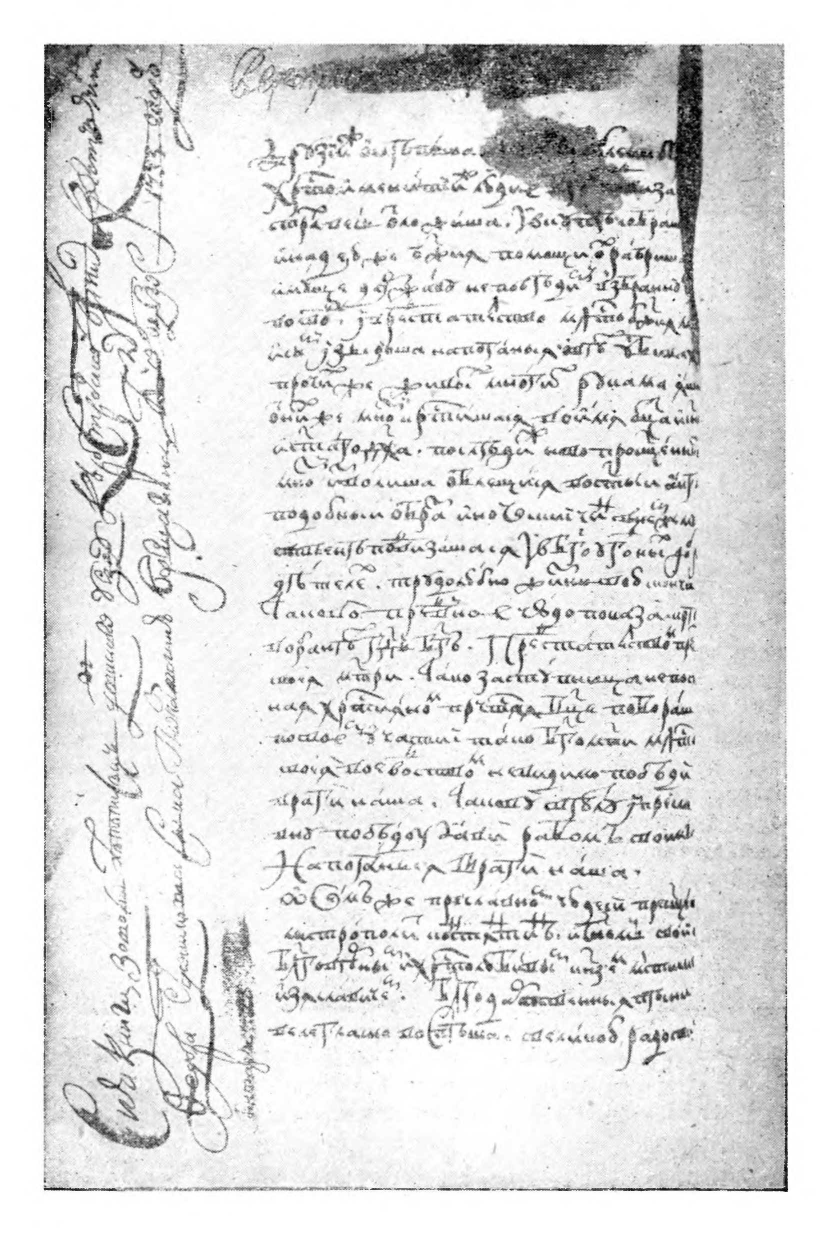
Помета на книге «Таблицы синусов, тангенсов и секансов и логарифма синусов и тангенсов» (М., 1716): «Сия логарифма академии ученика Степана Клеопина, а купил у Семена Третьякова».

цами. Некоторые записи явно отражают покупку книг с целью перепродажи, однако в других случаях речь идет, по всей вероятности, о покупке книг для себя, поскольку покупались единичные издания, причем в одном экземпляре каждое. Приведем эти данные:[32] ладожского посада купец Яков Матвеев приобрел в книжной лавке по 1 экземпляру книг: «Азбуки виршевой», «Артиллерии-практики», «Чина избрания архиерейского», «О браке правоверных с иноверными», «Книги о экзерциции» и ряд проповедей; купецкий человек Григорий Иванов сын Кулагин — «Апофегмату» и «Виршевую азбуку»; ладожского посада купец Дмитрий Дубровин — «Артиллерию-практику», Святцы; смоленский мещанин Иван Флеров — книгу Квинта Курция и «О поливательном крещении»; старорусский купец Федор Агафонов — «Рассуждение» П. П. Шафирова; белозерский купец И. И. Горшенинов — Катехизис; петербургский купец Иван Поликарпов — «Историю иерусалимскую», «Объявление» о раскольнике Калине, «Розыск исторический» Дм. Ростовского; «дедиковский» купец Иван Семенов — «Историографию ... народа славенского» и «О должности человека и гражданина», московский купец Василий Пономарев — «Виршевую азбуку», «О должности человека и гражданина», «Апофегмату», Катехизис; вологодский купец Г. Ф. Свинобаев — «Апофегмату»; петербургский купец Дмитрий Шелепин — «О браке правоверных», «Рассуждение» П. П. Шафирова; московский купец Иван Томилин — книгу Квинта Курция, «Историографию ... народа славенского», «О должности человека и гражданина», другой московский купец, Алексей Никитин, — Псалтырь.

Приведенные данные говорят о том, что посадских людей интересовала светская литература, но репертуар ее был у́же, чем репертуар книг, читаемых офицерством и чиновничеством, а к религиозной тематике они проявляли несомненно больший интерес. И все же, как мы видели, внимание отдельных представителей посадского населения привлекали такие серьезные книги, как, например, сочинение С. Пуффендорфа «О должности человека и гражданина». Особо следует отметить нередкие случаи наличия у них рукописных книг.

---

[32] ЦГАДА, ф. 1184, оп. 1, № 393, л. 1—32.



Помета на рукописи «Книга Степенная и родословный летописец русских князей. . .» (БАН РО, 31.3.20): «Сия книга зовомый летописец Двинского уезду Куростроевской волости крестьянина Федора Евдокимова сына Верещагина Большого 1733 год».

Остановимся теперь на круге чтения представителей низов русского общества — крестьян, солдат и т. д. Имеющиеся в нашем распоряжении данные немногочисленны, но весьма любопытны. «Книга Степенная и родословный летописец русских князей» последней четверти XVII в., судя по владельческой помете, принадлежала в 1733—1734 гг. крестьянину Двинского уезда Куростроевской волости Федору Евдокимову Верещагину Большому.[33] Из пометы, относящейся к 40-м годам XVIII в., на рукописном сборнике религиозного содержания видно, что этот сборник принадлежал крестьянам Картопольского уезда.[34] Рукописная книга «Страсти. Чин освящения» (БАН, Сев. 682) была куплена крестьянином Олонецкой губернии у дьячка Важской волости, а затем, в 1743 г., перешла к заводскому жителю.[35] Дворцовый крестьянин Новгородского уезда Василий Аникиев купил 18 июля 1740 г. в книжной лавке Катехизис и «Объявление» о раскольнике Калине.[36]

В составе сборной рукописи (шифр 21.9.25), хранящейся в Рукописном отделе Библиотеки Академии наук СССР,[37] имеются две рукописи, принадлежащие сельским жителям. На рукописи о видении некоего Василия во время затмения в Астрахани в 1721 г. имеется помета: «Сия тетрадь ...виского погоста... Федорова Васильева сына Гуляева... 1726 году, декабрь 25 списано с посланного известия, которое прислано с Соловецкого монастыря, на Петровском заводе оштенин[38] Иван Кайдалов»; на рукописи «Беседа трех святителей. Апокриф» помета: «Сию тетрадь списывал шуянин Емельян Жуков своей рукой 1734 году февраля в день».[39] Из этих помет нельзя с полной достоверностью вывести заключение, что владельцами рукописей были крестьяне, но такая вероятность все же имеется.

---

[33] БАН РО, 31.3.20 (см. также: ОРО БАН, т. 3, вып. 1. М.—Л., 1959, с. 511—512).

[34] БАН РО, 21.2.12 (нов. 1197).

[35] Сперанский М. Н. Рукописные сборники XVIII века, с. 86.

[36] ЦГАДА, ф. 1184, оп. 1, № 393, л. 20 об.

[37] БАН РО, 21.9.25 (см. также: ОРО БАН, т. 4, вып. 1. М.—Л., 1951, с. 246—247).

[38] Ошта — деревня в Лодейнопольском уезде.

[39] Село Шуйское в Петрозаводском уезде.

На основании приведенных данных можно сделать несколько выводов: 1) крестьян по-прежнему еще больше всего интересовала религиозная литература, но они начали тянуться и к светской книге; 2) не случайно данные о принадлежности книг крестьянам относятся к северным районам России, где в меньшей степени было развито крепостное право или его совсем не было; 3) крестьяне, как правило, владели рукописными, а не печатными книгами, более доступными им по цене. К тому же некоторые книги они переписывали сами.

Посмотрим теперь, какие книги принадлежали рядовым русской армии и морского флота. Солдату Ингерманландского пехотного полка Матфею Иванову сыну Сысоеву принадлежала «История о Барбосе, разбойнике гишпанском» (список 1743 г.);[40] Преображенского полка солдат купил 5 октября 1739 г. «Табель о рангах» и «Проповедь на день Петра и Павла»; «морского флоту первого полку» солдат Никита Савинов купил Катехизис; «Семеновского полку» солдат Андреян Воробьев — «Истинный способ укрепления городов ... Вобана»; солдат Преображенского полка Алексей Малахов — каталог греческих рукописей Патриаршей библиотеки.[41] Матрос «корабля Лондона» Петр Данилов сын Мясоедов имел книгу «Систима, или состояние мухаммеданские религии», купленную в Кронштадте в 1725 г. у писаря Н. В. Карандеева.[42] Хранящийся в Библиотеке Академии наук сборник псалмов и песен (16.6.29) принадлежал казаку Захарию Дзюбаревичу.

Приведенные отрывочные сведения показывают, что среди солдат и матросов послепетровского времени были владельцы как книг религиозного содержания, так и серьезных светских книг. Однако следует иметь в виду, что в числе солдат этого периода могли находиться не только представители низов, но и высших слоев общества. Указ Петра об обязательной службе дворян, начиная с рядовых, в рассматриваемый период еще не утратил своей силы.

Нам остается сказать о круге чтения духовенства. Как и в предшествующее время, духовенство интересо-

---

[40] Сперанский М. Н. Рукописные сборники XVIII века с. 91.

[41] ЦГАДА, ф. 1184, оп. 1, № 393, л. 26 об.

[42] ОИГП, с. 395.

валось больше всего книгой религиозного содержания, исторической и художественной литературой. В книжной лавке представители духовенства были основными покупателями катехизисов. Помимо того, они приобретали проповеди, указы «О поливательном крещении», «О браке правоверных с иноверными», «Объявление» о раскольнике Калине и другую литературу религиозного характера. Из светской литературы покупались «История иерусалимская» (священник Степан Яковлев, дьячок Троицкого собора Петр Кирилов, протопоп Лазарь Климентов), «Историография народа ... славенского» (иеромонах кадетского корпуса Игнатий, архимандрит Чудова монастыря Варлаам, архимандрит Киево-Печерской лавры Тимофей и др.), «Апофегмета» (иеромонах Коломенской епархии Иов, протопоп Лазарь Климентов), «Регламент духовный» (священник города Олонца Яким Фадеев) и др.[43]

На основании владельческих помет устанавливается, что «Синопсис» (Киев, 1699) принадлежал архимандриту верхотурского Николаевского монастыря,[44] «Книга житий святых» (Киев, 1689) — монаху новгородского Николаевского Розванского монастыря,[45] Хронограф Дорофея Монемвасийского — иеродьякону Иосифу (1728 г.),[46] «Православное исповедание веры» П. Могилы принадлежало в 1740 г. белозерскому священнику Ивану Иванову,[47] Хронограф редакции 1617 г. списан и сверен для того же белозерского священника,[48] видимо любителя книг; рукопись, содержащая «Александрию» сербской редакции и «Книгу Большого чертежа», — иеромонаха Иосифа, келейная, которую он положил в 1736 г. в Сийский монастырь.[49] Этому же иеромонаху принадлежал и сборник, включающий рукопись различного содержания (Арханг., д. 408), который он также положил в 1736 г. в монастырскую казну.[50] В последних двух примерах пе-

---

[43] ЦГАДА, ф. 1184, оп. 1, № 393, л. 1—32.
[44] ОИНК, с. 64.
[45] Там же, с. 52.
[46] БАН РО, 45.13.12.
[47] Быкова Т. А. Каталог русской книги кирилловской печати петербургских типографий XVIII века (1715—1800). Л., 1971, с. 81.
[48] БАН РО, 9.1.4.
[49] БАН РО, арх. 419.
[50] ОРО БАН, т. 3, вып. 2. М.—Л., 1965, с. 243—245.

ред нами два любителя книг: белозерский священник Иванов и иеромонах Иосиф. Вот еще три примера, касающиеся рукописных книг, принадлежавших духовным лицам. Рукопись, включающая «Повесть о Вавилонском царстве», отрывок из описания Царьграда Антония Новгородского, была собственностью иеромонаха Хутынского монастыря (1742 г.); рукопись, включающая «Сон богородицы», молитвы, заговоры, принадлежала в 1736 г. пономарю,[51] Хронограф сводный с новым «Летописцем» с прибавлениями был куплен в 1736 г. протопресвитером Арсением Живковичем.[52]

Среди духовенства, как и среди представителей других слоев населения, имелись библиофилы. Протопоп собора Рождества богородицы Белгородской епархии Лазарь Климентов купил 27 сентября 1739 г. в книжной лавке 6 книг: «Историю иерусалимскую», «Апофегмату», книгу Квинта Курция, «О браках правоверных с иноверными», «Систиму, или состояние мухаммеданские религии», «Историографию ... народа славенского». Другой книголюб, иеромонах Киево-Печерской лавры Иосиф, в сентябре 1740 г. купил в книжной лавке 9 книг, в том числе «Рассуждение» о причинах шведской войны, «Историографию ... народа славенского», «Историю иерусалимскую», «О поливательном крещении» и др.[53] К числу библиофилов следует отнести также архимандрита Чудова монастыря Варлаама, архимандрита курского Богородицкого Знаменского монастыря Митрофана.

Но среди духовных лиц были и такие, которые совершенно иначе относились к книге. В своей статье о записях на старинных книгах А. Н. Лебедев приводит такой пример: поп Иван Федоров из села Данева Елатомской десятины без всякой надобности так измарал рукописный Октоих XVI в., что кто-то вынужден был написать в этой книге: «Безумный и пакостный человек везде пакости строит и книги марает».[54]

Здесь попутно следует сказать, что книги приобретали также певчие и иконописцы. Так, дворцовый певчий Ва-

---

[51] Сперанский М. Н. Рукописные сборники XVIII века, с. 88.

[52] БАН РО, 16.4.5.

[53] ЦГАДА, ф. 1184, оп. 1, № 393, л. 7, 24.

[54] Лебедев А. Н. Надписи на старинных книгах. М., 1896, с. 17, 18.

силий Иванов приобрел в книжной лавке 5 декабря 1739 г. «Историографию... народа славенского», «Апофегмату», «Истинный способ укрепления городов... Вобана», «О поливательном крещении»; синодальный певчий Иван Никитин в том же декабре — «Приклады, како пишутся комплементы разные»; певчий Петр Яковлев — «Апофегмату» (февраль 1740 г.); такую же книгу в декабре 1739 г. купил певчий вологодского архиерейского дома Иван Федоров, он же купил и «Историю иерусалимскую»; рукописный сборник исторического и религиозного содержания, хранящийся в Библиотеке Академии наук (РО, Плюшк. 193), как видно из пометы 1743 г., принадлежал псковскому иконописцу Фоме Алексееву сыну.[55]

Вышедшие из печати книги быстро распространялись по стране, попадая в места, расположенные на большом расстоянии от места издания. Очень характерен пример с известной книгой С. Пуффендорфа «Введение в гисторию европейскую», вышедшей при Петре двумя изданиями: в 1718 г. (600 экз.) и в 1723 г. (300 экз.). В соответствии с указом Анны Иоанновны 1739 г. продажа книги была запрещена, а проданные экземпляры предлагалось владельцам вернуть на склад «для исправления». К этому времени из тиража издания 1718 г. осталось не проданных лишь 64 экз., а из тиража 1723 г. — 195. В соответствии с указом владельцы вернули книги: в Смоленской губернии — 1 (капитан артиллерии Реада); в Белгородской губернии — 5 (полковники Осипов, Лесовицкий, Надоржанский, полковой писарь Капустянский, сотник Милорадович); в Севской провинции — 2 (наместник Брянского свенского монастыря иеромонах Варсанофий, севский купец Трофим Шереметцов); в устюжском архиерейском доме — 1 (осталась после великоустюжского епископа Боголепа); в Киево-Печерской лавре — 3 (Лаврская библиотека, иеромонах Кондрат, игумен Новопечерского монастыря Владимир); в Вологодской провинции — 2 (посадский человек Таинов, Кириллово-Белозерский монастырь); в Петербурге — 2 (Александро-Невский монастырь); в Санкт-петербургской лавке — 35 экз.; в Тобольской епархии 1 (эконом Тюменского Троицкого монастыря); в Галицкой провинции — 2; в Тамбовской провинции — 1; в Сибирском приказе — 1; в Архангелогород-

[55] ОРО БАН, т. 3, в. 2, с. 202.

ской канцелярии — 1; в Волоколамском приказе — 1; у архимандрита Крестного монастыря — 1.[56]

Приведенные данные показывают, как широко распространилась книга Пуффендорфа. За какие-нибудь 15—20 лет она достигла даже таких удаленных от Петербурга мест, как Тюмень, Архангельск, Киев и др. Характерно, что книгой интересовались представители различных кругов населения: дворяне, посадские, духовные лица и т. д. Совершенно светская по содержанию, она оказалась и в библиотеках духовного ведомства.

Еще более разительную картину дает «записная книга» проданных в книжной лавке в 1739—1741 гг. книг. Как показывают сделанные нами подсчеты, из общего числа проданных за это время 897 книг почти $^{3}/_{4}$ (671 книга) были куплены представителями Москвы и других городов России, находящихся на весьма значительном расстоянии от Петербурга. Вот неполный перечень этих пунктов: Новгород, Вологда, Олонец, Великий Устюг, Саранск, Белое Озеро, Вятка, Коломна, Ладога, Валдай, Смоленск, Старая Русса, Псков, Муром, Соловецкий монастырь, Киев, Тобольск, Курск.[57] Таким образом, книга попадала и на окраины Русского государства. В статье Е. К. Ромодановской говорится о круге чтения сибиряков в XVII—XVIII в. Отмечая замедленное литературное развитие Сибири по сравнению с европейской Россией, автор вместе с тем приводит факты большого интереса к книге в Сибири, хотя интересовались сибиряки в основном допетровскими произведениями.[58] В той же статье говорится, что «История» (не совсем ясно, какая) принадлежала тобольскому дворянину Михаилу Михайловичу Лосеву, «Повесть краткая о Александре Великом» была переписана в 1738 г. тобольским ямщиком Козьмой Черепановым, братом сибирского летописца.[59]

И нерусские народности имели свои книги. В делах Синода сохранились сведения о том, что у новокрещенного калмыка гелюна Диоржа, как сообщил в письме к Си-

---

[56] Описание документов и дел архива Синода, т. 11, стб. 337—338.

[57] ЦГАДА, ф. 1184, оп. 1, № 393, л. 1—32.

[58] Ромодановская Е. К. О круге чтения сибиряков в XVII—XVIII вв. — В кн.: Исследования по языку и фольклору, вып. 1. Новосибирск, 1965, с. 253.

[59] Там же, с. 239.

ноду иеромонах Н. Ленкевич, имелись «книги некоторые о законе калмыцком». В 1730 г. Ленкевич прислал в Синод рукописную книгу, которая по-калмыцки называлась «Бодии — Мяриин Котял бюр». Синод передал ее для перевода в Коллегию иностранных дел.[60]

Все это говорит о том, что в послепетровское время интерес к светской книге заметно возрос, при этом расширился круг книг, которыми интересовались представители самых различных слоев населения. Это книга Квинта Курция об Александре Македонском, «История иерусалимская», «Историография... народа славенского», «Апофегмата», «Систима, или состояние мухаммеданские религии», «Тестамент, или завет Василия, царя греческого», Катехизис, «О браках правоверных с иноверными», «О поливательном крещении», «Приклады, како пишутся комплементы разные», «Объявление» о раскольнике Калине и др. Удивительно, что среди популярных книг были обе книги Пуффендорфа, изданные в России («Введение в гисторию европейскую», «О должности человека и гражданина»), «Рассуждение» о причинах шведской войны П. П. Шафирова, «Истинный способ укрепления городов... Вобана». Успехом пользовались календари.

Любопытные данные о библиофилах содержатся в «реестре» должников Книжной палаты, сохранившемся в Ленинграде в Архиве АН СССР.[61] В их числе — представители знати (царевна Елизавета Петровна, герцог Курляндский, князь Куракин, Б.-Х. Миних, А. П. Волынский, принц Брауншвейгский, князь Трубецкой и др.), генералитета и офицерства (генерал-майор фон Альберти, генерал-лейтенант Апраксин, полковник Фукс, генерал-майор Фермор, генерал-майор Игнатьев), чиновничества (синодальный секретарь Леванидов, секретарь медицинской канцелярии Федорович, секретарь Иностранной коллегии Бакунин), интеллигенции (В. Н. Татищев, И. К. Кирилов, архитектор Фишер), купечества (Бардевих, Бетлинг, Ефремов, Линдеман), сотрудники Академии наук (Ф. Гмелин, Л. Л. Блюментрост, И.-А. Корф). К сожалению, в реестре не сказано, какие именно книги за ними числились, а проставлена только сумма задолженности. С некоторыми из этих имен мы встретимся в следующей главе.

---

[60] ПСПиР, т. 7, с. 652—653.

[61] ЛОААН, ф. 3, оп. 6, № 9, л. 1—4.

Г Л А В А П Я Т А Я

ЧАСТНЫЕ КНИЖНЫЕ СОБРАНИЯ

В послепетровское время число частных книжных собраний не только не уменьшилось по сравнению с временем Петра, но, наоборот, возросло. При этом стремление к собиранию книг распространилось на более широкие круги общества. Однако, как и в петровское время, наиболее крупные книжные собрания принадлежали представителям светской знати и высшим кругам духовенства. К числу подобных личных библиотек относились книжные собрания А. П. Волынского, А. И. Остермана, Б.-Х. Миниха, В. Н. Татищева, Феофана Прокоповича, Феофилакта Лопатинского, Лаврентия Горки и др.

1. БИБЛИОТЕКА А. П. ВОЛЫНСКОГО

Артемий Петрович Волынский был одной из ярких политических фигур петровского времени и особенно периода царствования Анны Иоанновны. Выходец из старинного дворянского рода, начавшего выдвигаться уже с XVII в., сын стольника (позднее казанского воеводы), Волынский родился в 1689 г. и воспитывался в старинном боярском доме С. А. Салтыкова. В 15-летнем возрасте зачисленный в солдаты, он вскоре завоевал расположение Петра и стал быстро продвигаться по службе. В 1715 г. Волынский — посланник в Персии, где в 1717 г. заключил торговый договор с Персией, выгодный для России, чем заслужил признательность Петра, назначившего его в следующем, 1719 г. астраханским губернатором в чине полковника. В Астрахани (1719—1723) Волынский сыграл

большую роль в подготовке персидского похода 1722—1723 гг. С 1725 г. он — казанский губернатор.

Используя свои связи, Волынский переводится в Москву, где возглавляет «вышний суд» над Д. М. Голицыным. В дальнейшем для своего продвижения он использовал влиятельных при дворе немцев: К.-Г. Левенвольде, Б.-Х. Миниха, самого Э.-И. Бирона. В 1738 г. Волынский уже кабинет-министр, а через год становится единственным докладчиком у императрицы Анны. Однако служебные успехи вскружили ему голову. Не учитывая реальных своих возможностей, Волынский попытался вступить в борьбу с очень влиятельной при дворе Анны немецкой партией и самым главным фаворитом императрицы — Бироном. Борьба закончилась поражением Волынского и разгромом его партии. В июне 1740 г. он был казнен вместе с главными своими сторонниками П. М. Еропкиным и А. Ф. Хрущовым. Другие приверженцы Волынского подверглись суровым наказаниям.[1]

Не получивший сколько-нибудь систематического образования, Волынский имел большую тягу к книгам и принадлежал к числу просвещенных людей своего времени. Он обладал незаурядными способностями и большим интересом к общественно-политическим наукам, мечтал о широких политических преобразованиях. Политические воззрения Волынского отражал написанный им «Генеральный проект», в котором он выступал за монархическое правление с широким расширением прав шляхетства (но против олигархии), за развитие в России образования, укрепление армии и т. д. Борьба Волынского против немецкого засилья при дворе носила прогрессивный характер. Однако сам он, хотя и отстаивал многие правильные идеи, был далеко не идеальным государственным деятелем и недостатки его были во многом типичны для той эпохи. Чрезвычайно честолюбивый и корыстолюбивый, жестокий самодур, заносчивый перед нижестоящими и льстивый по отношению к людям, от которых зависела его карьера, человек, мало разбирающийся

[1] Биографические данные о А. П. Волынском почерпнуты нами из следующей литературы: Корсаков Д. А. Из жизни русских деятелей XVIII века. (Историко-биографические очерки). Казань, 1891, с. 285—317; Шишкин И. Артемий Петрович Волынский. Биографический очерк. — «Отеч. зап.», 1860, т. 128, раздел 1, с. 447—522; т. 129, раздел 1, с. 221—262.

в средствах для достижения цели и преследующий в первую очередь свои выгоды, Волынский не мог похвастаться богатством нравственных качеств. В поражении его в трудной борьбе с немцами сыграл роль и его неуравновешенный характер.

Волынский с увлечением читал Н. Макиавелли, Ю. Липсия, Боккалини. В особенности ему нравилось сочинение Липсия «Политические учения», разоблачавшее нравственный и политический разврат эпохи Римской империи и современного Липсию общества. Здесь Волынский видел аналогию с временами Анны Иоанновны. Члены его кружка — П. М. Еропкин, А. Ф. Хрущов, В. Н. Татищев, А. Л. Нарышкин, Г. А. Урусов, П. И. Мусин-Пушкин, Антиох Кантемир и др. — относились к числу образованных людей. Им были дороги русские интересы, но они были хорошо знакомы и с западной литературой, с сочинениями Юста Липсия, Боккалини, Бесселя и др.

Волынский имел личную библиотеку. Помимо того, он охотно пользовался книгами из Библиотеки Академии наук, библиотек своих единомышленников. И так как Волынский, как принято считать, недостаточно владел иностранными языками, друзья переводили ему произведения иностранных авторов, например политические памфлеты, которые они приносили из своих хорошо подобранных книжных собраний.[2] Библиотека Волынского после его казни была передана в Канцелярию конфискации, часть ее была куплена Герольдмейстерской конторой. А затем, уже в елизаветинское время, в 1759 г., книги были возвращены дочери Волынского М. А. Воронцовой, в том числе и книги, купленные Герольдмейстерской конторой.[3]

Опись библиотеки Волынского хранится в фондах Центрального государственного архива древних актов.[4] Всего по описи значилось 503 номера книг, или 537 библиотечных единиц (под некоторыми номерами числилось не по одному, а по нескольку экземпляров книг). Кроме того, 8 рукописных книг было передано в Коллегию иностранных дел.[5] Итак, всего книг у Волынского было 545.

[2] Орлов А. С. «Телемахида» В. К. Тредиаковского. — В кн.: XVIII век, сб. 1. Л., 1935, с. 15.

[3] Корсаков Д. А. Из жизни русских деятелей XVIII века, с. 265.

[4] ЦГАДА, ф. 286, оп. 2, кн. 6, л. 381—396.

[5] Белокуров С. А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898, с. 88.

Что же представляла собой библиотека Волынского? Прежде всего следует сказать, что это было собрание почти исключительно печатных книг. Рукописей имелось немного: всего 22 из общего числа 545 книг, т. е. около 4%. Если распределить книги Волынского по языкам, то мы увидим, что литература на русском и церковнославянском языках составляла лишь немногим более половины книжного собрания:

Язык	Число книг	%
Русский и церковнославянский	286	52.5
Немецкий	68	12.4
Латинский	49	9.0
Польский	33	6.1
Французский	25	4.6
Итальянский	6	1.1
Книги на двух и более языках	38	7.0
Язык не выяснен	40	7.3
Итого	545	100.00

Такое соотношение русского и иностранного фонда вызывает удивление, если учесть распространение в нашей литературе сведений о недостаточно хорошем знании Волынским иностранных языков. Невольно возникает сомнение в точности этих сведений: не мог же человек, совершенно не владеющий иностранными языками, коллекционировать иностранную литературу в таком большом количестве. Как мы увидим далее, когда будем говорить о подборе книг по филологии (большое количество словарей, грамматик и т. д.), такое сомнение вполне правомерно: Волынский, видимо, занимался изучением иностранных языков и, надо думать, достиг в этом каких-то успехов. По числу книг после литературы на русском языке шла литература на немецком языке, далее на латинском, польском, французском (на итальянском языке имелось всего несколько книг), и то, что у Волынского было довольно много польских книг, не является неожиданностью, поскольку известно, что он очень интересовался литературой о Польше, видя в государственном устройстве этой страны пример, достойный подражания для России. Неожиданностью является другое — наличие большого числа книг на немецком языке.

Что же касается двуязычных и многоязычных книг, то в библиотеке Волынского было много различных сочетаний: книги немецко-русские, латино-польские, франко-

А. П. Волынский. Литография XIX в.

латинские, русско-итальянские и т. д. В основном это были словари, грамматики, но имелись и книги, напечатанные на двух языках (параллельным текстом).

По содержанию литература в библиотеке Волынского распределялась так:

Отрасли знания, вид литературы	Число книг	%	В том числе рукописей
История. Исторические науки	53	9.7	9
Филология	27	5.0	—
Прочие гуманитарные науки (философия, политика, юриспруденция, педагогика и учебные книги, мораль, риторика и образцы ораторского искусства, экономика, библиография)	40	7.3	—
Архитектура, рисование	20	3.7	—
География	22	4.0	1
Математика, астрономия	19	3.5	4
Биология	4	0.7	—
Военное дело	13	2.4	—
Морское дело, навигация	8	1.5	—

Продолжение

Регламенты, указы	23	4.2	—
Информационные издания («Ведомости», «Примечания» к «Ведомостям», описания церемоний и т. д.)	30	5.5	1
Календари	23	4.2	—
Прочие	5	0.9	—
Художественная литература	30	5.5	—
Религиозная литература	131	24.1	4
Вид литературы не установлен	97	17.8	3
Итого	545	100.0	22

Из приведенных данных видно, что библиотека Волынского носила хорошо выраженный светский характер (религиозная литература составляла менее $^1/_4$ общего количества книг) и что гуманитарная тематика явно преобладала в этом книжном собрании. Книг по естественным наукам, военному и морскому делу имелось немного, зато неплохо представлена была литература информационного характера и художественная. Такой профиль библиотеки несомненно соответствовал наклонностям Волынского — человека, интересовавшегося прежде всего общими проблемами государственной деятельности, а не конкретными отраслями хозяйства страны.

Гуманитарная литература составляла почти четвертую часть книжного собрания Волынского, но больше всего он уделял внимания книгам по истории. Среди исторических книг мы видим традиционные для библиотек того времени: книгу Квинта Курция об Александре Македонском, сочинения Барония (в трех переплетах, на русском языке), «Синопсис» (несколько экземпляров, один из них рукописный), «Историографию ... народа славенского», «Историю о разорении ... Иерусалима», «Введение в гисторию европейскую» Пуффендорфа, «Полидора Вергилия Урбинского осм книг о изобретателях вещей», «Феатрон, или позор исторический», «Краткое описание о войнах из книг Цезариевых» и др.

Все эти книги нам хорошо знакомы. Однако, помимо петровских изданий этих произведений, у Волынского были и другие: книга Квинта Курция была на латинском языке, «История ... о разорении ... Иерусалима» — и в польском, и в русском вариантах. Из изданий послепетровского времени следует назвать «Азовскую историю»

Байера. Она также имелась в двух вариантах: на русском и на немецком языках.

Очень показателен для характеристики интересов Волынского в области истории целый ряд книг по истории разных стран Европы: Англии, Швеции, Польши, Испании («Аглинская история», «История шведская», «История гишпанская» — все три на французском языке). Волынский явно интересовался историей западноевропейских стран, отыскивая прецеденты, приемлемые для России. Однако он проявлял внимание и к истории стран древнего мира: Рима, Греции. По истории Рима у него был ряд сочинений и хроник на немецком языке. Помимо того, имелись произведения Тита Ливия и Корнелия Непота на латинском языке. Особенный интерес проявлял Волынский к истории Польши.

Как уже говорилось, в библиотеке Волынского имелись и рукописные книги, в том числе исторического содержания. К таким рукописям относятся: книга Степенная, о которой в описи сказано, что она хранилась в футляре, «Летописец Стрыйковского», «Летописец старинной», «Гранограф», 2 «летописца великих князей киевских», «История казанская и скифская», «Книга родословия великих князей московских», упомянутый рукописный «Синопсис». В. Н. Татищев, пользовавшийся книгами Волынского, сообщает, что у Волынского имелся еще Судебник Ивана Грозного, однако в описи он не значится.

Следует отметить наличие отдельных книг по генеалогии и геральдике. Волынский, как известно, очень гордился знатностью своего рода, который, по его мнению, вел свое начало от известного сподвижника Дмитрия Донского Д. М. Волынского-Боброка, одного из главных героев Куликовской битвы. Волынский приказал даже нарисовать родословное дерево всех поколений Волынских и постоянно любовался им.

Филологическая литература у Волынского была представлена в основном словарями и грамматиками в различных вариантах. Здесь были, например, лексиконы латино-немецко-русский, латино-немецкий, латино-греко-славянский, франко-немецко-латино-итальянский, польско-латинский, 4 экземпляра итальянского лексикона, грамматики французская, немецкая, учебники латинского языка Альвара и др. Таким образом, Волынский активно

изучал иностранные языки, не оставляя в стороне и итальянский язык, который его ближайший сподвижник П. М. Еропкин хорошо знал. В числе других книг по филологии назовем «Новый краткий способ к сложению стихов» (видимо, Тредиаковского), «Поэтику» на латинском языке.

Литература по другим гуманитарным наукам была у Волынского довольно многочисленна. Здесь имелись книги по юриспруденции, политике, философии, педагогике, риторике, экономике, нравоучительная литература и др. Из книг по философии, которых было очень немного, назовем сочинения Альберта Великого (на польском языке), «Житие Сократово» (на немецком языке), «Учение Платона» (на латинском языке). Из политической литературы — «Рассуждение» о причинах войны со шведами П. П. Шафирова, «Описание политики» (на латинском языке), «трактаты» России с Персией и с Турцией; из юридической — «Уложение» царя Алексея Михайловича, «О должности человека и гражданина» Пуффендорфа, «Корпус права гражданского» (на латинском языке), «Лексикон юриский».

Ряд книг в библиотеке Волынского был посвящен вопросам морали, педагогики. Сюда относятся: «Мир с богом человеку» (издание Киево-Печерской типографии), «Истинная политика знатных и благородных особ» (издание Академии наук, перевод В. К. Тредиаковского), имевшаяся у Волынского в трех экземплярах, «Разговоры дружеские» Эразма Роттердамского (на польском языке), «Юности честное зерцало», «Приклады, како пишутся комплементы разные», «Чувство правды и лжи» (на немецком языке), «Расположение учении Петра II» (издание Академии наук). Волынский интересовался и вопросами красноречия. В его библиотеке имелись различные «слова», произнесенные по разным торжественным поводам и отражавшие в какой-то мере вопросы политики.

Естественнонаучные книги в собрании Волынского, как уже говорилось выше, немногочисленны. В основном у него имелись лишь книги по географии и математике, а также отдельные издания по биологии и астрономии. Из географических книг назовем прежде всего атласы, которых у Волынского было около 10 различных изданий, среди них: «Атлас большой в футляре», «Атлас новый

Гибнеров», «Атлас старый амстердамский в футляре», 2 «атласа Гомановы» и др. Волынский имел также литературу о различных странах: Швеции, Персии, Грузии, Турции, Индии, Румынии. Наличие в его библиотеке таких книг, как «Описание Персии и Грузии» (на немецком языке), «Описание Персии и Индии» (на французском языке), очевидно, связаны с его пребыванием на посту астраханского губернатора, когда он занимался подготовкой персидского похода Петра. Интерес Волынского к Востоку отражает и имевшаяся у него книга «Военное состояние Оттоманской империи» (СПб., 1737). Из других книг по географии имелись петровские издания, например «География генеральная», «География» Гибнера — в немецком издании и в русском переводе петровского времени. Следует отметить наличие у Волынского рукописной «Поверстной книги» А. Виниуса.

Внимательное ознакомление с описью книг библиотеки Волынского выявило несколько неожиданных фактов. Одной из таких неожиданностей оказалось наличие у него сравнительно большого числа книг по математике (18). Однако если сопоставить этот факт с его несомненным интересом к военно-инженерным дисциплинам (о чем будет сказано позже), то все станет более или менее ясным. У Волынского были книги по разным разделам математики: арифметике, геометрии, тригонометрии. Интересно, что наряду с русскими изданиями («Приемы циркуля и линейки», «Сокращение математическое») Волынский приобрел математическую литературу и на иностранных языках. Например, в его библиотеке книги «Математика» и «Геометрия» были на французском языке. Любопытно, что три книги по математике на русском языке были рукописные: «Тригонометрия», «Геометрия», «Арифметика». Что касается литературы по другим отраслям естественных наук, то у Волынского имелись лишь отдельные издания. Так, по биологическим наукам у него были 3 книги Марии-Сибиллы Мериан на французском языке, которые по описи значились как «История о цветах и травах», и одна книга на польском языке — «О птицах»; по астрономии — всего лишь одна рукописная книга «Описание планет».

Посмотрим теперь, какую литературу по военным наукам имел Волынский, считавшийся офицером русской армии, хотя он и не принимал большого участия в воен-

ных действиях. Как видно из описи, он уделял основное внимание военно-инженерным наукам — фортификации и артиллерии. В его библиотеке находились издания по фортификации и артиллерии петровского времени (переводные книги Блонделя, Бухнера, Брауна и др.), «Мемории, или записки артиллерийские» Сен-Реми (издание С.-Петербургской Академии наук), книги по фортификации на немецком и итальянском языках. Не совсем ясна тематика таких книг, как «Речь военная» (на латинском языке), «Сектатор военный» (на немецком языке). В описи значатся также «Чертежи и карты Полтавской баталии». Кроме того, Волынский имел ряд военных артикулов и уставов, о чем будет сказано ниже.

Значительно беднее была литература по морскому делу, которая гораздо меньше интересовала Волынского. Назовем такие издания: «Трактат о российском флоте», «Инструкция российскому флоту» (на русском и голландском языках»), «Сигналы флота» (на тех же языках) и некоторые другие. У Волынского имелись и регламенты, связанные с морским делом. Из сказанного видно, что по морскому делу в библиотеке Волынского находились довольно случайные книги.

Полнее подобрана была у него литература по архитектуре. В этом чувствуется влияние сподвижника Волынского, крупного русского архитектора П. М. Еропкина. Весьма возможно, что некоторые из книг по архитектуре, значащиеся в описи библиотеки Волынского, принадлежали Еропкину и были даны Волынскому лишь для чтения. Среди книг по архитектуре мы находим известное издание петровского времени «Правило о пяти чинех архитектуры» Д.-Б. да Виньола, «Архитекторскую книгу Алексея Зубова», целый ряд книг по архитектуре на итальянском, немецком, латинском и французском языках (например, «Архитектура о воротах и решетках», «Архитектура о церквах», «Архитектура о мельницах», «О церквах, пирамидах и фортециях»). Многие из этих книг были богато иллюстрированы. Особо необходимо отметить наличие в библиотеке Волынского целого ряда руководств по рисованию.

Как государственный деятель большого масштаба Волынский естественно интересовался важнейшими законодательными нормативами, регулирующими жизнь страны. В его библиотеке были собраны все основные

регламенты по различным областям государственной деятельности: «Генеральный регламент», «Табель о рангах», различные варианты воинских уставов и артикулов, «Морской устав», «Регламент Адмиралтейства», «Духовный регламент», «Морской пошлинный устав», а также сборники правительственных указов.

Большое внимание уделял Волынский и изданиям информационного характера. В его книжном собрании находились описания торжественных церемоний: коронации, погребения императора, иллюминаций и фейерверков в торжественные дни. У него имелись также комплекты газеты «Ведомости» и «Примечаний» к ним за различные годы. Календари, издававшиеся Академией наук, приобретались Волынским регулярно. Среди изданий, отнесенных к «прочей литературе», следует назвать такие, которые были связаны с выполнением им придворных обязанностей обер-егермейстера, главы Конюшенного ведомства: «О лошадиных заводах» (на латинском, немецком, итальянском и французском языках), «Берейторская» (на немецком языке), «О заводе лошадей» (на немецком языке), «Немецкого егеря другая часть».

Художественная литература, имевшаяся у Волынского, не представляет большого интереса. Здесь были «Овидиевы фабулы», «Эзоповы притчи», «Телемак» (на немецком и русском языках), «Апофегмата», отдельные комедии, в том числе и те, которые шли в придворном театре, оды и торжественные поздравления в знаменательные дни. В целом подбор художественной литературы говорит о том, что владелец библиотеки не проявлял к ней большого интереса.

Что касается религиозной литературы, которая, как мы знаем, составляла около 1/4 книг библиотеки, то здесь мы не найдем ничего интересного: традиционные богослужебные книги, прологи, патерики, жития и т. п. — все это привычно для любой библиотеки среднего человека той эпохи. Но уделял ли Волынский какое-нибудь внимание комплектованию этой части своего книжного собрания? Безусловно нет. Большинство этих книг, если не все, попали к Волынскому в качестве бесплатных подношений. В Синоде, как мы помним, существовал обычай раздачи 50 экземпляров новых изданий Московской типографии, в том числе и влиятельным духовным и светским лицам. 17 апреля 1738 г. Синод вынес решение под-

нести в счет этих 50 экземпляров по одному экземпляру всех синодских изданий 1735—1738 гг. вновь назначенному кабинет-министру А. П. Волынскому.[6]

Подводя итог всему сказанному о библиотеке Волынского, следует отметить, что эта библиотека ни по числу книг, ни по своему составу не представляла уникального явления. Она, разумеется, не могла идти ни в какое сравнение с прославленной библиотекой современника Волынского Д. М. Голицына.[7] Но библиотека Волынского была несомненно рабочим книжным собранием, которым его владелец постоянно пользовался. К сожалению, опись библиотеки не дает полного представления о круге интересов Волынского. Как мы уже знаем, любимым чтением Волынского были произведения Юста Липсия, Н. Макиавелли, Боккалини. Во время следствия Волынский сознался, что он взял из библиотеки Д. М. Голицына книги Макиавелли и Боккалини.[8] Однако эти произведения в описи библиотеки Волынского не значатся. Возможно, что они были изъяты следственной комиссией для приобщения к делу.

2. БИБЛИОТЕКА А. И. ОСТЕРМАНА

Генрих Иоганн Фридрих Остерман, или, как он назывался по-русски, Андрей Иванович Остерман, принадлежал к числу крупных государственных деятелей России первой половины XVIII в. Он родился в 1686 г. в Вестфалии в семье пастора, принадлежавшего, по-видимому, к числу образованных людей своего времени.[9] На 15-м году жизни Остерман начал учиться в Иенском

---

[6] Описание документов и дел архива Синода, т. 9. СПб., 1913, стб. 786.

[7] О библиотеке Д. М. Голицына см.: Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973, с. 204—223. После выхода в свет этой книги нам удалось обнаружить еще одну опись книг Голицына: опись книг его библиотеки, отобранных для Кабинета е. и. в. (ЦГАДА, ф. 286, оп. 2, № 6, л. 377—380).

[8] Корсаков Д. А. Артемий Петрович Волынский. Биографический очерк. — «Древняя и новая Россия», 1877, т. 3, с. 230.

[9] Биографические сведения об Остермане почерпнуты нами из следующих источников: Шубинский С. С. Граф Андрей Иванович Остерман (1686—1746). Биографический очерк. — «Северное сияние», СПб., 1863, т. 2, стб. 451—488; Русский биографический словарь; Ал. Ск. Генерал-адмирал граф А. И. Остерман. — «Морской сборник», 1857, т. 30, № 8 (август), Смесь, с. 130—141.

А. И. Остерман. Портрет маслом работы неизвестного художника XVIII в. Государственный Исторический музей.

университете, считавшемся тогда одним из лучших университетов Европы. Однако из-за дуэли ему пришлось бежать сначала в Эйзенах, потом в Голландию. Здесь он был завербован на русскую службу одним из ближайших сподвижников Петра вице-адмиралом Корнелием Крюйсом, в 1704 г. прибыл в Россию и исполнял первоначально обязанности секретаря Крюйса.

Прекрасные деловые качества Остермана были оценены Петром, познакомившимся с ним на корабле Крюйса и взявшим его к себе письмоводителем. Остерман начал быстро продвигаться по служебной лестнице. Определенный в 1708 г. переводчиком Посольского приказа, он уже в 1710 г. получил звание секретаря Посольской канцелярии, в 1711 г., находясь в Прутском походе, принимал вместе со своим начальником П. П. Шафировым участие в трудных переговорах с турецким великим визирем, за

что получил звание тайного секретаря. В 1718 г. совместно с Я. В. Брюсом Остерман участвовал в Аландском конгрессе, а в 1721 г., снова вместе с Брюсом, но фактически являясь первым русским послом, вел переговоры со шведами на Ништадтском конгрессе и заключил выгодный для России мир, положивший конец изнурительной 21-летней войне. Это снискало ему большое расположение Петра, который произвел безродного выходца из Германии в бароны. Через два года, в связи с опалой П. П. Шафирова, Остерман был назначен вице-президентом Коллегии иностранных дел и фактически стал главой внешней политики России.

После смерти Петра положение Остермана еще более упрочилось. Быстро менявшиеся правительства этой эпохи не могли обойтись без Остермана — умного, изворотливого человека, выполнявшего свои обязанности с большим знанием дела. При Екатерине I он получил звание вице-канцлера и чин действительного тайного советника. С образованием в 1726 г. Верховного Тайного совета Остерман вошел в его состав и принимал участие в решении всех важнейших государственных дел, связанных не только с внешней, но и с внутренней политикой страны; кроме того, ему было поручено воспитание молодого императора Петра II.

В трудные дни после смерти Петра II Остерман сумел под предлогом болезни уклониться от подписания «кондиций», ограничивающих власть императрицы Анны Иоанновны, и много содействовал восстановлению её единодержавия. Анна Иоанновна неизменно благоволила к Остерману. В 1730 г. он получил титул графа, в 1731 г. назначен кабинет-министром, в 1734 г. стал первым кабинет-министром и канцлером. В годы правления этой императрицы Остерман был душой правительства России. Все важнейшие политические мероприятия проводились при его активном участии и в значительной мере по его инициативе. Так, например, его идеей было учреждение в России Кабинета министров, в котором Остерман играл роль первой скрипки. В борьбе за власть в правительственной верхушке Остерман удачно лавировал, ловко устраняя со своего пути опасных соперников: сначала А. П. Волынского, затем всесильного при Анне Леопольдовне Миниха. Однако после переворота Елизаветы Петровны (1741 г.), который он тщетно пытался пред-

отвратить, Остерман был арестован и приговорен к смертной казни, замененной ссылкой в Березов. Там он и умер в 1747 г.

Остерман несомненно принадлежал к числу даровитых и просвещеннейших людей своего времени. Он хорошо владел пятью языками: немецким, голландским, латинским, французским, итальянским. Редкие способности к иностранным языкам дали ему возможность быстро изучить и русский язык, на котором он свободно говорил и писал. И это немало способствовало его служебной карьере. Обладая большим трудолюбием, прекрасной памятью и хорошо понимая значение просвещения, Остерман приобрел немало знаний, необходимых ему в практической деятельности. Современники утверждали, что он имел основательные познания в разных науках. Это позволяло Остерману справляться с такими обязанностями, которые требовали специальных знаний: начальника почт России, главы «Комиссии о коммерции» и Военно-морской комиссии, генерала-адмирала. Особенно уверенно чувствовал себя Остерман в вопросах внешней политики, великолепно разбираясь в обстановке, складывающейся при дворах иностранных коронованных особ.

Реалистический подход к решению проблем, связанных с распространением знаний, наглядно проявился у Остермана при определении программы обучения юного императора Петра II. Остерман выдвигал на первый план изучение не классических, а новых языков, новой истории, политики. При изучении истории большое внимание уделялось современному экономическому состоянию европейских стран, при изучении космографии — исторической географии России, картографии.

Прожив в России много лет, Остерман не сделался патриотом своей новой родины. Россия служила ему лишь поприщем для осуществления его честолюбивых замыслов, к русским он относился свысока, всю жизнь считал себя иностранцем. Сухой, замкнутый, двуличный интриган, не брезгующий никакими средствами для достижения поставленных целей, легко использующий нужных ему людей и благоприятно сложившуюся обстановку, Остерман умел использовать, когда это требовалось, и свою болезнь (подагра), «заболевая» каждый раз в тех случаях, когда его личное участие при решении тех или иных вопросов ему представлялось нежелательным.

Так было, например, как мы уже видели, при подписании проекта «кондиций», ограничивающих власть императрицы. Впрочем, к чести Остермана следует сказать, что, будучи крайне скупым, он не занимался казнокрадством, как другие вельможи той эпохи, и не поддавался на подкуп.

Не совсем ясно, где Остерман приобрел свои познания, ведь Иенский университет ему пришлось бросить рано, и уже в юношеском возрасте он вынужден был заняться практической деятельностью. По-видимому, он много занимался самообразованием, проявлял большой интерес к чтению книг.

Наличие у Остермана весьма крупного по тому времени книжного собрания — факт, до последнего времени малоизвестный в нашей литературе, — подтверждает это предположение.

Как известно, после суда над Остерманом и другими вельможами имущество их, в том числе и книги, было конфисковано. В «Комиссии описи пожитков, деревень и разобрания долгов Остермана и протчих» собралась целая библиотека «числом наиболее трех тысяч», состоявшая из книг «на русском, французском, латинском, немецком, галанском, италианском, польском, шведском, аглинском, гишпанском, китайском, азиатском» языках. Это были книги, конфискованные у опальных вельмож анненского царствования: А. И. Остермана, Б.-Х. Миниха, М. Г. Головкина, Р. Г. Левенвольде, К.-Л. Менгдена.[10]

Разборка книг, производившаяся в комиссии с участием представителей Академии наук, шла медленно. По мере разборки некоторые книги поступали в Академию наук. Так, в июне 1742 г. Библиотека Академии наук получила 50 печатных книг и рукописей из собрания Остермана.[11] В своих промемориях от 20 октября 1742 г. и 31 октября 1743 г. комиссия по разборке имущества Остермана настаивала на том, чтобы все остальные имеющиеся у нее книги, кроме церковных, были приняты в Академию наук. В соответствии с этим Акаде-

---

[10] Луппов С. П. Библиотека Академии наук в 1725—1747 гг. — В кн.: История Библиотеки Академии наук СССР. 1714—1964. М.—Л., 1964, с. 54; Материалы для истории имп. Академии наук, т. 5. СПб., 1889, с. 324—325.

[11] Материалы для истории имп. Академии наук, т. 5, с. 253—254, 259—260.

мия 3 ноября 1743 г. обязала унтер-библиотекаря Тауберта принять из комиссии по описям намеченные к передаче книги, а после принятия, как эти книги, так и ранее принятые, разобрать и те из них, которые передаются в библиотеку, передать в библиотеку, а остальные направить для продажи в книжную лавку, составив на них особый каталог.

Однако 24 ноября 1743 г. последовал указ императрицы о том, чтобы конфискованные у Остермана и других вельмож книги передать в Коллегию иностранных дел, и лишь те, в которых она не нуждалась, разрешалось отдать в Академию наук для хранения в Библиотеке. Академия наук вынуждена была пересмотреть свое решение, распорядившись в декабре 1743 г. отдать в Коллегию иностранных дел нужные ей книги, а остальную литературу, присланную из комиссии 31 октября 1743 г., а также и книги, переданные в Академию еще в 1742 г., предлагалось принять унтер-библиотекарю Тауберту и разобрать, как положено.[12]

В фондах Ленинградского отделения Архива Академии наук СССР сохранились две описи. В первой из них, не имеющей даты, значатся 542 иностранные книги и 5 рукописей, отобранных для Библиотеки Академии наук ее сотрудником И.-Ф. Бремом из числа книг, принадлежавших Остерману, Миниху, Левенвольде, Менгдену и Головкину. Названия книг в описи приводятся на языке оригинала.[13] Вторая опись представляет собой перечень 1611 книг Остермана, переданных в декабре 1743 г. в Библиотеку Академии наук. В этой описи названия книг приводятся в плохом русском переводе.[14] На основе упоминавшихся выше архивных данных можно сделать вывод, что крупных партий книг Остермана и других вельмож поступило в Академию всего две: 20 октября 1742 г. и 31 октября 1743 г. Из каждой партии отбирались книги для Библиотеки Академии наук. И если вто-

[12] ЛОААН, ф. 3, оп. 1, № 841, л. 140—141; Материалы для истории имп. Академии наук, т. 5, с. 394—395.

[13] ЛОААН, ф. 3, оп. 1, № 841, л. 142—156.

[14] Там же, л. 157—179 об. В «Истории Библиотеки Академии наук СССР» (с. 54) при указании числа книг Остермана допущена ошибка: там говорится о 843 книгах Остермана, тогда как фактически эта цифра соответствовала числу названий книг, а число книг было значительно больше (1611), поскольку некоторые книги имелись не в одном экземпляре.

рая из упомянутых описей (1611 книг), хранящихся в Ленинградском отделении Архива АН СССР, представляет собой перечень книг, отобранных для Библиотеки из числа книг, поступивших в Академию в 1743 г., то естественно предположить, что первая опись (597 книг и рукописей) является перечнем книг, отобранных для Библиотеки из поступлений 1742 г. К сожалению, книги Остермана в этом случае не выделены из числа прочих.

Как мы видели, Комиссия по разбору «пожитков» Остермана и других настаивала на том, чтобы Академия наук приняла все книги Остермана, кроме церковных. Куда же делись церковные книги? Ведь у Остермана они несомненно имелись, поскольку он значился в числе лиц, получавших бесплатный обязательный экземпляр изданий Московской типографии Синода?[15] В фондах Центрального государственного архива древних актов хранится опись книг Остермана и М. Г. Головкина, обнаруженных в 1764 г. в Воскресенской церкви Покровского дворца в Москве. Здесь значится 25 книг на церковнославянском языке, принадлежавших когда-то А. И. Остерману.[16]

Из всего вышесказанного следует, что наши сведения о библиотеке А. И. Остермана очень неполны. По существу мы располагаем только данными о небольшой партии книг и рукописей (50 предметов) Остермана, поступившей в Академию в июне 1742 г., о 1611 книгах, переданных в Библиотеку в декабре 1743 г., и о 214 книгах и рукописях, поступивших в Коллегию иностранных дел в 1744 г. (эту цифру приводит С. А. Белокуров),[17] о 25 книгах Остермана на церковнославянском языке, обнаруженных в 1764 г. в Москве.

У нас нет сведений о том, сколько книг и рукописей Остермана было в числе 597 книг и рукописей, отобранных для Библиотеки в 1742 г., а также о книгах Остермана, которые не были приняты в Библиотеку как ненужные ей (например, дублеты) и, следовательно, остались в самой Академии или были переданы в книжную

[15] См., например: ПСПиР, т. 9, с. 50.
[16] ЦГАДА, ф. 1239, оп. 1/51, № 500, л. 11 об.—12.
[17] Белокуров С. А. О библиотеке московских государей..., с. 89—90. Названия части этих книг Остермана приведены в «Сборнике Московского главного архива Министерства иностранных дел» (вып. 7, М., 1900, с. CCCXVI—CCCLXXX).

лавку для продажи. Мы не можем с достоверностью утверждать, что у Остермана было лишь 25 книг на церковнославянском языке и что какие-то его книги не были переданы в другое место. Если ориентироваться только на данные вышеупомянутых описей, то выясняется, что даже сведения о книгах Остермана, поступивших в Библиотеку Академии наук, не полны: в фондах Библиотеки выявлен целый ряд книг и рукописей из собрания Остермана, не числящихся в этих описях. Так, например, в дополнении к Камерному каталогу, составленному А. И. Богдановым, значится 11 рукописей, принадлежавших Остерману: «Книга о получении каждому владетелю богатства чрез установление и произведение разного звания мануфактур», «Степенная до царя Ивана Васильевича», «Родословие великих князей российских» и др.[18] Из помет на книгах видно, что Остерману принадлежали рукописная книга «Врата триумфальные в царствующем граде Москве» (М., 1721),[19] «Летописец древний» (Царственный, или Остермановский) [20] и др. Число таких помет несомненно значительно больше, чем выявлено в настоящее время. Таким образом, у нас есть более или менее точные сведения о 1913 (50+1611+214+25+11+2) книгах из собрания Остермана. Общее же их количество на основании имеющихся данных не может быть определено даже приблизительно. Однако, учитывая все высказанные соображения, можно считать, что у Остермана было не менее 2300—2400 книг.

Что же представляло собрание Остермана по своему составу? Чтобы ответить на этот вопрос, посмотрим, какие книги значатся в имеющихся в нашем распоряжении описях. Начнем с описи книг Остермана, отобранных для Библиотеки Академии наук в июне 1742 г. В числе 50 книг и рукописей здесь перечисляются: целый ряд рукописей академика Делиля, связанных с составлением генеральной карты Российской империи (в том числе и рапорты Делиля Остерману), рукописные материалы, относящиеся к географии России («Географическое описание древней России», «Начало, вчерне, для обстоятельного

[18] Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. XVIII век. Вып. 1. М.—Л., 1956, с. 216.

[19] ОИГП, с. 350—351.

[20] БАН РО, 31.7.30.

описания о России» и др.), ряд турецких книг (27) без указания заглавия, китайская книга (тоже без указания заглавия), книга Юста Липсия и др. Здесь находились также труды академика Аммана «О редких травах» и Г. Я. Кера о монгольских и арабских монетах.[21] Некоторые рукописи были явно взяты Остерманом из собрания Петра I: переводы А. П. Ганнибала («Геометрия» и «Фортификация»), «Истязание по натуральной правде, сколь далеко обладательная власть простирается своего принца от наследия державствования выключить, письменная, русская».[22]

Гораздо больше можно сказать о 1611 книгах Остермана, переданных в Библиотеку Академии наук в декабре 1743 г. В описи, как уже говорилось, названия книг приведены в очень плохом русском переводе, крайне затрудняющем установление содержания книг. Зато распределение книг Остермана по языкам устанавливается на основе описи значительно более точно:

Язык	Число книг	%
Французский	847	52.6
Немецкий	330	20.5
Латинский	286	17.8
Голландский, шведский, итальянский, датский, английский, польский	63	3.9
Русский	26	1.6
Рукописи (язык не ясен)	59	3.6
Итого	1611	100

Наличие в библиотеке Остермана книг на различных языках отражает хорошее знание им иностранных языков. Несмотря на то что родным языком Остермана был немецкий, больше половины книг его собрания составляла литература на французском языке, которым Остерман хорошо владел. Много книг имелось на латинском языке, меньше — на голландском, итальянском, шведском; на английском, датском и польском языках — отдельные издания. Что касается русских книг, то в этой части библиотеки Остермана их было немного.

---

[21] Материалы для истории имп. Академии наук, т. 5, с. 259—260.

[22] Исторический очерк и обзор фондов, с. 215.

Оставляя пока в стороне (во избежание повторения) рассмотрение вопроса о тематике 1611 книг Остермана, поступивших в Библиотеку в декабре 1743 г., а отметив лишь очень широкий профиль этой части книжного собрания, выясним сначала, что дают нам другие описи книг Остермана. Как уже говорилось, часть его книг поступила в Коллегию иностранных дел. Здесь было 6 рукописей, а также 208 печатных книг, в числе которых 60 на французском языке, 36 на немецком, 10 на латинском, 38 на голландском, итальянском, шведском и других языках, 56 на русском, 1 на арабском, 1 на турецком, 6 на китайском. Рукописи по языкам распределялись так: 3 на французском языке, 1 на русском, 1 на английском, 1 на шведском. Из числа русских печатных книг было 50 брошюр (вирши, речи, описания иллюминаций и т. д.).[23]

Интересно, что через 40 лет, в 1784 г., в библиотеке Коллегии иностранных дел числилось лишь 150 названий книг Остермана, которые по отраслям знания распределялись следующим образом:

История	40	книг
Генеалогия	1	»
Политика	68	»
География и родственные дисциплины . .	7	»
Лексикография . . .	8	»
Религия	3	»
Юриспруденция . .	10	книг
Математика	6	»
Медицина	1	»
Филология	6	»
Итого	150	книг[24]

Таким образом, о книгах Остермана, поступивших в Коллегию иностранных дел, можно сказать примерно то же, что было отмечено и в отношении основной части его книжного собрания (1611 книг): наличие книг на многих иностранных языках (в основном на французском) и широта тематики. Литература политическая составляла в данном случае очень большой процент, и это естественно, поскольку именно она интересовала Коллегию в первую очередь.

Несколько слов о книгах Остермана, попавших в Библиотеку Академии наук помимо основных описей и выявленных в настоящее время в фондах Библиотеки. Это по большей части рукописные книги исторической тематики. Есть основания полагать, что эти исторические памятники

[23] Белокуров С. А. О библиотеке московских государей..., с. 89—90.
[24] Там же, с. 90.

весьма большой ценности были взяты Остерманом из Библиотеки Академии наук.[25]

Попробуем теперь на основе всех имеющихся сведений дать общую характеристику библиотеки Остермана. Прежде всего необходимо отметить величину этого собрания (по числу книг оно уступало только собраниям Дм. Голицына и Ф. Прокоповича) и его универсальность. В библиотеке Остермана находились книги едва ли не по всем отраслям знания. Здесь была литература по истории, вопросам политики, юриспруденции, философии, филологии, геральдике, педагогике, морали, географии, математике, физике, биологии, медицине, технике, архитектуре, военным наукам и в большом числе художественная литература, а также многотомные научные труды и информационные издания. Все же были отрасли знания, которым Остерман отдавал предпочтение. Это — история, политика, юриспруденция, филология, педагогика, а из естественных наук — география, математика, медицина.

Историческая литература особенно интересовала Остермана. В собрании его книг находились такие, как «История Франции под владычеством Людовика XIV», «История принца Евгения», «История секретная Швеции с примечанием под владением Карла XI», «История ученая Великобритании» (2 части тома 12), «История кардинала Мазарини», «История королевства Италии», книга Квинта Курция об Александре Македонском, «Описание английского беспокойства в 1648 году» и др. Все эти книги, как мы видим, касались вопросов политической истории разных стран; они, как правило, изданы на французском языке. Близки к ним по тематике были и имевшиеся у Остермана собрания мирных договоров. Как уже говорилось выше, Остерман проявлял интерес к рукописным историческим памятникам. В его собрании имелись, например, такие рукописные книги, как знаменитый «Царственный летописец», «Степенная книга», «Родословие великих князей российских», «О казанском взятии», «Разрядная книга», «О браках древних», «Журнал генерала Гордона». Имелись книги и по геральдике и генеалогии (например, «История славных гербов», «Симболы и эмблемата»). Эти проблемы стали близки Остерману после того, как он получил баронский, а потом и графский титулы.

[25] Исторический очерк и обзор фондов, с. 216.

Многочисленные книги по вопросам политики, имевшиеся у Остермана, были, как мы видели, переданы в Коллегию иностранных дел (68 книг) и остались для нас нераскрытыми. Гораздо больше сведений сохранилось о юридических книгах, которых у Остермана было много, например «Книга Г. Гроция о праве войны и мира» (имелась в нескольких экземплярах), «Основы натурального права чрез Струбе», «Военное право» И. Ф. Шумцена, «Толкование права гражданского» (1703 г.), «Уложение римское», книга С. Пуффендорфа «О должности человека и гражданина» (несколько экземпляров), «Духовное право», «Морское право», «Штатское право Российской империи» (на латинском языке, 1737 г.), рукописное «Уложение» царя Алексея Михайловича и ряд других. Из приведенных примеров мы видим, что Остермана интересовала в первую очередь литература, закладывающая основы юридических норм разных государств.

Менее многочисленные в библиотеке Остермана труды по философии и логике не лишены интереса. Здесь находились, например, сочинения Локка («Рассуждение о человеческом разуме»), Гоббса («Основания философии», 1660), «Описание жития славного Спинозы» (на голландском языке), «Логика, или художество мысли», «Краткое толкование философии», «Логика господина Декрузаца» (1720 г.); «Рехенвехово описание философии» и др.

Среди книг по филологии, которых было немало у Остермана, основную часть составляли грамматики и лексиконы. Здесь имелись грамматики (французская, испанская, немецкая, латинская, английская), книга о греческом языке, лексиконы (итало-французский, латино-немецкий, латино-шведско-немецкий, французский и ряд других), а также руководство по изучению иностранных языков. По-видимому, изучением иностранных языков Остерман занимался всю жизнь.

Показателен большой интерес Остермана, воспитателя юного императора Петра II, к вопросам педагогики и морали. Помимо сочинения Г.-Б. Бюльфингера «Расположение учении Петра II», у него имелись такие книги, как: «Наставление, как воспитать детей», «Наука, как себя вести в свете», «Натуральная мораль», «Ответ издателю новых правил, как воспитать детей», «Правила с примерами для обучения французского короля», «Похвала глупости» Эразма Роттердамского, «Краткий метод для обу-

чения географии» и др. Следует упомянуть и книги по красноречию, например «Рассуждение о красноречии», «Тимплерова риторика».

Посмотрим теперь, какие книги были у Остермана по естественным наукам. Выше уже сообщалось об имевшихся у него рукописных материалах, связанных с составлением генеральной карты Российской империи и географического описания России. К географической литературе относились также рукописи: «Краткое описание Турецкого государства», «Rélation d'un ambassadeur touchant son voyage à Dannemark pendant les années 1693—1695» и др. Печатные книги, имевшиеся у Остермана, относились к географии различных стран мира, здесь было немало и описаний путешествий, например: «Путешествие и описание Италии», «Описание изображения Земли», «Описание Парижа», «Реляция о путешествии ... в Китай», «Путешествие в Арабию», «Состояние Российской империи» Перри, «Рассуждение о ландкартах», различные немецкие издания учебника по географии И. Гибнера, «Описание путешествия Делароне в Палестину», ряд изданий на латинском языке руководства по географии Ф. Клеверия и др.

У Остермана имелось и большое число карт, атласов и планов. Об этом говорит, например, такой факт. В апреле 1742 г. комиссия по разбору имущества Остермана сообщила в Академию наук, что среди вещей, оставшихся после Остермана, имеется ряд планов и карт, которые были бы полезны Академии наук при составлении Генеральной карты Российской империи. При этом приводился реестр. Среди 163 перечислявшихся предметов (128 номеров) имелись карты различных частей России, планы городов и крепостей, чертежи и рисунки.[26]

Как показывает опись, Остерман интересовался и вопросами математики (в основном геометрии и арифметики) и физики. Назовем такие книги, как «Элементы аритметические», «Математические утешения», «Описание фисики, касающееся до тягости всех вещей, чрез Кастело», «Рассуждение о ползе математики», «Трактат о физике», «Руководство к аритметике чрез Локера», «Геометрия», книги Евклида, «Геометрическое утешение», «Руководство к универзалной математики», «Сокращение

[26] Материалы для истории имп. Академии наук, т. 5, с. 87—93.

математическое». Ряд книг относился к проблемам техники, например книга Шлютера по рудокопному делу, наставление к устройству солнечных часов, «Описание новопромышленных рудокопных мельниц», «Гибнеров лексикон о натуральных художествах и рудокопных делах». Интерес Остермана, занимавшегося вопросами промышленности России, разумеется, не случаен.

Остерман имел отдельные книги и по биологическим наукам (например, книга о травах Буксбаума), и особенно по медицине: «О болезни желудка» Варения, «Правила для сохранения здравия и о способах, как продлить жизнь» Шейне, «Патология лекарского искусства», «Разговор о бешенстве и способах против него», «Рассуждение Михаила Пинели о начале падагры и о пользовании сей болезни» (вспомним, что Остерман сильно страдал от подагры), «Научение о употреблении и ползе трав».

Сравнительно небольшое число книг у Остермана было по военным наукам (артиллерия, фортификация и др.), мореплаванию, агрономии. Гораздо больше внимания он уделял архитектуре. Впрочем, здесь он не был оригинален: вопросами архитектуры интересовались многие русские вельможи XVIII в. начиная с петровских времен.

Особо следует отметить большой интерес Остермана к художественной литературе, главным образом к литературе, изданной на французском языке. Обращает на себя внимание хороший подбор авторов в книжном собрании Остермана, указывающий на наличие хорошего вкуса к литературе.

В библиотеке Остермана находились такие классические произведения, как «Дон Кихот», «Илиада», «Робинзон Крузо», «Гулливер», «Эдип» Вольтера, произведения классической древности — Горация, Овидия, Теренция. В большом числе экземпляров имелись «Похождения Телемака», немало было различных комедий, сатир, стихов менее значительных авторов. Особое пристрастие Остерман имел, по-видимому, к стихам. Следует отметить, что у него были и книги по музыке, например «Новая книжка о соглашении клавесина, органа и прочих инструментов», «Певчая книга».

Что касается религиозной литературы, то ее было у Остермана не так уж мало. В числе 25 книг, обнаруженных в Воскресенской церкви Покровского монастыря, значатся (помимо одного букваря) исключительно богослу-

жебные книги.[27] Кроме того, книги религиозного содержания числятся и в других описях. В основном это богословская литература, книги по различным дискуссионным вопросам религии. Существует мнение, что к вопросам религии Остерман был индифферентен. Наличие у него довольно значительного числа религиозных книг как будто бы опровергает такую точку зрения. Впрочем, возможно, что религиозная литература была нужна Остерману и для решения практических вопросов политики.

В заключение следует отметить еще две особенности библиотеки Остермана: значительное число многотомных научных трудов, как русских («Комментарии Академии наук»), так и зарубежных, и наличие довольно редкой в России того времени литературы на турецком и китайском языках. Мы, разумеется, не предполагаем, что Остерман владел турецким или китайским языком. Однако несомненен его интерес к литературе Востока, что было связано с его политической деятельностью.

В целом следует сказать, что библиотека Остермана относилась к числу лучших личных книжных собраний того времени. Состав ее показывает, что это было рабочее книжное собрание, которым постоянно пользовались и которое принадлежало человеку широких интересов, имевшему большие познания в различных науках.

Возникает вопрос, как мог Остерман, отличавшийся большой скупостью, собрать такую крупную библиотеку? Ведь на это надо было затратить очень большие денежные средства! Разумеется, в какой-то степени ему помогало его высокое общественное положение, дававшее возможность использовать для пополнения своего книжного собрания государственные архивы (например, картографические материалы), книги из библиотек, принадлежавших другим лицам (Петру I, опальным вельможам) и т. д. Мы видели уже, что кое-какие рукописные материалы из собрания Петра попали в библиотеку Остермана. То же могло случиться и с книгами А. П. Волынского, Д. М. Голицына и др. И все же следует признать, что основную массу книг Остерман приобрел, по-видимому, на свои средства. Об этом говорит хотя бы такой факт. После переворота Елизаветы Петровны и ареста ряда крупных го-

---

[27] ЦГАДА, ф. 1239, оп. 1, № 500, л. 11 об.—12.

сударственных деятелей Академия наук возбудила вопрос о погашении задолженности этих вельмож книжной лавке и Библиотеке Академии наук. В списках должников значились принц Антон Ульрих, Анна Леопольдовна, Миних, Менгден, но Остермана там не было.[28] Следовательно, он покупал книги на свой счет.

3. БИБЛИОТЕКИ ДРУГИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ

Кроме Волынского и Остермана, многие государственные деятели исследуемого периода имели свои библиотеки. Из них в первую очередь следует назвать фельдмаршала Б.-Х. Миниха.

Бурхард Христоф Миних (1683—1767) родился в немецком графстве Ольденбург, находившемся тогда под владычеством Дании. Отец его, надзиратель над плотинами и водяными работами датского короля, выслужил себе дворянство. Видимо, от него Миних получил познания в области техники, так как, не закончив никакого технического учебного заведения (известно лишь, что в детстве его обучали дома черчению, математике и французскому языку), Миних мог впоследствии работать в качестве инженера.

Уже в 16-летнем возрасте Миних начал свою служебную деятельность в военно-инженерных частях разных государств. Не поладив со своим польским начальником, он стал проситься на русскую службу и послал Петру I свои сочинения по фортификации.

В 1721 г. Миних прибыл в Россию, и здесь протекала вся его дальнейшая жизнь. Петр I поручил в 1723 г. Миниху окончание Ладожского канала, и с этой задачей Миних справился, доказав тем самым, что он был неплохим инженером. Сохранился составленный Минихом проект защиты Петербурга от наводнений (1727 г.), оставшийся, впрочем, неосуществленным.[29] В качестве инженера Миних проявил себя и при благоустройстве Петербурга в 30-х годах XVIII в. По его предложению и за его счет была осушена заболоченная территория города между нынешним Невским проспектом и Таврическим садом.

---

[28] ЛОААН, ф. 3, оп. 1, № 63, л. 1—42.

[29] Луппов С. П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. Л., 1957, с. 55.

Правда, Миних выговорил передачу ему в наследственное пользование $^1/_{10}$ всех осушенных земель.[30]

После опалы Меншикова Миних был назначен в 1728 г. петербургским губернатором, а при Петре II произведен в графы. Воцарение Анны Иоанновны содействовало дальнейшей карьере Миниха, который становится при дворе одним из самых влиятельных лиц. В 1732 г. он был поставлен во главе Военной коллегии и получил чин генерал-фельдмаршала. Деятельность Миниха как главы военного ведомства России не стяжала ему больших лавров и содействовала даже упадку русского военного искусства, поскольку Миних пытался бездумно переносить западноевропейские образцы в русскую армию.

Как полководец в русско-турецкой войне 1735—1739 гг. Миних не обнаружил крупных военных дарований. Правда, русская армия одержала ряд значительных успехов (победа при Ставучанах, взятие Хотина), но они были достигнуты главным образом за счет прекрасных качеств русского солдата. Но как раз именно русского-то солдата Миних, стремившийся только к быстрой карьере, и не щадил. Огромные потери русской армии от голода и болезней в походах под предводительством Миниха вызвали большое недовольство в русском обществе.

Очень энергичный человек, снедаемый ненасытным честолюбием, Миних стремился только к быстрому продвижению по служебной лестнице, поставив себе целью добиться самых высоких постов. Как и для Остермана, Россия для него была лишь ареной, где развивалась его деятельность. А для России он так и остался до конца случайным человеком, хотя и сыграл довольно значительную роль в ее политической жизни. Принадлежа к заправлявшей всеми делами немецкой партии при дворе Анны Иоанновны, Миних принимал активное участие в борьбе за власть внутри этой кучки карьеристов. В период всемогущества Бирона он действовал заодно с ним и даже помог ему стать регентом при малолетнем императоре Иоанне VI. Но, видя всеобщую ненависть к временщику и непрочность его положения, Миних с группой солдат в ночь на 9 ноября 1740 г. легко сделал переворот, арестовав Бирона и устранив его с политической арены. Однако

[30] Луппов С. П. Городское управление и городское хозяйство Петербурга до 60-х годов XVIII в. — В кн.: Очерки истории Ленинграда, т. 1. Л., 1955, с. 177.

расчеты Миниха на то, чтобы стать единоличным вершителем судеб России, не оправдались. Вследствие интриг Остермана, вошедшего в доверие правительницы, Миниху уже в марте 1741 г. пришлось выйти в отставку.

С воцарением Елизаветы Петровны (ноябрь 1741 г.) Миних вместе со своим соперником Остерманом и другими представителями правящей верхушки был привлечен к суду, приговорен к смертной казни, замененной ссылкой в Пелым. Из ссылки он вернулся лишь через 20 лет (при Петре III) и уже не играл существенной роли в политической жизни России.

Так же как и Остерман, Миних имел личную библиотеку, но книжное собрание его было почти в десять раз меньше. Судьба библиотеки Миниха — та же, что и библиотеки Остермана. Книги, конфискованные вместе с прочим имуществом, были переданы в комиссию по разбору «пожитков» и долгов опальных вельмож. Оттуда несколько книг поступило в Коллегию иностранных дел, а остальные — в Библиотеку Академии наук. Возможно, что некоторые книги как ненужные Библиотеке были проданы.

В фондах Ленинградского отделения Архива Академии наук СССР сохранилась опись библиотеки Миниха в русском переводе (очень неточном) названий иностранных книг.[31] Всего у Миниха было 157 книг, из них три поступили в Коллегию иностранных дел. Поскольку на описи нет никакой даты, остается неясным, составлена ли она до того, как какая-то часть книг Миниха была передана вместе с 597 иностранными книгами опальных вельмож (в 1742 г.) в Библиотеку Академии наук, или после. Поэтому указанное число книг библиотеки Миниха (157) следует считать условным.

Как показывает опись, у Миниха были книги на немецком, французском, итальянском, латинском и русском языках. Точно установить соотношение литературы на разных языках нельзя, так как отметка о том, на каком языке написана данная книга, не везде имеется. Что же касается тематики собрания, то она была гораздо уже, чем у Остермана. У Миниха были книги по военному делу, математике, архитектуре, географии, истории, филологии, риторике, художественная литература, довольно

---

[31] ЛОААН, ф. 3, оп. 1, № 841, л. 185—189 об.

много книг религиозного содержания и кое-какая другая литература. Помимо печатных, имелось пять рукописных книг (по математике, военному делу).

То, что значительную часть собрания Миниха составляли книги по военному делу и математике, совершенно естественно, поскольку Миних был военным инженером, но, как мы видим, он интересовался также историей, филологией, географией, проявляя как религиозный человек большое внимание к религиозной литературе. Среди книг по военному делу мы видим: «Мемории, или записки артиллерийские» (по-видимому, книга Сен-Реми, изданная, как известно, в русском переводе в 1733 г.), «Гишпанский военный регламент», книга Блонделя «Новый способ укрепления городов», «Военные экзерциции для инфантерии», 2 рукописные книги «с конными экзерцициями» Эрнста Миниха (сына фельдмаршала), краткое руководство «по воинской архитектуре» (т. е. по фортификации).

В числе книг по математике имелись «Эвклидовы элементы», 3 рукописных книги по алгебре и геометрии, «Гергонов курс математический», книга (тоже, видимо, курс) по геометрии, тригонометрии и астрономии, «Увеселение математическое», среди книг по географии — «Антона Фореста описание четырех знатнейших государств в свете», «Записки о нынешнем состоянии Швеции», «Гоманов атлас»; по истории — «История Швеции», «Хронограф исторический», «История Людовика XIV» (части 1, 2, 4), «Цветник исторический», книга Квинта Курция об Александре Македонском.

Состав книг по филологии показывает, что Миних, будучи уже взрослым, занимался повышением своих знаний по иностранным языкам, в частности по итальянскому языку: итало-немецкий лексикон, «Новый итальянский лексикон», итальянская грамматика, польская грамматика, 2 латинские грамматики. Отметим наличие отдельных книг по юриспруденции, политике, риторике, генеалогии, архитектуре, педагогике и другим научным дисциплинам («Розыскной устав», «Трактат о величестве», «Описание знатнейших дворов в Европе», «Новое руководство по риторике»), ряда учебных книг (без перечисления их заглавий), устав Ордена св. Духа, трактат о фейерверках.

Из художественной литературы Миних отдавал предпочтение произведениям Овидия, которых у него было несколько книг, а также виршам. В составе книг религиоз-

ного содержания находились сочинения Лютера (7 книг), библии, различная богословская литература, например «Об истине христианского закона», предики. Необходимо отметить также наличие у Миниха отдельных томов «Комментариев» Академии наук.

Интересы Миниха отражают и книги, взятые им из книжной лавки Академии наук, а также из ее Библиотеки. В Архиве Академии наук сохранились сведения о задолженности Миниха книжной лавке и Библиотеке. В 1732 г. им были взяты из лавки 4 книги, в том числе «Вояж де Гулливер», «Русские вокабулы» (2 экз.), «Морценандовы военные рефлексии», из Библиотеки Академии наук — 2 книги: Гоберга «Деревенское увеселительное житие», книга Винтера о лошадях.[32]

В заключение о библиотеке Миниха следует сказать, что, хотя это книжное собрание и отражало в целом интересы его владельца, нельзя не отметить вместе с тем и известную случайность в подборе книг. Миних не был таким книголюбом, как Остерман, и книги несомненно занимали значительно меньшее место в его жизни.

Попутно скажем несколько слов о библиотеке **Иоганна Эрнста Миниха** (1707—1788), дипломата, а потом обер-гофмаршала, одного из образованных людей, сосланного в Вологду после опалы своего отца фельдмаршала Миниха. В Ленинградском отделении Архива Академии наук СССР сохранились сведения о книгах, взятых сыном Миниха из книжной лавки Академии в период с 22 сентября 1740 г. по 12 февраля 1741 г., т. е. сравнительно незадолго до ареста его отца. Всего Минихом-сыном было взято 48 книг на французском языке смешанной тематики на общую сумму 37 р. 95 к. Здесь были и 8 томов «Moreri Dictionnaire», и «Amusements des belles», и «Cours mathématique», и «Histoire généalogique des Tartares», и «La science militaire» и др.[33] Кроме того, как выясняется, Минихом-сыном было взято 5 книг из состава библиотеки обер-гофмаршала Р.-Г. Левенвольде (после опалы последнего): «Гисторическая и политическая книга всех церемониалов» (2 тома), «Люнингса театр», «Проект десятины королевской Вобана», «Тестамент политический кардинала Ри-

---

[32] ЛОААН, ф. 3, оп. 1, № 63, л. 28. Книга Гоберга была возвращена в Академию наук после опалы Миниха.

[33] Там же.

шелье».[34] Делать какие-либо заключения на основе отрывочных сведений об этой библиотеке затруднительно.

Довольно много книг имел и президент Камер- и Коммерц-коллегии К.-Л. Менгден. **Карл Людвиг Менгден** (1706—1760), один из представителей немецкой правящей верхушки при императрице Анне Иоанновне, играл особенно большую роль во время правления ее племянницы Анны Леопольдовны. После воцарения Елизаветы Петровны Менгден вместе с Остерманом, Минихом и другими вельможами был арестован, судим и сослан в Кольский острог, где и умер в 1760 г. Книги Менгдена были конфискованы.

В Архиве Академии наук сохранилась опись библиотеки Менгдена: «Каталог книгам бывшего президента Коммерц-коллегии Менгдена, находившихся в комиссии разобрания писем, которые положены все в один сундук, кроме Гоманова специального и генерального атласу в двух переплетах...». Эта опись, так же как и описи книг Остермана и Миниха, дает названия иностранных книг в плохом русском переводе. Остается, как правило, неясным и язык книги. В описи значатся 127 книг,[35] а учитывая, что были еще два тома атласа и что 7 книг Менгдена были переданы в Коллегию иностранных дел,[36] следует считать, что у Менгдена было 136 книг. Остается, правда, неясным (поскольку на описи нет даты), вошли ли в эту опись книги Менгдена, переданные в Библиотеку Академии наук в 1742 г. в числе 597 книг и рукописей опальных вельмож.

Как показывают данные описи, в библиотеке Менгдена была в основном гуманитарная литература (юриспруденция, политика, филология, история), а также книги по географии и в небольшом количестве книги по технике, художественная литература, книги религиозного содержания. Из юридической литературы упомянем «Гудлингов разговор о естественном и народном праве», «Глафирово право народное», «Краткое руководство к познанию прав морских», «Юридические письма». Близка по тематике законодательная литература: указы Петра I 1724 и 1725 гг., указы Людовика XIV (часть II). К политиче-

[34] Материалы для истории имп. Академии наук, т. 5, с. 558—559.

[35] ЛОААН, ф. 3, оп. 1, № 841, л. 180—182 об.

[36] Белокуров С. А. О библиотеке московских государей..., с. 90.

ской литературе относились такие книги, как «Корпус дипломатический универсальный» (8 томов), «Разговор о политике», книга о послах.

В числе книг по филологии мы видим у Менгдена различные лексиконы (например, немецко-русский), грамматики, в числе исторических — такие книги, как «О революциях, случившихся в Англии», «Письма кардинала Неполиуса». Больше было книг по географии: «Гибнерова география», «Описание Дона и Черного моря», «Романов специальный атлас о немецкой империи», «Романов генеральный атлас». Любопытна книга «Новые изобретения XVII века». Особо следует отметить наличие у Менгдена трудов таких известных французских писателей и ученых, как Ф. Фенелон и Б. Фонтенель. В числе немногих художественных произведений в библиотеке Менгдена назовем «Дон Кишот» (на немецком языке). Среди религиозных книг, также немногочисленных, значились богословские трактаты.

Для приобретения нужных ему книг Менгден пользовался книжной лавкой Академии. В фондах Архива Академии наук сохранились данные о его задолженности книжной лавке: всего им было взято 59 книг и два атласа на очень крупную сумму — 325 р. 11 к.[37] Как показало сличение перечня книг, взятых Менгденом из книжной лавки, с перечнем его книг, переданных в Библиотеку Академии наук, это, как правило, одни и те же книги.

Из сказанного о библиотеке Менгдена следует, что он не был большим книголюбом, но его библиотека все же в какой-то мере отражала круг его занятий, это было его рабочее книжное собрание. Значительно большей по числу книг, чем книжное собрание Менгдена, была библиотека М. Г. Головкина.

Михаил Гаврилович Головкин (1705—1775), сын известного сподвижника Петра канцлера Г. Г. Головкина, был отправлен в 1712 г. учиться за границу. В 1722 г. он уже русский посол в Берлине. При Анне Иоанновне Головкин был сделан сенатором, стоял во главе Монетной канцелярии и Денежного двора. Не имея способностей государственного деятеля, он тем не менее стремился к карьере, вступая для этой цели в контакты с представителями немецкой партии. В 1740 г. Анна Леопольдовна

---

[37] ЛОААН, ф. 3, оп. 1, № 63, л. 31—32 об.

назначила его вице-канцлером. Пользуясь ее полным доверием и рассчитывая еще больше упрочить свое положение, Головкин советовал правительнице объявить себя императрицей. После воцарения Елизаветы Петровны был привлечен к суду и сослан в Якутскую область. Умер в 1775 г. Книги его были конфискованы.

В фондах Ленинградского отделения Архива Академии наук вместе с описями книг других вельмож сохранилась и опись книг М. Г. Головкина.[38] Этот перечень составлен еще более небрежно, чем другие. Из 82 книг Головкина раскрывается содержание лишь 29, остальные указываются счетом: «книг на разных чужестранных языках, больших и малых, печатных и письменных, и кожаных переплетах пятьдесят», «три немецких книги». Из 29 книг 3 иностранные («три немецких архитектурных книги»), а остальные 26 русские. Кроме того, одна русская рукописная книга, принадлежавшая Головкину и не числящаяся в описи («Местнические памяти князей Ромодановских»), выявлена в фондах рукописного отдела Библиотеки Академии наук.[39]

Этими данными не исчерпываются сведения о русских книгах, принадлежавших Головкину. В 1764 г. в Воскресенской церкви Покровского собора в Москве вместе с книгами Остермана были обнаружены и русские книги Головкина. Всего в сохранившейся описи значатся 134 книги печатные и письменные. Это была в основном богослужебная литература.[40] Таким образом, у Головкина была 161 русская книга (26+1+134) и 56 иностранных — следовательно, всего 217 книг. Разумеется, эта цифра условная, поскольку, как мы знаем, какие-то книги Головкина были переданы в 1742 г. в числе 597 книг и рукописей в Библиотеку Академии наук.

Из всего сказанного следует, что мы имеем представление лишь о русских книгах библиотеки Головкина, а о 56 иностранных книгах известно только то, что 3 из них были по архитектуре. А между тем иностранная литература составляла свыше 1/4 общего числа книг собрания Головкина. Посмотрим теперь, что представляли из себя русские книги (161 книга). Это собрание состояло из двух

---

38 Там же. № 841, л. 183—184, 189.
39 БАН РО, 16 18 3.
40 ЦГАДА, ф. 1239, оп. 1/51, № 500, л. 1—11 об.

неравных по количеству книг частей: русская литература Головкина, переданная в Библиотеку Академии наук (27 книг), и русская литература Головкина, обнаруженная в Покровском дворце в Москве (134 книги). В первой части были почти исключительно рукописные книги, в том числе рукописи исторического содержания, например «Книга родословия великих князей, письменная» (принадлежала ранее князю М. Г. Ромодановскому), «Родословие великих князей русских от Августа цезаря», «Казанское взятие», «Приход великого князя Ивана Васильевича в Новгород», «Случаи над Прозоровским» и проч.

Из книг другой тематики укажем «Уложение» царя Алексея Михайловича, которое было у Головкина и в рукописном, и в старопечатном варианте, «Флоринова экономия», «Театрум света сего», «Систима, или состояние мухаммеданские религии», «Триумфальные врата в Москве», «Политика знатных и благородных особ», «Регламент и устав Адмиралтейства» (2 экз.), 2 атласа больших, ода на взятие Перекопа, «Светильник морской» (видимо, Ф. Соймонова), «План С.-Петербургской Академии». Две книги были явно связаны с деятельностью Головкина как главы монетного дела в России: «Арифметический табель всех проб золота и серебра», «Два описания при монетном деле потребного искусства в 2 частях с фигурами».

Вторая часть (134 книги) состояла, как уже говорилось, почти исключительно из богослужебной литературы, и рукописные книги здесь насчитывались единицами. Из книг светского содержания значились только: «Бароний, часть 2-я» (изд. 1719 г.), Лексикон славяно-русский (изд. 1653 г.), «Описание триумфальных врат» (1704 г.), «Аристотелева книга» (перевод с польского, рукописная), «Житие Сократа» (рукописная), букварь.

Таким образом, библиотека Головкина почти на 60% состояла из книг религиозного содержания. К сожалению, мы почти ничего не знаем о его иностранных книгах и поэтому лишены возможности делать заключение о тематике этого книжного собрания. К своим книгам Головкин, по-видимому, относился с большой любовью. Многие его книги, как показывает опись, были переплетены в дорогие кожаные переплеты. И еще один факт. Некоторые книги Головкина перешли к нему от М. Г. Ромодановского.

Несомненно, что многие высокопоставленные люди того времени имели свои книжные собрания, но подобные сведения дошли до нас далеко не полностью. В ряде случаев мы располагаем лишь упоминанием, что тот или другой деятель имел книги, а описи этих книг не сохранились. Известно, например, что книжное собрание было у президента Коммерц-коллегии **Платона Ивановича Мусина-Пушкина**, одного из образованнейших людей России, единомышленника Волынского, богатейшего русского вельможи. Однако, что мы знаем о его библиотеке? То, что 9 его рукописных книг поступили в Коллегию иностранных дел. В том числе: «История казанская», «Книги о тайнах Речи Посполитой», «Конский лечебник» (перевод с нем.), «Каталог митрополитов и великих князей российских», «Книга о царстве Сибирском», «Летописец», «Книга, како произыде российских государей царей корень...» и др.[41] Ясно, что это книги, случайно выхваченные из возможно довольно большого книжного собрания, опись которого до нас не дошла.

Не лучше обстоит дело и с данными о библиотеке **Р.-Г. Левенвольде** (1693—1758), обер-гофмаршала императрицы Анны Иоанновны, управляющего соляными доходами России. Это был тот самый Левенвольде, который первым предупредил Анну Иоанновну о замыслах верховников, за что и получил графский титул. У него было свое книжное собрание, опись которого пока не найдена. Известно только, что книги Левенвольде находились в числе 597 печатных и рукописных книг, поступивших в 1742 г. в Библиотеку Академии наук. Но это были явно не все книги. В январе 1743 г. комиссия по описи имущества и разбору долгов опальных вельмож просила Академию наук принять «достальные описанные немецкие печатные книги на разных языках», принадлежавшие Левенвольде. При этом выяснилось, что 5 из этих книг уже отданы обер-гофмейстеру Миниху.[42] Академия не слишком торопилась с приемом книг. Они были приняты по описи и привезены в Академию лишь в середине марта 1743 г.[43] Таким обра-

---

[41] Белокуров С. А. О библиотеке Московских государей..., с. 88—89.

[42] Материалы для истории имп. Академии наук, т. 5, с. 558—559.

[43] Там же, с. 613.

зом, опись книг Левенвольде существовала, но до нас не дошла.

Имеются еще такие сведения: 54 книги Левенвольде предполагалось передать в Коллегию иностранных дел, но они остались в Академии наук.[44] Возникает предположение, не являются ли 54 книги, намеченные к передаче в Коллегию иностранных дел, теми «достальными печатными книгами», которые поступили в Академию в марте 1743 г. Как бы там ни было, но о том, что за книги были у Левенвольде, мы почти ничего не знаем. Известны только названия 5 книг Левенвольде, отданные Миниху: «Люнингса театр», «Гисторическая и политическая книга всех церемониалов» (2 книги), «Проект десятины королевской» Вобана, «Тестамент политический кардинала Ришелье».[45]

К числу любителей книжного чтения принадлежала **Анна Леопольдовна** (1718—1746), племянница императрицы Анны Иоанновны и мать малолетнего императора Иоанна VI, бывшая короткое время правительницей России. Сохранились сведения о книгах, которые ей были доставлены из книжной лавки Академии наук. За время с апреля 1732 г. по сентябрь 1741 г. Анна Леопольдовна взяла из книжной лавки около 290 книг на сумму 260 р. 62 к. Кроме того, в эти же годы ею были взяты для чтения 9 книг из Библиотеки Академии наук. Какова же была тематика книг, интересовавших Анну Леопольдовну? Это была в основном развлекательная и частично познавательная литература: произведения художественной литературы, книги по истории, географии и кое-какие другие. Особенно много читала Анна Леопольдовна всякого рода мемуаров. Из произведений художественной литературы она прочла «Робинзона Крузо», «Немецкого Робинзона», «Мадоновы авантюры». «Мироновы любовные дела», «Житие трубача», произведения Эзопа и др., из исторических книг — «Гисторию Вильгельма Прусского», «Историю Ролленову», «Историю Англии», «Плутарховы жития». Из книг другой тематики — «Описание Корсики», «Рокенова философия», «Юристические письма», «Разговоры в царстве мертвых».

---

[44] Там же, с. 558—559; Белокуров С. А. О библиотеке московских государей..., с. 90.

[45] ЛОААН, ф. 3, оп. 1, № 63, л. 3, 18—23 об.

В числе книг, взятых в Библиотеке Академии наук, значилась историческая и художественная литература: «Записки о жизни Петра Великого», «Буддиев гисторический лексикон», «Овидиевы метаморфозы», «Торжествующая любовь» и др. Таким образом, книги для Анны Леопольдовны являлись средством приятного препровождения времени.

Несколько по-иному относился к книгам муж Анны Леопольдовны **Антон Ульрих** (1714—1774), считавшийся во время короткого правления своей жены генералиссимусом русской армии. Антон Ульрих также брал книги из книжной лавки Академии наук. Всего за время с марта 1737 г. по сентябрь 1741 г. им было взято 26 книг. Это были исключительно картографические издания, военная и историческая литература: Словарь Бейля, «Крюйсова карта реки Дона», «Карта России», «Карта Швеции», «Карта Германии», «Баталии принца Евгения» (в двух переплетах), «История Полибия» (в шести переплетах).[46] В противоположность своей жене Антон Ульрих не был любителем чтения, но книги были ему нужны для выполнения своих обязанностей главы военных сил России.

4. БИБЛИОТЕКА В. Н. ТАТИЩЕВА [47]

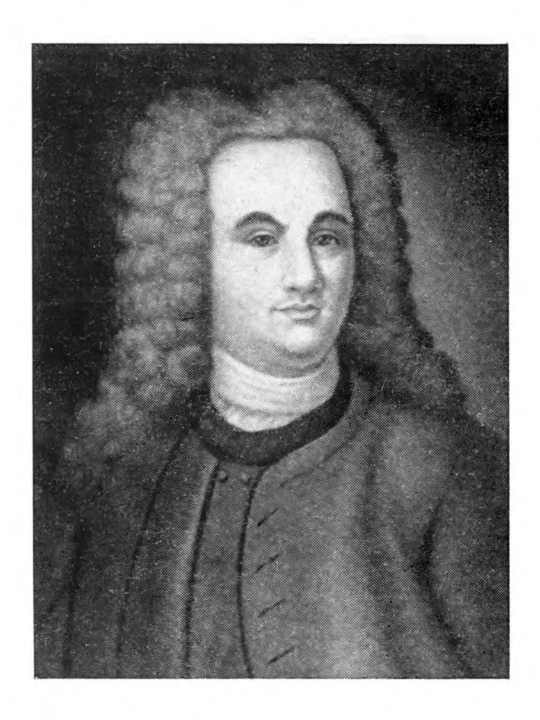
Василий Никитич Татищев (1685—1750) происходил из небогатой московской дворянской семьи.[48] Первоначальное образование он получил, по-видимому, дома, так как имеющиеся в нашей литературе сведения о том, что Татищев учился в московской артиллерийской школе (Н. К. Чупин, Д. А. Корсаков), не подтверждаются. С 1704 г. начал свою служебную деятельность, сначала

---

[46] Там же, л. 4—5.

[47] Биографические данные о Татищеве заимствованы нами из следующей литературы: Колосов Е. Е. Новые биографические материалы о В. Н. Татищеве. — «Археограф. ежегодник за 1963 г.», М., 1964, с. 106—114; Материалы к биографии В. Н. Татищева. Доклады на секциях Ученого совета. Свердловск, 1964; Попов Н. А. В. Н. Татищев и его время. М., 1861, 803 с.; Пекарский П. П. Новые известия о В. Н. Татищеве. — «Зап. имп. Академии наук», 1864, т. 4, прил. № 4, с. 1—66; Чупин Н. К. В. Н. Татищев. Пермь, 1867. 101 с. (оттиски из «Пермских губернских ведомостей»); Корсаков Д. А. Из жизни русских деятелей XVIII века, с. 333—366.

[48] Незадолго до рождения В. Н. Татищева отец его получил небольшое поместье на Псковщине.



В. Н. Татищев

в стольниках, а с 1706 г. рядовым в драгунском полку. Находясь в армии, Татищев приобрел познания в артиллерийском деле, обучился во время заграничных походов немецкому и польскому языкам. Он участвовал в боевых операциях русских войск, в битве под Полтавой, в Прутском походе.

Толковый, грамотный человек, хороший организатор, Татищев скоро обратил на себя внимание начальства. Ему стали даваться ответственные поручения. С 1712 по 1716 г. Татищев находился в заграничной командировке (в Берлине, Дрездене и в других местах), изучал артиллерийское и инженерное дело. По возвращении в Россию он был переведен в артиллерию, так как считалось, что, «будучи за морем, выучился инженерному и артиллерийскому делу навычен. . .».[49]

---

[49] Колосов Е. Е. Новые биографические материалы о Татищеве, с. 109.

Как показывает его дальнейшая служебная деятельность, Татищев действительно хорошо разбирался в инженерном деле. Характерно, что рекомендацию в артиллерию ему дал сам Брюс, глава артиллерийского ведомства России, который в это время, видимо, уже отдавал должное деловым качествам Татищева. Следует сказать, что Брюс сыграл большую роль в жизни Татищева. Именно он побудил Татищева заняться научной работой в области географии России. На близкие отношения Татищева и Брюса указывает их оживленная переписка во время командировки Татищева в Гданьск в 1717 г., куда он ездил по поручению Брюса для проверки состояния русской артиллерии и выполнения других дел. Когда Брюс в 1718 г. отправился на Аландский конгресс, туда же был направлен и Татищев, который был при Брюсе неотлучно в течение всего конгресса.

В начале 1720 г. Татищев был переведен в только что созданную Берг-коллегию, во главе которой стоял Брюс, а вскоре совместно с крупным специалистом по горному делу И.-Ф. Блиером он был послан на Урал. Так закончилась военная служба Татищева и начался новый период его деятельности — горнозаводский. Целью поездки Татищева и Блиера на Урал являлась, во-первых, проверка имеющихся сведений о рудных месторождениях Урала и прилегающих к нему районов, а также организация поисков новых рудных месторождений, во-вторых — постройка на местах залежей руд заводов по производству железа и меди. На Урале в полной мере проявился организаторский талант Татищева. Он налаживает управление горным делом, строит новые заводы, создает горнозаводские школы.

В 1724 г. Татищев получает новое ответственное поручение. Его направляют в Швецию для ознакомления с постановкой дела на шведских заводах, приглашения на русскую службу шведских специалистов, организации обучения русских людей горному делу на шведских заводах. Хорошо справившись с поручениями, Татищев потратил также немало энергии на сбор имеющихся в Швеции данных по истории России, в чем ему помогли шведские ученые, из которых некоторые незадолго до того вернулись из русского плена. Татищев приобрел в Швеции целый ряд ценных книг, главным образом исторического содержания. Особенно интересовали его сведения

древних скандинавских хроник по истории России. Шведский ученый Биорнер сделал ему выписки из летописей и старинных исторических сочинений, содержащих данные по истории России.

Сохранившаяся роспись денежных сумм, которые платил Татищев в Швеции, дает представление о литературе, вывезенной им оттуда. Приведем выдержку из нее: «Петрикеева кроника Российская. 2. Видекиндова война российская. 3. Вопрос о россиянах, христиане ли суть? 4. Шернгеймова мафематическая. 5. Скитова описание России писменная. 6. Описание ж России, печатная на шведском языке ... и 6 книг Полгеймовых о машинах ... 30 р. 30½ к.». Кроме перечисленных, Татищев привез из Швеции ряд других книг, а также выписки, чертежи, медали и т. д.[50]

В мае 1725 г. Татищев вернулся на родину и с 1727 по 1733 г. фактически возглавлял монетное дело в России, живя сначала в Москве, а потом в Петербурге. Во время «затейки» верховников Татищев энергично выступил против ограничения самодержавия, выражая тем самым интересы широких кругов русского шляхетства.

В марте 1734 г. последовал указ о назначении Татищева начальником уральских горных заводов с очень большими полномочиями. Здесь он развернул энергичную деятельность по строительству новых заводов, учреждению горнозаводских школ. Под его руководством был разработан новый горнозаводский устав, который, однако, не был утвержден. Продолжая свои научные занятия в области истории и географии России, начатые, как мы видели, значительно раньше, Татищев приступил в 1736 г. к составлению «Общего географического описания Сибири». Однако и второе пребывание Татищева на Урале оказалось непродолжительным. По проискам Бирона во главе горнозаводского дела России был поставлен выписанный из Саксонии искатель наживы немец А.-К. Шемберг, с которым Татищев сработаться не мог.

В 1737 г. он был назначен главой Оренбургской экспедиции на место умершего И. К. Кирилова с поручением составлять ландкарты России. Под его руководством было исправлено и вновь составлено много карт. В это же время

---

[50] Пекарский П. П. Новые известия о В. Н. Татищеве, с. 27—28.

он приступил к составлению «Общего географического описания всей России» (закончено лишь в 1744 г.), продолжая заниматься вопросами русской истории.[51] Следует сказать, что, как многие крупные деятели того времени, Татищев не брезговал использованием своего служебного положения для извлечения материальных выгод. По поступившему доносу (обвинение во взяточничестве и крутости управления) он был в 1739 г. отстранен от должности и попал под следствие. Однако и в это трудное время, живя в Петербурге, Татищев не прерывал своих занятий по истории и географии России. Им была написана краткая русская география под названием «Руссия, или, как ныне зовут, Россиа», составлен «Лексикон обретающихся в России народов», подготовлены к печати найденные им древние русские юридические документы: краткая редакция «Русской правды» и «Судебник» 1550 г. В этот же период Татищев сблизился с кружком А. П. Волынского, что едва не кончилось для него трагически.

В 1741 г. Татищев был поставлен во главе Калмыцкой комиссии, а затем, после воцарения Елизаветы Петровны, назначен астраханским губернатором. Выполняя свои административные обязанности, он продолжал заниматься и научной работой. Но следствие по делу о злоупотреблениях не было закончено, и в 1745 г. Татищев был отстранен от губернаторства. Последние 5 лет своей жизни, продолжая находиться под следствием, провел в своем подмосковном селе Болдине. Умер в 1750 г.

В. Н. Татищев вошел в историю не как крупный административный деятель первой половины XVIII в. (хотя и здесь он проявил незаурядные способности в организации горнозаводской промышленности на Урале), а как большой русский ученый широкого профиля, сделавший особенно значительный вклад в развитие истории и географии России. 5-томная «История Российская» В. Н. Татищева, не потерявшая своего значения до наших дней, является первым научным трудом в области русской истории. Немалое значение имеют и другие работы Татищева по истории и географии России, например «Лексикон российский гисторический, географический и политический». К сожалению, все они, так же как и «История Российская», не увидели света при жизни автора. Этому в какой-то степени содействовали его взгляды на жизнь —

[51] Исторический очерк и обзор фондов, с. 181—182.

взгляды человека прогрессивного мировоззрения (хотя и убежденного сторонника абсолютизма), рационалиста, равнодушного к вопросам религии.

Всю жизнь с энтузиазмом занимаясь наукой (именно в этом было его истинное призвание), Татищев приобрел поистине энциклопедические знания, и это поражало современников. Известный путешественник по России Лерхе писал о Татищеве в своих записках: «В Астрахани губернатором был известный ученый Василий Никитич Татищев... Он говорил по-немецки, имел большую библиотеку из лучших книг и был сведущ в философии, математике и особенно в истории». В религии он придерживался особых убеждений, за что многие не считали его православным.[52]

Ту же энциклопедичность знаний Татищева отмечает в наши годы и крупный советский историк С. Н. Валк, который пишет, что Татищев был одним из просвещеннейших людей своего времени. В его «Истории Российской» имеются ссылки на многие и многие десятки авторов, среди которых мы находим «едва ли не всех тогдашних знаменитых философов... историков..., на выдающиеся энциклопедические труды того времени». Татищев не только читал эти книги, но и критиковал их авторов.[53]

В своих занятиях по русской истории В. Н. Татищев пользовался всеми доступными ему книжными собраниями, например библиотеками Д. М. Голицына, А. П. Волынского, П. М. Еропкина, А. Ф. Хрущова, привлекал свидетельства иностранных авторов о России. Им был выявлен ряд до того времени неизвестных исторических источников, прокомментированы важные исторические документы. Патриот своей Родины, он ревностно выступал против фальсификации исторических фактов, за восстановление правды о России.

Не будучи безупречным человеком с точки зрения морали, Татищев проявлял удивительное бескорыстие в науке. Всю жизнь собирал он материалы по истории и географии России и, заботясь лишь о развитии русской науки, совершенно безвозмездно передавал собранное в Академию наук, в ее Библиотеку.

---

[52] Попов Н. А. В. Н. Татищев и его время, с. 428—429.

[53] Валк С. Н. В. Н. Татищев и начало новой русской исторической литературы. — В кн.: XVIII век, сб. 7. М.—Л., 1966, с. 66—67.

Как показывают сохранившиеся данные, на протяжении многих лет в Академию наук поступали от Татищева ценные материалы по истории, географии и этнографии России. Здесь были произведения самого Татищева в подлиннике и в копиях («История Российская», «Общее географическое описание всей Сибири», «Лексикон российской истории, географической, политической и гражданской» и др.), ценнейшие русские летописи (Псковская, Новгородская, Алаторская), переводы произведений иностранных авторов (Страленберга, Кромера, Гелмолда, Плиния и др.), карты, чертежи, различные материалы по истории и географии народов России.[54] Только в мае 1744 г. поступило от Татищева свыше 70 карт, чертежей и рисунков, которые были переданы в Библиотеку Академии наук.[55] Можно смело утверждать, что все ценное в научном отношении, что попадало в руки Татищева, он стремился в подлиннике или в копии передать в Академию. При этом важна его активная роль: большая часть передаваемых переводов, карт, чертежей, планов была сделана по его указанию, не говоря уже о сочинениях самого Татищева. В настоящее время значительная часть поступивших от Татищева материалов выявлена в фондах Библиотеки Академии наук. Так, по данным В. А. Петрова, в БАН выявлены 55 полученных от Татищева рукописей и 55 карт.[56]

Большой любитель книги, В. Н. Татищев всю жизнь собирал свою библиотеку, закупая книги как в России, так и (во время своих заграничных поездок) за рубежом. Уезжая в 1737 г. с Урала, после того как он был назначен начальником Оренбургской экспедиции, В. Н. Татищев пожертвовал свою библиотеку учрежденным им горнозаводским школам. В своей «Истории Российской» Татищев пишет по этому поводу, что когда он был определен в Оренбургскую экспедицию, то «всю ... библиотеку, состоящую более 1000 книг, для пользы заводских школ ...

---

[54] См., например: Материалы для истории имп. Академии наук. Т. 1. СПб., 1885, с. 217—226; т. 3. СПб., 1886, с. 309, 310, 314, 315, 508, 509, 541, 542, 560, 561, 621, 714, 668—671, 682, 683, 725, 726, 863, 864; т. 4. СПб., 1887, с. 26, 87, 719, 720; т. 7. СПб., 1895, с. 512; т. 8. СПб., 1897, с. 37, 38, 267, 562; ЛОААН, ф. 3, оп. 1, № 841, л. 23—25, 53; № 842, л. 145.

[55] ЛОААН, ф. 3, оп. 1, № 842, л. 28—33.

[56] Исторический очерк и обзор фондов, с. 185—186, 434—441.

оставил».[57] Таким образом, в библиотеке Татищева было в 1737 г. свыше 1000 книг и она несомненно стоила по ценам того времени очень дорого. И тем не менее он расстался с этой библиотекой ради основанных им школ.

Подарив свою библиотеку горнозаводским школам, Татищев тотчас же принялся за составление новой, что он делал не менее ревностно, чем в первый раз, и к 1750 г. (году его смерти) вторая библиотека Татищева была уже крупным книжным собранием (свыше 300 книг), которым его владелец широко пользовался.

Что же представляли собой библиотеки Татищева? Поскольку их было две, причем создавались эти библиотеки в разные периоды его деятельности, о каждой из них следует сказать особо. Каталога первой библиотеки Татищева не сохранилось, однако какие-то сведения о ее составе имеются. Этим мы обязаны работам двух авторов, в разное время занимавшихся вопросом об этой библиотеке (Н. К. Чупину и В. Г. Федорову), а также каталогу книг Татищева, обнаруженных в фондах Свердловского краеведческого музея, изданному этим музеем.[58]

Более ста лет тому назад Н. К. Чупин обратил внимание на состав горной библиотеки Екатеринбурга (принадлежавшей в прошлом Екатеринбургской горной школе), в которой находилось большое число книг XVII и первого 30-летия XVIII в. «В них, — пишет автор, — замечается строгий выбор. Это собрание заключает в себе сочинения по части военных наук, артиллерии, фортификации, математики, а более всего по части истории, географии, государственного права и дипломатии. В числе их есть библиографические редкости, как например иностранные сочинения о России и о Петре Великом, изданные в 1720-х годах, политические памфлеты того же времени, исторические описания славянских народов. Книги боль-

---

[57] Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. Кн. 1, ч. 2. М., 1769, с. 509.

[58] Чупин Н. К. Библиотека Василия Никитича Татищева в Екатеринбурге. — «Московские ведомости», 1860, № 203, с. 1609—1610; Федоров В. Г. К истории екатеринбургской библиотеки В. Н. Татищева. — В кн.: Материалы к биографии В. Н. Татищева. Свердловск, 1964, с. 78—90; Книги В. Н. Татищева в фондах краеведческого музея (предварительная информация). Свердловск, 1962, 7 с. По имеющимся данным, музей издал более поздний вариант этого каталога в 1967 г., но нам с ним познакомиться не удалось.

шею частью немецкие, есть несколько латинских, польских и французских, одна книга на шведском языке и одна на голландском... На первом листе многих книг изображен вензель из двух букв: В. и Т.».[59]

Чупин без труда установил, что эти книги принадлежали Татищеву. Всего ему удалось обнаружить до 120 книг с вензелем Татищева, из которых на 57 имелись пометы рукой Татищева, обозначавшие время и место покупки. Эти пометы дополняют биографию Татищева, так как уточняются места, где он покупал книги: Берлин — 1713 г., Данциг — 1717 г. и т. д. Выясняются и другие интересные факты: пометы на книге «Chronica Slavorum Helmoldi», сделанные рукой Татищева, показывают, что он читал эту книгу в подлиннике и, следовательно, в какой-то мере владел латинским языком, помета на французской грамматике говорит о том, что Татищев учился по ней французскому языку.[60]

Через 100 лет, в 1961 г., книги В. Н. Татищева были обнаружены в библиотеке Свердловского краеведческого музея. По тем же данным, как это сделал когда-то Чупин (наличие вензеля и помет Татищева), сотрудниками краеведческого музея было выявлено к октябрю 1962 г. 90 книг, несомненно принадлежавших Татищеву, и несколько десятков книг, которые, судя по их содержанию и дате издания, вполне могли находиться в библиотеке Татищева. Следует сказать, что некоторые книги, которые в свое время видел Чупин, найти не удалось, зато было обнаружено не менее 10 книг, неизвестных Чупину.[61]

В 1962 г. Свердловским краеведческим музеем был издан в качестве предварительной информации каталог книг В. Н. Татищева, обнаруженных в фондах музея.[62] К сожалению, в этот каталог не вошли некоторые книги, упоминающиеся в статьях Н. К. Чупина и В. Г. Федорова. Кроме того, при издании каталога были допущены грубые ошибки в транскрипции фамилий авторов и переводе названий их работ, которые отмечены в статье С. Н. Валка.[63]

---

[59] Чупин Н. К. Библиотека Василия Никитича Татищева в Екатеринбурге, с. 1609.

[60] Там же, с. 1609—1610.

[61] Федоров В. Г. К истории екатеринбургской библиотеки В. Н. Татищева, с. 80—85.

[62] См.: Книги В. Н. Татищева в фондах краеведческого музея.

[63] Валк С. Н. Татищев и начало новой русской исторической литературы, с. 67.

Тем не менее даже в таком виде каталог дает ценные сведения о составе первой библиотеки Татищева. В нем перечисляются 78 книг, из них 1 на русском языке, 2 на латинском, 1 на голландском, все остальные на немецком.

Как показывают данные каталога, около 40% всех обнаруженных в Свердловском музее книг относилось к исторической литературе, на втором месте по числу книг шла географическая литература (около 13%), литература по другим естественным наукам (математика, астрономия, геология, химия и т. д.) составляла около 9% книг, книги нравоучительного характера о правилах хорошего тона и т. п. — около 8%. Конечно, эти цифры весьма условны, поскольку они относятся лишь к 78 книгам из библиотеки Татищева (из общего количества 1000), однако отражают его пристрастие к истории и географии.

Из книг по истории следует назвать произведения как классических авторов, так и историков более позднего времени — Геродота, Тацита, Кромера, Пуффендорфа, Светония, Кранца, Гелмолда и др., книги по истории отдельных стран, например Германии, Франции, Польши, Голландии, отдельные издания по генеалогии и геральдике. Из книг по географии — описания путешествий, руководства. Любопытен интерес Татищева к литературе нравоучительного характера, о нормах поведения в обществе, о стиле, которым следует писать письма (например, «Искусство галантно разговаривать и правила хороших манер в обществе», «Как составлять письма и комплементы для персон высших и нисших сословий», «Венское зерцало добродетелей» и др.).

У Татищева были книги по астрономии («В защиту Коперника»), геологии («Новое о земле, ее возникновения и дальнейшего развития»), химии («Записки по химии»), медицине («Руководство по химии и аптечному делу. О лекарственных травах»), военному делу (артиллерия, фортификация), математике («Курс математики» Рашуба), филологии (словари), юридическим наукам («О должности человека и гражданина» Пуффендорфа), имелась и религиозная литература по общим вопросам религии (свыше 6%).

Как видим, профиль библиотеки Татищева был широкий, но историческая литература в ней явно преобладала. Прочие науки были представлены далеко не равномерно, и имелись такие научные дисциплины, по которым у Та-

тищева находились лишь отдельные издания. Сохранившиеся пометы на книгах о ценах, по которым книги были куплены, показывают, что на покупку книг Татищев не жалел денег. Так, книга Тацита (немецкий перевод) была куплена за совершенно баснословную по тому времени цену — 11 р. 28 к., книга Архимеда — за 7 р. 50 к., «История всех духовных и светских вещей и деяний от создания первого человека до 1585 года» С. Ф. Ворда — за 9 р. 20 к. Устанавливается, что, помимо перечисленных выше городов, Татищев покупал также книги в Москве, Петербурге, Тобольске, Екатеринбурге, Риге.

Каталог второй библиотеки Татищева (собранной им после 1737 г.) опубликован Пекарским.[64] Состав этого книжного собрания по отраслям знания был таковым:

Отрасли знания, вид литературы	Число названий книг	%
История	102	33.3
Различные архивные и статистические материалы	17	5.6
Филология	18	5.9
Прочая гуманитарная литература (юриспруденция, этнография, философия, риторика, педагогика, библиография)	15	4.9
География	13	4.3
Математика, физика, астрономия, космография	11	3.6
Медицина, биологические науки	5	1.6
Техника	2	0.7
Военное дело	7	2.3
Архитектура, музыка	3	0.9
Садоводство	4	1.3
Регламенты, указы	8	2.6
Информационные издания	5	1.6
Художественная литература	4	1.3
Религиозная литература	47	15.4
Не ясно, по каким отраслям знания	45	14.7
Итого	306	100.0

Эти данные показывают, что общий характер книжного собрания Татищева сохранился. Как и в первой, во второй

[64] Пекарский П. П. Новые известия о В. Н. Татищеве, с. 56—63. По мнению В. С. Иконникова, этот каталог отражает только часть второй библиотеки Татищева, остальные книги сгорели во время пожара в селе Грибанове, случившегося после смерти В. Н. Татищева (Иконников В. С. Опыт русской историографии, т. 1, кн. 2. Киев, 1892, с. 1085).

его библиотеке основное место занимала историческая литература, составлявшая по числу книг $^1/_3$ всего собрания, а вместе с архивными материалами почти 40%. На долю всех естественных наук, включая медицину и технику, приходилось не более 10% книг. Несколько благополучнее здесь обстояло дело с географией и математикой, по другим же естественнонаучным дисциплинам имелись лишь единичные издания.

Следует сказать, что вследствие небрежности в оформлении описи книг библиотеки Татищева не представляется возможным установить точное количество книг в этом книжном собрании. В описи указывается, например, что какое-то произведение было в 2 частях, но являлась ли каждая часть отдельным изданием или обе части составляли один том, установить нельзя. Вследствие этого в приведенных сведениях дается не число томов (библиотечных единиц), а число названий книг. Число томов было несколько больше.

Что касается характеристики библиотеки Татищева по языковому принципу, то по данным описи выясняется, что русская часть составляла 62.4% названий книг, а иностранная литература была представлена почти исключительно книгами на немецком языке. Имелись лишь отдельные издания на латинском языке, а на французском — всего одна книга.

Посмотрим теперь, какие же конкретно книги находились во второй библиотеке Татищева. Исторические книги представлены были достаточно широко. Здесь мы видим ряд ценнейших исторических источников: летописи (Ростовская до 1613 г., Нижегородская до 1347 г., Псковская до 1461 г.), Хронограф до 1613 г., «Родословие государей», «Лифляндско-курляндская хроника» (на немецком языке), «Универсал» Лжедимитрия, Стоглав, выписки из разрядных книг и т. д. Исторические сочинения русских авторов по своей ценности мало уступали летописям: «История» и переписка Курбского, «История скифская» Лызлова, «Сказание» Авраама Палицына, «Летописец» Дмитрия Ростовского, не менее ценны были сочинения иностранных авторов: Корнелия Непота, И. Флавия («История иудейской войны» на немецком языке), «Польская хроника» А. Гваньини, сочинения Тацита (в немецком переводе), С. Пуффендорфа (на немецком языке), «История» Юлия Цезаря (на немецком языке) и др.

В библиотеке Татищева находились и печатные русские исторические издания: «Синопсис», «Деяния церковные и гражданские» Цезаря Барония, книга Квинта Курция об Александре Македонском, «Житие и дела Марка Аврелия Антонина», «Описание жития и дел принца Евгения» и др. Интерес к Востоку отражали такие исторические материалы, как «Духовная богдыхана», «Родословная Чингиза».

Из архивных материалов и различного рода деловых бумаг у Татищева имелись: «Клинские писцовые книги», «Писцовый наказ 192», штаты ряда губерний, «выписки и справки о заводах», «Инструкции и указы оренбургские 1734—1739», «доношения в Сенат и в Кабинет е. и. в.» и т. д., а также не совсем ясные по своему содержанию документы, которые значились в описи под рубриками «Архива казанская», «Архива астраханская» и др.

Сравнительно много было у Татищева литературы по филологии. Наряду с лексиконами (греко-латинский, латино-германо-греческий, германо-латино-русский) и грамматиками имелись и сочинения Тредиаковского («Новый и краткий способ к сложению стихов», СПб., 1735; «Разговор ... об орфографии старинной и новой...», СПб., 1748), «Пословицы письменные», «Макентина письмо о стихотворстве» и др.

Среди прочей гуманитарной литературы находились книги по юриспруденции («Уложение» издания 1737 г., «Das schwedischen Land und Stadt Recht»), этнографии («Чин свадьбы калмыцкой»), философии (сочинения Вольфа, «Walchs philosophisches Lexikon»), риторике («Риторика» Тредиаковского, «Grossen Herren Rede»), педагогике («Совершенное воспитание детей...» Ж. Б. Бельгарда, СПб., 1747), библиографии («Связка разных каталогов книг»).

В числе географических книг Татищева имелись русские печатные издания («География генеральная» Б. Варения, СПб., 1718; «Краткое руководство к географии», СПб., 1742), описания путешествий («Olearis und Mandelso Reisebeschreibung», «Allgemeine Reisebeschreibung», 4 th., «Strabonis Geographia», «Geographia par Hübner», 6th.), целый ряд атласов (в том числе Кирилова, Крюйца).

Из литературы по другим естественнонаучным дисциплинам упомянем известную книгу Б. Фонтенеля «Разговоры о множестве миров» (СПб., 1740), Г. Гейнзиуса

«Описание ... кометы...» (СПб., 1744), «Münsteri Cosmographia, oder Beschreibung der gantzen Welt», «Таблицы астрономические широты и долготы», «Pliny Historia naturalis», «Medizinische und natürlische Dinge», «Schroders Arztney Schatz», «Abrégé des mathématiques», «Описание при монетном деле потребного искусства» И. А. Шлаттера (СПб., 1739), «Jacob Leopolds Prodromus Bibliothecae metallicae», «Hübners Natur-Kunst-Berg Gewerch und Handlung Lexicon», «Leopoldi Theatri machinarum general».

Сравнительно немного книг Татищев имел по военному делу. Это были довольно случайные издания. Таким образом, во второй половине своей деятельности Татищев уже мало интересовался военным делом. Среди прочей литературы следует назвать подбор различных русских регламентов (Генеральный, Камер-коллегии, Кадетского корпуса, Устав главного магистрата и др.), сборники указов, издания информационного характера (описания различных торжеств), литературу по садоводству и даже по музыке: оперы «Милосердие Титово» (СПб., 1742), «Селевк» (СПб., 1744).

Художественная литература, очевидно, совсем мало интересовала Татищева. У него имелись произведения Горация, трагедия «Хорев» Сумарокова, «Поздравление» Анне Иоанновне Тредиаковского, «польские стихи». Что касается религиозной литературы, то она была довольно многочисленна (15.4%). Здесь были и традиционные богослужебные книги, и указатели к религиозным книгам, и литература по церковной истории. Таким образом, едва ли можно согласиться с утверждением о полном равнодушии Татищева к вопросам религии. Скорее всего, этот враждебный суеверию человек в вопросах религии был вольнодумцем.

В целом можно смело сказать, что второе книжное собрание Татищева, так же как и первое, было рабочим. Хотя общий характер библиотеки, как мы уже говорили, не претерпел больших изменений, все же в составе книг обоих собраний имелись и различия. Так, значительную часть литературы исторического содержания составляли во второй библиотеке и архивные материалы, и источники, которые в числе книг первой библиотеки пока не выявлены. Конечно, нельзя утверждать, что все исторические источники Татищев собрал после 1737 г. Он мог просто не передать их горнозаводской школе,

а взять с собой в Оренбург как незаменимые в своей работе. Другое различие обоих книжных собраний Татищева заключается в том, что доля военной литературы несомненно снизилась. И, наконец, третье различие — возрастание доли печатных русских книг. При формировании своей второй библиотеки Татищев воспользовался помощью Академии наук. Сохранилось письмо Татищева Шумахеру от 5 августа 1741 г., в котором он просит выслать ему целый ряд изданий Академии наук (в том числе книгу Б. Фонтенеля «Разговоры о множестве миров», «О сложении стихов» В. Тредиаковского и др.). Академия постановила выслать эти книги Татищеву бесплатно в вознаграждение за полученные от него в Библиотеку два «Летописца».[65]

Собирая свою вторую библиотеку, Татищев был уже зрелым ученым. Именно поэтому ее состав более четко обрисовывает область его научных интересов, чем состав его первого книжного собрания.

5. БИБЛИОТЕКИ «КОНФИДЕНТОВ» А. П. ВОЛЫНСКОГО

В разделе этой главы, посвященном библиотеке А. П. Волынского, говорилось, что в состав кружка его единомышленников входил целый ряд просвещенных русских людей. Некоторые из них имели очень хорошие личные библиотеки. К числу самых близких соратников Волынского относился крупный русский архитектор первой половины XVIII в. **Петр Михайлович Еропкин** (1689—1740). Он происходил из старинного дворянского рода. В 1717 г. был послан при Петре I для завершения своего образования в Италию, где вместе с Т. Усовым обучался у одного из крупнейших итальянских архитекторов конца XVII—начала XVIII в. — Чиприани, а затем перешел во Флорентийскую Академию художеств. По возвращении в Россию (1724 г.) Еропкин участвовал в архитектурном оформлении дворцовых ансамблей в Подмосковье и под Петербургом. В 1730 г., находясь вместе с двором в Москве, Еропкин впервые встретился с А. П. Волынским. Он строит для Волынского дом в Москве и вскоре становится его другом и единомышленником.

---

[65] Материалы для истории имп. Академии наук, т. 4, с. 719—720.

В 1737 г., когда после известного пожара в Петербурге была учреждена «Комиссия о Санктпетербургском строении», Еропкин, тогда уже зрелый архитектор, стал фактическим архитектурным руководителем этой комиссии. Под его руководством и при его непосредственном участии был разработан замечательный проект планировки Петербурга, надолго определивший характер развития этого города. Одновременно Еропкин руководил архитектурной школой в Петербурге и был автором проекта известного «Ледяного дома», сооруженного в Петербурге по прихоти императрицы Анны Иоанновны в январе 1740 г.

Еропкин был не только крупным градостроителем и инженером, но и одним из просвещеннейших людей своего времени. Он изучал античный мир и культуру итальянского Возрождения, проявлял интерес к сочинениям утопистов XVI—XVII вв., очень интересовался прошлым своей родины.[66] Сблизившись с А. П. Волынским и являясь горячим противником немецких фаворитов при дворе Анны Иоанновны, он стал одним из авторов проекта Волынского о преобразовании России. Зная иностранные языки (французский, немецкий, итальянский), Еропкин занимался переводом трудов известного классика архитектуры Палладио. Из своей личной библиотеки он приносил Волынскому сочинения Н. Макиавелли и Юста Липсия, читал их вместе с ним, делал для Волынского переводы с иностранных языков.[67] Участие в кружке Волынского явилось причиной гибели Еропкина. Привлеченный вместе с Волынским и другими его конфидентами к суду, он был казнен в 1740 г. как один из главных деятелей политического заговора.

Еропкин имел хорошую личную библиотеку. В «Записке об Артемии Волынском» говорится, что эта библиотека «состояла из многих книг на французском, немецком, итальянском языках, особенно по части архитектурной». Там же говорится, что все найденные книги Волынского, Хрущова, Еропкина поступили в Академию

---

[66] Русская архитектура первой половины XVIII века. Исследования и материалы. М., 1954, с. 186—234 (автор статьи о П. М. Еропкине — С. С. Бронштейн); Еропкина В. В. Еропкины. Заметки и родословие. — «Русская старина», 1886, т. 49, с. 561—570; Петров П. П. М. Еропкин. Биографический очерк. — «Зодчий», 1878, № 5, с. 54—55.

[67] Еропкина В. В. Еропкины..., с. 566—568.

наук, а старинные рукописи — в Коллегию иностранных дел. Эти сведения повторяют В. С. Иконников, У. Г. Иваск[68] и другие исследователи. Известно также, что «Полоцким летописцем» Еропкина пользовался В. Н. Татищев[69] и что какие-то его рукописи действительно поступили в Коллегию иностранных дел, а оттуда попали в ее библиотеку.[70] Наконец, в нашей литературе есть указание на то, что опись книг библиотеки Еропкина хранится в Центральном архиве древних актов в Москве.[71] Вот в сущности и все, что мы до сих пор знали о библиотеке Еропкина.

В фондах ЦГАДА нам удалось познакомиться с описью библиотеки Еропкина.[72] Эта библиотека состояла из 319 книг, названия которых приводятся в описи на русском языке. К сожалению, при этом не дается никаких указаний на язык книг и не отмечается, все ли книги были печатными или какие-то из них являлись рукописными. К тому же опись составлена крайне неряшливо, с явным искажением названий книг. Следует иметь в виду и еще одно обстоятельство. Упоминаемое нами архивное дело представляет собой опись имущества Петра Еропкина, находящегося в его доме на 17-й линии Васильевского острова в Петербурге. Про книги там сказано, что они «ныне лежат в доме Волынского» (т. е. были перевезены туда с Васильевского острова). Опись книг подписана Федором Андреевым и регистратором Алексеевым, а дата составления всей описи имущества Еропкина (которая тоже заверена секретарем Федором Андреевым) — 4 августа 1740 г.[73]

Между тем сохранились и другие данные. Имеется распоряжение Канцелярии Академии наук секретарю В. К. Тредиаковскому от 12 июля 1740 г., которому предлагалось идти «в Невский монастырь и явиться лейб-

---

[68] ЧОИДР, 1858, кн. 2, Смесь, с. 170; Иконников В. С. Опыт русской историографии, т. 1, кн. 2, с. 1082, 1083; Иваск У. Г. Частные библиотеки России. Опыт библиографического указателя. — «Русский библиофил», 1911, № 7, с. 83.

[69] Исторический очерк и обзор фондов, с. 183.

[70] Белокуров С. А. О библиотеке московских государей..., с. 88—89.

[71] См., например: Русская архитектура первой половины XVIII в., с. 233.

[72] ЦГАДА, Госархив, разр. VI, № 211, ч. 3, л. 189, 196—204,

[73] Там же, л. 189, 196, 204.

П. М. Еропкин. Портрет работы неизвестного художника

гвардии господину капитану Мещерскому и имеющиеся в доме бывшего архитектора Еропкина книги описать и по описи при репорте подать оным книгам реестр» президенту Академии наук Бреверну.[74] Таким образом, речь идет уже о доме Еропкина в Невском монастыре, а не на Васильевском острове. Однако это обстоятельство легко объясняется. По данным той же «Записки об Артемии Волынском», Еропкин, имея дом на 17-й линии Васильевского острова, жил обыкновенно в слободе Невского монастыря,[75] так как участвовал в его архитектурном оформлении. Следовательно, книги у него могли храниться в двух местах. Но были ли они позднее свезены в одно место (дом Волынского), или книги, находившиеся в слободе Невского монастыря, продолжали оставаться на прежнем месте и опись их до нас не дошла, сказать

---

[74] Материалы для истории имп. Академии наук, т. 4, с. 427.
[75] ЧОИДР, 1858, кн. 2, Смесь, с. 170.

трудно. Таким образом, есть вероятность, что опись, выявленная в фондах ЦГАДА, не отражает всего книжного собрания Еропкина, во всяком случае остается пока не выясненным состав рукописей, попавших в библиотеку Коллегии иностранных дел, хотя их явно немного. (В 1764 г. в этой библиотеке значилось всего 20 рукописных книг, принадлежавших ранее Волынскому, Мусину-Пушкину и Еропкину, а так как первым двум принадлежало 17 рукописей, то выходит, что рукописей Еропкина было всего 3).[76]

Что же представляла собой библиотека Еропкина? Если распределить книги, числящиеся в упомянутой выше описи ЦГАДА, по их содержанию, то получается следующая картина:

Отрасли знания, вид литературы	Число книг	%
История	86	27.0
Прочие гуманитарные науки	36	11.3
Физико-математические и технические науки	17	5.3
География	18	5.7
Биология	2	0.6
Архитектура, перспектива, рисование . . .	25	7.8
Военное дело	7	2.2
Художественная литература	22	6.9
Религиозная литература	6	1.9
Прочая литература	9	2.8
Неясно, по каким наукам	91	28.5
Итого	319	100.0

Из этих данных видно, что, хотя библиотека Еропкина имела довольно широкий профиль, основное внимание он уделял истории и другим гуманитарным наукам, а также архитектуре. В меньшей степени его интересовали физико-математические и географические науки, художественная литература. И совсем мало внимания он уделял другим научным дисциплинам. Книг по биологическим наукам у него было всего две, медицинские полностью отсутствовали, религиозная литература имелась в незначительном количестве. Таким образом, перед нами библиотека, значительно уступавшая современным ей книжным собраниям Голицына, Остермана и других не только по числу книг, но и по широте подбора литературы; вместе

[76] Белокуров С. А. О библиотеке московских государей. . ., с. 88—89.

с тем характер комплектования ее ярко отражал интересы владельца библиотеки.

Если внимательно посмотреть на историческую литературу, составлявшую по количеству книг свыше 1/4 библиотеки Еропкина, то мы увидим, что лучше всего у него была представлена литература по античной истории и истории средневековой Италии. Так, например, он имел книги по истории Венецианской республики («История о республике Венецианской», две книги, «История венецианская»), Неаполитанского королевства («Гражданская история о Неаполитанском царстве», три книги), истории папства. И это неудивительно, если учесть, что образование Еропкин получил в Италии. Из античных авторов у него были произведения Тита Ливия, Плутарха, Саллюстия, Юлия Цезаря, Полибия. В меньшей степени Еропкина интересовала история других стран. Впрочем, в числе его книг имелись «История о междуусобных французских войнах», «История о междуусобных полских войнах», «История времен аглинских» (4 книги). Отдельные издания были по нумизматике («Монеты царства Неаполитанского») и геральдике.

Обращает на себя внимание отсутствие книг по русской истории, хотя хорошо известно, что Еропкин весьма интересовался историей своей родины и имел у себя летописные книги. «Летописцы» Еропкина несомненно попали в Коллегию иностранных дел (мы уже знаем, что подобная литература опальных вельмож передавалась именно туда). В числе их был, очевидно, и «Полоцкий летописец», которым в свое время пользовался В. Н. Татищев. Возможно, что книги Еропкина по русской истории хранились где-то в другом месте (например, в его доме в слободе Невского монастыря).

Среди прочих книг гуманитарного содержания у Еропкина имелись книги по филологии (8), философии (5), риторике (9), политике (4), педагогике (2), юридическим наукам (2), морали (3), экономике (2), делопроизводству (1). Следовательно, больше внимания он уделял филологии, риторике, философии. По остальным научным дисциплинам у него были лишь единичные издания. В числе книг филологической литературы имелись словари (франко-итальянский), грамматики (французская), учебные пособия по изучению иностранных языков («Новый способ, как учитца по-французски италианцам»,

«Новое искусство учиться немецкому языку без мастеров»), «Трактат о языке» и др. Среди книг по ораторскому искусству — речи Демосфена, Цицерона, «Три книги риторики Аристотелевой», «Разные орации»; по философии — «Основания философии Картезиевой», «Содержание философии Аристотелской». Из других гуманитарных изданий упомянем «Трактат о должности», «Действие моральное», «Уложение», «Нравоучение принцов», «Самодержицы света» (3 книги), «Искусство нынешнего секретарства», «Прибыток Венеции», «Институцы Юстинианские», «Способ учитца науках».

По физико-математическим и техническим наукам, как уже говорилось, у Еропкина было гораздо меньше книг, чем гуманитарных. В основном это были книги по математике («Линеал математической», «Элементы Эвклидовы», «Таблицы синусов, тангенсов, секансов»), по астрономии было всего 2 книги, по физике — 1 (о Галилее), по технике — 5 («Трактат о мостах, две книги», «Способ, как мерять всякие строения, две книги»).

Значительно больше было книг по географии. Здесь имелись описания путешествий («Новое описание италианских путешествий», «Путешествие к Москве»), описания отдельных стран («Нынешнее состояние Германской империи», «Описание о Греции», «Примечания о состоянии Соединенных провинций»), курс географии («География», «Введение в географию») и др. По биологическим наукам, как уже говорилось, имелись всего 2 книги («Натуралная история», «Трактат о цветах»).

Раздел архитектуры был в числе ведущих разделов библиотеки Еропкина. Это были книги, непосредственно относящиеся к его профессии, такие как «Архитектура гражданская», «Знатных римских церквей проспект», «Партеры садовые», «Регулы пяти ординов архитектуры», «Архитектура Андрея Палладия», «Архитектура гражданская, основанная на геометрии» и целый ряд других. В этом же разделе были книги по перспективе («Практика перспективы») и рисованию («Основательные правила к рисованию»). Помимо того, у Еропкина имелись различные печатные эстампы.

Что касается военной литературы, то она немногочисленна. Здесь имелись книги по фортификации («Военная фортификация») и такие, как «Комментарии браней в немецкой земли», «Вегеции о военном искусстве»,

«Книга — устав воинской». Состав этого раздела был, как мы видим, довольно случайный.

Художественной литературе Еропкин уделял больше внимания. В его библиотеке имелись произведения различных жанров: трагедии, комедии, поэмы, вирши. Однако из произведений известных авторов в описи значатся только «Золотой осел» Апулея и «Дант с новым полезным толкованием» (т. е. опять-таки античная и итальянская литература). Не ясно, что такое «Илиада забавная» — произведение Гомера или что-то другое.

Интересен состав книг религиозного содержания, которых было всего 6: «Требник старопечатный», «Новый завет», переведенный с греческого (2 книги), «Человечество сына божия», «Жизнь Марии девы», «Зерцало дела божия». Простое перечисление показывает, что владелец их интересовался совсем не вопросами религии, а историческими и философскими проблемами.

Все сказанное о библиотеке Еропкина подтверждает сложившееся о нем мнение как об одном из просвещеннейших людей своего времени, который интересовался не только архитектурой, но и различными гуманитарными проблемами, и в первую очередь историей. Несомненно, что изученная нами опись не в полной мере раскрывает круг духовных запросов Еропкина, в ней не значатся некоторые книги, безусловно имевшиеся у него: русские «Летописцы», произведения Н. Макиавелли, Юста Липсия (последние были, по-видимому, изъяты следственной комиссией как вещественное доказательство виновности Еропкина). Тем не менее общий культурный облик одного из крупных деятелей первой половины XVIII в. опись его книг характеризует довольно ярко.

К числу больших книголюбов относился и другой конфидент А. П. Волынского — **Андрей Федорович Хрущов** (1691—1740). Выходец из старинного дворянского рода, он учился в славяно-латинской школе, а затем был направлен для продолжения образования в Голландию, где должен был обучаться «экипажных и других адмиралтейских и машинных дел мастерству».[77] Из Голландии

[77] По данным А. С. Орлова, Хрущов обучался в Голландии с 1712 по 1720 г. (Орлов А. С. «Телемахида» В. К. Тредиаковского. — В кн.: XVIII век, сб. 1. Л., 1935, с. 15. В словаре Брокгауза и Ефрона указана другая дата отправки Хрущова в Голландию: 1714 г. (кн. 74, с. 751).

вернулся только через 7 лет и был назначен в Контору экипажных дел Адмиралтейства. В 1726 г. он — уже советник Адмиралтейства. Когда Татищев был направлен на уральские заводы, с ним вместе в 1735 г. был отправлен и советник Берг-коллегии Хрущов. По возвращении с Урала Хрущов жил в Петербурге и в это время, будучи родственником Волынского, сблизился с кружком его единомышленников, принимая горячее участие в составлении проекта Волынского по преобразованию России. Именно связь с антинемецкой партией Волынского и погубила Хрущова. В 1740 г. вместе с А. П. Волынским и другими его сторонниками Хрущов был арестован, подвергся суду и казнен.

Хрущов принадлежал к числу образованнейших людей своего времени. Хорошо зная французский язык, он перевел на русский язык «Телемака». В этом переводе, несмотря на критику его со стороны Тредиаковского, проявился, по мнению акад. А. С. Орлова, «высокий уровень литературного языка», стремление к стилю.[78]

Хрущов имел очень хорошую для своего времени библиотеку, которая после его ареста не была конфискована, как библиотека Волынского и Еропкина, а осталась у вдовы Хрущова А. А. Хрущовой. Последняя в феврале 1742 г. предложила продать библиотеку в Академию наук. В письме А. А. Хрущовой говорилось, что ей достались после мужа книги, «которые счислением близко пятисот на разных диалектах: на голландском и на немецком, а более на французском, которым при сем доношении приобщаю каталог с означенною ценою».[79] О покупке Академией библиотеки Хрущова усиленно хлопотал и Татищев, хорошо зная ее ценность: еще 5 августа 1741 г. он писал в Академию: «о книгах Хрусчова прошу определение поскоряе учинить, ибо у него разбирают их врознь».[80]

Книги были куплены Академией наук за 255 р. 60 к., и большая их часть попала в Библиотеку Академии, меньшая часть, в которой находились дублеты и некомплектные издания, была передана для продажи в книжную лавку, небольшое число книг (27) было отобрано для

---

[78] Орлов А. С. «Телемахида» В. К. Тредиаковского, с. 15—16.
[79] Материалы для истории имп. Академии наук, т. 5, с. 32—33.
[80] Там же, т. 4, с. 719—720.

Канцелярии Академии.[81] В Ленинградском отделении Архива Академии наук хранятся три описи книг Хрущова: наиболее полная из них та, которую вдова Хрущова предъявила Академии наук и в которой имеется оценка книг.[82] Две другие описи представляют собой перечни книг Хрущова, отобранных для Библиотеки Академии наук[83] и для книжной лавки Академии.[84]

Как показывают данные полной описи, сведения А. А. Хрущовой о числе книг в библиотеке ее мужа несколько приуменьшены: фактически Хрущов имел 599 иностранных книг, а не «близко 500», как писала его вдова. Неточны и ее данные о том, на каких языках были книги. Опись показывает, что почти все книги были на французском языке. Подобную неточность в характеристике языкового состава книг Хрущова допускают и некоторые библиографы. Так, например, Иконников пишет, что библиотека Хрущова состояла из книг на французском, немецком, итальянском и голландском языках.[85] Получается, что книг на других языках, кроме французского, было немало.

Следует сказать, что в числе книг Хрущова имелись и русские рукописные книги, которые были переданы не в Академию наук, а в Коллегию иностранных дел. По данным С. А. Белокурова, таких было всего 3: два «Летописца» и рукопись «О правлении гражданском».[86] Таким образом, общее число книг его библиотеки было не 599, а по крайней мере 602.

Состав литературы на иностранных языках (с точки зрения содержания книг) приводим ниже.

Из этих данных видно, что профиль библиотеки Хрущова был широкий. Но сразу бросается в глаза особенность этой библиотеки: 1) очень большой удельный вес периодики (свыше 1/3 книг всего собрания), 2) почти равные доли гуманитарной и естественнонаучной литературы, 3) четкая направленность естественнонаучной ли-

---

[81] ЛОААН, ф. 3, оп. 1, № 64, л. 15—17.

[82] Там же, л. 18—28.

[83] Там же, № 257, л. 27—30 об.

[84] Там же, л. 31—31 об.

[85] Иконников В. С. Опыт русской историографии, т. 1, кн. 2, с. 1082. Столь же неточны и данные «Записки об Артемии Волынском» (ЧОИДР, 1858, Смесь, кн. 2, с. 170).

[86] Белокуров С. А. О библиотеке московских государей..., с. 88—89.

Отрасли знания, вид литературы	Число книг	%
История	46	7.7
Философия, логика, психология	30	5.0
Политика	8	1.3
Прочие гуманитарные дисциплины (филология, риторика, юриспруденция, этнография, педагогика, экономика, нравоучительная литература)	21	3.5
Физика, математика, механика, астрономия	44	7.4
География, геодезия	40	6.7
Архитектура, перспектива	12	2.0
Военное дело	13	2.2
Морское дело, навигация, кораблестроение	23	3.8
Прочие науки	4	0.7
Периодика	209	34.9
Художественная литература	21	3.5
Религиозная литература	18	3.0
Неясно, по каким отраслям знания	110	18.3
Итого	599	100.0

тературы (интерес владельца библиотеки лишь к физико-математическим и географическим наукам), 4) малый процент книг художественной и религиозной литературы. Таким образом, уже беглое знакомство с составом библиотеки Хрущова показывает, что он собирал книги вполне определенной тематики.

Что же представляла собой периодика, которая составляла, как мы видели, свыше $^1/_3$ его книжного собрания? Оказывается, Хрущов имел всего три издания: «Journal des Savants», «Nouvelles de la République des Lettres» и «Histoire de l'Académie des Sciences». «Journal des Savants» («Журнал для ученых») регулярно выходил в Париже с 1665 г. и имел задачу отражать все новое, что появлялось в ученом мире; в нем давались перечни новых изданий, вышедших в Европе, некрологи знаменитых людей, сведения об открытиях в области науки и искусства. У Хрущова имелся полный комплект томов этого издания с его возникновения и целый ряд дублетных томов, всего 137 томов. Другим изданием, трактовавшим о новостях научной литературы, правда, только во Франции, был ежегодник «Histoire de l'Académie royale des Sciences» («История французской королевской Академии наук»), выходивший во Франции с 1699 г. У Хрущова был полный комплект этого издания с 1699 по 1716 г. и целый ряд дублетных томов (а всего 35 томов). Третье периодическое издание, имевшееся в библиотеке Хрущова (37 то-

мов), — «Nouvelles de la République des Lettres» («Новости художественной литературы»), выходило в Амстердаме с 1684 по 1718 г. и давало информацию о всех новинках литературы в европейских странах. Располагая комплектами трех перечисленных изданий, Хрущов был полностью в курсе дел научной и литературной жизни Европы.

Из гуманитарной литературы Хрущов больше всего интересовался историей и в несколько меньшей степени — философией и политикой. По другим гуманитарным дисциплинам у него имелись лишь единичные издания. Среди исторической литературы мы видим произведения древних авторов (Геродота, Ксенофонта, Плутарха), широко известные «Анналы» Барония, труды, посвященные истории отдельных стран (Римская республика, республика Генуя, Объединенные провинции Голландии), отдельным историческим событиям (Пелопоннесская война, Троянская война), истории церкви («Histoire de l'église grecque et armenienne»). Хрущов стремился приобретать фундаментальные многотомные издания (сочинений Барония имелось у него 9 томов, «Abrégé chronologique par Petau» — 5 томов, «Histoire de la république des Provinces-Unies» — 4 тома и т. д.). Отдельные книги он имел по генеалогии («Genealogischen Fragen») и геральдике. У него были, как мы уже знаем, и рукописные исторические книги. Интерес Хрущова к древним русским рукописным книгам подтверждает свидетельство В. Н. Татищева, который пишет, что об одном из событий, происшедших в русской истории, он узнал от А. Ф. Хрущова, имевшего выписки из древнего «Новгородского летописца», и что в других известных Татищеву древних рукописях об этом событии ничего не говорится.[87]

Вопросы философии несомненно привлекали внимание Хрущова. Философская литература (и литература по логике) составляла около 5% всех книг Хрущова. Здесь имелись и 8 томов «Adrégé de philosophie de Gassendi», известного философа-материалиста XVIII в., и труды по различным проблемам философии («Discours sur la liberté de penser», «Discours philosophique sur la création du monde»), и философия Платона («Oeuvres de Platon»), и «Утопия» Томаса Мора, и такие работы, как «Eléments

[87] Исторический очерк и обзор фондов, с. 183.

philosophiques du citoyen», «Introduction à la philosophie». Особый интерес проявлял Хрущов к философским произведениям Р. Декарта («Principes de la philosophie par René des Cartes» и др.). В его библиотеке имелось несколько томов и по логике.

Будучи одним из соавторов проекта Волынского о преобразованиях в России, Хрущов не мог не интересоваться политической литературой. Таких книг, правда, у него имелось немного, но содержание их не лишено интереса: «Considérations politiques sur les coups d'Etat» (о политических переворотах), «Histoire du vighisme et du thorisme» (о тори и вигах), «L'Art de régner» (искусство управлять) и др. Острых политических трактатов, например книг Н. Макиавелли, Ю. Липсия, мы не находим в составе библиотеки Хрущова, хотя известно, что эта литература с увлечением читалась в кружке Волынского. Возможно, что подобные произведения были изъяты во время суда над Хрущовым.

Среди прочей гуманитарной литературы в библиотеке Хрущова мы видим книги по филологии (двухтомный франко-фламандский словарь, словарь французских пословиц, «Hexaemeron rustique», «Poésies d'Anacréon et de Sapho», «Traité de la Satyre»), педагогике («De l'education des Filles» Фенелона), морали («Essai de théologie morale», «Eloge de la folie» Э. Роттердамского), этнографии («Cérémonies superstitieuses des Juifs»), юриспруденции («Право войны и мира» Г. Гроция, «О должности человека и гражданина» Пуффендорфа, «Публичное право»).

Выше уже говорилось о большом интересе, который проявлял Хрущов к физико-математическим наукам, что и неудивительно, поскольку за рубежом он получил инженерное образование и в практической деятельности ему приходилось заниматься вопросами техники. В библиотеке Хрущова физико-математическая литература была хорошо подобрана. Здесь имелись и работы общего характера по физике и математике (3-томник «Essai de mathématique et de physique», «Elemens de mathématique», «Elemens de mathématique et de physique», 2-томник «Entretien sur la mathematique», «Principes de la physique», «Reflexion sur l'utilité de mathématique»), и труды, посвященные конкретным проблемам этих наук («Traité de l'equilibre», «Traité de la barometre et thermometre», «Tra-

ité de la lumière et de refraction», «Traité d'optique sur la reflexion, refraction, inflexion et couleur», «Nouveaux elemens de sections coniques»). Имевшийся в библиотеке А. Ф. Хрущова капитальный труд Самюэля Маролуа «Opera mathematica» (включающий в себя сведения по геометрии, архитектуре, перспективе и фортификации) был оценен Академией наук (при покупке библиотеки Хрущова) в 5 руб. Из астрономической литературы у Хрущова была лишь весьма популярная в то время книга Фонтенеля «Entretiens sur la pluralité des mondes» («Разговоры о множестве миров»).

Почти столько же книг, как по физико-математическим наукам, Хрущов имел по географии. Здесь были в основном описания путешествий: в Константинополь, в Левант (2 тома), в Палестину, в Турцию (2 тома), Испанию, Персию, Россию (путешествия Олеария и Перри). Кроме того, имелся 2-томник «Etat présent de la Grande Bretagne», 3-томный «Atlas avec plusieurs cartes et descriptions», одна книга по геодезии («Traité de nivellement» Пикарда) и одна книга по картографии («Méthode de lever des plans et des cartes de terre»). По остальным естественнонаучным дисциплинам, например по биологии, химии, у Хрущова книг практически не было, кроме отдельных изданий по медицине.

Несколько лучше обстояло у него дело с архитектурой и перспективой, хотя и здесь книг было немного (12). В их числе имелось несколько книг общего характера («Architecture françoise par Popelinière», «Architecture françoise par Le Clerck», «Essai de perspective», «Traité de perspective»), 5-томный труд Витрувия, вышедший в 1661 г. в Амстердаме во французском переводе под названием «Les dix livres d'architecture de Vitruve ... avec des notes par Claude Perrault», описание ратуши в Амстердаме («Description de l'Hôtel de ville d'Amsterdam»). Как видно, Хрущов не проявлял большого интереса к архитектуре, и появление в его библиотеке небольшого числа изданий этой тематики, возможно, объясняется влиянием его единомышленника по кружку Волынского П. М. Еропкина.

Но и литература по военному делу в библиотеке Хрущова была не богаче. Это были почти исключительно труды по фортификации: «Architectura militaris», «L'Art de fortifier et défendre les places», «Nouvelle fortification»,

«Nouvelle manière de fortifier les places» Ф. Блонделя, «Véritable manière de bien fortifier par Vauban», «Les travaux de Mars» А. Малле (в трех томах). Вопросы фортификации рассматривались и в уже упомянутой нами книге С. Маролуа «Opera mathematica». Помимо трудов по фортификации, Хрущов имел только 2-томник «Mémoires d'Artillerie» (правда, в 2 экземплярах). Таким образом, Хрущов и к военному делу подходил как инженер. Его интересовала главным образом фортификация и отчасти артиллерийское дело.

Значительно больше было у Хрущова книг по навигации и кораблестроению, что и понятно, поскольку практическая его деятельность была связана с Адмиралтейством, например: «De nederlandische scheeps bowo», «L'art de naviguer de Montré», «L'art de naviguer perfectionné», «L'art des armes navales», «Architectura navalis». Помимо того, имелись некоторые регламенты, связанные с морским делом («Ordonnances de Louis XIV touchant la marine»), и словари морских терминов («Dictionnaire de marine contenant les termes de la navigation»).

Из художественной литературы, довольно немногочисленной, отметим «Дон Кихота», 4-томник произведений Мольера, «Приключения Телемаха», «Satyre de Pétrone», трагедию «Танкред» и некоторые другие. Что же касается книг религиозного содержания, то их также было немного. В числе их находились несколько библий и кое-какая богословская литература. Одна книга касалась магометанской религии.

Все сказанное о библиотеке Хрущова позволяет сделать вывод, что, несмотря на кажущуюся универсальность, это книжное собрание имело довольно четкий профиль. В основном Хрущов интересовался историей, философией (отчасти политикой), математикой, физикой, географией и морским делом. По другим научным дисциплинам книг у него было немного. Библиотека была его рабочим книжным собранием, которым он, по-видимому, постоянно пользовался. Будучи широко образованным человеком, он тщательно следил за новинками научной литературы и придавал большое значение научной периодике.

Книголюбами были и другие члены кружка Волынского — кабинет-секретарь Эйхлер, известный гидрограф Ф. И. Соймонов. По данным Д. А. Корсакова,

Эйхлер имел значительную библиотеку,[88] однако состав ее нам неизвестен. Очень мало данных и о книгах **Ф. И. Соймонова**, одного из образованнейших русских людей, издателя карт, автора «Экстракта штурманского искусства» (СПб., 1739), «Светильника морского» (СПб., 1738) и других книг, вице-президента Адмиралтейской коллегии и обер-прокурора Сената. Имеются сведения только о том, что три рукописи, принадлежавшие Соймонову, после ареста и ссылки его поступили в 1740 г. в Коллегию иностранных дел. Рукописи эти были: 1) «Летописец о многих мятежах и разорении русского государства», 2) «Описание рек и городов польских, русских и по Дунаю, и крымских пределов, и персицких, и бухарских, и моря Хвалынского...», 3) «Гранограф».[89] Таким образом, помимо гидрографии, Соймонов интересовался и историей России.

Известно также, что Волынский, Соймонов и Эйхлер приобретали книги из книжной лавки Академии наук и были читателями академической Библиотеки. В одном из писем Канцелярии Академии наук сообщалось, что за Волынским, Соймоновым и Эйхлером значился долг по книжной лавке на 83 р. 17 к.; кроме того, они брали книги из Библиотеки Академии наук, которые до сентября 1740 г. были не возвращены. Академия настаивала на возмещении стоимости книг за счет конфискованных «пожитков» опальных лиц, а также на возвращении книг, взятых из Библиотеки. Из переписки видно, что, в то время как книги других лиц, привлеченных по делу Волынского, были конфискованы, книги и имущество Эйхлера, как и книги А. Ф. Хрущова, конфискации не подлежали.[90] Будем надеяться, что следы библиотек Соймонова и Эйхлера будут со временем найдены.

6. БИБЛИОТЕКИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ИНТЕЛЛИГЕНТНЫХ ПРОФЕССИЙ

В связи с основанием Академии наук в России появились ученые-профессионалы, т. е. люди, для которых научно-исследовательская и педагогическая деятельность яв-

---

[88] Корсаков Д. А. Артемий Петрович Волынский. Биографический очерк. — «Древняя и новая Россия», 1877, т. 2, с. 288.

[89] Белокуров С. А. О библиотеке московских государей..., с. 88—89.

[90] Материалы для истории Академии наук, т. 4, с. 478.

лялась основным родом занятий. В этом отличие академиков и адъюнктов Академии наук от ученых типа Брюса и Татищева, совмещающих свою ученую деятельность с выполнением различных государственных обязанностей. На основании сохранившихся данных можно с полной уверенностью утверждать, что каждый академик и адъюнкт, активно используя специально учрежденную для Академии Библиотеку, имел, помимо того, и свою собственную, личную библиотеку. Но была ли какая-то специфика этих книжных собраний? Постараемся ответить на этот вопрос на основе сохранившихся скудных данных.

Одним из академиков — владельцев личных библиотек был ботаник **Иоганн Амман** (1707—1741), родом из Шафгаузена (Германия), получивший образование в Лейденском университете, в 1731 г. избранный членом Лондонского ученого общества, а в 1733 г. ставший академиком петербургской Академии наук. Будучи академиком, Амман написал ряд статей, опубликованных в «Комментариях Академии наук», основал Ботанический сад Академии, привел в порядок гербарий Академии наук и собрал свой собственный гербарий (4676 видов растений). Основной труд Аммана «Stirpium rariorum in imperio Ruthenico sponte provenientium icones et descriptiones» («Изображения и описания редких растений, произрастающих дико в России»), в котором дано описание 235 новых и малоизвестных растений, собранных Гмелиным и Д. Мессершмидтом, был опубликован в Петербурге в 1739 г.[91]

После смерти Аммана (декабрь 1741 г.) встал вопрос о его библиотеке. По поручению Академии наук она была просмотрена академиком И. Вейтбрехтом и из нее было отобрано 106 книг для Библиотеки Академии наук. Список отобранных книг опубликован в «Материалах для истории Академии наук».[92] Как видно из списка, это была в основном ботаническая литература, но наряду с ней имелись работы и по смежным научным дисциплинам: медицине, фармакологии (Амман был доктором медицины), генетике, анатомии, зоологии и др. Дубликат пе-

---

[91] Пекарский П. П. История имп. Академии наук в Петербурге, т. 1. СПб., 1870, с. 493—497; История Академии наук СССР, т. 1. М.—Л., 1958, с. 112.

[92] Материалы для истории имп. Академии наук, т. 5, с. 862—866. Вследствие ошибки в нумерации в списке значится 104 номера, фактически книг не 104, а 106.

речня книг Аммана, отобранных для Библиотеки, сохранился в Ленинградском отделении Архива Академии наук, однако этот экземпляр имеет свои, очень важные для нас особенности: нумерация отобранных книг дана в нем не от № 1 до № 106, а от № 1 до № 451 (т. е. с большими разрывами в нумерации).[93] Этот факт позволяет сделать вывод о том, что у Аммана было свыше 450 книг, из которых Академия взяла лишь сравнительно небольшую часть (примерно $^1/_5$). Таким образом, у нас нет данных для того, чтобы дать исчерпывающую оценку библиотеки Аммана. Однако и перечень отобранных книг позволяет сделать вывод, что перед нами библиотека ученого, круг интересов которого выходит за рамки его практической деятельности (ботаника). Об этом говорит наличие таких книг, как «Lexicon medicum», «Materia medica», «Pharmaceutica rationalis», «Descriptio bufonis», «Anatomia», «De generatione animalium», «Voyage de Levant» (2 тома), «Chymia». Книги по ботанике показывают широту интересов ученого, который занимался флорой самых различных стран мира. Среди ботанической литературы находились и сочинения знаменитого современника Аммана К. Линнея («Flora lapponica» и др.). Основная масса книг Аммана была на латинском языке, значительно меньшая — на немецком, отдельные издания имелись на других языках: английском, французском.

К числу владельцев крупных личных библиотек относился филолог и историк **Г.-З. Байер** (1694—1738). Уроженец Кенигсберга, знаток древних и восточных языков, Байер с 1726 г. стал академиком русской Академии наук по кафедре греческих и римских древностей. Помимо занятий в области филологии и востоковедения (особенный интерес он проявлял к Китаю), Байер работал и по русской истории, но, не желая изучать русский язык, использовал главным образом иностранные источники по истории России. За 10 лет работы в Академии им опубликовано большое число работ в «Комментариях Академии наук», а также ряд монографий, в том числе «Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова» (СПб., 1738).[94]

---

[93] ЛОААН, ф. 158, оп. 1, № 257, л. 3—3 об.

[94] Пекарский П. П. История имп. Академии наук..., т. 1, с. 180—196; История Академии наук СССР, т. 1, с. 118, 125—126.

Байер имел крупную библиотеку хорошо подобранных книг. Не поладив в конце своей жизни со всесильным в Академии наук Шумахером, он настоял в 1737 г. на своем увольнении из Академии наук и, рассчитывая вернуться на родину, выслал вперед в Кенигсберг свою библиотеку, состоявшую, как пишет Пекарский, «из превосходных и редких книг»,[95] однако он не успел уехать из Петербурга и в феврале 1738 г. умер.

Вдова Байера, нуждаясь в деньгах, предложила Академии купить у нее библиотеку мужа за 2000 руб.[96] Эта сумма показалась, по-видимому, Академии наук чрезмерной, потому что покупка не состоялась. Академик Миллер выражал большое сожаление по поводу отказа Академии наук от покупки библиотеки Байера, потому что в ней были книги, «многих из которых нет в академической библиотеке, а также многие рукописи, ценные для Академии. Очень жаль, что это не произошло и что такая избранная библиотека была продана по открытому объявлению».[97]

О ценности библиотеки Байера говорит и та крупная по тем временам сумма (2000 руб.), которую предполагала получить за нее вдова академика. К сожалению, каталог библиотеки Байера пока не обнаружен. Из опубликованного в «Материалах для истории Академии наук» перечня рукописных материалов Байера, возврата которых требовала Академия, видно, что у Байера было много рукописей и извлечений из рукописей по русской истории.[98] Из этого видно, что он пользовался все же русскими источниками, прибегая, по-видимому, для перевода с русского языка к помощи других людей (например, Миллера).

Сравнительно небольшое собрание рукописных материалов имел адъюнкт Академии наук историк **А.-Б. Крамер**, прибывший в Петербург из Германии в 1732 г. и через два года умерший.

Перечень оставшихся после него рукописей (45 номеров) сохранился в «Протоколах заседаний конференции

---

[95] Пекарский П. П. История имп. Академии наук..., т. 1, с. 192.

[96] Материалы для истории имп. Академии наук, т. 3, с. 726—727.

[97] Там же, т. 6, с. 47—48.

[98] Там же, т. 4, с. 137—141.

Академии наук».[99] Из перечня видно, что все это были материалы по русской истории и истории Прибалтики. Здесь были, например, выдержки из мирного договора между Швецией и Данией, извлечение из «Эсто-лифляндско-литовско-земгальской истории» до 1667 г. Г. Лоде, журнал осады Ревеля 1710 г., продолжение хроники Феодосия, список дворян Эстонии и Лифляндии, жизнеописание фельдмаршала Голицына, составленное Крамером, русская хроника с 1600 по 1655 г., выдержки из Степенной книги, шведская жалованная грамота 1624 г. и др. По существу это была не библиотека, а архив ученого, который собирал материалы для своей научной деятельности.

Свои книжные собрания имели академики: профессор элоквенции и придворный поэт **Г.-Ф. Юнкер** (1702—1746), анатом и зоолог **И.-Г. Дювернуа** (1691—1759), историк **П. Л. Леруа** (1699—1774), астроном **Делиль де ля Кройер** (ум. в 1741 г.), адъюнкт натуралист **Г.-В. Штеллер** (1709—1746). О библиотеках этих ученых сохранились лишь отрывочные сведения, связанные с приобретением книг для Библиотеки Академии наук. Так, имеются упоминания о покупке для Библиотеки Академии наук книг Юнкера,[100] Делиля де ла Кройера, Штеллера,[101] но списков купленных книг не сохранилось, и неизвестно, какую часть этих книжных собраний купила Библиотека. Мы знаем лишь, что Юнкеру в 1737 г. было уплачено за «разные книги и медали золотые и серебряные» 110 руб.[102] Из библиотеки Дювернуа были взяты в 1741 г. всего две книги: «Мангедовый анатомический театр» и «Биандова книга», но за них уплачено вследствие их редкости очень дорого (за первую книгу — 14 руб., за вторую — 3 руб.).[103]

К числу ученых-профессионалов можно отнести также **Д. Г. Мессершмидта**, хотя он и не работал в Академии наук. Известный исследователь Сибири Д. Г. Мессер-

---

[99] Протоколы заседаний конференций Академии наук с 1725 по 1803 год, т. 1. СПб., 1897, с. 158—160, 169.

[100] Материалы для истории имп. Академии наук, т. 3, с. 484; ЛОААН, ф. 3, оп. 1, № 841, л. 59.

[101] Материалы для истории имп. Академии наук, т. 8, с. 442—443; ЛОААН, ф. 3, оп. 1, № 842, л. 154, 166, 169.

[102] Материалы для истории имп. Академии наук, т. 3, с. 484.

[103] Там же, т. 4, с. 700—701.

шмидт (1685—1735) — выходец из Данцига, закончил медицинский факультет в Галле (где, кроме медицины, изучал также зоологию и ботанику). Мессершмидт занимался на родине медицинской практикой. В 1716 г. он был приглашен Петром I для исследования Сибири. По заданию Петра он совершил в 1720—1727 гг. экспедицию по Сибири, работая сначала без всяких помощников, а позднее с помощью шведского пленного Тобберта (Страленберга), изучал природу Сибири, местные народы, памятники письменности, древности, собрал большие естественноисторические и этнографические коллекции, картографические материалы. Отчет Мессершмидта об экспедиции не был опубликован, но широко использовался последующими исследователями.

Мессершмидт был ученым широкого профиля. Имея большие познания в области естественных наук, он интересовался и гуманитарными науками (археология, филология). Владея европейскими языками, он сумел во время путешествия по Сибири изучить монгольский и тангутский языки. После его смерти осталась библиотека, полный каталог которой нам неизвестен. Академией наук отобрано из нее 170 книг, которые и были приобретены для Библиотеки. Перечень этих книг сохранился в Архиве Академии наук и опубликован в «Материалах для истории Академии наук».[104]

Таким образом, при определении состава библиотеки Мессершмидта мы находимся в худшем положении, чем в отношении библиотеки Аммана. Там по крайней мере было известно, какую примерно часть собрания составляли отобранные книги, а здесь и это неизвестно. Тем не менее ознакомление со списком отобранных книг позволяет сделать кое-какие выводы. Перед нами — книжное собрание довольно широкого профиля, в основном литература по биологическим наукам. Книги по медицине составляли почти половину всей библиотеки, на втором месте шла литература по анатомии. Помимо того, имелись книги по ботанике, физиологии, химии, отдельные издания по математике, астрономии, географии, сельскому хозяйству. Следует отметить наличие у Мессершмидта книг гуманитарного содержания — по философии, логике,

---

[104] ЛОААН, ф. 158, оп. 1, № 257, л. 12—14; Материалы для истории имп. Академии наук, т. 4, с. 729—734.

юриспруденции, историческим наукам, а также книги по музыке.

Состав книжного собрания подтверждает отмеченную выше широту интересов Мессершмидта, но все же это была библиотека человека, больше всего интересующегося медициной. Основная часть книг Мессершмидта — на латинском языке, однако отдельные издания имелись и на других языках: французском, итальянском, голландском. Следует сказать, что значительная часть книг Мессершмидта (40 из 170) была внесена в каталог общим числом под рубрикой «Конверты различных медицинских, исторических и многих других диссертаций и трактатов, наряду с ними многих каталогов с указанием цен».

Интересное книжное собрание имел ученый-востоковед **Г.-Я. Кер**, прибывший в Россию в 1732 г. по приглашению А. И. Остермана и работавший переводчиком арабского, персидского и турецкого языков при Коллегии иностранных дел, возглавлявшейся Остерманом.[105] После смерти Кера (1740 г.) его книги были переданы в Коллегию иностранных дел. В реестре книг на разных языках, находившихся в Коллегии иностранных дел в 1784 г., против некоторых книг имеется помета, что они входили прежде в библиотеку Кера.[106] На основании этих данных можно заключить, что в собрании Кера была подобрана литература о народах и странах Ближнего Востока (турках, арабах, персах и др.). Здесь находились книги по истории, филологии (грамматики, словари), некоторым естественным наукам, теологии. Судя по ссылкам на порядковые номера, под которыми книги значились в собрании Кера, у него было свыше 100 печатных книг и целый ряд рукописей. Помимо того, Кер был владельцем коллекции монет и медалей стран Ближнего Востока.

Своеобразное книжное собрание имел магистр и переводчик **И.-В. Паузе**, или Паус (1670—1735).[107] Выходец

---

[105] Шувалов М. М. Очерк жизни и деятельности ориенталиста Кера. — В кн.: Сборник Московского главного архива Мин-ва иностранных дел, вып. 5. М., 1893, с. 91—110.

[106] Библиотека Московского архива Государственной коллегии иностранных дел в 1784 году. — Там же, вып. 7. М., 1900, с. CCCXV—CCCLXX.

[107] Сведения о И.-В. Паузе заимствованы из следующих работ: Винтер Э. И. В. Паус о своей деятельности в качестве филолога и историка (1732). — В кн.: XVIII век, сб. 4. М.—Л., 1959, с. 313—322; Исторический очерк и обзор фондов, с. 207—210.

из Германии, Паузе в 1701 г. прибыл в Россию, был здесь преподавателем гимназии Глюка в Москве, а после смерти Глюка — директором этого учебного заведения. Обладая весьма неуживчивым характером, Паузе должен был скоро уйти из гимназии, работал гувернером и секретарем в разных дворянских домах, а с 1724 г. переводчиком в Академии наук. Сохранился целый ряд переводов Паузе, сделанных в разное время, в том числе сочинения Я. А. Коменского «Orbis pictus» («Видимый мир в картинках»), известного труда X. Гюйгенса «Cosmotheoros...», в котором в популярной форме излагалось учение Коперника,[108] а также произведений других авторов (например, Корнелия Непота, Горация). Кроме того, Паузе много занимался русским языком и русской историей, изучая русские исторические памятники (летописи, Степенную книгу), произведения русского народного творчества. Им составлена русская грамматика, собрание русских пословиц и ряд других работ, из которых ему практически ничего не удалось опубликовать. Следует отметить также, что Паузе был и одним из основоположников антинаучной норманской теории начала русского государства.

После смерти Паузе его книги и рукописи поступили в Академию наук. В «Протоколах заседаний конференции Академии наук» приведена опись собрания Паузе.[109] Здесь были и сочинения самого Паузе, рукописи его переводов, собранные им материалы и книги. Всего в соответствии с описью у Паузе было 220 книг и рукописей, из которых значительную часть составляли всевозможные выписки, сделанные Паузе для своей научной работы. Основная тематика книг и материалов библиотеки Паузе — филология, история, педагогика (включая и учебную литературу), что полностью соответствовало кругу его интересов.

Среди филологической литературы мы видим ряд словарей, необходимых для его переводов (немецко-русский, немецко-латино-русский), руководства по изучению иностранных языков, собранные Паузе пословицы, поговорки,

---

[108] Книга Гюйгенса была впервые издана в России в 1717 г., но не в переводе Паузе (Винтер Э. И. В. Паус о своей деятельности..., с. 315).

[109] Протоколы заседаний конференций имп. Академии наук с 1725 по 1803 г., т. 1, с. 170—190.

загадки, грамматика Смотрицкого издания 1648 г., рукопись филологического словаря славянских языков, составленного Паузе, повесть о Бове Королевиче и ряд других. В числе материалов по истории имелись «Летописец никаноровский» XVII в. с прибавлением XVIII в., новоторговый устав 1667 г., немецкие генеалогические записи, «Введение» в геральдику, указы, письма и другие исторические документы, большое число различных выписок. Среди педагогической литературы, кроме упомянутого сочинения Коменского, произведение неизвестного автора «Школьные разговоры», материалы по немецкой школе в Москве, целый ряд учебных пособий по географии, физике, математике, истории.

В библиотеке Паузе имелись кое-какие работы негуманитарного характера (естественные науки, военное дело и т. п.), связанные с его переводческой деятельностью, а также немногочисленная художественная литература, в том числе стихотворные произведения самого Паузе, «собрание различных стихов и других сочинений, касающихся России», и др. Довольно много было книг и рукописей религиозного характера. Здесь находилась и лютеранская литература, и литература, имеющая прямое отношение к православной церкви, даже богослужебные книги, например Требник 1704 г. Последние несомненно были связаны с работой Паузе по изучению церковно-славянского языка. Следует отметить и ряд произведений Феофана Прокоповича. В целом можно сказать, что библиотека Паузе была собранием книг, рукописей и различных других материалов, необходимых ему для повседневной работы. По существу это была не библиотека, а архив ученого, в котором имелись также нужные ему книги.

Собрание китайских книг имел другой переводчик Академии наук — первый русский китаевед **И. К. Россохин**. Россохин был в 1727 г. послан в Китай для обучения китайскому и маньчжурскому языку и в 1734 г. в Пекине определен к переводу государственной переписки между Россией и Китаем.[110] В марте 1741 г. он был прислан из Коллегии иностранных дел в Академию наук и здесь был назначен переводчиком и преподавате-

---

[110] Материалы для истории имп. Академии наук, т. 7, с. 496—497.

лем китайского языка.[111] В том же марте 1741 г. Академия постановила купить у Россохина «разные китайские книги», заплатив за них солидную сумму — 242 р. 30 к.[112]

В Архиве Академии наук сохранился перечень книг, купленных Академией у Россохина для своей Библиотеки.[113] Перечень этот интересен тем, что он дает названия купленных книг в трех вариантах: на китайском языке (китайские иероглифы), в русской транскрипции китайских слов и в русском переводе. Всего, как выяснилось, у Россохина было 86 книг (52 названия) разнообразной тематики:

Отрасли знания, вид литературы	Число книг	%
История	12	14.0
Филология	12	14.0
Юриспруденция	16	18.6
Мораль	4	4.6
Естественные науки	12	14.0
Военное дело	10	11.6
Издания информационного характера	5	5.8
Художественная литература	9	10.5
Религиозная литература	1	1.1
Вид литературы не установлен . . .	5	5.8
Итого	86	100.0

Таким образом, в целом библиотека Россохина носила гуманитарный характер (около 70% всех книг), литература по естественным наукам составляла лишь 14% книжного фонда собрания, религиозная книга была всего одна: Евангелие праздничное, изданное иезуитской миссией в Китае, с кратким толкованием. Из исторических книг в библиотеке были такие, как «История о Западном ханском царстве», «Краткая хронология» (2 книги), «Промысел, коим образом его императорское величество сам изволил западные и северные стороны в покой и доброе состояние привести» (5 книг) и др. Из филологической литературы — лексиконы, грамматики, «Правила, как переводить китайские высокие речи», «Разговоры маньчжурского языка с пословицами» и др.

[111] Там же, т. 4, с. 643—644. По данным самого Россохина, относящимся к середине 1740-х годов, он перевел для Академии наук 17 китайских книг (там же, т. 7, с. 496—497).

[112] Там же, т. 4, с. 620.

[113] ЛОААН, ф. 3, оп. 1, № 59, л. 201—208 об.

Довольно много было, как видно из приведенных данных, юридических книг. Это были издания по китайскому праву с толкованием, например: «Кун фудзынского закону сыту книга с кратким толком». Из литературы нравоучительного характера укажем на «Триславную нравоучительную книжку», «Пословицы славных мудрецов китайских», «Полезнейшие поучения минского царя Хун уя»,

Из естественных наук лучше была представлена география («География полная всего Китайского государства, 4 книги» и др.), по медицине имелся лишь рукописный «Лечебник» в двух книгах, по биологии — всего одна книга («Рассуждение о натуре трав»), по математике — тоже одна («Арифметика»). В качестве примеров военной литературы назовем такие книги, как «Рассуждение о артикулах военных древних славных воинов Сунь дзыя, удзыня», «Указы к восьми дивизиям». Среди информационных изданий имелись «Табели статских чинов, где кто служит...» (разные варианты). Из художественной литературы — вирши, «истории» и т. д.

Следует сказать, что часть книг Россохина была на маньчжурском языке, некоторые имели русские переводы (видимо, Россохина), часть — на китайском, часть — на обоих этих языках. Из общего количества 86 книг 3 были рукописные (в том числе и указанный выше «Лечебник»). В целом следует сказать, что Россохин за время пребывания в Китае сумел подобрать довольно значительную библиотеку, которая, будучи передана в Библиотеку Академии наук, давала возможность русскому читателю получить неплохое представление о Китае. Интересна оценка китайских книг в рассматриваемую эпоху: 86 книг стоили 242 руб. Следовательно, каждая книга оценивалась в среднем примерно в 3 руб.

Большую личную библиотеку имел сотрудник Академии наук, позднее юрисконсульт **Готфрид Пашке**, который в 1726 г. прибыл в Петербург из Кенигсберга вместе с академиком Байером. В Петербурге Пашке был зачислен студентом и одновременно выполнял работу в библиотеке Академии наук. По словам Миллера, Пашке был «ученый историк» и жалованье, которое ему платили в Академии наук (200 руб. в год), его не удовлетворяло. Поэтому через два года, в 1728 г., он уехал из России, намереваясь заниматься изучением права в Галле. Впоследствии он вернулся в Петербург, работал юрисконсультом

в Юстиц-коллегии, но, по-видимому, ничем особенным себя не проявил. Умер около 1740 г.

Пашке имел собственную «отборную», по свидетельству Миллера, библиотеку, которая в 1741 г. была приобретена Академией наук для своей Библиотеки у наследника Пашке за 523 р. 63 к.[114] Каталог книжного собрания Пашке сохранился в Ленинградском отделении Архива Академии наук.[115] Всего в библиотеке было 537 книг (503 названия). Это была литература в основном по гуманитарным наукам: история, филология, юриспруденция. Но имелись книги и по естественным наукам — географии, анатомии, зоологии, медицине, а также художественная литература и книги религиозного содержания.

Особенностью библиотеки Пашке было то, что она состояла из книг старинных авторов. Литературы XVIII в. здесь почти не было. Бо́льшая часть изданий относилась к XVII в., меньшая — к XVI в. (но и их было свыше 1/5 общего числа книг). Кроме того, имелось несколько инкунабул. В отношении языка книг тоже были особенности: основная масса книг была написана на латинском языке, значительно меньше было французских изданий, еще меньше немецких. Все эти данные заставляют предположить, что библиотека, являвшаяся одним из крупных собраний того времени, была составлена не самим Пашке, умершим в сравнительно молодом возрасте в (1726—1728 гг. он был еще студентом) и не имевшим, по-видимому, больших средств (если он согласился ехать в Петербург на маленькое жалованье), а кем-то до него. В какой мере отразились на составе библиотеки личные склонности самого Пашке, проследить довольно трудно, поскольку мы о нем очень мало знаем. Известно только, что во время его работы в Академии наук он был одним из наиболее активных ее читателей.[116]

Библиотеки были и у представителей низших кругов интеллигенции России, но число книг в них было весьма различно. Например, у лекаря **Магнитского** была довольно

---

[114] Луппов С. П. Библиотека Академии наук в 1725—1747 гг. — В кн.: История Библиотеки Академии наук СССР. 1714—1964. М.—Л., 1964, с. 53, 90; Материалы для истории имп. Академии наук, т. 6, с. 94.

[115] ЛОААН, ф. 158, оп. 1, № 257, л. 15—23.

[116] Луппов С. П. Библиотека Академии наук в 1725—1747 гг., с. 85.

значительная библиотека, состоявшая из десятков медицинских книг на латинском языке. В своем письме Шумахеру от 24 мая 1738 г. Татищев писал: «По смерти лекаря Магнитского осталось книг латинских немало, между которыми много писанных и, чаю, более тридцати; некоторые с печатных переписываны, другие или сочинения, или, по малой мере, лекции Быдловы, которых я выбрал три и вскоре в академию пришлю».[117] В июле 1738 г. в Академию наук действительно поступили от Татищева три рукописи медицинского содержания; автором двух из них был Н. Бидлоо: «Thesaurus medico-practicus» («Сокровище практической медицины», 1731).[118]

А вот противоположный случай. В описи имущества лекаря Ивангородского полка **Михаила Жирового** (1731 г.) значатся всего три книги: Святцы, Минея общая, «Приклады, како пишутся комплементы разные».[119] Этот лекарь не имел ни одной медицинской книги.

7. БИБЛИОТЕКИ ЧИНОВНИКОВ

Несомненно, многие чиновники исследуемого периода имели свои личные книжные собрания, но описи этих библиотек, как правило, до нас не дошли, а сохранились лишь отрывочные сведения. В главе четвертой уже говорилось о книголюбах из петербургских чиновников, покупавших в 1739—1741 гг. книги в книжной лавке в значительном числе, и назывались имена этих книголюбов: актуариус Иностранной коллегии **Иван Постников**, копиист Сената **Андрей Щеглов**, подканцелярист Сената **Михаил Лебедев**, сенатский секретарь **Яков Леванидов**, канцелярист **Алексей Пугвошников**, подканцелярист Сената **Антипа Нагибин**, дворцовый стряпчий **Володимир Дружинин**. Есть основания предполагать, что все эти лица имели личные книжные собрания, в которых было немало книг светского содержания.

А вот несколько примеров книжных собраний чиновников Синодального ведомства. После смерти секретаря Синода **Алексея Волкова** (1734 г.) осталось 8 книг, в том числе: «Феатрон, или позор исторический», «Симфония»

---

117 Материалы для истории имп. Академии наук, т. 3, с. 714.
118 Протоколы заседаний конференций имп. Академии наук т. 1, с. 495.
119 ЦГАДА, ф. 340, оп. 1, № 1200, л. 7—9.

(указатель) к Евангелию и Деяниям апостолов, Молитвослов (киевской печати), 3 календаря (2 на 1735 г. и 1 на 1734 г.), Панегирик императрице Анне Иоанновне, Канон Богородице.[120] Как видно, состав собрания довольно пестрый, не указывающий на наличие у владельца интереса к сколько-нибудь серьезному чтению.

В делах Синода сохранились относящиеся к 1737 г. описи книг еще двух чиновников: помощника камор-цалмейстера **Михаила Бедрина** и канцеляриста **Филиппа Сибилева**. Первый имел всего 5 книг религиозного содержания, второй — значительно больше, 11 книг, тоже религиозного содержания, среди них — одна богословская («Камень веры» С. Яворского), остальные богослужебные.[121] Канцелярист Елецкой провинциальной конторы **С. М. Насонов**, как видно из описи его имущества, относящейся к 1733 г., вообще не имел книг.[122]

Здесь попутно приведем пример, характеризующий наличие книг у представителей низших слоев офицерства. В 1737 г. из денежной казны Преображенского полка была похищена крупная сумма денег. Эти деньги велено было «сыскать» с полкового секретаря Ивана Булгакова и «комиссаров у прихода-расхода денежной казны» поручика Андрея Пущина, полкового обозного Ножнева, подпоручика Кирилла Бехтеева, прапорщика Якова Обрютина. В связи с этим составлены описи их имущества. Как выяснилось, книги имелись только у секретаря Ивана Булгакова; несмотря на то что перечисленные офицеры были довольно состоятельными людьми (Обрютин, например, имел дворы и в Петербурге, и в Москве). У секретаря **Ивана Булгакова** в описи значилось: книг печатных больших и малых — 22, письменных уставов (скоропись) — 6, французская грамматика — 1, рисовальная азбука — 1, нотных книг — 8.[123]

Из приведенных данных, конечно, не следует, что военные, как правило, не интересовались книгой. Сведения, приводившиеся в главе четвертой, говорят о другом, однако несомненно, что и среди столичного офицерства были люди, совсем не имевшие книг.

---

120 Описание архива Синода, т. 14. СПб., 1910, стб. 581—583; прил. XXIX, стб. 909—910.

121 Там же, т. 18, стб. 134; прил. V, стб. 973—976

122 ЦГАДА, ф. 340, оп. 1, № 1728, л. 47—48.

123 Там же, № 1207, л. 1—19.

8. БИБЛИОТЕКИ КУПЦОВ

В фондах Центрального государственного архива древних актов сохранились описи имущества 13 винных откупщиков.[124] Для нас эти описи, относящиеся к 1738 г., ценны в том отношении, что среди прочего имущества перечисляются и книги и, таким образом, мы можем иметь представление также и о книжных собраниях купцов.

На эти описи впервые обратила внимание Н. А. Бакланова, которая в своей статье о составе библиотек московских купцов указывает, что все купцы, описи имущества которых приводятся в данном архивном деле, относились к верхушке московского купечества (владельцы мануфактур, купцы первой гильдии), представителям не старых, а новых купеческих фамилий.[125] Бакланова дает и характеристику библиотек этих купцов, в которой, однако, имеется ряд неточностей. Например, она сообщает, что у откупщика И. Рыбинского было 70 книг, тогда как в описи значатся лишь 58.

Из 13 купцов, сведения об имуществе которых приводятся в архивном деле, четверо совсем не имели книг: Иван Веселовский, Андрей Турчанинов, Андрей Бабушкин, Петр Гусятников. Девять остальных «винных компанейщиков» имели по разному числу печатных и рукописных книг (от 11 до 58), сведения о которых представлены в табл. 14. Имеющиеся в архивном деле данные как о стоимости всего личного имущества купцов, так и о стоимости их книг[126] позволили создать в таблице особую графу: процент стоимости книг от стоимости всего имущества.

Из таблицы видно, что в библиотеках купцов преобладала религиозная литература. Только в трех библиотеках (из 9) число светских книг составляло около половины всего собрания, в остальных светских книг было гораздо меньше, чем религиозных, или совсем не было. Как правило, книги были на русском языке (иностранные книги имелись лишь в трех собраниях). Рукописных книг (за

---

[124] Там же, ф. 248, кн. 833, л. 695—813 об.

[125] Бакланова Н. А. О составе библиотек московских купцов во второй четверти XVIII века. — ТОДРЛ, 1958, т. 14, с. 644—649.

[126] ЦГАДА, ф. 248, кн. 833, л. 816—821 об.

Таблица 14

Библиотеки московских купцов (1738 г.)

	Число книг	Из них			% стоимости книг от стоимости имущества
		светских	иностранных	рукописей	
Иван Рыбинский	58	30[127]	11	2	5.4
Григорий Трофимов	44	20	—	6	6.2
Емельян Москвин	44	4	—	—	4.7
Артемий Иконников	30	—	—	—	6.6
Андрей Семенов	22	3	—	1	0.3
Михайло Савин	22	2	1	1	2.6
Максим Демидов	14	—	—	—	2.9
Иван Короткий	11	4	2	7	1.4
Иван Веселовский	11	6	—	2	1.6

исключением библиотеки Ивана Короткого) было очень мало или совсем не было.

Книги религиозного содержания не представляют интереса. Это, как правило, богослужебная литература, патерики, кое-какая богословская литература («Православное исповедание веры», «Камень веры»), жития святых. Светские книги довольно разнообразны по своему содержанию: история («Синопсис», «Анналы Барония», «История иерусалимская»), филология (лексиконы, грамматики), нравоучительная литература («Юности честное зерцало»), география (пособия по географии, атласы), законодательная литература (регламенты, указы), художественная («Притчи» Эзопа, «История о Варлааме и Иоасафе») и др.

Более интересными из всех библиотек являются книжные собрания Ивана Рыбинского, Григория Трофимова, Ивана Короткого и Ивана Веселовского. В библиотеке **Ивана Рыбинского** светская литература составляла более половины всех книг. В числе светских книг были такие солидные издания, как «О должности человека и гражданина» С. Пуффендорфа, «Феатрон, или позор исторический» В. Стратеммана, «География генеральная» Б. Ва-

[127] К числу светских книг И. Рыбинского мы условно отнесли 11 иностранных книг его библиотеки, названия которых в описи не приводятся.

рения. Из других книг назовем «Уложение» Алексея Михайловича, Духовный регламент, «Юности честное зерцало», «История иерусалимская». Наличие в библиотеке И. Рыбинского перевода В. К. Тредиаковского «Езда на остров любви» (СПб., 1730) показывает, что он интересовался и новыми светскими изданиями. Рыбинский, по-видимому, владел иностранными языками. В его собрании находилось 11 книг на немецком и французском языках, названия которых, к сожалению, в описи не приводятся. Интересно, что в числе религиозной литературы Рыбинский имел «Перло многоценное» Кирилла Транквиллиона Ставровецкого, произведения которого преследовались православной церковью вследствие его присоединения к унии. Возможно, что «Перло многоценное» привлекло внимание Рыбинского как произведение, близкое к художественной литературе (поскольку основная часть его написана стихами). Следует сказать, что «Перло многоценное» имелось и в библиотеке другого откупщика, Андрея Семенова, владельца сравнительно небольшого числа книг в основном религиозного содержания.

Не менее интересной, чем библиотека Рыбинского, хотя и несколько уступающая ей по числу книг, была библиотека **Григория Трофимова.** Здесь светская литература составляла около половины книг, но тематика их была еще более разнообразной. Приведем названия некоторых: «Анналы» Барония, «Феатрон, или позор исторический», «Синопсис», «Ифика-иерополитика», «Эзоповы притчи», «Зрелище жития человеческого» (сборник басен петровского времени, очень редкое в наше время издание), «География краткая», Устав воинский, книга Вергилия (видимо, Вергилия Полидора Урбинского), «Юности честное зерцало» и др. Иностранной литературы у Трофимова не было, но он явно интересовался изучением иностранных языков. На это указывает наличие в его библиотеке трехъязычного букваря Поликарпова и греко-славянской грамматики. В числе рукописных книг имелись «Книга письменная судопрения», «Вертоград», «Вопросы и ответы нравоучительные».

Две остальные библиотеки из числа тех, которые мы назвали интересными по своему составу, были гораздо меньше по количеству книг. И в библиотеке Ивана Короткого, и в библиотеке Ивана Веселовского находилось лишь по 11 книг. Однако книжное собрание **Ивана Ко-**

роткого интересно тем, что рукописная его часть составляла более половины его книг и что в составе небольшой библиотечки находились две иностранные книги: «Вокабола немецкая» и «Книга немецкая» (название не приводится). Очевидно, Короткий в какой-то мере владел немецким языком. В числе светской литературы интересны также «Летописец» Дмитрия Ростовского и «Книга историческая Ягана Альбрехта индейских народов». В библиотеке **Ивана Веселовского** светская литература составляла свыше половины общего числа книг. Среди них находилось три издания, связанных со смертью Петра Великого. Интересна тематика рукописных книг: «Лечебник» и «Тетрадь письменная в четверть листа о приступлении к Цареграду».

Любопытные данные представлены в последней графе таблицы. Процент стоимости книг к стоимости имущества купца колебался от 0.3 до 6.6%. У обоих владельцев крупных библиотек, И. Рыбинского и Г. Трофимова, процент стоимости книг был высокий, однако самый высокий процент был у владельца маловыразительной библиотеки, состоящей исключительно из религиозных книг, — Артемия Иконникова (6.6%). К числу самых богатых купцов относились Е. Москвин, И. Рыбинский и А. Семенов (стоимость имущества свыше 1000 руб.), но из них только первые два имели крупные библиотеки. Наоборот, в числе купцов, совсем не имевших книг, наряду с владельцами имущества стоимостью до 100 руб. были и два гораздо более обеспеченных купца: Андрей Бабушкин (стоимость имущества 796 р. 47 к.) и Петр Гусятников (стоимость имущества 334 р. 84 к.).

Н. А. Бакланова в своей статье приводит сведения еще об одной купеческой библиотеке — владельца бумажной мануфактуры **Василия Солонникова.** В библиотеке имелось 30 книг на русском языке, причем 11 из них были светского содержания: 2 книги Вергилия, «История иудейской войны», «География краткая», «Устав морской», «5 книжек указных».[128]

Следовательно, некоторые из представителей купече-

---

[128] Бакланова Н. А. О составе библиотек московских купцов..., с. 646, 648. В архивном деле, из которого Бакланова приводит сведения о библиотеках московских купцов, этих данных нет. Очевидно, они взяты из другого архивного дела.

ства владели хотя и небольшими, но интересными по составу библиотеками и принадлежали к числу образованных людей. Однако их было, по-видимому, немного. Как мы уже видели, даже в числе верхушки московского купечества находились лица, совсем не имевшие книг. В провинции таких купцов было несомненно гораздо больше. Из архивных дел мы узнаем, например, что книг не было у откупщика Вяземского кружечного двора Ивана Гайдукова и поручителей за него Семена Крашенинникова и Федора Балакина, а у компанейщиков Гайдукова, Карасевых Семена и Федора имелись лишь две псалтыри (1738 г.).[129] Совсем не было книг у откупщика по питейному сбору оброчного крестьянина из села Танинского Титова (1730 г.),[130] а также у купца Никиты Аникиева (1737 г.).[131]

9. БИБЛИОТЕКА ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА

К числу самых крупных библиотек рассматриваемого периода принадлежала библиотека известного сподвижника Петра вице-президента Синода Феофана Прокоповича. Феофан Прокопович родился в Киеве в 1681 г.[132] и воспитывался в доме своего дяди, ректора Киевской духовной академии. Окончив в 1698 г. эту академию, Феофан Прокопович отправился для продолжения своего образования за границу, сначала в Польшу, где он учился во Львове, а затем в Италию. Здесь в течение трех лет он изучал в Риме, в коллегии св. Афанасия, философию, поэзию, историю Древнего Рима, красноречие, богословие. Начальник коллегии, обнаружив у Ф. Прокоповича большие способности и жажду знаний, дал ему возмож-

---

[129] ЦГАДА, ф. 340, оп. 1, № 1023, л. 1—4 об.

[130] Там же, оп. 1/4, № 12755, л. 1—4.

[131] Описание документов и дел архива Синода, т. 18. СПб., 1915, стб. 134; прил. V, стб. 973.

[132] Биографические сведения о Ф. Прокоповиче почерпнуты нами из следующих работ: Чистович И. А. Феофан Прокопович и его время. — В кн.: Сб. статей, читанных в отделении русского яз. и словесности имп. Академии наук, т. 4. СПб., 1868, 752 с.; Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862, с. 478—514; Бетяев Я. Д. Общественно-политическая и философская мысль в России в первой половине XVIII века. Саранск, 1959, с. 120—127; Винтер Э. Феофан Прокопович и начало русского просвещения. — В кн.: XVIII век, сб. 7. М.—Л., 1966, с. 43—46.

ность пользоваться Ватиканской и городской библиотеками. Феофан усиленно изучал произведения классиков литературы, истории философии, ораторского искусства, знакомясь в подлинниках с произведениями Аристотеля, Эпикура, Демосфена, Плутарха, Цицерона, Вергилия, Овидия, Горация, Ливия, Светония, Саллюстия, Флавия и др.

Закончив в 1702 г. римскую коллегию, Феофан вернулся в Россию через Швейцарию, где познакомился с рядом ученых. В России он был назначен преподавателем (с 1705 г.) Киевской академии. В это же время постригся в монахи. Разнообразие полученных им знаний давало возможность Феофану Прокоповичу преподавать в академии самые различные курсы: поэтику, риторику, философию, а сверх того физику, арифметику, геометрию, которые до того не читались в академии.

Широко образованный человек, обладавший живым, ясным умом, блестящими способностями оратора и талантом организатора, а также прекрасными внешними данными, Феофан начал быстро выдвигаться. Этому в немалой степени содействовало и благоволение к нему Петра, перед которым он дважды (в 1706 и 1709 г.) во время пребывания Петра в Киеве выступал со словами приветствия.

В 1707 г. Ф. Прокопович уже префект Киевской академии, в 1711 г. сопровождает Петра в Прутском походе и по возвращении назначается игуменом Киево-Братского монастыря и ректором академии. В 1716 г. по вызову Петра прибывает в Петербург, где с 1718 г. назначается епископом псковским. С этого времени он становится одним из ближайших сподвижников Петра, участником многих из его начинаний. По поручению Петра Ф. Прокопович пишет предисловия к переводным книгам, учебникам, сам составляет учебники, богословско-политические трактаты, произносит речи в защиту реформ Петра, является участником подготовки важнейших законодательных мероприятий, неутомимым борцом против приверженцев старины.

Не выдвигая Ф. Прокоповича на самое первое место в духовной иерархии (он был лишь вторым вице-президентом Синода), Петр неизменно прибегал к помощи Феофана там, где требовался живой ум, ораторский талант, способности публициста. Здесь соперников у него не было. Реакционно настроенное духовенство (Стефан Яворский,

Гедеон Вишневский и др.) пыталось ослабить значение Феофана, устранить его с политической арены, но это не имело успеха. Петр до конца дней своих благоволил к нему, постоянно прибегал к его помощи.

После смерти Петра Феофан Прокопович сыграл большую роль при воцарении Екатерины I. Но в дальнейшем его положение стало гораздо труднее. По-видимому, горячая приверженность Феофана Прокоповича к новым порядкам создала ему немало врагов. В числе его недоброжелателей оказался даже всесильный Меншиков, а также целый ряд представителей верхних кругов духовенства: Феодосий Яновский, Феофилакт Лопатинский, Георгий Дашков. Феофана обвиняли в приверженстве к протестантству, на него поступали доносы. В жестокой борьбе со своими противниками Феофан Прокопович и сам проявлял не лучшие черты своего характера, участвуя в интригах, не брезгуя даже доносами в Тайную канцелярию, используя в своей борьбе поддержку Бирона и немецкой партии. Вследствие интриг Прокоповича произошла расправа над идейным противником Феофана, одним из просвещеннейших людей того времени, Феофилактом Лопатинским. Феофану удалось уцелеть и сохранить свое положение. Умер он в 1736 г., оставаясь главой тогдашней русской церкви (первым вице-президентом Синода) и новгородским архиепископом.

Феофан Прокопович относился несомненно к числу самых образованных и просвещенных людей своего времени. Характерен отзыв о нем датского путешественника фон Гавена: «...по знаниям у него мало или почти нет никого равных, особенно между русскими духовными. Кроме истории, богословия и философии, у него глубокие сведения в математике и неописанная охота к этой науке. Он знает разные европейские языки, из которых на двух говорит, хотя в России не хочет никакого употреблять, кроме русского, и только в крайних случаях объясняется на латинском, в котором не уступит любому академику». Следует отметить знание Феофаном также греческого и еврейского языков.[133]

Не менее восторженно отзывался о Феофане Прокоповиче и В. Н. Татищев: «Наш архиепископ Прокопович

---

[133] Чистович И. А. Феофан Прокопович и его время, с. 627—628.

как был в науке философии новой и богословии только учен, что в Руси прежде равного ему не было, в испытании древностей великое тсчание, по природе острым суждением и удивительно твердою памятью был одарен».[134] В. Н. Татищев, А. Д. Кантемир и другие просвещенные русские люди относились к числу друзей Прокоповича, он состоял также в переписке с крупными учеными Германии и Англии. Его произведения уже при жизни переводились на иностранные языки.

После Феофана Прокоповича осталось большое литературное наследство. Здесь были многочисленные «слова» и проповеди, трактаты, стихи на русском, польском и латинском языках, такие известные произведения, как «Правда воли монаршей». Он был автором Духовного регламента, истории Петра Великого, трагикомедии «Владимир», ряда оригинальных учебных пособий (по поэтике,[135] риторике), известного букваря «Первое учение отроком». До конца дней своих Прокопович остался горячим приверженцем Петровских реформ и благоговел перед памятью Петра. В этом отношении характерно его «Слово на погребение Петра I». Главная заслуга Петра, по мнению Прокоповича, заключалась в том, что он был проводником нового вопреки сопротивлению консервативных кругов общества.

Обладая большими познаниями в разных науках, Прокопович придерживался передовых научных взглядов. Еще из поездки в Италию он вынес отрицательное отношение к схоластике и не сочувствовал деятельности иезуитов. Характерно его увлечение точными науками (математика, физика). И здесь он был сторонником передовых научных теорий. В своих лекциях он с большим уважением говорил о Копернике и Галилее, совсем не считая, что учение Коперника противоречит Священному писанию, а модную в то время философию Вольфа Прокопович рассматривал лишь как науку для начинающих, а не для ученых.

Горячий сторонник просвещения в России, Феофан основал в Петербурге свою собственную школу, которая

---

[134] Татищев В. Н. История Российская, т. 1. М.—Л., 1962, с. 315.

[135] О курсе поэтики Прокоповича см.: Лужный Р. «Поэтика» Феофана Прокоповича в Киево-Могилянской академии (первая половина XVIII века). — В кн.: XVIII век, сб. 7, с. 47—53.

справедливо считалась лучшей школой того времени. Для этого учебного заведения характерна и широта программы, включавшей большой комплекс светских знаний, и подбор учащихся, в числе которых имелись и дети простых людей. В школе изучались такие дисциплины, как история, география, русский язык, арифметика, геометрия, логика, метафизика, диалектика, риторика, физика, политика, богословие, рисование, латинский и греческий языки, а для желающих и музыка.

Феофан Прокопович имел личную библиотеку, которую он любовно собирал всю жизнь. В письме к своему другу Я. Марковичу Феофан писал в мае 1720 г.: «Библиотека у меня, сверх ожидания, собралась очень большая. Кроме нескольких прежде купленных здесь книг, прошлым летом я за 200 рублей приобрел 100 самых настольных сочинений, большею частью в Нарве, частью же в Ревеле; набралось у меня почти 300 книг. После того я услыхал, что в Псковском арсенале хранятся книги, забранные в Дерпте, и тотчас же просил императора, чтобы он приказал передать их мне. Государь приказал. Переданы были и перевезены ко мне сюда 2500 книг. Только доселе не присланы еще из Голландии творения св. отец, для покупки которых, когда еще ты гостил у нас, мы дали купцу 500 рублей. Когда прибудут отеческие творения, составится библиотека почти из 3000 книг, и хорошо, если бы ты не поставил себе в труд посмотреть ее и пользоваться ею».[136]

Из этого письма видно, что Прокопович не только покупал для своей библиотеки книги в России и за рубежом, но стремился пополнить свое книжное собрание за счет трофейного имущества, захваченного русскими войсками. Русские издания Московской типографии он получал бесплатно (известно, что в 30-х годах XVIII в. он состоял в списке духовных лиц, получавших все новые издания этой типографии).[137] Прокопович охотно пользовался книгами из других библиотек,[138] например знамени-

[136] Письма Феофана Прокоповича. — «Труды Киевской духовной академии», 1865, февраль, с. 293. Эта цитата приведена у И. А. Чистовича с большими искажениями (в кн.: Чистович И. А. Феофан Прокопович и его время, с. 49).

[137] ПСПиР, т. 9, с. 48—51.

[138] Петров Н. Интимная переписка Феофана Прокоповича с Яковом Марковичем. — «Киевская старина», 1882, т. 2, с. 498—508.

той библиотеки киевского губернатора Д. М. Голицына, с которым Феофан Прокопович в киевский период своей жизни поддерживал довольно тесные отношения.

И. А. Чистович в своей монографии приводит сведения иностранного биографа Прокоповича Шерерова о библиотеке Феофана: эта библиотека, по словам Шерерова, возросла «до 30 тысяч лучших изданий. Пользуясь ее сокровищами, сам (Ф. Прокопович, — *С. Л.*) он охотно давал книги и другим».[139] Цифра 30 тысяч книг совершенно невероятна для того времени. Против утверждения Шерерова говорит хотя бы такой факт: Феофан Прокопович в своем завещании оценил свою библиотеку в 4500 руб. Если бы книг было 30 тысяч, она стоила бы гораздо дороже. (По целому ряду других данных устанавливается, что средняя цена книги научной библиотеки составляла в то время около 1 руб.). Шереров несомненно ошибся, как неоднократно ошибались многие иностранцы, писавшие о России.

Нам представляется, что гораздо ближе к истине о числе книг библиотеки Феофана Прокоповича был В. С. Иконников, который в своем «Опыте русской историографии» сообщает, что Ф. Прокопович имел личную библиотеку, состоявшую из 4 тысяч книг. Эти книги после смерти Феофана были отданы частью в Новгородскую семинарию при Антониевом монастыре, а частью в школу Александро-Невского монастыря, а оттуда в С.-Петербургскую академию. Рукописи же поступили в Академию наук; некоторые письма хранятся в библиотеке киевского Софийского собора и Киевской духовной академии.[140] Здесь же сообщается, что собрание рукописей Прокоповича было передано в Библиотеку Академии наук до 1742 г.[141]

Сведения В. С. Иконникова подтверждаются другими источниками. По указу императрицы Анны от 27 октября 1737 г. книги, оставшиеся после смерти Феофана Проко-

---

[139] Чистович И. А. Феофан Прокопович и его время, с. 626. Цифру 30 тысяч книг, якобы находившихся в библиотеке Феофана Прокоповича, вслед за И. А. Чистовичем повторяет и Н. Бокачев (Бокачев Н. Описи русских библиотек и библиографические издания, находившиеся в исторической и археологической библиотеке Н. Бокачева. СПб., 1890, с. 159—160).

[140] Иконников В. С. Опыт русской историографии, т. 1, кн. 2. Киев, 1892, с. 1087—1088.

[141] Там же, с. 886.

повича, велено было передать в Александро-Невский монастырь и содержать их в «особливых палатах», не смешивая с другими книгами; об этом же говорит распоряжение Синода от 1 ноября того же года.[142] Однако новгородский архиепископ Амвросий обратился в 1742 г. с ходатайством о передаче библиотеки Феофана в Новгородскую семинарию, которая была создана при монастыре Антония Римлянина. Это ходатайство было удовлетворено указом от 18 июня того же года,[143] и библиотека Феофана Прокоповича из Невского монастыря поступила в Новгородскую семинарию.

Когда точно и каким распоряжением рукописи, а возможно и книги Феофана были переданы в Библиотеку Академии наук, сказать трудно, но несомненно, что это было сделано, потому что целый ряд рукописей из книжного собрания Прокоповича значится в каталогах этой библиотеки. В известном каталоге русских книг 1742 г. рукой библиотекаря А. И. Богданова против 12 названий исторических рукописных книг (13 томов) проставлено, что они поступили из собрания Прокоповича.[144] Весьма вероятно, что книг, поступивших в Библиотеку Академии наук из его собрания, было больше.

Как уже говорилось, первоначально библиотека Феофана Прокоповича была передана в школу Александро-Невского монастыря. Здесь иеродиаконом Епифанием была составлена опись книг в 3 экземплярах. Один из экземпляров этой описи хранится в Рукописном отделе Библиотеки Академии наук.[145] Впоследствии опись была опубликована П. В. Верховским, но уже не на языке оригинала, а в русской транскрипции иностранных слов.[146] При этом Верховский до крайности упростил библиографические описания книг, оставив только фамилии авторов и названия книг, заменил частные нумерации разделов описи одной общей (от № 1 до № 3192), одинаковые по названию книги сгруппировал в одном месте. Во всем ос-

[142] Описание документов и дел архива Синода, т. 16, стб. 374—391; прил. XXIII, стб. 712—714; ПСПиР, т. 9, с. 590.

[143] ПСПиР (царствование Елизаветы Петровны), т. 1. СПб., 1899, с. 148.

[144] Исторический очерк и обзор фондов, с. 211.

[145] БАН РО, № 409.

[146] Верховский П. В. Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент. Т. 2. Материалы. Отдел 5. Библиотека Ф. Прокоповича. Ростов н/Д, 1916, с. 3—71.

тальном опись Верховского соответствует рукописной описи книг Ф. Прокоповича.

Таким образом, 3192 книги из библиотеки Феофана Прокоповича поступили в библиотеку Новгородской семинарии, какое-то число рукописей (а возможно, и книг) было передано в Библиотеку Академии наук, некоторые рукописи остались, по-видимому, в Киеве. Точное число книг Феофана установить пока не удается. В наших дальнейших сведениях об этой библиотеке мы будем исходить из цифры 3205 (3192+13 рукописных книг, хранящихся в Библиотеке Академии наук).

В описи библиотеки Феофана Прокоповича книги расположены по 9 разделам: 1) книги богословские, 2) книги исторические, 3) книги философские, 4) книги юридические, 5) книги схоластические, 6) книги славянские, 7) книги польские, 8) книги на разных языках, 9) книги, обнаруженные сверх описи (внутри всех разделов расположение книг по форматам). Для характеристики содержания книг этой классификацией пользоваться нельзя, так как очень трудно понять, чем руководствовался составитель описи, относя книги к тому или иному разделу. Например, в число богословской литературы попали такие книги, как «История иудейской войны» И. Флавия, «История Византии», «Medicina mentis». Наоборот, в число исторических книг попали: «Historia de animalibus», «Atlas novus», «Meditationes evangelico» и т. д. Таких примеров можно привести очень много. Несколько облегчает дело выделение польских и славянских книг в специальные разделы, однако книги на других языках в особые разделы не выделены. Следует сказать также, что по названиям книг часто очень трудно составить себе представление о их содержании, а иногда и о языке книги. Поэтому точные данные о библиотеке Ф. Прокоповича на основе описи получить крайне затруднительно.

Основная часть книг Феофана написана на латинском языке, значительно меньше на греческом. Русские и славянские книги составляли очень небольшую часть всего собрания — менее $1^1/_2$%, еще меньше было польских книг. Отдельные издания имелись на немецком, французском, итальянском и даже арабском и еврейском языках. Около 35% книг составляла религиозная литература. Для книжного собрания представителя духовенства это был очень небольшой процент. Однако для Феофана Прокоповича—

человека, тесно связанного с мирскими интересами, такое соотношение числа светских и духовных книг особого удивления не вызывает.

Как и следовало ожидать, основную массу книг религиозного содержания составляла в библиотеке Прокоповича богословская литература. Здесь было много сочинений отцов церкви (Августина, Климента Александрийского, Григория Богослова, Иоанна Дамаскина, Василия Великого и др.),[147] имелись произведения М. Лютера, русских церковных писателей («Камень веры» Стефана Яворского). Кроме того, в собрании Прокоповича находились жития святых, различные издания Священного писания (Библия, Новый завет), богослужебная литература. Обращает на себя внимание наличие двух рукописных «житий» патриарха Никона. По-видимому, этот церковный деятель интересовал Феофана Прокоповича.

Светская часть библиотеки носила в основном гуманитарный характер, хотя, как мы увидим далее, книг по естественным наукам у Феофана Прокоповича было немало. Наиболее обширна была литература по истории, филологии, философии, юриспруденции, риторике. В числе книг исторической литературы мы видим хорошо подобранное собрание произведений античных и византийских авторов: Геродота, Ю. Цезаря, Тацита, Плутарха, Саллюстия, Светония, Полибия, Корнелия Непота, Ксенофонта, Диодора Сицилийского («Историческая библиотека»), И. Флавия, Павзания, И. Зонары и др. Но Прокопович интересовался и произведениями более поздних историков; у него имелись, например, известные «Анналы» Ц. Барония, труды С. Пуффендорфа («Введение в историю европейскую», «История Карла-Густава», «История Великого курфюрста»), труды польских историков (М. Стрыйковского, И. Длугоша, М. Кромера), Хроника Саксона,

---

[147] Именно об этом своем собрании «отцов церкви» писал Ф. Прокопович в 1725 г. Я. Марковичу, сообщая, что в библиотеке его «особливая от иных прочих часть всех церковных учителей, авторов, числом больше 600 содержащая, на которые издержал больше тысячи рублей» и что такого собрания нет ни у кого из недоброжелателей Феофана, хотя они обвиняют его в «протестантском неуважении учения св. отцов». (Б у е в с к и й А. Эпизоды из жизни основателя Вятской семинарии. — В кн.: Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1899 год. Вятка, 1898, Отдельные статьи, касающиеся Вятской губернии, с. 282).

исторические произведения Г. Гроция («История вандалов и готов», «История белгов»).

Феофана Прокоповича интересовала история отдельных стран (Греции, Рима, Византии, Англии, Германии, Польши, Индии, Лидии), памятники старины. Характерно, что целый ряд книг в его библиотеке посвящен древностям различных народов древнего и средневекового мира, в том числе 12-томный труд Г. Гревия «Antiquitatum romanorum». Некоторые из имевшихся у Прокоповича книг посвящены вспомогательным историческим дисциплинам: генеалогии, нумизматике.

Особую ценность представляют рукописные исторические книги из собрания Феофана Прокоповича. Как мы уже знаем, в Библиотеку Академии наук поступило 12 таких книг (13 томов), в том числе 4 летописи, 2 Степенных книги, 1 Разрядная книга, 5 Хронографов. Среди летописей имеются: Воскресенская летопись XVI в. (с вкладной патриарха Никона 1658 г. в Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь), Симеоновская летопись с прибавлением XVI в., Никоновская летопись с прибавлением XVI в., Никоновская летопись XVII в. в двух томах (с вкладной патриарха Никона 1661 г. в тот же Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь и с пометами, сделанными рукой В. Н. Татищева). В числе хронографов — Хронограф конца XVI в. с прибавлением, Хронограф с Псковской летописью XVII в. особого состава.[148] Часть этих рукописей Прокоповича была получена им из книжных собраний Петра I и царевича Алексея Петровича, другие, возможно, тоже ему не принадлежали, а были взяты для чтения.

Основную часть филологической литературы Прокоповича составляли многочисленные словари и грамматики. Словари имелись в самых различных сочетаниях: греко-латинские, латино-греческие, польско-латинские, латинские, итало-французские, славяно-латино-французский, славяно-латино-германский, немецкий, еврейский, латино-китайский, восьмиязычный словарь Калепина и т. д. Также многочисленны были и грамматики: латинская, греко-латинская, греческая, французская, еврейская, итало-германская и др. Имелись и руководства по изучению различных языков. Все это говорит о том, что Фео-

---

[148] Исторический очерк и обзор фондов, с. 211—212.

фан Прокопович много занимался иностранной литературой и читал ее в подлинниках. Кроме того, он интересовался и вопросами теории и истории словесности. В его библиотеке находились, например, комментарии С. Рыкция на произведения Теренция и Гесиода, трактат В. К. Тредиаковского «Новый и краткий способ к сложению российских стихов», труды известного голландского филолога Юста Липсия.

Раздел юридической литературы был одним из самых крупных в библиотеке Прокоповича (свыше 500 книг, или более $^1/_6$ всего книжного собрания). Состав этого раздела говорит о большой эрудиции Феофана в вопросах юриспруденции и стремлении иметь у себя лучшие труды. Особый интерес вызывал у него Кодекс Юстиниана и комментарии к кодексу. Таких изданий было в библиотеке Прокоповича немало. Показательно наличие трудов классиков юриспруденции XVII в.: С. Пуффендорфа и Г. Гроция. Из произведений Пуффендорфа следует прежде всего назвать его знаменитые трактаты: «De jure naturae et gentium» и «De officio hominis et civilis», а также его нашумевший памфлет на конституцию Германской империи, опубликованный под псевдонимом Северино де Мозамбано, «De statu imperii Germanici liber unus». В числе трудов Гуго Гроция находился и его главный труд «De jure belli et pacis». Среди юридических книг Прокоповича имелись также произведения известного немецкого юриста и философа Ф. Томазия, своды законов, литература по криминалистике, по церковному и гражданскому праву, здесь же были конституции польская и турецкая, «Юридический лексикон» И. Калвина, юридические диссертации.

Разнообразен был и раздел философии. Здесь были книги по диалектике, метафизике, истории философии, произведения крупнейших философов. Особый интерес вызывал у Прокоповича Аристотель, все труды которого в различных изданиях имелись в его книжном собрании. Из других крупных философов следует назвать Сенеку, Бэкона, Декарта. Помимо того, имелись философские произведения и менее известных авторов, а также труды по логике, например «Problemata logica» Рудольфа, «Compendi logice» Конрада.

Как проповедника и прекрасного оратора, Феофана Прокоповича, естественно, очень интересовала литература

по риторике. В его библиотеке имелись многочисленные труды по красноречию, а также лучшие произведения ораторского искусства. Особенно много было сочинений Цицерона, которым Прокопович, по-видимому, сильно увлекался, а также произведения Демосфена и др. Следует сказать, что Феофан Прокопович проявлял большой интерес к произведениям гуманистов. В его книжном собрании имелся целый ряд сочинений Эразма Роттердамского, «De monarchia Hispanica» Т. Кампанеллы, «Commentarii de regno principatu» и «Princeps alliaque nonulla» Н. Макиавелли, сочинения М. Лютера. Немало имелось книг и по вопросам морали, в том числе большое число произведений различных авторов, числившихся в описи под названием «Философия морали».

Как уже говорилось выше, Феофан Прокопович интересовался и естественными науками. В Киевской академии он читал курсы физики и математики. Поэтому естественнонаучная литература была неплохо представлена в его библиотеке. Здесь были книги по математике («Opera mathematica», «Euclidis elemente», «Арифметика», «Таблицы логарифмов»), физике («Opera varia» Р. Бойля, «Ars dioptrica» Кеплера, «Systema physicum» Бекмана), астрономии («Astronomia praxis»), биологии, медицине, географии. Интересно, что среди книг по астрономии у Феофана Прокоповича был ряд произведений знаменитого И. Кеплера (например, «Epitome astronomiae copernicanae»), завершившего, как известно, дело Коперника. А это еще раз подтверждает, что Прокопович придерживался передовых взглядов в вопросах науки. В составе биологической литературы Прокопович имел произведения Плиния, целый ряд книг по анатомии, зоологии (например, книгу К. Геснера «Historia de animalibus»), антропологии, физиологии. Много книг было по медицине. Здесь были труды Гиппократа, Галена, литература по практической медицине, патологии, хирургии, фармакологии, «Медицинский лексикон» и др.

В числе книг по географии наряду с трудами общего характера (такими, как «Introductio in universam geographiam» Ф. Клюверия, «Geographia generalis» Б. Варения) и трудами древних авторов (Птолемея, Страбона) мы видим описание отдельных стран (Италии, Польши, Литвы, Дании, Норвегии), атласы, географические карты («Atlas novus» Гомана, «Atlas minor»).

По другим отраслям знаний у Ф. Прокоповича было сравнительно немного книг. Отдельные издания имелись по архитектуре (например, известное русское издание Бароцци да Виньола «Правило о пяти чинех архитектуры»), военному делу («Мемории артиллерийские с фигурами»). Особо следует отметить наличие в библиотеке Ф. Прокоповича ряда библиографических трудов («Catalogus librorum anglicorum», «Catalogus librorum philosophicorum et philologicorum» и т. д.), а также изданий общенаучного характера: энциклопедий, отраслевых словарей, отдельных томов «Acta eruditorum», «Комментариев» петербургской Академии наук.

Художественная литература была представлена в библиотеке Феофана Прокоповича довольно широко. Но это были почти исключительно произведения античных авторов — Гомера, Гесиода, Аристофана, Овидия, Горация, Вергилия, Теренция, Плавта, Ювенала. Кроме того, имелись сборники типа «Апофегмата», рукописная сатира Антиоха Кантемира на хулителей учения. Следует сказать, что рукописи в библиотеке Феофана Прокоповича были немногочисленны и в основном в русском отделе его библиотеки, но среди них находились настоящие сокровища древнерусской письменности (о которых мы уже говорили).

В целом следует сказать, что библиотека Феофана Прокоповича была уникальным явлением как по числу книг (это была крупнейшая библиотека в России), так и по своему составу. По разнообразию тематики книг она может быть сравнима только с книжным собранием Остермана. И совершенно необычен был для библиотеки духовного лица такой большой процент светского содержания (включая и литературу по естественным наукам). А ведь библиотека Феофана Прокоповича служила не простым украшением дома (как это было у А. Д. Меншикова), а была его рабочим книжным собранием, которым он постоянно пользовался. Следовательно, основные интересы его были в светском мире.

10. БИБЛИОТЕКА ФЕОФИЛАКТА ЛОПАТИНСКОГО [149]

Другой крупной библиотекой, принадлежавшей духовному лицу, была библиотека вице-президента Синода и архиепископа Тверского Феофилакта Лопатинского. Феофилакт Лопатинский (в миру Федор Леонтьевич Лопатинский), по происхождению дворянин, родился на Волыни около 1680 г. Начальная биография его схожа с биографией его товарища по Киевской духовной академии Феофана Прокоповича. Так же как и Прокопович, Феофилакт Лопатинский по окончании Киевской академии направился для завершения образования за границу и учился сначала во Львове, а затем в иезуитской коллегии св. Афанасия в Риме.

Далее мы видим Лопатинского уже в Москве, где он был в 1704—1706 гг. преподавателем богословия и ректором московской Славяно-греко-латинской академии. Таким образом, он стал ректором академии ранее Феофана, который был назначен ректором Киевского коллегиума лишь в 1711 г. Как и Феофан Прокопович, Феофилакт Лопатинский был чрезвычайно образованным человеком. Помимо философии и богословия, он хорошо знал классическую литературу, историю, юриспруденцию, физико-математические науки. Поражают его познания в иностранных языках. Он знал латинский, греческий, еврейский, халдейский, сирийский, арабский языки, а из новых — польский, французский, итальянский, немецкий, голландский.

Однако было и существенное различие между Феофилактом и Феофаном. Феофан — горячий приверженец реформ, придерживался и в науке прогрессивных взглядов. Он, как мы видели, выступал против схоластики, был активным деятелем в проведении реформ церковного управления в России. Феофилакт, наоборот, придерживался схоластической науки, в вопросах философии исходил из Аристотеля, по своим склонностям тяготел

[149] Биографические сведения о Феофилакте Лопатинском почерпнуты нами из следующих источников: Морошкин И. Я. Феофилакт Лопатинский, архиепископ Тверской в 1706—1741. Исторический очерк. — «Русская старина», СПб., 1886, т. 49, с. 1—38, 265—292; Лавровский А. Н. Библиотека Феофилакта Лопатинского. — Тр. БАН и ФБОН, 1961, т. 5, с. 157—158; Чистович И. А. Феофан Прокопович и его время; Смирнов С. К. История московской Славяно-греко-латинской академии. М., 1855, с. 194—196.

к старине. В вопросах религии Феофан был ближе к протестантизму, Феофилакт — к католицизму, хотя оба они были видными деятелями русской православной церкви. Да и по складу характера они сильно различались: Феофан был человеком горячим, кипучей энергии, Феофилакт — спокойным созерцателем, натурой робкой и, как пишут современники, «незлобивой». Впрочем, эта незлобивость и робость не мешали Феофилакту смело выступать против своих идейных противников и пытаться противостоять слишком быстрой карьере Феофана Прокоповича.

Различие идейных позиций Феофана Прокоповича и Феофилакта Лопатинского было причиной взаимного недоброжелательства между этими двумя крупнейшими деятелями просвещения первой половины XVIII в., перешедшего в открытую вражду. Начало было положено в 1712 г. Феофан выступил с сочинением «Распря Павла и Петра об иге неудобноносимом», на которое Феофилакт написал опровержение. Феофан обвинялся в неправомыслии, в приверженности к протестантизму. Позднее Феофилакт Лопатинский и поддержавший его местоблюститель патриаршего престола Стефан Яворский пытались помешать назначению Феофана псковским епископом, но не смогли этого сделать. Вражда между Феофаном и Феофилактом привела в конце концов к гибели последнего.

Как образованнейший человек, знаток иностранных языков, Феофилакт, как и Феофан, привлекался Петром I к литературным работам, а также к переводам нужных для Петра книг. Так, им написаны по поручению Петра «Служба благодарственная по поводу победы под Полтавой» (1709 г.), «Описание триумфальных врат в Москве» (1709 г.), «Слово о благодарованном мире» (1722 г.), «Увещание раскольникам» (1725 г.) и др. Из переводов Лопатинского следует назвать известный перевод книги Вергилия Полидора Урбинского, напечатанный в 1720 г. под названием «Полидора Вергилия Урбинского осм книг о изобретателях вещей».

В 1722 г. Ф. Лопатинский был назначен архимандритом Чудова монастыря в Москве и советником Синода, в следующем, 1723 г. — Тверским епископом. В 1725 г. произведен в архиепископы. Тогда же он стал вторым вице-президентом Синода (первым был назна-

чен Феофан Прокопович), т. е. стал одним из верховных правителей русской церкви. Придерживаясь своей прежней позиции, враждебной протестантизму, Феофилакт издал в 1728 г. сочинение Стефана Яворского «Камень веры», направленное против лютеран. Это доставило ему много неприятностей, особенно после воцарения Анны Иоанновны, при которой в России вошла в силу немецкая партия.

Но Феофилакт не сдавал своих идейных позиций и собирался опубликовать трактат против книги Буддея, опровергавшего «Камень веры» Стефана Яворского. Теперь уже против Феофилакта выступил сам Бирон. В 1732 г. Феофилакт был привезен под стражей в Петербург и подвергнут допросу. В 1735 г. он снова был вызван в суд, который лишил его архиепископского сана. 3 года находился Феофилакт в заключении в архиерейском подворье, а затем еще на два года посажен в Выборгскую крепость. Лишь после низвержения Бирона в конце 1740 г. Феофилакт Лопатинский был освобожден из крепости с возвращением ему архиерейского сана, но здоровье его было в корне подорвано, и он умер в мае следующего, 1741 г.

Ф. Лопатинский был крупным церковным писателем, хорошим оратором и проповедником. В течение 12 лет (1723—1735) он руководил учебной работой Тверской славяно-греческой школы, был автором не только «слов», но и учебных курсов (философии, богословия), писал стихи на латинском языке и оды. Некоторые из его проповедей по указанию Петра были переведены на немецкий язык.

Как уже говорилось, Лопатинский имел личную, хорошо подобранную библиотеку, которую он, по-видимому, собирал всю жизнь. Для этого им покупались как отдельные книги, так и целые книжные собрания. В 1730 г., например, Феофилакт узнал, что после кончины рижского протоиерея Семена Ярмирковского, человека образованного, одного из воспитанников Московской академии, осталась хорошая библиотека, которая не нужна наследникам. Он тотчас же решил купить это книжное собрание, направив для этого в Ригу калязинского архимандрита Иоасафа Маевского. С помощью купленной библиотеки Феофилакт смог кончить свою книгу «Возражения на письмо Буддея» (раньше, из-за недостатка нужных

книг, он не мог сверить текст из сочинения Василия Великого).[150]

Во время ареста Ф. Лопатинского в Тайную канцелярию была взята и его библиотека, состоявшая из 1416 книг.[151] По приказу кабинет-министра Остермана была произведена сверка описи книг Лопатинского с описями библиотек синодальной и типографской, также с описью личной библиотеки Афанасия Кондоиди и перечнем книг, потребных для семинарии. На основе сверки был составлен реестр 927 книг Лопатинского, которые отсутствовали в синодальной библиотеке, книжном собрании Кондоиди и были «потребны» для семинарии.[152] Таким образом, библиотеки Лопатинского и Кондоиди предполагалось использовать для пополнения синодальной и семинарской библиотек.

После смерти Феофилакта Лопатинского было принято в августе 1742 г. новое решение — о передаче по описи книг Лопатинского, находившихся тогда уже в помещении архива Синода, в тверской архиерейский дом для новой семинарии.[153] В июне 1743 г. 941 книга Лопатинского была передана Тверской духовной семинарии.[154] Как мы помним, у Феофилакта книг имелось значительно больше (1416). Куда делись остальные книги, сказать трудно. Возможно, они пошли все же на пополнение других библиотек епархиального ведомства. Книги Лопатинского, поступившие в Тверскую семинарию, хранились сначала в Тверском кафедральном соборе, потом в духовной семинарии, затем (после революции) — в местном музее, а с 1931 г. — в Калининском педагогическом институте. Наконец, в 1959 г. они были переданы в Библиотеку Академии наук.[155]

Что же представляла собой библиотека Лопатинского? Для ответа на этот вопрос мы воспользуемся описью его книжного собрания, хранящейся в фондах ЦГИА,[156] а также данными статьи А. Н. Лавровского с обстоятельной характеристикой той части библиотеки Лопатин-

---

150 Чистович И. А. Феофан Прокопович и его время, с. 381.

151 Описание документов и дел архива Синода, т. 19, стб. 651.

152 Там же, с. 123—124.

153 ПСПиР (время Елизаветы Петровны), т. 1, с. 194.

154 Лавровский А. Н. Библиотека Феофилакта Лопатинского, с. 158.

155 Там же.

156 ЦГИА, ф. 796, оп. 20, № 576, л. 115—174.

ского, которая находилась до 1959 г. в Калининском педагогическом институте.[157] К сожалению, опись книжного собрания Лопатинского, как и другие аналогичные описи того времени, сделана очень неряшливо. Несмотря на то что библиотека состояла почти исключительно из иностранных книг, названия их приводятся в описи не на языке оригинала, а в очень плохом русском переводе, а иногда и в русской транскрипции иностранных слов. Часто дается только фамилия автора и то в искажении. Указание на язык книги имеется далеко не везде. При таких условиях точное представление о библиотеке получить на основании описи нельзя, а подсчеты могут быть только примерные.

Основная масса книг собрания была на латинском языке. Далее по числу книг шла литература на славянском и русском языках (свыше 110 книг). Здесь интересно отметить следующее обстоятельство. В статье А. Н. Лавровского говорится, что славянских и русских книг у Лопатинского было лишь около 40.[158] По описи, как мы видим, их было гораздо больше. Отсюда можно сделать вывод, что значительная часть славянских и русских книг Лопатинского не попала в Тверскую семинарию. Кроме латинской и русской литературы, в библиотеке Феофилакта Лопатинского имелось значительное число книг на греческом (в том числе и греко-латинские книги) и польском языках: около 50 книг на каждом из этих языков. Помимо того, была литература на немецком, французском, итальянском, голландском, еврейском, сирийском, халдейском, испанском и английском языках, но таких книг имелось сравнительно немного.

Что касается тематики книг, то следует прежде всего сказать, что основную часть библиотеки (около 70% книг) составляла религиозная литература. Здесь имелись сочинения всех известных отцов церкви: Иоанна Златоуста, Василия Великого, Ефрема Сирина, Григория Богослова, Дионисия Ареопагита, Иоанна Дамаскина и др. Все это было необходимо Феофилакту Лопатинскому как церковному писателю и проповеднику. Для этой же цели он имел в своей библиотеке сочинения против раскола,

---

[157] Лавровский А. Н. Библиотека Феофилакта Лопатинского, с. 157—166.
[158] Там же, с. 158.

магометанства, лютеранства, в том числе произведения русских церковных писателей: Стефана Яворского («Камень веры»), Симеона Полоцкого («Жезл правления»). Интересно, как отмечает в своей статье А. Н. Лавровский, что в библиотеке Лопатинского «совершенно не было книг, обращенных против католицизма»,[159] что и неудивительно, если учесть отмеченную нами выше симпатию Лопатинского к католичеству. Помимо патристической и полемической литературы, Феофилакт Лопатинский имел библии на различных языках, богослужебные книги, литературу по церковному праву и другие издания религиозного содержания.

Как уже говорилось, светской литературы у Лопатинского было гораздо меньше (менее $^1/_3$ его книжного собрания). В основном у него преобладала гуманитарная литература: по истории, философии, риторике, филологии, произведения художественной литературы. Много было исторических книг: произведения античных историков (Геродота, Тацита, Плутарха, Юлия Цезаря, Иосифа Флавия, И. Стобея, Саллюстия, Корнелия Непота, Фукидида, Ливия и др.), историков средневековья (И. Зонары, С. Пуффендорфа), русские исторические издания («Синопсис», «Феатрон, или позор исторический») и рукописи («Летописец» Дмитрия Ростовского), различные хроники, большое число книг по истории отдельных стран (Ассирии, Вавилона, Греции, Рима, Византии, Голландии, Англии, Италии, Польши).

Многочисленна была и филологическая литература, в основном словари и грамматики, совершенно необходимые Лопатинскому в его переводческой деятельности. Словари имелись в самых различных сочетаниях: греко-латинский, латино-греческий, польско-латинский, латино-немецкий, трех-, четырех-, семиязычные, восьмиязычный лексикон Калепина. Лопатинский имел у себя словари не только распространенных в ту эпоху языков (латинский, итальянский, французский, английский, немецкий, испанский, польский, русский), но и таких более редких, как еврейский, арабский, халдейский. Также разнообразны были и грамматики: немецкая, греческая, греко-латинская, латинская, русская, венгерская, армянская, еврейская, халдейская и т. д. Имелся и известный учеб-

---

159 Там же, с. 160, 162.

ник латинского языка Альвара, собрание сочинений знаменитого голландского филолога Юста Липсия.

Много было у Феофилакта Лопатинского книг по философии, метафизике, логике, среди них произведения и античных авторов, в первую очередь Аристотеля, и XVI—XVII вв. — Бэкона, Декарта, Вольфа и др. Очень интересовала Лопатинского и литература по красноречию. В его библиотеке — большое число изданий Цицерона, сочинения Исократа, Фотия, Радау, Лисия и др. Немало имелось и юридических книг. В первую очередь следует отметить произведения основоположника буржуазной теории международного права Гуго Гроция, в том числе главное его сочинение — «О праве войны и мира». Ряд произведений касался истории права у разных народов. В библиотеке находился Кодекс Юстиниана, разделы «Магдебургского права» (краковское издание).

Интересно наличие в библиотеке Лопатинского целого ряда произведений гуманистов: Эразма Роттердамского, Макиавелли, Кампанеллы и др. Сочинения Эразма Роттердамского не были, как мы видели, редкостью в личных библиотеках просвещенных русских людей того времени, однако произведения Макиавелли находились под запретом, за них пострадали Голицын, Волынский и др. Тем любопытнее присутствие этих книг в библиотеке русского богослова. Из других книг гуманитарной литературы отметим книги по педагогике и морали. Лопатинского как просвещенного человека, к тому же непосредственно соприкасавшегося с вопросами обучения детей, естественно интересовали педагогические труды Яна Амоса Коменского, основные произведения которого имелись в его библиотеке. В книжном собрании Лопатинского находились и библиографические труды: каталог библиотеки Стефана Яворского (очевидно, рукописный), каталог греческих рукописей Синодальной библиотеки. Здесь имелись и русские издания, тесно связанные с событиями текущей жизни страны: «Правда воли монаршей» Феофана Прокоповича, «Рассуждение» Шафирова о причинах войны со шведами, различные государственные регламенты («Духовный регламент», «Адмиралтейский регламент», «Устав морской»).

Естественнонаучная литература была представлена в собрании Лопатинского значительно слабее. Тем не ме-

нее в отношении подбора книг по этим отраслям знаний библиотека Лопатинского считалась, по-видимому, одной из лучших в Москве. По крайней мере, когда в 1715 г. потребовался для перевода оригинал книги Б. Варения «Geographia generalis», И. А. Мусин-Пушкин рекомендовал Ф. Ф. Поликарпову (который должен был делать перевод) обратиться к Феофилакту Лопатинскому, так как в этой библиотеке, по мнению Мусина-Пушкина, должна быть нужная книга.[160] Тематика книг по естественным наукам в собрании Лопатинского была действительно разнообразна: математика (арифметика, геометрия, алгебра, тригонометрия), астрономия, физика, география («География» Ф. Клюверия, «Географический лексион», описания отдельных стран), биологические науки (сочинения Плиния, книги по физиологии, анатомии), медицина (произведения Гиппократа, Галена, книги по хирургии, фармакологии, «Медицинский лексикон»). В библиотеке Лопатинского были книги и по технике (инженерное дело, гидростатика), архитектуре, военному делу (фортификация), пиротехнике, однако таких было немного. Имелась и общенаучная литература (энциклопедии, различные справочные издания).

Разнообразен был раздел художественной литературы, причем в нем явно преобладали произведения античных авторов — Гомера, Эврипида, Аристофана, Эзопа, Вергилия, Горация, Овидия (большое число экземпляров, а также комментарии), Теренция, Сенеки (трагедии), Гесиода («Труды и дни»), Плавта. Помимо того, имелись такие произведения, как например «Афоризмы», «Похвала» Екатерине I, «Похвала» польскому королю Августу II и др.

В целом следует сказать, что библиотека Лопатинского являлась его рабочим собранием книг, которым этот церковный писатель и проповедник пользовался повседневно. Особенностями деятельности и духовных запросов Ф. Лопатинского объясняются особенности его библиотеки. Это было с большим знанием дела подобранное собрание произведений в основном старинных авторов, главным образом античных. Как отмечает в своей статье А. Н. Лавровский, основную часть книг Лопатинского представляли издания XVII в., значительно меньше

[160] Андреев А. И. Ньютон и русская география XVIII века. — «Изв. Всесоюзного геогр. о-ва», 1943, т. 75, вып. 3, с. 7.

книг относилось к XVIII и XVI вв. Имелись и отдельные инкунабулы.[161]

Библиотека Ф. Лопатинского значительно уступала библиотеке Ф. Прокоповича как по общему числу книг, так и по разнообразию тематики. Однако филологический раздел был подобран у Лопатинского не хуже, а может быть даже и лучше, чем у Феофана Прокоповича.

11. БИБЛИОТЕКА ЛАВРЕНТИЯ ГОРКИ[162]

Третьим владельцем крупной частной библиотеки из числа духовных лиц был Лаврентий Горка. По происхождению «из казацких детей», Горка учился в Киевской духовной академии.[163] К киевскому периоду жизни Л. Горки относится начало его большой дружбы с Феофаном Прокоповичем, продолжавшейся всю жизнь, до смерти Феофана. С Прокоповичем Л. Горку сближала и общность духовных интересов, и одинаковое отношение к Петровским реформам, и даже сходство темпераментов.

Как и Феофан Прокопович, Л. Горка — горячий сторонник реформ Петра, ревностный поборник просвещения, любитель древностей и классической литературы, человек с большими дарованиями, чрезвычайно интересующийся различными гуманитарными науками (философией, историей, риторикой), собиратель книг. Будучи одним из активнейших деятелей православного духовенства, он подобно Феофану тяготел к протестантизму и стоял на противоположных идейных позициях с такими представителями верхушки русского духовенства, как Стефан Яворский, Гедеон Вишневский, Феофилакт Лопатинский.

Человек энергичный, запальчивого нрава, он из-за своего темперамента и настойчивости имел много неприят-

---

[161] Лавровский А. Н. Библиотека Феофилакта Лопатинского, с. 160.

[162] Сведения о Лаврентии Горке нами заимствованы из статьи А. Буевского «Эпизоды из жизни основателя Вятской семинарии». — В кн.: Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1898 г. Вятка, 1897, Отдельные статьи, касающиеся Вятской губернии, с. 255—282, то же на 1899 г. Вятка, 1898, с. 273—347, то же на 1900 г. Вятка, 1899, с. 193—243, то же на 1902 г. Вятка 1901, с. 50—102.

[163] В 1706 г. он был назначен преподавателем пиитики на место Феофана Прокоповича, который стал преподавателем риторики.

ностей. Мнения о Лаврентии Горке были крайне противоречивы. Одни считали его тираном, употреблявшим плеть и нагайку, другие видели в нем ученого человека «превосходных дарований», простого в обращении, нелицеприятного, незлопамятного, но вспыльчивого, хотя и отходчивого. Доля правды была, по-видимому, и в тех и в других отзывах. Но надо иметь в виду, что многочисленные жалобы на Л. Горку исходили от противников преобразований. Лаврентий был действительно крайне вспыльчив и доходил до рукоприкладства, но подобные явления не были исключением в ту эпоху.

Следует сказать, что Л. Горка был не только проповедником, но и автором различных произведений. От его преподавательской деятельности остались написанные им курсы поэтики (1707 г.),[164] риторики (около 1708 г.). Он составил для себя лексикон латино-славянский, писал стихи, был автором трагикомедии «Патриарх Иосиф». Кроме Феофана Прокоповича, Горка поддерживал отношения с целым рядом просвещенных людей своего времени — Я. Марковичем, Г. Бужинским, Ф. Лопатинским, Г. Вишневским и др. (несмотря на то что с некоторыми из них расходился во взглядах). Он хорошо знал латинский и польский языки.

Как уже говорилось, вспыльчивый нрав Горки доставил ему в жизни много осложнений. На него часто поступали жалобы, служившие причиной перемещений по службе. Около 1710 г. Лаврентий Горка был назначен игуменом Выдубицкого монастыря близ Киева, где пробыл 10 лет, но вследствие поступившего доноса отстранен от игуменства. Хотя ему удалось оправдаться, он все же был перемещен в Истринский Воскресенский монастырь, учрежденный еще Никоном. В 1722 г. Лаврентий Горка по рекомендации Феофана Прокоповича сопровождал Петра в персидском походе, в 1723 г. был назначен епископом астраханским, куда прибыл только в 1724 г. и продержался там лишь два года. Ревностное выполне-

---

[164] Р. Лужный в своей статье «„Поэтика“ Феофана Прокоповича и теория поэзии в Киево-Могилянской академии» (в кн.: XVIII век, сб. 7, с. 47—53) справедливо опровергает неправильную точку зрения историка украинской литературы Н. И. Петрова, считавшего, что Горка лишь рабски подражал своему учителю Прокоповичу. В курсе «Поэтики» Горки, по мнению Лужного, имеются черты самостоятельного изучения и глубокого анализа.

ние указов Синода привело его в конфликт с местными деятелями. В 1726 г., вследствие нового доноса, он был перемещен епископом в Великий Устюг, где пробыл 4 года, с 1727 по 1731 г., когда был назначен рязанским епископом.

Но в Рязани Лаврентий Горка пробыл совсем недолго: в сентябре 1733 г. «за предерзости» он был переведен из богатой Рязанской епархии в отдаленную Вятскую, куда прибыл в декабре 1733 г. и где оставался до своей кончины в 1737 г. В первый же год пребывания в новой епархии Лаврентий, непримиримый враг суеверия, запретил крестные ходы (так как с крестными ходами было связано выполнение населением некоторых обычаев, сохранившихся еще от язычества), чем вызвал большое недовольство духовенства и зажиточной части посадского населения. Еще большие осложнения возникли у него в связи с учреждением им в Хлынове славяно-латинской школы (см. главу первую).[165]

Лаврентий Горка был большим любителем книг, всю жизнь собирал он свою библиотеку и охотно пользовался книгами других библиотек (Киевской академии и книжного собрания Феофана Прокоповича). Уже в киевский период его деятельности у Лаврентия имелось довольно много книг. Уезжая из Выдубицкого монастыря при не совсем обычных обстоятельствах (отстранение от игуменства), Л. Горка сумел захватить с собой только небольшую часть книг. Позднее, в 1723 г., он подал в Синод ходатайство с просьбой о возвращении ему оставленной на Украине библиотеки. Из приложенного списка видно, что речь шла о 57 книгах (42 на латинском и польском и 12 на русском языке), среди которых было много проповедей, литература по истории церкви и церковному праву, стихотворения Яна Кохановского и самого Горки, а также особенно необходимый ему в работе составленный им латино-славянский словарь. Просьба была удовлетворена.[166]

Позднее собирание книг для библиотеки продолжалось. Из помет на полях книг видно, что Л. Горка приобретал книги в различные периоды своей жизни: во

---

[165] Луппов П. Н. История города Вятки. Киров, 1958, с. 42, 142—144.

[166] Описание документов и дел архива Синода, т. 3, стб. 567—568.

время пребывания в Киеве, Петербурге, Астрахани, Вел. Устюге, Рязани. А. Буевский, из статьи которого мы почерпнули много биографических сведений о Лаврентии Горке, пишет, что библиотека его состояла из 355 книг, в том числе 235 на иностранных языках (латинском, греческом, еврейском) и 120 на русском. Буевский перечисляет целый ряд авторов, произведения которых находились в библиотеке Горки, и сообщает о пометах на его книгах, найденных в библиотеке Вятской семинарии в конце XIX в.[167] Данные Буевского о числе книг в библиотеке Лаврентия подтверждает А. С. Верещагин.[168]

Нам удалось обнаружить в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде опись книг библиотеки Лаврентия Горки.[169] Названия книг приведены в описи не в оригинале, а в очень упрощенном переводе В. Козловского, из которого часто нельзя получить представление о содержании книг. Тем не менее данные описи очень любопытны. Все книги в описи пронумерованы, по-видимому, самим Горкой в единой системе нумерации (от № 1 до № 355), причем, судя по данным статьи Буевского об обнаруженных в Вятке книгах Лаврентия Горки, эти номера проставлены и на самих книгах (рукой Лаврентия).

В описи русские книги выделены из числа прочих (№№ 200—313, 349—354),[170] их всего значится 120+1 книга Пуффендорфа, имевшаяся в русском переводе, но не значившаяся в описи в числе русских книг. Кроме того, в описи выделены книги, которые «из-за моря в Санкт-Петербург вывезены и были пропали, ныне в Москве сысканы». Таких книг 24 (№№ 326—348, 355).[171] Наконец, в описи значатся отдельно (тоже пронумерованные в общей системе нумерации) книги, которые (по данным, полученным из Вятки) еще при жизни Лаврентия были взяты в Вятке «к школам, без

---

[167] Буевский А. Эпизоды из жизни основателя Вятской семинарии. — В кн.: Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1898 год, с. 266—268, то же на 1899 год, с. 283—286.

[168] Верещагин А. С. Вятские стихотворцы XVIII века. — В кн.: Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1897 г. Вятка, 1896, отд. 4, с. 78, 95.

[169] ЦГИА, ф. 796, оп. 20, № 576, л. 91—103.

[170] Там же, л. 99—101 об.

[171] Там же, л. 98—98 об.

которых де при школьных учениях быть никак невозможно, понеже прежде греко-латинских школ на Вятке не было и книг таких не имелось» (№№ 4, 9, 30 и т. д.), всего 34 книги.[172]

Таким образом, общее число книг Лаврентия Горки (355 книг) и число русских книг (кроме книги Пуффендорфа) в данных архивной описи и статьи А. Буевского совпадают, однако сведения о числе книг Горки, оставшихся в Вятке, расходятся: в описи значатся 34 книги, а Буевский пишет о 42 книгах. И в данном случае мы более склонны верить Буевскому, так как, сообщая о книгах Л. Горки, обнаруженных в Вятке, он упоминает и такие номера книг (№№ 157, 159), которые в описи не значатся как оставшиеся в Вятке и, следовательно, данные описи в этом отношении неполны.

Интересны сведения о книгах, выписанных из-за границы. В описи значатся, как мы видели, 24 таких книги, купленных Лаврентием в 1725 г. Здесь в основном религиозные издания, но имеются и три лексикона, а также произведения Саллюстия и Сенеки. Л. Горка, по-видимому, выписывал книги «из-за моря» не один раз. В описи под № 195 записан каталог книжной лавки в Гданьске, услугами которой он, очевидно, пользовался. Буевский полагает, что Л. Горка при приобретении иностранных книг пользовался также услугами барона Г. Гюйссена, так как на одной из книг, обнаруженных в Вятке, стоит помета: «Ex libris Huyssen». На другой книге («Antiquitates ecclesiae orientalis»), по данным того же Буевского, имеется помета, указывающая, что она приобретена в Голландии в 1724 г.

Что же представляла собой библиотека Лаврентия Горки? Из данных описи можно установить, что русская литература составляла свыше 1/3 (34.1%). Остальные книги были в основном на латинском языке, но, поскольку в описи приводятся только переводы названий книг, как правило, без указания языка, точных цифр здесь привести нельзя. У Буевского говорится, что иностранные книги Лаврентия Горки были преимущественно на латинском языке, затем по числу книг шла литература на польском языке, еще меньше было книг на голландском и еврейском языках.

---

[172] Там же, л. 102—103.

Религиозная литература, по данным описи, составляла $^2/_3$ библиотеки Лаврентия Горки (66.8% общего числа книг). Здесь имелись произведения отцов церкви (Афанасия Александрийского, Григория Назианзина, Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина), историков церкви, различные проповеди, подчас с замысловатыми названиями, богослужебная литература и т. д.

Среди светских книг, как правило гуманитарной тематики, преобладала литература по истории, философии, филологии, риторике. Из авторов исторических книг следует назвать Юлия Цезаря, Светония, Саллюстия, Квинта Курция (книга которого об Александре Македонском имелась в латинском и русском вариантах), Цезаря Барония, Пуффендорфа («Введение в гисторию европейскую» в русском переводе Г. Бужинского), Полидора Вергилия Урбинского, Корнелия Непота, Валерия Максима. Любопытна записанная под № 72 книга «Прения разная о Разине, бунтовщике российском».

Среди книг по филологии мы видим различные словари: восьмиязычный Калепина, четырехъязычный (латино-немецко-польско-греческий), латино-славянский, греко-латинский, трехтомный лексикон Гофмана, рукописный латино-славянский лексикон, составленный самим Лаврентием Горкой, грамматика еврейская, греческая, славянская, такие книги, как «Сокровище пиитическое», «Синонимы» и др.

Ряд книг был по философии (произведения Сенеки, «О философских древностях», «Аксиоматы философате», «Проблемат Аристотелева»), риторике («Реторика, писанная моей рукой», т. е. курс, составленный Л. Горкой, произведения Цицерона, всевозможные «орации», «риторская книга»), морали («Мир с богом человеку» И. Гизеля, «Философия моральная», «Зерцало житийного обхождения» (видимо, «Юности честное зерцало»).

У Л. Горки имелись в сравнительно небольшом числе книги и по естественным наукам: «Клеверия история всего света» (видимо, «Introductio in universam geographiam» Ф. Клюверия), «Ф. Клюверия география» (по-видимому, та же книга Клюверия, возможно, в другом издании), «Две книги о городах», «О крузе земном» (видимо, «Земноводного круга краткое описание. . .», М., 1719), атлас, «Фисика любопытная», книга Самуеля Бохарта о животных, «Сокращение медическое», лечебник.

Он имел также издания законодательного характера (регламенты Генеральный, Морской, Духовный, Табель о рангах, сборники указов), а также литературу, связанную со злободневными фактами внешней и внутренней политики («Ратификация мира со Швецией», «Рассуждение об образе божии и подобии в человеке»). Любопытно наличие такой книги, как «Юлия Мазарини инструкция политиков».

Л. Горка несомненно интересовался и художественной литературой, но, как и у Феофана Прокоповича, внимание его было направлено в основном на произведения античных авторов. В описи значатся произведения Гомера, Горация, Вергилия, Овидия, Теренция, трагедии Сенеки, а также сборники типа «Апофегмата», стихотворные произведения более поздних авторов.

Сделанный нами на основе описи книг Л. Горки обзор его книжного собрания далеко не полно характеризует его библиотеку. Недавно выяснилось, что некоторые его книги являются конволютами, что по описи установить было невозможно. В Кировской областной библиотеке обнаружен конволют, принадлежавший Л. Горке, который, как мы установили, числился в описи под невыразительным названием «Риторские книги» (№ 54). В действительности же оказалось, что это подборка 9 произведений разных авторов (1619—1624 гг. издания). Здесь, например, имеются два сочинения одного из ранних представителей утопического коммунизма Томмазо Кампанеллы — «Апология Галилея» (1622 г.) и «О смысле вещей» (1617 г.). В Кирове же обнаружили принадлежавшие Горке, но прямо не обозначенные в описи «Божественную комедию» Данте (Венеция, 1536), два эльзевира, сочинения Андрео Фредро «Генрих Первый, король Польши».[173] Подобного рода поиски необходимо продолжить, так как имеются все основания ожидать новых интересных находок, учитывая, что еще в конце XIX в., как уже говорилось, в библиотеке Вятской семинарии был обнаружен (а потом, видимо, утрачен) ряд книг, принадлежавших Л. Горке.[174] Весьма возможно, что не только неко-

---

[173] Петряев Е. Д. Литературные находки. Киров, 1966, с. 56—58.

[174] Буевский А. Эпизоды из жизни основателя Вятской семинарии. — В кн.: Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1898 год, с. 285—286.

торые книги Горки, оставшиеся в Вятке, но и другие его книги (из числа поступивших в Славяно-греко-латинскую академию) являлись конволютами. Например, весьма возможно, что конволютами были значащиеся в описи под № 129 «Орации и стихи», под № 131, 132, 133 «Орации», под № 142 «Диалектика. Риторика. Орации Цицерона» и т. д. Новые находки не только расширяют наши сведения о круге духовных запросов Л. Горки, но и характеризуют его манеру работы над книгой. Оказывается, из числа гуманистов Л. Горка читал не только произведения Эразма Роттердамского (которые значатся в описи), но и Т. Кампанеллы. Его интересовала «Божественная комедия» Данте, трактаты Г. Гроция, произведения Ю. Липсия и других авторов.

Изучение помет, сделанных на книгах, показывает, что Л. Горка тщательно штудировал литературу, делая пометы на полях изданий. Так, много помет имеется на полях книги «Апология Галилея», в которых упоминается Коперник, перечисляются ошибки Аристотеля. Это показывает, что Л. Горка проявлял большой интерес к естественным наукам и придерживался передовых научных взглядов. Интересны пометы на упоминавшемся сочинении Андрео Фредро. Эти пометы касаются русско-польских отношений. Данные помет на других книгах Л. Горки показывают, что некоторые из них раньше принадлежали известному киевскому митрополиту Петру Могиле и, следовательно, были вывезены Горкой из Киева, другие — Феофану Прокоповичу, с которым Лаврентий не только поддерживал тесную связь, но и обменивался книгами. Все это в какой-то мере раскрывает историю создания библиотеки.

Сделанный нами обзор показывает, что библиотека Л. Горки была хотя сравнительно и небольшим, но интересным по своему составу книжным собранием, которым его владелец постоянно пользовался. К сожалению, в отношении тематики книг этого собрания еще много неясного и, очевидно, оно было значительно более интересным, чем это кажется на первый взгляд, на основе лишь данных описи. Разумеется, и общее число книг библиотеки Горки было значительно бо́льшим, но полностью уточнить его едва ли удастся. После смерти Л. Горки его книги были переданы в библиотеку Славяно-греко-латинской академии, но часть их осталась в Вятке.

12. БИБЛИОТЕКИ ДРУГИХ ДУХОВНЫХ ЛИЦ

Помимо трех крупных библиотек (Феофана Прокоповича, Феофилакта Лопатинского, Лаврентия Горки), в России в исследуемый период существовали еще два значительных книжных собрания, принадлежавших духовным лицам, — Афанасию Кондоиди и архиепископу новгородскому Амвросию. Однако состав этих библиотек гораздо менее интересен, поэтому коснемся их лишь в общих чертах.

Афанасий (в мире Анастасий) **Кондоиди**, грек по происхождению, был принят на русскую службу в 1716 г. в качестве справщика Московской типографии. Эта сравнительно скромная должность его не удовлетворяла. Мечтая о карьере и надеясь на игуменство, он в 1721 г. принял монашество, после чего действительно был назначен игуменом сначала Толбского Ярославского монастыря, а с 1723 г. — Спасского монастыря в том же Ярославле. С 1726 по 1736 г. Кондоиди был уже епископом вологодским, а затем суздальским. Умер он в октябре 1737 г. Афанасий Кондоиди был несомненно просвещеннейшим человеком, получившим прекрасное образование в Италии, но беспринципным карьеристом.

После него осталась крупная библиотека в 927 томов на латинском, греческом, французском и русском языках (русских книг всего 9).[175] Имеются и другие данные о библиотеке Кондоиди: в ней было 696 латинских книг, 125 греко-латинских, 60 греческих, 40 французских, 9 русских, а следовательно, всего 930 книг. Сходные с этими сведения приводит и У. Г. Иваск.[176] Подавляющее большинство в собрании Кондоиди составляли книги религиозного содержания: по богословию, церковной истории и в известной мере по церковному праву. Светская литература составляла всего 7.2% общего числа книг.

---

[175] Гоздаво-Голомбиевской А. А. Библиотека епископа Суздальского Афанасия (Кондоиди). — «Книговедение», 1894, № 6, с. 13—15.

[176] Голомбиевский А. Три епископские библиотеки первой половины XVIII века. — «Библиогр. записки», 1892, № 6, с. 410; Иваск У. Г. Частные библиотеки в России. — «Русский библиофил», 1911, № 3, с. 63.

Из опубликованного в статье Гоздаво-Голомбиевского перечня латинских книг этой библиотеки[177] видно, что в числе 67 книг светского содержания было исторических 26, географических 11, художественной литературы 7, юридических 6, по философии 4, по биологии 4, литературы назидательного содержания 4, по филологии 3, по медицине 1. Как видно, из светской литературы Кондоиди больше всего интересовали книги по истории и географии. В числе книг по истории мы видим произведения Тацита, Корнелия Непота, Барония и менее значительных авторов, по географии — главным образом географические атласы, в числе художественной — произведения Вергилия, Горация, в числе книг по биологии — книгу С. Бохарта о животных и книгу Андрованца о птицах. В целом следует сказать, что собрание светских книг в библиотеке А. Кондоиди не представляло особой ценности.

Библиотека новгородского **архиепископа Амвросия** (1690—1745), преемника Феофана Прокоповича по новгородской кафедре, была меньше по числу книг, чем библиотека Кондоиди. Как показывает опись этого книжного собрания, хранящаяся в Рукописном отделе Библиотеки Академии наук СССР,[178] всего у Амвросия имелась 601 книга, из них 48 на русском и церковнославянском языках (или 8%). Остальные книги были в основном на латинском языке (значительно меньше на греческом и польском). Эта библиотека была тоже собранием книг главным образом религиозного содержания (в основном по богословию). Из светской литературы отметим комплект томов «Acta eruditorum» за большой промежуток времени (с 1683 по 1739 г.), что говорит о его интересе к новостям в научном мире, а также (на русском языке) такие книги, как «Военное состояние Оттоманской империи» (СПб., 1734), «Уложение» царя Алексея Михайловича (СПб., 1737), «Историография... народа славенского» (СПб., 1722), Лексикон греко-латино-русский, «Описание коронации» императрицы Анны (1730), «Врата триумфальные» (на торжественный вход Петра I в Москву), «Деяния церковные и гражданские» Барония (1719). Среди иностранной литературы, помимо «Acta erudito-

---

[177] Гоздаво-Голомбиевской А. А. Библиотека епископа Суздальского Афанасия (Кондоиди), с. 17—25.

[178] БАН РО, № 409, л. 227—245 об.

rum», также имелись книги светского содержания, в основном по гуманитарным наукам (история, филология, философия, мораль, риторика), а также кое-какая литература по естественным наукам (биология, математика, география, астрономия, физика). В целом собрание светских книг Амвросия большой ценности не представляет.

Скажем вкратце о книжных собраниях значительно меньшего размера: от 30 до 200 книг. Библиотека чудовского **архимандрита Евфимия Колетти**, впоследствии расстриженного и за «важные его вины казненного смертью»,[179] состояла из 200 книг, из которых 155 были на иностранных языках: итальянском, латинском, греческом.[180] Таким образом, иностранная часть библиотеки составляла свыше $^3/_4$ всего собрания. Русские книги особого интереса не представляли — это была в основном богослужебная литература. Между тем около половины иностранных книг составляла литература светского содержания. Бросается в глаза большое число книг по филологии (свыше 20). Здесь были самые различные грамматики (греческая, греко-латинская, латинская, французская, немецкая, итальянская, латино-чешская, еврейская) и словари (греко-латинский, латинский, греческий, немецко-итальянский, латино-франко-итальянский, латино-греко-французский), «Собрание по алфавиту на латинском присловиц и притч, бывших в употреблении у греков, у латинян, у евреев, у аравлей» (Франкфурт, 1670), «Феофрита Моска с толкованием эпиграмматы» (1604), «Введение ко изучению языков» (1656). Таким образом, Евфимий Колетти уделял большое внимание изучению иностранных языков.

Кроме филологических, имелись книги по истории (И. Флавия «История Иудейской войны»; «О делах Юлия Цезаря» с примечаниями, 3 тома), юриспруденции (Кодекс Юстиниана, С. Пуффендорфа «О должности человека и гражданина», «Диспуты о наследственном праве»), риторике («Риторика», «Орации»), географии («Новый атлас» Иоансона, «Лексикон географический», «Ф. Клюверия древняя и новая география», «Дионисиева география»), медицине («Медические диссертации», 1715

[179] Описание документов и дел архива Синода, т. 19. СПб., 1913, стб. 154.

[180] Опись иностранных книг Е. Колетти хранится в ЦГИА: ф. 176, оп. 20, № 576, л. 105—114.

и 1716 гг.), философии (произведения Аристотеля), художественная (стихотворения, панегирики) и кое-какая другая литература. Рукописные книги насчитывались единицами.

Иной характер имела библиотека нижегородского **епископа Питирима**,[181] известного тем, что на его обязанности лежало вести диспуты со старообрядцами. Всего у Питирима была 121 книга, в том числе 15 на иностранных языках (11 на греческом, 2 на латинском и по одной книге на немецком и польском языках). Таким образом, иностранная часть библиотеки составляла немногим более 12% общего числа книг. Светские книги составляли лишь около 1/3 всего книжного собрания. Здесь были книги по истории («Синопсис», книга Полидора Вергилия Урбинского, «Феатрон, или позор исторический», «Летописец» рукописный, «Историография ... народа славенского», «Тестамент Василия, царя греческого», «Реестр князей от Рюрика»), географии («Атлас большой», «География генеральная», «Земноводного круга краткое описание»), отдельные книги по другим отраслям знания: юриспруденции («О должности человека и гражданина» Пуффендорфа), филологии (лексиконы, грамматики), философии, математике («Сокращение математическое»), педагогике («Расположение учении Петра II»), военному делу (Артикул воинский). Имелись также календари и некоторые издания законодательного и информационного характера. В целом подбор светской литературы у Питирима носил довольно случайный характер. Этого нельзя сказать о религиозной литературе, которая подбиралась со знанием дела. Здесь имелись произведения, необходимые Питириму для его диспутов, например «Пращица», содержащая 240 вопросов старообрядцев и ответы на них Питирима, «Житие боярыни Морозовой» и др. Следует сказать, что в библиотеке Питирима находилось 29 рукописей (почти 1/4 всего собрания книг).

Немного меньше по числу книг по сравнению с книжным собранием Питирима была библиотека **епископа** ростовского **Георгия Дашкова**, претендента на патриарший престол, недоброжелателя Феофана Прокоповича, жестоко пострадавшего в ожесточенной борьбе за власть

[181] Опись книг библиотеки епископа Питирима см.: Описание документов и дел архива Синода, т. 18, прил. XIV, стб. 1081—1083, 1088—1090; т. 20, прил. I, стб. 754—755.

в верхах русского духовенства при Анне Иоанновне. В библиотеке Г. Дашкова было около 100 книг, из них 69 рукописных.[182] Это была литература на русском и церковнославянском языках (имелась лишь одна книга на греческом), в основном религиозного содержания. Светских книг имелось всего 12, случайного состава: «Анналы» Ц. Барония (ч. 1), «География генеральная», «Рассуждение» П. П. Шафирова, «О монархии турецкой», некоторые регламенты, «Арифметика» и др.

Маловыразительным было и собрание книг черниговского **архиепископа Илариона**. Он имел около 80 печатных и рукописных книг, в основном религиозного содержания. Книги светского содержания насчитывались единицами, и подбор их был случаен: «Ковчежец медицинский», «Апофегмата» (2 книги), «О коронации е. и. в.», книга Квинта Курция об Александре Македонском, 3 тетради описания фейерверков, «География» петровской печати, 16 различных календарей, «Ведомости» и «Примечания» к ним, «Как водку перегонять»[183] — вот и вся литература. Другой черниговский **архиепископ Иродион** (умер в сентябре 1735 г.) имел еще меньше книг — 59, почти исключительно религиозных. Однако у Иродиона была литература не только на русском, но и на польском и латинском языках. В числе его книг были и рукописные (6 рукописей).[184]

Несколько более интересными были библиотеки монахов Иоасафа Валаамского и Феолога. **Иоасаф Валаамский** (Троицкий Гледенский монастырь Устюжской епархии) имел 67 книг (из них 31 рукописная), из которых 9 было светского содержания: грамматика, лексикон, азбуки, лечебник, космография и др. Иностранных книг у Иоасафа не было.[185] **У монаха** Чудовского монастыря **Феолога** (скончался в 1734 г.) книг было почти столько же (73) и тоже довольно много рукописей (24), но здесь имелось немало книг на латинском и греческом языках (40), содержание которых из описи неясно; имелись и светские книги: «Земноводного круга краткое описание», «Зерцало житейского обхождения» («Юности честное

---

[182] Опись книг Георгия Дашкова см.: Описание документов и дел архива Синода, т. 20, прил. I, стб. 755—756.

[183] Там же, т. 18, стб. 259—263; прил. XI, стб. 1040, 1041.

[184] Там же, т. 15, стб. 537, 549.

[185] Там же, т. 20, прил. I, стб. 753—754.

зерцало»), «Геометрия», «Военный артикул», рукописные описания походов Б. П. Шереметева и «Устав галанский» (3 тетради).[186]

Некоторый интерес представляло и небольшое книжное собрание великоустюжского **епископа Сергия** (умер в октябре 1735 г.). У него было 33 книги, из которых 8 рукописных. Литература светского содержания представляла довольно большой процент этой библиотеки: 13 книг, или около 40% собрания. Назовем некоторые светские книги: книга Квинта Курция об Александре Македонском, «История троянская», «Историография... народа славенского», «История иерусалимская», «Летописец» Дмитрия Ростовского, Лексикон, грамматика, «Апофегмата», «Врачевская книга», «Мирозрение о небесных глобусах».[187] Таким образом, у Сергия были в основном издания петровского времени.

Остальные библиотеки, сведения о которых имеются в нашем распоряжении, совсем невелики по числу книг. Это книжные собрания епископа иркутского Иннокентия Кульчицкого, архимандрита Зилантова монастыря Епифания Адаматского, архимандрита Московского Златоустского монастыря Спиридона, игумена Севтренского монастыря (Архангельская епархия) Симеона, иеромонаха псковского Печерского монастыря Алимпия. **Епископ Иннокентий** имел всего 15 книг (одна светского содержания).[188] **У архимандрита Епифания** было 19 книг, из них 9 рукописных. Кроме 6 рукописных книг на латинском языке (5 книг «Философии» и книга «Поэтика»), а также печатной книги Иосифа Флавия «История Иудейской войны», все остальные были религиозного содержания.[189] У **архимандрита Спиридона** было 16 богослужебных печатных книг.[190] **Игумен Симеон** имел 17 рукописных и печатных книг, из них 5 были светского содержания: Хронограф, «История скифская», «Космография», «Летописец» Соловецкого монастыря, букварь. У **иеромонаха Алимпия,** священника на фрегате «Феникс», было всего 6 книг, исключительно религиозного содержания.[191]

[186] Там же, т. 14, стб. 482.
[187] Там же, т. 15, стб. 554; прил. XXXIII, стб. 1009—1010.
[188] Голомбиевский А. Три епископские библиотеки первой половины XVIII века, с. 410—412.
[189] Описание документов и дел архива Синода, т. 19, стб. 126.
[190] Там же, т. 14, стб. 95, 689.
[191] Там же, стб. 426—427; т. 20, стб. 69.

13. БИБЛИОТЕКИ СТАРООБРЯДЦЕВ

Свои библиотеки имели и старообрядцы. Приведем два примера таких библиотек, относящихся к исследуемому периоду. Крестьянин деревни Медведи Царево-Кокшайского уезда **Василий Васильевич Крашенинников** (35 лет), бывший в беспоповском скиту, изъявил желание присоединиться к православию и был в 1732 г. прислан казанским митрополитом в Москву, а вместе с ним — и его библиотека, состоявшая из 4 старопечатных богослужебных книг (1621—1646 гг. издания), 4 тетрадей печатного текста, о которых в деле говорится, что это «воровская, а не государева печать» (т. е. набор сделан не в государственных типографиях), и 52 тетради рукописного текста. Все тетради (печатные и рукописные) представляют собой выписки из различных религиозных книг (житий святых, сочинений отцов церкви, богослужебной литературы, Священного писания, различных «слов» и т. д.) для подтверждения взглядов старообрядцев. Наиболее интересный здесь факт — наличие подпольной печати. Несмотря на то что Крашенинников присоединился к православию (9 мая 1732 г.), он был в цепях послан к нижегородскому архиепископу для заключения в монастырь.[192]

Другой старообрядец, **Михаил Прохоров**, явился в 1733 г. в московскую синодальную канцелярию из смоленских лесов для защиты своей веры. Он был препровожден в Петербург с тем, чтобы Синод там определил его судьбу. С Прохоровым были высланы его «тетради», которые он намеревался показать императрице. Библиотека Прохорова состояла из 8 тетрадей (рукописей). Первая из них являлась повествованием о старце Аврамии, который по решению церковного собора 178 г. (1670 г.) был расстрижен, заточен на 4 года, а затем сожжен.

Во второй тетради говорится о старообрядцах Евдокиме и Петре, которые в 170 (1662 г.) были посажены в кипящий котел, но остались невредимы. Третья тетрадь является жалобой царю Алексею Михайловичу от старца Аврамия на несправедливости, которые над ним творили. 4-я и 5-я тетради — молитвы, 6-я — вирши, 7-я — выписки из Триоди постной, 8-я — «О безбожном царе Батые и о прихождении его на русскую землю» (7 ли-

---

[192] Там же, т. 11, стб. 709—720.

стов).[193] Таким образом, одна из рукописей старообрядца — чисто исторического содержания.

Обзор личных библиотек представителей различных кругов населения России позволяет сделать некоторые выводы. Прежде всего следует констатировать общее увеличение числа частных книжных собраний по сравнению с петровским временем и расширение социального круга владельцев таких библиотек. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить данные, приведенные в табл. 13 нашей предыдущей монографии,[194] и табл. 15, помещенной в настоящем исследовании. В табл. 13 приведены сохранившиеся сведения о 33 библиотеках, в настоящей монографии — о 49. Если в петровское время к числу владельцев книжных собраний относились главным образом государственные деятели, немногочисленные представители светской интеллигенции и духовные лица, то теперь круг представителей интеллигенции значительно расширился, в первую очередь за счет ученых, и библиотеки, пока еще очень небольшие (несколько десятков книг), появились и у купцов. К сожалению, полноценных описей библиотек чиновников, которые несомненно в это время имелись, до нас не дошло.

Характерен и общий рост процента светской литературы в частных книжных собраниях, а также процента литературы на иностранных языках. Иностранные книги начинают появляться даже в библиотеках купцов. А у представителей духовенства растет интерес не только к гуманитарной, но и к естественнонаучной тематике. Разумеется, библиотека Феофана Прокоповича представляла собой исключительное явление как по общему числу книг (свыше 3 тысяч), так и по составу (2/3 книг светского содержания при очень большом проценте иностранных), однако и в других книжных собраниях представителей просвещенного духовенства (Феофилакт Лопатинский, Лаврентий Горка, Евфимий Колетти, епископ нижегородский Питирим) светская литература составляет не менее 1/3 книг. У светских владельцев библиотек религиозных книг, как правило, было совсем немного. В целом следует констатировать рост культурного уровня населения страны.

---

193 ЦГАДА, ф. 7, оп. 1, № 322, л. 1—10 об.

194 Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века, с. 268—272.

Табли

Частные книжные собрания послепетровского

Владелец	Число книг	% книг светского содержания	Наличие рукописных книг	% иностранных книг
Феофан Прокопович	3205	65	Имелись	9.85
А. И. Остерман	Около 2300	Подавляющее большинство	Имелись	Подавляющее большинство
Феофилакт Лопатинский	1416	30	Имелись	92.2
В. Н. Татищев	Свыше 1300 (1-я библиотека свыше 1000, 2-я — свыше 300)	Подавляющее большинство	Имелись	Неясно

ца 15

времени (1725—1740 гг.)

Язык иностранных книг	Тематика книг светского содержания	Общий профиль книжного собрания
Латинский, греческий, польский, итальянский, немецкий, французский, арабский	История, филология, юриспруденция, философия, логика, риторика, нравоучительная литература, педагогика, математика, физика, химия, астрономия, география, биология, медицина, архитектура (мало), военное дело (мало), общенаучная литература, библиография, художественная литература	В основном гуманитарная литература при наличии значительного числа книг по богословию и литературы по естественным наукам
Французский, немецкий, латинский, голландский, шведский, итальянский, датский, английский, польский, турецкий, китайский, арабский	История, политика, юриспруденция, филология, философия, геральдика, педагогика, мораль, география, математика, физика, биология, медицина, техника, архитектура, военные науки, художественная литература, общенаучная периодика, многотомные и информационные издания	Книги по всем отраслям знания с преобладанием в составе гуманитарной литературы книг по истории, политике, юриспруденции, филологии, а в составе естественнонаучной — книг по географии, математике, медицине
Латинский, греческий, польский, немецкий, французский, итальянский, голландский, еврейский, сирийский, халдейский, английский, испанский	История, философия, логика, филология, риторика, юриспруденция, педагогика, нравоучительная литература, государственные регламенты, математика, астрономия, физика, география, биология, медицина, техника, архитектура, художественная литература	Богословская литература и значительное число книг светского содержания, в основном гуманитарных
Немецкий, латинский, польский, французский, шведский, голландский	История, филология, география, математика, астрономия, физика, техника, биология и медицина, военное дело, архитектура, законодательные и информационные материалы	Гуманитарная (в основном историческая) литература и значительное число книг по естественным (главным образом географическим) наукам

19*

Владелец	Число книг	% книг светского содержания	Наличие рукописных книг	% иностранных книг
Афанасий Кондоиди	930	Небольшая часть	Неясно	99
А. Ф. Хрущов	602	82	Имелись	Свыше 99%
Архиепископ Амвросий	601	Меньшинство	Имелись	92
А. П. Волынский	545	75.9	Имелись	47.5
Г. Пашке	537	Большинство	Нет	100
И. Амман	451	Неясно	Неясно	Неясно
Лаврентий Горка	355	33	Имелись	65.9

Таблица 15 *(продолжение)*

Язык иностранных книг	Тематика книг светского содержания	Общий профиль книжного собрания
Латинский, греческий, французский	История, юриспруденция, философия, филология, мораль, география, биология, художественная литература	Религиозная литература и небольшое число книг светского содержания
Французский, отдельные издания на голландском, латинском, итальянском, немецком	История, философия, логика, физико-математические науки, география, архитектура, военное и морское дело, научная периодика, художественная литература (немного)	Общенаучная периодика, гуманитарная (история, философия, логика), физико-математическая и географическая литература
Латинский, греческий, польский	История, филология, философия, риторика, мораль, география, медицина, биология, физико-математические науки, научная периодика, художественная литература	Религиозная литература и сравнительно небольшое число книг светского содержания
Немецкий, латинский, польский, французский, итальянский	История, филология, юриспруденция, политическая и нравоучительная литература, педагогика, риторика, математика, география, военное и морское дело, законодательные и информационные издания	Гуманитарная литература и довольно значительное число книг по географии, математике, законодательные и информационные издания
Латинский, французский, немецкий	История, филология, юриспруденция, география, биология, медицина, худ. литература	Гуманитарная литература и сравнительно небольшое число книг по естественным наукам
Латинский, немецкий, французский, английский	Ботаника, зоология, анатомия, генетика, медицина, фармакология, география	Литература по ботанике и другим биологическим наукам
Латинский, греческий, еврейский, польский	История, философия, филология, риторика, нравоучительная литература, география, законодательные материалы, художественная литература	Религиозная и гуманитарная литература; небольшое число книг по естественным наукам

Владелец	Число книг	% книг светского содержания	Наличие рукописных книг	% иностранных книг
П. М. Еропкин	319	98.1	Имелись	Неясно
Правительница Анна Леопольдовна	290	Неясно	Нет	Неясно
И. В. Паузе (Паус)	220	Неясно	В большом числе	Около 15%
М. Г. Головкин	217	Свыше 40%	Имелись	25.8
Евфимий Колетти	200	35	Имелись	77.5
Д.-Г. Мессершмидт	170	Большинство	Имелись	Большинство
Б.-Х. Миних	157	Бóльшая часть	Имелись	Бóльшая часть
К.-Л. Менгден	136	Большая часть	Неясно	Бóльшая часть
Епископ нижегородский Питирим	121	33	Имелись	12
Епископ ростовский Георгий Дашков	100	12	Имелись (69)	1 книга

Таблица 15 (*продолжение*)

Язык иностранных книг	Тематика книг светского содержания	Общий профиль книжного собрания
Французский, немецкий, итальянский	История, филология, философия, риторика, математика, география, архитектура, военное дело, художественная литература	Гуманитарная (в основном историческая) и литература по архитектуре, физике, математике и географии
Французский, немецкий	История, география, художественная литература, мемуары	Литература для легкого чтения
Немецкий, латинский	Филология, история, педагогика, физико-математические науки, художественная литература	Гуманитарная литература при наличии книг религиозных и по естественным наукам
Немецкий	История, философия, филология, география, техника, архитектура	В основном религиозная литература при наличии светских книг различной тематики
Итальянский, латинский, греческий	Филология, история, философия, риторика, юриспруденция, география, медицина	Религиозная литература и сравнительно небольшое число светских книг
Латинский, французский, итальянский, голландский	Биология, медицина, химия, математика, география, философия, история, юриспруденция	В основном биологическая и медицинская литература; некоторые книги по физико-математическим и гуманитарным наукам
Немецкий, французский, итальянский, латинский	Военное дело, математика, архитектура, география, история, филология, художественная литература	В основном литература военная, физико-математическая и географическая при наличии религиозной и гуманитарной
Немецкий, французский	Юриспруденция, филология, история	В основном гуманитарная литература при наличии книг по географии, технике, а также религиозного содержания
Греческий, латинский, немецкий, польский	История, география и отдельные издания по другим отраслям знания	Религиозная литература при сравнительно небольшом числе книг светского содержания
Греческий	Случайная	Религиозная литература с небольшим числом книг светского содержания

Владелец	Число книг	% книг светского содержания	Наличие рукописных книг	% иностранных книг
И. К. Россохин	86	99	Имелись	Большинство
Архиепископ черниговский Иларион	80	35	Имелись	Нет
Монах Чудовского монастыря Феолог	73	Неясно	Имелись (24)	55
Иоасаф Волоколамский	67	13.7	Имелись (31)	Нет
Старообрядец В. В. Крашенинников	60	Нет	Имелись (52)	Нет
Архиепископ черниговский Иродион	59	Нет	Имелись	Неясно
Купец Иван Рыбинский	58	52	Имелись	19
А.-Б. Крамер	45	100	Имелись	Неясно
Купец Григорий Трофимов	44	45.4	Имелись	Нет
Полковой секретарь Иван Булгаков	38	Неясно	Имелись	2.1
Епископ великоустюжский Сергий	33	40	Имелись	Нет
Купец Артемий Иконников	30	Нет	Нет	Нет
Купец Василий Солонников	30	36.7	Нет	Нет
Антон-Ульрих	26	100	Нет	Неясно

Таблица 15 *(продолжение)*

Язык иностранных книг	Тематика книг светского содержания	Общий профиль книжного собрания
Китайский, маньчжурский	История, филология, юриспруденция, естественные и военные науки, художественная литература	В основном гуманитарная литература при наличии книг по естественным и военным наукам
Нет	История, география, информационные издания	В основном религиозная литература при наличии довольно случайных по подбору светских книг
Латинский, греческий	История, нравоучительная литература, география	В основном религиозная литература при наличии книг светского содержания
Нет	Филология, азбуки, медицина, география	Религиозная литература при наличии небольшого числа книг светского содержания
Нет	Нет	Исключительно религиозная литература
Польский, латинский	Нет	То же
Немецкий, французский	История, юриспруденция, география	Светская (разнообразного содержания) и религиозная литература
Немецкий, латинский	История	В подавляющем большинстве рукописи исторического характера
Нет	История, география, нравоучительная, художественная литература	Религиозная и гуманитарная литература
Французский	Военное дело, филология, нотные тетради	Неясно
Нет	История, филология, география	Религиозная и гуманитарная литература и отдельные книги по естественным наукам
Нет	Нет	Исключительно религиозная литература
Нет	История, география, уставы	Религиозная и гуманитарная литература
Неясно	Картографические издания, военная и историческая литература	Картографические издания, военная и историческая литература

Владелец	Число книг	% книг светского содержания	Наличие рукописных книг	% иностранных книг
Купец Андрей Семенов	22	13.7	Имелись	Нет
Купец Михайло Савин	22	9	Имелись	4.5
Архимандрит Епифаний Адаматский	19	36.8	Имелись	9
Игумен Симеон	17	29.4	Бо́льшая часть	Нет
Архимандрит Спиридон	16	Нет	Нет	Нет
Епископ иркутский Иннокентий Кульчицкий	15	6.7	Нет	Нет
Купец Максим Демидов	14	—	Нет	—
Канцелярист Филипп Соболев	11	Нет	Нет	Нет
Купец Иван Короткий	11	36	Имелись	18
Купец Иван Веселовский	11	65	Имелись	Нет
Секретарь Алексей Волков	8	62.5	Нет	Нет
Старообрядец Михаил Прохоров	8	Большинство	Все книги	Нет
Иеромонах Алимпий	6	Нет	Нет	Нет
Чиновник М. Бедрин	5	Нет	Нет	Нет

Таблица 15 *(продолжение)*

Язык иностранных книг	Тематика книг светского содержания	Общий профиль книжного собрания
Нет	История	Религиозная литература и несколько исторических книг
Польский	Филология	Религиозная литература и две книги светского содержания
Латинский, немецкий, польский, греческий	История, философия, филология	Литература религиозная и по гуманитарным наукам
Нет	История, космография	Религиозная литература и небольшое число светских книг
Нет	Нет	Исключительно богослужебные книги
—	История	Религиозная литература и 1 книга светского содержания
Нет	Нет	Исключительно религиозная литература
Нет	Нет	То же
Немецкий	История, филология, ветеринария	Религиозная литература, 4 книги светского содержания
Нет	История, информационная литература	Гуманитарная и религиозная литература
Нет	Информационная литература, история	То же
Нет	История	Религиозная литература и отдельные рукописи светского содержания
Нет	Нет	Исключительно религиозная литература
Нет	Нет	То же

Г Л А В А   Ш Е С Т А Я

БИБЛИОТЕКИ

В первой главе говорилось о том, что в послепетровское время общее число культурно-просветительных и научных учреждений, особенно учебных заведений, возросло. Как правило, при каждом из них имелась своя библиотека. К сожалению, сведения об этих библиотеках за рассматриваемый период (1725—1740) крайне скудны. Мы имеем лишь очень подробные данные о крупнейшей библиотеке страны — Библиотеке Академии наук, более или менее обстоятельные сведения о библиотеках духовного ведомства и отрывочные данные о библиотеках некоторых учебных заведений. Отсутствуют относящиеся к этому периоду данные о библиотеках Шляхетского корпуса, Морской академии, медицинских, гарнизонных, цифирных школ и т. д. Таким образом, настоящая монография дает далеко не полную картину состояния библиотечного дела в стране в рассматриваемый нами период.

1. БИБЛИОТЕКИ ДУХОВНОГО ВЕДОМСТВА [1]

Монастырские и церковные библиотеки

В нашем предыдущем исследовании отмечалось, что значение монастырских и церковных библиотек упало уже во второй половине XVII в., а в петровское время снизилось еще больше.[2] Та же тенденция наблюдалась и

[1] Данные о библиотеках учебных заведений, принадлежавших духовному ведомству, приводятся далее, в разделе «Библиотеки учебных заведений».

[2] Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973, с. 277—285.

в послепетровское время. Из библиотек духовного ведомства сохранили свое значение только Синодальная, Типографская и библиотеки учебных заведений (академий, семинарий). Монастырские и церковные библиотеки продолжали влачить печальное существование. Духовные власти внимания им не уделяли, комплектование новой литературой практически не осуществлялось, а старые книжные богатства постепенно утрачивались. Книжные хранилища рядовых церквей и монастырей использовались лишь для потребностей самих монастырей и церквей и поэтому все более принимали клерикальный характер. Если производилось пополнение книжных фондов, то, как правило, за счет печатных, главным образом богослужебных книг. Интерес к старинным рукописям, когда-то являвшимся гордостью книжных собраний, постепенно утрачивался даже в крупнейших библиотеках.

Ярким примером может служить знаменитая прежде **библиотека Троице-Сергиевой лавры.** По описи 1729 г.[3] в ней значилось около 1400 книг, но среди них книг явно светского содержания не насчитывалось и трех десятков («летописцы», «История о Варлааме и Иоасафе», «космографии» и некоторые другие). Все это были остатки древних сокровищ, отношение к которым было совсем иное. По описи значится, например, 90 рукописных книг «разных ветхих», которые составитель описи не счел нужным перечислять, а записал общим количеством, сгруппировав только по форматам. Сюда же попали и «4 книги на телятине письменных разных»[4] (т. е. рукописи на пергаменте). Несомненно, что среди этих рукописей имелись и весьма ценные произведения письменности как религиозного, так и светского содержания, но суммарный учет не позволяет их выделить из прочих.

Если сравнить данные двух описей книжных собраний библиотеки Троице-Сергиевой лавры (1723 и 1729 гг.), то выясняется, что за 6 лет число книг не только не возросло, но даже уменьшилось (в 1723 г. — 1677,[5] в 1729 г. — 1400 книг). Более детальное сопостав-

---

[3] ГБЛ РО, ф. 304, № 823, л. 1—73 об.

[4] Там же, л. 46 об.

[5] Опись 1723 г. хранится в Библиотеке им. Ленина: ГБЛ РО, ф. 304, л. 1—48. Данные этой описи приведены нами в кн.: Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века, с. 279—282.

ление описей в какой-то мере разъясняет происшедшее: в описи 1723 г. «ветхих» рукописных книг значилось 211, а в описи 1729 г., как мы видели, их осталось всего 90 (следовательно, остальные были уже утрачены). Кроме того, в описи 1729 г. приводится целый список книг (около 60), розданных разным лицам. По-видимому, значительное число раздач вообще не регистрировалось, и книги так и не возвращались монастырю.

Чтобы получить представление о характере пополнения библиотеки новыми книгами, можно воспользоваться данными той же описи 1729 г., в которую после 1729 г. вносились дополнения. За время с 1730 по 1738 г. в библиотеку поступило 40 книг, в том числе: одна рукописная — «житие» архимандрита Дионисия (вклад книгохранителя библиотеки Тихона Москвитина), 35 богослужебных книг новых изданий, купленных «казенной канцелярией» монастыря, и 4 богослужебные книги, оставшиеся после смерти того же книгохранителя Т. Москвитина. Таким образом, библиотека пополнялась за счет покупки богослужебных книг, вкладов отдельных лиц, а также за счет книг, оставшихся после смерти владельцев личных библиотек. В основном поступали печатные книги (богослужебные). Общее число новых поступлений было невелико. Следует сказать, что довольно значительная часть библиотеки Троице-Сергиевой лавры (в 1729 г. 137 книг) была роздана для пользования церквам этого монастыря. Интересно и другое обстоятельство: среди книг Троице-Сергиевой библиотеки находились (правда, в небольшом количестве) и книги на иностранных языках, например: «псалтирь греческого письма», «космография» на польском языке, «книга печатная на польском языке в полдесть», «часословец польской печати», ряд книг «литовской печати» и т. д.

Книжное собрание Троице-Сергиева монастыря по своему составу, разумеется, не являлось типичным для монастырских библиотек. Здесь рукописный фонд еще преобладал над печатными книгами. В менее крупных монастырях картина была совсем иная — там давно уже печатных книг было гораздо больше, чем рукописных (ср. те же данные нашего предыдущего исследования).[6]

---

[6] Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века, с. 280.

Монастырь	Год описи	Общее число книг	% книг светского содержания	% рукописных книг
Саввин-Сторожевский	1726	329	1 (книга)	18.0
Александро-Невский . .	1725	187	5.3	Ок. 6.0
Селижаров	1729	161	—	—

Из этих данных видно, что число книг в указанных монастырских библиотеках было невелико, рукописные книги составляли небольшой процент[7] книжного фонда, а светские книги практически отсутствовали. Несмотря на большое различие этих данных и данных описи библиотеки Троице-Сергиева монастыря, общая картина упадка монастырских библиотек, включая и самые крупные, вырисовывается, как нам представляется, весьма наглядно. Именно потому, что монастырские библиотеки в рассматриваемую нами эпоху перестают играть сколько-нибудь существенную роль в культурной жизни страны, мы считаем излишним останавливаться на характеристике других библиотек русских монастырей.

Следует, впрочем, отметить, что в монастырских библиотеках Украины, особенно киевских, положение было несколько иное. Светских изданий там было относительно много, и они продолжали поступать в библиотеки даже в XVIII в. Это видно из помет на книгах, хранящихся в настоящее время в Центральной научной библиотеке Академии наук Украинской ССР. Так, пометы на книгах «Генеральный регламент или устав...» (СПб., 1720),[8] «История ... о разорении града Трои...» (СПб., 1717),[9] «Описание жития и дел принца Евгения...» (СПб., 1740)[10] говорят о том, что эти книги принадлежали библиотеке Киево-Печерской лавры. Из пометы на книге «Расположение учении Петра II» (СПб., б/г)[11] следует, что она входила в состав библиотеки Николаевского Пустынно-киевского монастыря, помета на книге «Разговоры о мно-

---

[7] Среди этих рукописных книг могли быть и редкие. Так, в 1725 г. выяснилось, что в Ниловой пустыни хранились 11 из 12 рукописных «макарьевских» книг Четьих Миней (см.: Описание документов и дел архива Синода, т. 5. СПб., 1897, стб. 509—510).

[8] ЦНБ, Гр 2243.

[9] ЦНБ, Гр 2454. В помете обозначено место и дата покупки: Петербург, 10 окт. 1723 г.

[10] ЦНБ, Гр 3944.

[11] ЦНБ, Гр 1711.

жестве миров» (СПб., 1740)[12] говорит о принадлежности ее библиотеке киевского Златоверхомихайловского монастыря. Тому же монастырю принадлежала и книга «Монархия турецкая, описанная через Рикота...» (СПб., 1741).[13] Наличие в библиотеке Киево-Печерской лавры книг светского содержания («Летописец» келейный Димитрия Ростовского, «Каталог митрополитов киевских с летописцем вкратце») отмечает в своем исследовании Г. Н. Моисеева. Над этими книгами работал в 1734 г. М. В. Ломоносов.[14]

Интересно, что между некоторыми монастырями в рассматриваемую эпоху существовал обмен книгами, о чем говорят сохранившиеся, правда очень скудные, сведения. Так, в январе 1732 г. по просьбе настоятеля Ипатьевского монастыря архимандрита Платона Малиновского ему было послано из библиотеки Александро-Невского монастыря 8 книг («Феатрон, или позор исторический», 2 книги «Анналов» Барония, 2 книги Библии, книга о Флорентинском соборе, 2 книги «Беседы» И. Златоуста, Маргарит). После ареста Платона (август того же года) Александро-Невский монастырь затребовал через Синод книги обратно.[15] Книги из Александро-Невского монастыря значатся и в знакомой нам описи библиотеки Троице-Сергиева монастыря. Всего в этой библиотеке было 3 печатных и 18 рукописных книг, принадлежавших Александро-Невскому монастырю в Петербурге.[16]

Как уже говорилось, церковные библиотеки в рассматриваемую эпоху находились не в лучшем состоянии, чем монастырские. Значительная часть церквей обходилась минимумом книг, необходимых для богослужения, что хорошо видно на примере новых церквей, для которых духовными властями покупались книги. Так, например, по просьбе грузинского архиепископа Иоанна (1729 г.) ему были отпущены денежные средства на строительство и оборудование церкви в Дербенте. При этом предусматривалась и покупка следующих книг: Евангелие на-

---

[12] ЦНБ, Гр 4851.

[13] ЦНБ, Гр 4254.

[14] Моисеева Г. Н. Ломоносов и древнерусская литература. Л., 1971, с. 75—76.

[15] Описание документов и дел архива Синода, т. 12. СПб., 1902, стб. 681—682.

[16] ГБЛ РО, ф. 304, № 823, л. 64.

престольное, Апостол, 2 Устава церковных, 12 Миней месячных, Чиновник архиерейский, Ирмологий, Требник, т. е. предполагалось приобрести всего 19 книг, которые и были отпущены из Московской типографии безденежно.[17]

В 1731 г. Синодом было принято решение об отправке книг во вновь построенную Благовещенскую церковь «на Житном дворе в Кремле». Поскольку речь шла о московской церкви, то для нее предусматривалось приобретение, помимо богослужебной, также и нравоучительной литературы («Пролог»). Но общее число книг было все же невелико (12 названий). Правда, в это число входили книги, приобретенные комплектами («1 год пролога», «1 год миней», «гнездо Октоиха»).[18] Интересно, что книги покупались и для церквей, открывающихся за рубежом. 6 ноября 1734 г. Синод вынес решение отправить безденежно комплект богослужебных книг в новопостроенную церковь в Пекине. При этом предусматривалась и отправка литературы для «учения малых отроков»: 20 букварей, 20 псалтырей, 20 часословов и 30 азбук.[19] 13 января следующего года Сенат распорядился выделить специальные подводы для перевозки церковного имущества (в том числе и книг) от С.-Петербурга до Москвы и от Москвы до китайской границы.[20]

В некоторых из старых, даже провинциальных церквей можно было найти в небольшом количестве не только богослужебную литературу. По данным Г. Н. Моисеевой, в куростровской Дмитровской церкви в первой половине XVIII в. имелись, например, такие книги, как «Лексикон трехъязычный» (М., 1704), «Духовный регламент» (СПб., 1721), «Симфония, или конкордия на Апокалипсис» Андрея Богданова (СПб., 1734), «Знамения пришествия антихристова» (М., 1604) и др. Здесь же хранились и рукописные сборники житий святых.[21] Отдельные рукописные книги были и в других церквах. Так, например, рукописный служебник, судя по помете 1726 г.,

---

[17] Описание документов и дел архива Синода, т. 5, стб. 513—517.

[18] Там же, т. 11, стб. 725—726.

[19] Там же, т. 10, стб. 57—58.

[20] ПСЗ, т. IX, № 6666, с. 458—459.

[21] Моисеева Г. Н. Ломоносов и древнерусская литература, с. 65—66.

принадлежал Горбовской церкви на Украине.[22] Однако подобные случаи были, по-видимому, немногочисленны, и в большинстве церквей имелись лишь богослужебные и, как правило, почти исключительно печатные книги. По данным 1736 г., например, в церкви села Пречистенского было всего 11 богослужебных книг, в церкви села Карина (Рязанская провинция) — 18 книг (17 богослужебных и 1 «Житие» Николая Чудотворца).[23]

Остановимся теперь на библиотеках крупных соборов, имевших в отличие от библиотек обычных церквей значительные книжные собрания. Речь идет о таких соборах, как Архангельский и Успенский в Москве, Софийский в Новгороде. О составе книг библиотеки новгородского Софийского собора говорилось в нашем предыдущем исследовании. Библиотека (по описи 1725 г.) состояла из 120 книг почти исключительно религиозного содержания (богослужебная и богословская литература), в числе которых было 25 рукописных книг (из них 10 написанных на пергаменте). Из светской литературы имелся лишь один Хронограф.[24]

Сходной по составу была **библиотека Архангельского собора.** До нас дошла опись библиотеки 1730 г. с данными о сверке наличия книг в 1762 г.[25] В библиотеке находилось около 120 книг, из них 34 рукописных. Это была также литература исключительно религиозного содержания: богослужебная и отдельные сочинения богословского характера. Некоторые книги имелись не в одном экземпляре (служебников, например, было 11). Характерно, что и в этой описи сквозит пренебрежение к старым рукописным книгам: 19 книг «письменных в переплетах и без переплетов, ветхи» учтены лишь по количеству, без всякого указания на то, что представляют собой эти книги. Как видно по данным описи, состав библиотеки был довольно стабильный. За 30 с лишним лет, с 1730 по 1762 г. (когда производилась сверка наличия книг), сколько-нибудь существенных изменений не

---

22 ЦНБ, шифр $\frac{\text{ДА}}{\text{322П}}$.

23 Опись старинных сельских церквей и помещичьего хозяйства (сообщено П. П. Пекарским). — «Изв. имп. Археол. о-ва», 1863, т. 5, стб. 153—160.

24 Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века, с. 285—286.

25 ГИМ, Синод. собр., 1216, л. 32 об.—41.

произошло. Некоторые старые издания заменились более новыми, увеличилось число экземпляров отдельных книг.

Более крупным книжным собранием была **библиотека Успенского собора** — главного собора Москвы, к которой церковная власть России проявляла больше внимания и до и после учреждения Синода. По-видимому, со второй половины XVII в. библиотека Успенского собора получала по одному экземпляру всех изданий, выходивших в Московской типографии. Правило это неоднократно подтверждалось Синодом, и лишь в 1726 г. оно было на короткое время (менее двух лет) отменено.[26] Сохранились сведения об изменении числа книг в библиотеке Успенского собора за длительный промежуток времени. В томе 3 «Русской исторической библиотеки» опубликованы описи имущества Успенского собора, в том числе и книг за разные годы: начала XVII в., 1627 г., 1638 г., 1701 г.[27] В Государственном историческом музее в Москве хранится опись Успенского собора за 1701 г. с данными о сверке имущества с наличием в 1725 г.[28] На основе этих сведений воспроизводится картина движения книжных фондов библиотеки: [29]

	Начало XVII в.	1627 г.	1638 г.	1701 г.	1725 г.
Всего книг	106	125	165	292	291
В том числе:					
печатных	9 (8.5%)	29 (23.2%)	67 (40.6%)	193 (66.1%)	197 (67.7%)
рукописных	97 (91.5%)	96 (76.8%)	98 (59.4%)	99 (33.9%)	94 (32.3%)

---

[26] ПСПиР, т. 5, с. 341.

[27] РИБ, СПб., 1876, стб. 339—344, 473—479, 494, 509—511, 520—525, 546—549, 680—695, 729—742, 850, 857, 866—868.

[28] ГИМ, Синод. собр., № 1182, л. 1, 124—138, 178—196, 315—319 об.

[29] В монографии «Книга в России в первой четверти XVIII века» (с. 287) мною было указано ошибочно число книг библиотеки Успенского собора в 1701 г. (172 книги), почерпнутое из статьи Б. В. Сапунова (в кн.: Книга. Исследования и материалы, сб. 22. 1971, с. 22). Неверно и мое утверждение, что опись 1725 г. до нас не дошла. Обнаружение описи 1701—1725 гг. в Государственном историческом музее позволяет исправить обе допущенные ошибки. Приводимые в настоящей главе сведения о числе книг в библиотеке Успенского собора в разные годы XVII в. опровергают также мое прежнее утверждение о том, что библиотека возникла не ранее второй половины XVII в.

Таким образом, изменение числа книг в библиотеке шло исключительно за счет поступлений печатных изданий. Наибольшие темпы возрастания книжного фонда наблюдались, как видно из таблицы, во второй половине XVII в. И здесь, по-видимому, значительную роль сыграло начало поступления обязательного экземпляра из Московской типографии.

Но после отмены патриаршества число книг в библиотеке уже не увеличивалось. Данные сверки описи с фактическим наличием книг в библиотеке, производившиеся после 1725 г., показывают, что новые поступления были незначительны и даже имелись факты утраты некоторых книг или передачи книг из библиотеки по распоряжению духовных властей в другие места. В этой связи не совсем понятно, куда после 1701 г. поступали книги обязательного экземпляра изданий Московской типографии, поскольку распоряжение о передаче этих экземпляров не утратило своей силы и, как мы видели, неоднократно подтверждалось. Возможно, что книги обязательного экземпляра хранились вне собора и распределялись по другим церквам.

Что же представляла библиотека Успенского собора по составу книг? Это было собрание почти исключительно одной лишь богослужебной и в очень малой степени — богословской литературы. Из светских книг по описям 1701 и 1725 гг. значится только славяно-греко-латинский букварь Поликарпова.[30] При последующих сверках в 1730 г. в библиотеке была обнаружена также книга Ц. Барония «Деяния церковные и гражданские» 1719 г. издания.[31] Рукописный фонд библиотеки претерпел мало изменений. Здесь было до 18 рукописных книг на пергаменте, в том числе греческое Евангелие, несколько рукописных книг, оставшихся еще от митрополитов XVI в. (Симеона, Макария). Среди печатных книг, имевшихся в библиотеке в первой половине XVII в., любопытно наличие книг «литовской печати».

За полтора столетия, с начала XVII в., библиотека Успенского собора почти утроила свой книжный фонд, но, как мы видели, рост шел исключительно за счет пе-

---

[30] ГИМ, Синод. собр., № 1182, л. 186 об.; РИБ, т. 3, стб. 735—736.

[31] Описание документов и дел архива Синода, т. 9. СПб., 1913, прил. IV, стб. 32.

чатных богослужебных книг и уже в начале XVIII в. прекратился. В XVIII в. состав книжного фонда библиотеки как бы законсервировался, и дальнейшее накопление в стране духовных ценностей шло помимо нее. В культурной жизни страны даже такое крупное книжное собрание, как библиотека Успенского собора, являвшееся одним из редких исключений среди церковных библиотек второй четверти XVIII в., практически никакой роли не играло.

Синодальная и Типографская библиотеки

В нашем предыдущем исследовании уже говорилось, что **Синодальная (б. Патриаршая) библиотека** состояла из двух частей: ризной и домовой библиотек патриарха.[32] После образования Синода произошло объединение этих книжных собраний в единую Синодальную библиотеку, но находились они все же в разных местах: ризная — в церкви св. Филиппа, домовая — в Казенной палате. Это устанавливается на основании описи Синодальной библиотеки 1735 г. (с добавлениями 1736 г.), хранящейся в фондах Государственного исторического музея.[33]

На описи 1735 г. следует остановиться подробнее. Основную часть ее составляет опись 1701 г., а в соответствующих графах отмечается наличие или отсутствие каждой книги при последующих сверках: 1721, 1725, 1727 и 1735 гг. Таким образом, опись 1735 г. воспроизводит изменения в составе книжного фонда библиотеки более чем за 30 лет (с 1701 по 1735 г.). Из описи видно, что основное ядро бывшей ризной библиотеки по состоянию на 1701 г. (1068 книг) в дальнейшем почти не изменилось.[34] Также стабильным оказался и состав второй части ризной библиотеки — новые поступления в нее с 1705 по 1727 г. (книжное собрание Евфимия и др.), всего 246 книг.[35]

Третью часть описи составляли книги, хранящиеся в Синодальной Казенной палате.[36] Это бывшая домовая

---

[32] Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века, с. 290.

[33] ГИМ, Синод. собр., № 1047, л. 199—302 об., 338—354, 567—574.

[34] Там же, л. 199—274 об.

[35] Там же, л. 275—302 об.

[36] Там же, л. 338—353 об.

библиотека патриарха, которая, как мы знаем, являлась чем-то вроде книжного склада и состав которой постоянно менялся.[37] Книги домовой библиотеки впервые появляются в составе описи Синодального собрания только в 1735 г. (до этого времени учет этих книг велся особо). В 1735 г. в Казенной палате насчитывалось около 1080 книг.

Последнюю часть описи составляют книги, обнаруженные в 1736 г. сверх описи 1735 г.[38] Таких книг было около 180. Следовательно, всего в Синодальной библиотеке в 1736 г. насчитывалось свыше 2570 книг. Кроме того, имелось еще около 500 «подносных книг» — остаток от бесплатной раздачи изданий Московской типографии, хранившийся в Синодальной ризнице,[39] который едва ли можно считать частью Синодальной библиотеки.

Состав ризной Патриаршей библиотеки был охарактеризован в двух наших предыдущих исследованиях,[40] поэтому нет нужды останавливаться на этой части Синодального собрания, как и на характеристике книг, хранившихся в казенной палате (б. домовая библиотека), поскольку по сравнению с 1721 г. этот книжный фонд почти не претерпел изменений ни по количеству (в 1721 г. — 1090, в 1735 г. — 1080 книг), ни по составу.[41] Следует сказать лишь несколько слов о книгах, включенных в опись в 1736 г. Едва ли эти книги поступили в Синодальную ризницу именно в 1736 г. Скорее всего они хранились там ранее, а в 1736 г. по чьему-то распоряжению были включены в общую опись. Дело в том, что в нашем распоряжении имеется ряд свидетельств о решениях Синода передать в Синодальную библиотеку то или иное книжное собрание, однако в описях библиотеки эти решения почему-то отражения не нашли.

Так, еще в 1721 г. Синод принял решение хранить в Синодальной библиотеке книжное собрание смолен-

---

[37] Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века, с. 290, 292—293.

[38] ГИМ, Синод. собр., № 1047, л. 567—572.

[39] Там же, л. 573—574 об.

[40] Луппов С. П. 1) Книга в России в XVII веке. Л., 1970, с. 179—183; 2) Книга в России в первой четверти XVIII века, с. 290—292.

[41] Характеристика состава домовой библиотеки в петровское время дана в монографии: Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века, с. 292—293.

ского митрополита Варлаама, состоявшее, как известно, из 354 книг. Но у Варлаама было завещание, по которому часть его книг передавалась в другие места.[42] Посчитался ли с этим Синод и какие именно книги попали в Синодальную библиотеку, остается неясным. В 1725 г. было принято решение о передаче в синодальную ризницу 140 книг, оставшихся после смерти асессора Синода грека А. М. Наусия.[43] И снова не совсем ясно, попали ли эти книги в библиотеку. В том же 1725 г. Меншиков во время посещения С.-Петербургской губернской канцелярии обнаружил там книги, оставшиеся после «греческого попа», и распорядился передать их в Синод. Всего было передано 49 книг, в основном религиозного содержания (из светских были только греко-латинский лексикон и «Житие» герцога Саксонского на французском языке).[44] Книги эти так и остались при Синоде в Петербурге, но в 1729 г., при переезде Синода в Москву, был отправлен туда же «сундук книг всякого звания печатных и письменных..., да тут приложены и греческие и латинские книги, взятые после бывшего в России греческого попа из гарнизонной канцелярии в 725 году».[45] Возможно, что теперь эти книги попали в Синодальную библиотеку.

Все приведенные данные говорят о том, что и в послепетровское время Синодальная библиотека пополнялась книгами, которые, по-видимому, хранились отдельно. Нам представляется, что литература, обнаруженная в библиотеке в 1736 г. сверх основной описи, и является новыми поступлениями в эту библиотеку в более ранние годы. Тут могли быть и книги Варлаама Смоленского, и книги других собраний.

Как уже говорилось, всего в 1736 г. было включено в опись около 180 книг. В основном это была религиозная литература (богослужебная и богословская), но имелись и книги светского содержания: хронографы, хроники, летописцы, сочинения Тита Ливия и Барония, Лечебник, книга Степенная, «История скифийская» и др. Характерно, что рукописные книги составляли около $^1/_4$ общего

---

[42] Описание документов и дел архива Синода, т. 1. СПб., 1866, стб 278—280, CLXXXV—CLXXXVII, CXCV—CCIII.

[43] Там же, т. 5, стб. 92—94.

[44] Там же, стб. 431—434.

[45] Там же, т. 9, прил. X, стб. 101.

количества. Среди рукописных книг находились, например, 5 томов сочинений Тита Ливия, Лечебник, написанный уставом. Помимо русского и церковнославянского, были книги и на других языках: латинском, греческом, польском, белорусском. Подобного рода литература могла попасть в Синодальную библиотеку только из каких-то книжных собраний.

Следует сказать, что имеются факты не только о поступлениях, но и об утрате книг Синодальной библиотекой. Так, в 1732 г. Синод затребовал из библиотеки «для случающихся рассуждений и справок о российском народе» имеющиеся там «летописцы и степенные и прочие тому подобные книги». По этому требованию библиотекой были отправлены в Петербург 2 Степенные книги, 4 летописца, «история Московская», «история о полководстве», книга «Сборица» и один «келейный» Хронограф. Все книги были осмотрены в Синоде и переданы Феофану Прокоповичу,[46] который, по-видимому, и включил их в состав своей библиотеки.

В 1725 г. выяснилось, что архиепископом Феодосием Яновским в то время, когда он возглавлял Синод, было взято из Синодальной ризницы 35 книг, из них 11 явно светского содержания (например, 2 Лечебника, Хронограф, Степенная книга).[47] Остается неясным, были ли возвращены эти книги после ареста Феодосия.

В конце 1739 г. в Синоде была составлена для Кабинета е. и. в. справка о числе книг в Синодальной библиотеке. В церкви св. Филиппа (т. е. в бывшей ризной библиотеке) числилась 1081 книга, в Синодальной казенной палате — 938,[48] следовательно, всего 2019 книг. Нельзя не видеть, что по сравнению с данными описи 1735—1736 гг. эти цифры явно приуменьшены. Можно допустить, что за истекшие 4 года большая партия книг (свыше 140) была взята из Казенной палаты для других нужд Синода. В этом нет ничего удивительного. Но почему в справке не числятся поступления в ризную библиотеку после 1705 г., проходившие неизменно по всем предыдущим описям, и почему не учтены поступления 1736 г., сказать трудно. О них, по-видимому, было ре-

[46] Там же, т. 12, стб. 696—697; то же: ПСПиР, т. 7, с. 582—583.
[47] Описание документов и дел архива Синода, т. 12, стб. 528—529.
[48] ЦГИА, ф. 796, оп. 20, № 576, л. 10.

щено не сообщать Кабинету. Такое предположение тем более правдоподобно, что в последней редакции справки для Кабинета Синод решил не указывать совсем и книг, находившихся в Казенной палате («сие не писать»).[49] Очевидно, существовала опасность изъятия части литературы, находившейся в ведении Синода, как излишней для него.

Круг читателей Синодальной библиотеки был невелик, и данных о читателях почти не сохранилось. Наиболее интересным фактом является разрешение Синода (от 12 ноября 1736 г.) пользоваться книгами Синодальной домовой и Типографской библиотек ректору, префекту, учителям и «первенствующих школ студентам» Славяно-греко-латинской академии. Для чтения отводилось свободное от учебы время три раза в неделю (по вторникам, четвергам и субботам); при этом нельзя было читать книги в помещении самих книгохранилищ. В Синодальной библиотеке читать разрешалось в столовой, а в Типографской — в Правильной палате. Для этого в указанных помещениях было разрешено поставить специальные столы. Читатели могли делать для себя выписки из книг, но выносить книги из библиотеки категорически запрещалось.[50]

Менее чем через год, в сентябре 1737 г., порядок пользования книгами библиотек был изменен. Синод разрешил выдавать книги под расписку на руки ректору или префекту для пользования вне библиотек. За порчу или утрату книг взыскивался штраф.[51] Разрешение пользоваться книгами Синодальной и Типографской библиотек преподавателям и студентам Славяно-греко-латинской академии объяснялось недостатком книг в библиотеке этой академии, к тому же сильно пострадавшей в 1737 г. от пожара.[52] Характерно, что из двух частей Синодальной библиотеки для чтения использовались только книги домовой библиотеки, книги из фонда ризной библиотеки выдавать не разрешалось. Из всего сказанного следует, что Синодальная библиотека в послепетровское время

---

[49] Там же, л. 10—12.

[50] Описание документов и дел архива Синода, т. 16. СПб., 1906, стб. 493—494.

[51] Там же.

[52] Смирнов С. К. История Славяно-греко-латинской академии. М., 1855, с. 101.

очень мало менялась по своему составу. Духовные власти мало обращали на нее внимания. Книжный фонд этой библиотеки практически не пополнялся новой литературой и очень слабо использовался читателями.

Сравнительно мало изменился после 1727 г. и состав другой крупнейшей библиотеки духовного ведомства — **Типографской,** хотя в петровское время число книг в этой библиотеке возрастало бурными темпами и к 1727 г. достигло очень крупной цифры — 3245 книг.[53] Помимо того, на Печатном дворе (Московская типография) находилось значительное число книг, не записанных в каталог.[54] На основании так называемого «Универсального каталога» этой библиотеки можно заключить, что за последующую четверть века (после 1727 г.) книжный фонд Типографской библиотеки увеличился всего на 300 книг (т. е. менее чем на 10%), достигнув в середине XVIII в. 3555 книг.[55]

Как видно, духовные власти не принимали должных мер к регулярному пополнению новыми книгами не только Синодальной, но и Типографской библиотеки. Новые поступления в эту библиотеку были довольно случайны и шли в основном за счет сложившихся ранее книжных собраний. Так, в 1728 г., после ликвидации С.-Петербургской типографии, Синод распорядился передать в типографское книгохранилище правленные рукой Петра «Книгу Марсову», уставы морской и воинский, а также реляцию о Калишской битве.[56] По данным

---

[53] Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века, с. 303.

[54] Там же. По данным каталога, опубликованного М. Полуденским, на Печатном дворе (Московская типография) уже в 1718 г. находилось свыше 3500 книг: «...всех на Печатном дворе и в Книгохранительной палате иноязычных и славянских печатных и письменных 3518 книг» (Каталог патриаршей библиотеки, составленный в 1718 году. — ПДП, т. 103, с. 59—60). По-видимому, в это число вошли и те книги, которые не считались библиотечными.

[55] Ал. Ар. [Артемьев А.]. Каталог библиотеки Московской синодальной типографии. — ВМОИДР, 1851, кн. 11, Смесь, с. 11. В справке, составленной по распоряжению Синода для Кабинета е. и. в., указывается явно заниженное число книг Типографской библиотеки в 1739 г.: 3102 (ЦГИА, ф. 796, оп. 20, № 576, л. 10—12). Впрочем, как мы видели, и другие цифры в этой справке занижены.

[56] Описание документов и дел архива Синода, т. 7. СПб., 1885, стб. 375—376.

того же Универсального каталога, в Типографскую библиотеку были переданы 50 книг из библиотеки Г. Бужинского, 19 книг из собрания Феофилакта Лопатинского, 59 книг из собрания справщика Феолога.[57] Все эти поступления относятся к 30-м годам XVIII в. (Г. Бужинский умер в 1731 г., Феолог — в 1734 г., и тогда же последовало распоряжение о передаче его книг,[58] библиотека Феофилакта Лопатинского была конфискована в 1738 г.). В числе всех этих книг имелись и светские. Так, из библиотеки Г. Бужинского были взяты книга Иосифа Флавия, несколько лексиконов, грамматика французская; из библиотеки Феофилакта Лопатинского — 6 книг Цезаря Барония.[59] Следовательно, кто-то делал отбор книг, руководствуясь данными описей книжных собраний, и в Типографскую библиотеку попала только небольшая часть книг Г. Бужинского и Ф. Лопатинского. Несколько иначе получилось с книгами Феолота: бо́льшая часть его книжного собрания, в котором имелось много латинских и греческих книг, была передана в Типографскую библиотеку: 59 книг из общего числа 73.

Характеристика книжного фонда Типографской библиотеки была дана в нашем предыдущем исследовании.[60] Поступления книг после 1727 г., сравнительно небольшие по отношению к общему количеству книг в этой библиотеке, не изменили общей картины. Типографская библиотека представляла исключительную ценность как по общему числу книг, так и по составу книжного фонда. Однако, как мы видели, начиная с 30-х годов XVIII в. дальнейшее развитие практически прекратилось. Здесь имеется полная аналогия с тем, что происходило в Синодальной библиотеке. И так же, как книжный фонд Синодального собрания, книги Типографской библиотеки использовались читателями в очень малой степени. Распоряжение Синода о допуске к книжным фондам преподавателей и студентов Славяно-греко-латинской ака-

---

[57] Ал. Ар. [Артемьев А.]. Каталог библиотеки Московской синодальной типографии, с. 9—13. См. также: БАН РО, 17.8.17, л. 51—52.

[58] Описание документов и дел архива Синода, т. 14. СПб., 1910, стб. 482.

[59] БАН РО, 17.8.17, л. 51—52.

[60] Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века, с. 303—305.

демии касалось не только Синодальной, но и Типографской библиотеки, но это было редким явлением. Других сведений об использовании книжного фонда Типографской библиотеки мы не знаем.

Из всего сказанного мы видим, что Синод нроявлял мало заботы о подведомственных ему крупнейших библиотеках. Одно из немногих постановлений его об улучшении состояния библиотек относилось к 1735 г. В постановлении говорилось о назначении иеромонаха Луки Конашевича архимандритом Симонова монастыря в Москве. Ему предписывалось, кроме других поручений, осмотреть книги в Синодальной и Типографской библиотеках, «и если что востребуется к лучшему учреждению библиотек, то устроить общим согласием в Синодальной — с казначеем и ризничим, а в Типографской — с директором, излишние же на греческом и латинском и прочих иностранных диалектах книги, если их окажется одним званием по 20 и более, оценя, продать охочим людям с публичного торга, оставив в библиотеках по единой лучшей, и о продаже донести».[61] Таким образом, Синод был более заинтересован в ликвидации излишних книг, чем в настоящем улучшении дела в библиотеках.

2. БИБЛИОТЕКИ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

В первой главе монографии сделан обзор учебных заведений, существовавших в России в рассматриваемую эпоху. Число этих заведений, как светских, так и духовных, было достаточно велико. Каждое из них, разумеется, не могло обойтись без своей библиотеки. Библиотеки имелись как при учебных заведениях повышенного типа (академии, семинарии), так и при начальных школах. На покупку книг каждое ведомство, имевшее в своем ведении школы, выделяло какую-то сумму, обычно очень небольшую, которой не хватало даже на приобретение минимума книг. Именно поэтому все школы, как повышенного типа, так и начальные, испытывали постоянную нужду в учебной литературе. Наиболее простым выходом из положения было ходатайство перед начальством о передаче школе какого-нибудь частного книжного собрания, оставшегося после смерти владельца. Но этого уда-

---

[61] Описание документов и дел архива Синода, т. 15. СПб., 1907, стб. 486—487.

валось добиться только очень немногим учебным заведениям. Большинство же школ имели незначительные библиотеки.

Если сведения об учебных заведениях этой эпохи очень скудны, то об их библиотеках мы знаем еще меньше. Самой старой библиотекой такого типа было книжное собрание Славяно-греко-латинской академии, начало которой было положено еще в конце XVII в. Но даже и это крупнейшее учебное заведение постоянно испытывало большую нехватку учебных книг. В доношении ректора, написанном в декабре 1731 г., например, говорилось: «...в Славяно-греко-латинской московской академии не токмо что в латинских школах лексиконов казенных, но и в российской школе азбук, часословов и псалтырей не имеется, а собственных за скудостью учеников купить не могут».[62]

В 1728 г. ректор академии добился у Синода разрешения на пользование преподавателями академии латинскими и греческими книгами Типографской библиотеки. При этом предписывалось не держать книги более 1—2 месяцев.[63] В 1736 и 1737 гг., как мы уже знаем, право пользования книгами не только Синодальной, но и Типографской библиотек было предоставлено как преподавателям, так и лучшим студентам.

Трудности с книгами увеличились после того, как в 1737 г. библиотека Академии пострадала от пожара и, как сказано в монографии С. К. Смирнова, «из немногого собрания книг уцелела малая часть».[64] Пришлось пополнять библиотеку из частных книжных собраний, оставшихся без своих владельцев. По данным того же Смирнова, в 1731 г. в Академию была передана вся библиотека Г. Бужинского, в 1737 г. — вся библиотека Афанасия Кондоиди, в 1738 г. — библиотека вятского епископа Лаврентия Горки.[65]

Эти сведения очень неточны. Мы уже знаем, что 50 книг Бужинского поступили в Типографскую библиотеку. Известно также, что значительная часть его книг

---

[62] Описание документов и дел архива Синода, т. 11. СПб., 1903, стб. 725.

[63] Смирнов С. К. История московской Славяно-греко-латинской академии, с. 101.

[64] Там же.

[65] Там же, с. 101—102.

(около 90) не была после его смерти перевезена в Москву и осталась в Рязани.[66] Из предыдущей главы нашей монографии мы знаем, что часть библиотеки Лаврентия Горки (42 книги) осталась в Вятке. Таким образом, версия о передаче библиотеке Академии целиком перечисленных выше книжных собраний Г. Бужинского и Л. Горки отпадает.

Справка Синода, составленная в конце 1739 г., об имеющихся в его распоряжении книжных собраниях несколько уточняет данные о поступлении книжных собраний в библиотеку Славяно-греко-латинской академии. По данным Синода, в эту библиотеку было передано лишь 195 книг Гавриила Бужинского (а всего у него книг было почти в два раза больше), причем дата передачи в справке не обозначена; 290 книг Лаврентия Горки, согласно резолюции Кабинета е. и. в. от 28 сентября 1737 г., приказано было передать в Академию, но из справки не видно, выполнено ли это распоряжение и если выполнено, то когда. Наконец, в той же справке сказано, что 1080 книг, принадлежавших ранее Кондоиди, находятся в Петропавловском соборе в Петербурге,[67] т. е. еще не были переданы в Академию.

Сохранился каталог книг библиотеки Славяно-греко-латинской академии, относящийся к концу 1739 г. или к 1740 г.[68] В библиотеке было в это время 696 книг, в том числе 545 на латинском языке, 122 — на русском, 29 — на польском. В основном это была религиозная литература, немало имелось и книг светского содержания. Особое место принадлежало 65 рукописным курсам лекций по философии, логике, физике, филологии, поэтике, теологии и другим предметам, преподаваемым в академии. Из светской литературы лучше была представлена историческая и филологическая, меньше было книг по философии, юриспруденции, морали. Укажем ряд светских книг. На латинском языке имелись «Записки о Галльской войне» Юлия Цезаря, «Политика» Аристотеля, «О праве войны и мира» Гуго Гроция, произведения Корнелия Непота, Сенеки, Цицерона, «Анатомия» Бидлоо; из русских книг — «Феатрон, или позор историче-

---

[66] Описание документов и дел архива Синода, т. 11, с. 842—844.

[67] ЦГИА, ф. 796, оп. 20, № 756, л. 1—12.

[68] Там же, л. 179—189 об.

ский», «Мир с богом человеку», «Генеральный регламент», «Регламент адмиралтейский», «Рассуждение» о причинах шведской войны Шафирова, а также целый ряд лексиконов, грамматики, исторические хроники, Луцидариус.

Приведенные примеры говорят о широте тематики книжного фонда и, пожалуй, об известной случайности подбора литературы. Некоторое удивление вызывает отсутствие книг в нескольких экземплярах, что характерно для библиотек учебных заведений. В данном случае перед нами книжное собрание скорее для преподавателей, чем для учащихся. И это неудивительно, поскольку почти 70% общего числа его книг (485 из 696) входило ранее в состав частных книжных собраний просвещенных людей (Г. Бужинского и Л. Горки). Что касается остальных 211 книг (курсы лекций и др.), то это — остаток от ее прежнего книжного фонда, уцелевший при пожаре 1737 г. Удивляет полное отсутствие в 1740 г. греческих книг, а они должны были находиться там — ведь библиотека возникла на базе книжного собрания Типографской школы конца XVII в.,[69] где греческая литература имелась. По-видимому, греческие книги сгорели во время пожара.

В библиотеках других академий сведений, относящихся к рассматриваемому периоду, почти не сохранилось. Зато имеются кое-какие данные о книжных собраниях школ повышенного типа, к числу которых следует отнести **Петербургскую семинарию**, возникшую на базе школы при Александро-Невском монастыре, учрежденной еще в 1721 г. В 1725 г., как показывает опись, в библиотеке Александро-Невской школы насчитывалось всего лишь 204 книги, в том числе 100 букварей, 70 книг «Блаженств евангельских», 10 часословов, 10 псалтырей, 2 книги по арифметике, несколько различных грамматик (одна рукописная), трехъязычный лексикон и др. Из книг для чтения светского содержания имелись только «Тестамент, или завет Василия, царя греческого...» и «Ифика-иерополитика».[70] Подбиралась библиотека в соответствии с несложной программой этой школы.

---

[69] Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века, с. 309—311.

[70] Там же, с. 313, 314. См. также: Описание документов и дел архива Синода, т. 5, прил. X, стб. CCCXXII.

Положение резко изменилось, после того как школа при Александро-Невском монастыре была преобразована в семинарию и в 1738 г. к ней присоединена семинария Феофана Прокоповича. Небольшое книжное собрание Александро-Невской школы превратилось теперь в крупную библиотеку. По данным сохранившейся в Центральном историческом архиве в Ленинграде описи, в 1740 г.[71] в этой библиотеке находились книги 728 названий на различных языках, а так как многие из них хранились в большом числе экземпляров, то общее число томов составляло очень крупную цифру — 6621 книга. Однако в данном случае количество томов не показательно для характеристики богатства библиотеки, поскольку число экземпляров трех русских изданий было чрезмерно и явно превышало потребности семинарии: «Феатрон, или позор исторический» — 608 экз., «Пращица духовная» — 867 экз., «Блаженства евангельские» — 1460 экз. Очевидно, по распоряжению начальства все остатки тиражей этих книг были переданы в библиотеку. В отношении всех других книг положение было иное: здесь число экземпляров было значительно меньше (до 50 экз. для ходовых книг) и лишь букварей насчитывалось 100 экз., что и неудивительно.

Большинство же книг имелось в небольшом числе экземпляров, а очень часто и всего в одном. Учитывая это, в дальнейшем при характеристике книжного фонда Александро-Невской библиотеки мы будем оперировать не числом томов, а числом названий имевшихся в ней книг.

Как показывает опись, русские книги библиотеки составляли лишь 35% ее книжного фонда (254 названия из 728). Больше было книг на латинском языке (около 40%). Далее шли книги греко-латинские (61 назв.), на немецком и французском языке (67), польском (27), голландском (22). Немного было книг на греческом языке (13 назв.) и совсем мало — на итальянском (3). Если подойти к книжному фонду с точки зрения содержания книг, то выясняется, что светская литература по числу названий составляла почти половину всех книг (323 из 728, или 44.4%), причем в основном это была гуманитар-

---

[71] ЦГИА, ф. 796, оп. 20, № 576, л. 211—249.

ная литература. Состав книжного фонда библиотеки Петербургской семинарии по описи 1740 г. характеризуется так:

Отрасли знания, вид литературы	Число названий	%
История	77	10.6
Филология	45	6.2
Философия, логика	25	3.4
Юриспруденция	26	3.6
Риторика	18	2.5
Прочая гуманитарная литература (политика, мораль и др.)	21	2.9
Математика, физика, астрономия, техника	19	2.6
География	22	3.0
Биология, медицина	13	1.8
Буквари, азбуки	7	0.9
Художественная литература	26	3.6
Прочая светская литература (общенаучная, информационная и др.)	24	3.3
Религия	405	55.6
Итого	728	100%

Из этих данных видно, что больше всего книг в библиотеке Петербургской семинарии было по истории. Здесь имелись и издания петровского времени («Историография... народа славенского», «История... о разорении... Иерусалима», «История... о разорении града Трои», «Тестамент, или завет Василия, царя греческого...», «Синопсис», «Феатрон, или позор исторический», «Деяния церковные и гражданские» Ц. Барония и др.), и исторические труды классиков (Геродота, Фукидида, Тацита, К. Непота, Квинта Курция Руфа), и произведения более поздних историков (И. Зонары, С. Пуффендорфа), и «жития» Тамерлана, королевы Анны, королевы Елизаветы, и «летописцы».

Филологическая литература была представлена различного рода лексиконами (четырехъязычный, немецко-латино-греческий, славяно-латинский, латинский, латино-греческий и др.), грамматиками русского и иностранных языков, книгами по поэтике и др.; в числе книг по философии и логике — такие, как «Диалектика» Аристотеля, «Философия натуральная», «Методы диалектики». Немало литературы имелось по юридическим наукам. Здесь находились Кодекс Юстиниана, произведения Гуго Гроция

и Пуффендорфа, такие книги, как «Корпус юрис милитарис», «Корпус юрис цивилис», «Элементы юриспруденции» и др.

Для библиотеки учебного заведения духовного ведомства характерно наличие довольно большого числа книг по риторике и литературы нравоучительного характера. В числе таких мы видим книги, стоящие в описи под названиями «Риторика», «Орации», произведения Цицерона, известные русские издания «Мир с богом человеку», «Феатрон, или позор нравоучительный», «Ифика-иерополитика», «Юности честное зерцало», здесь же видим и произведения Эразма Роттердамского. Из прочей гуманитарной литературы следует назвать известные «Рассуждения» Шафирова о причинах шведской войны, «Расположение учении Петра II», «История о ординах...» и некоторые другие.

Естественнонаучная литература в библиотеке Петербургской семинарии была довольно бедно представлена. Несколько больше книг было по географии («География генеральная», «Земноводного круга описание», атласы, описания отдельных стран, известная книга Ф. Клюверия по географии) и математике. Хотя книг по математике было немного (14), они были разнообразны по тематике. Здесь имелись пособия и по арифметике, и по геометрии, и по тригонометрии. Характерно наличие изданий петровского времени: «Приемы циркуля и линейки», «О превращении фигур плоских...», «Таблицы синусов... и логарифма синусов...». По физике, астрономии, космографии, технике имелись лишь единичные книги. Очень мало было книг и по биологическим наукам, и медицине («Физиология», «Книга о зверях», «Лечебник» и др.). Случайные книги находились и по военному делу (издания петровского времени).

Художественная литература была немногочисленна (26 названий), но разнообразна. Имелись произведения античных писателей (Горация, Вергилия, Теренция, Гесиода, Овидия, Гомера, Петрония, Эврипида), различные варианты «Апофегмат», «Тысяча и одна ночь», «Похождения Телемака», «Повесть о Петре Златые ключи», панегирики и т. д. Целый ряд книг, по которым учились, находился в значительном числе экземпляров: грамматики, словари, буквари, азбуки, атласы, учебники латинского языка Альвара, произведения Цицерона, Овидия и т. д.

По составу своего книжного фонда библиотека Петербургской семинарии занимала видное место среди библиотек других учебных заведений того времени. Здесь имелось и богатое собрание учебной литературы в достаточном числе экземпляров нужных книг, и более серьезные книги по различным отраслям знания. Всего за 15 лет после 1725 г., когда была составлена опись книжного собрания Александро-Невской школы, библиотека неузнаваемо изменилась. Как это могло произойти? На наш взгляд, причина такого необычного явления заключается в том, что к школе при Александро-Невском монастыре была присоединена семинария Феофана Прокоповича, которая, по-видимому заботами своего знаменитого учредителя, была гораздо лучше обеспечена книгами, чем Александро-Невская школа.

Следует сказать, что и некоторым другим учебным заведениям этого времени повезло с книгами. В только что открытый Харьковский коллегиум (Славяно-греко-латинская школа) были переданы книги из известной библиотеки Стефана Яворского.[72] В библиотеку Екатеринбургской горнозаводской школы, как мы уже знаем из главы V монографии, В. Н. Татищев пожертвовал свое книжное собрание, состоявшее из 1000 книг. Библиотека Казанской семинарии пополнилась богатым по тому времени книжным собранием Луки Канашевича.

Начало **Казанской семинарии** было положено еще при Петре, когда по указу 18 марта 1723 г. стали организовываться школы при архиерейских домах, в том числе и при казанском. Казанская школа, носившая название Славяно-латинской, первое время не могла похвалиться успехами, но в 1738 г., когда во главе ее был поставлен большой поборник просвещения Лука Канашевич, положение школы резко изменилось. Подарив семинарии свою личную, хорошо подобранную библиотеку, Канашевич практически положил начало крупной фундаментальной библиотеке семинарии, которая, по словам П. Любарского, была «снабжена многими разных авторов разноязычными и особливо латинскими книгами». Для увеличения числа книг Канашевич пытался добиться специальных денежных средств от правительства, но успеха не

---

[72] Описание документов и дел архива Синода, т. 12, стб. 32—33.

имел. При семинарии, помимо фундаментальной, имелась и учебная библиотека, состоявшая из учебников для учащихся.[73]

Следует сказать, что по указу Сената от 26 февраля 1735 г. в Казанской губернии была намечена организация четырех специальных школ «для обучения как новокрещенных вотяков, мордвы, чуваш, так разных народов новокрещенных детей» русскому языку. Одна из этих школ должна была находиться в Казани при Федоровском монастыре, другая — в дворцовом селе Елабуге, третья — в Цивильске Свияжского уезда, четвертая — в Царевококшайске. Указом предусматривался отпуск денег на покупку книг для этих школ, но сумма ассигнований не была определена.[74]

Как мы уже знаем из первой главы, в 1728 г. в **Смоленске** при Авраамиевом монастыре была учреждена **специальная школа** для детей шляхтичей, задачей которой было пресечь случаи посылки смоленскими дворянами своих детей для обучения в зарубежные католические учебные заведения. Школа была повышенного типа, в ней обучали грамматике, синтаксиме, пиитике, риторике, философии, фаре, инфиме и другим предметам, преподававшимся в академиях и семинариях того времени. Однако цель не была достигнута: дворянство весьма неохотно посылало детей в эту семинарию, и в ней учились преимущественно дети духовенства.

Тем не менее духовные власти пошли на значительные затраты по созданию библиотеки при этом учебном заведении. С 1728 по 1738 г. было израсходовано 1038 р. 3 к. на приобретение книг.[75] Сохранилась опись этой библиотеки, состоявшей из 229 книг (117 названий), из которых 78 (57 названий) были светского содержания, т. е. около 25% общего количества.[76] Из светской литературы было больше всего книг по истории. Здесь имелись труды классических и средневековых авторов: Юлия

---

[73] Библиотека при Казанской духовной семинарии. Краткий исторический очерк от начала и до настоящего времени (1738—1888). — «Православный собеседник», 1889, октябрь, с. 262—267; декабрь, с. 478.

[74] ПСЗ, т. IX, № 6695, с. 483.

[75] Описание документов и дел архива Синода, т. 16, стб. 149—151.

[76] Там же, прил. IX, стб. 623—650.

Цезаря, К. Тацита, Т. Ливия, Квинта Курция об Александре Македонском (франкфуртское издание 1680 г.), Светония («Книги о 12 кесарях»), И. Зонары («Годовые повести» парижского издания 1686 г.), Г. Кедрина («Сокращение истории», 2 тома), Полидора Вергилия Урбинского («Об изобретателях вещей») и ряд других.

Значительно меньше было книг по риторике и ораторскому искусству (произведения Цицерона, «О риторском наставлении» М. Ф. Квинтилиана, «Орации» М. А. Майэрагия), художественной литературы (произведения П. Овидия Назона, комедии Плавта, «Лирические вещи и эпиграммы»). Отдельные издания были по философии («Аристотелевы все книги с толкованием» парижского издания 1654 г.), филологии (известный многоязычный словарь А. Калепина, произведения Юста Липсия), географии (Ф. Клеверия «Введение в универсальную географию»), естественным наукам («История натуральная» Плиния парижского издания 1723 г.).

Все эти книги на латинском и греческом языках были закуплены «за морем чрез корреспондента в Лейпциге» по представлению ректора «Авраамиева училищного монастыря» и хранились «в означенном монастыре в нарочно устроенной библиотеке».[77] Как показывает упомянутая выше опись, за некоторые издания были уплачены большие деньги, например за комплект произведений Аристотеля «с толкованием» (4 тома) было уплачено 23 р. 10 к., 2 тома «Истории натуральной» Плиния Секунда стоили 33 р. 22 к., 3 тома «Истории с примечаниями» Иоанна Кантакузина (Париж, 1644) — 29 р. 20 к. Несомненно, что библиотека Смоленской семинарии значительно беднее по числу книг такого крупного книжного собрания, как библиотека Петербургской семинарии, но подбор книг в ней представляет значительный интерес.

Сделанный нами обзор библиотек учебных заведений охватывает лишь часть из них, но, за отсутствием сохранившихся данных, приходится ограничиться приведенными сведениями. В целом же следует сказать, что сеть библиотек учебных заведений в рассматриваемый период довольно значительно расширилась по сравнению с эпохой Петра.

---

[77] Там же, т. 16, стб. 151.

3. БИБЛИОТЕКА АКАДЕМИИ НАУК[78]

Среди русских библиотек послепетровского времени исключительное значение имела Библиотека Академии наук. Основанная на десять лет раньше самой Академии (в 1714 г.), новая библиотека после учреждения Академии наук вошла в ее состав. Это, по-видимому, соответствовало замыслам Петра. В § 8 проекта Положения об учреждении Академии наук, одобренного Петром I, говорилось: «А чтоб академики в потребных способах недостатку не имели, то надлежит, дабы библиотека и натуральных вещей камора Академии открыта была».[79] Еще при Петре были приняты меры к постройке для Библиотеки Академии наук и составлявшего с ней единое целое государственного музея (Кунсткамеры) специального здания на невской набережной Васильевского острова в Петербурге. Здание состояло из двух совмещенных корпусов с центральной частью между ними, увенчанной башней. Восточное крыло занимала Библиотека, западное — Кунсткамера, в башне центральной части помещалась академическая обсерватория. Одновременно со строительными работами по возведению здания изготовлялось и оборудование: для книг по размеру простенков делались стеллажи. Уже в декабре 1726 г. было приказано начать перевозку в новое здание книг и экспонатов музея. Перевозка была закончена лишь к концу мая 1728 г., однако расстановка книг потребовала еще нескольких месяцев работы, и лишь 25 ноября 1728 г. Библиотека была открыта для посетителей.

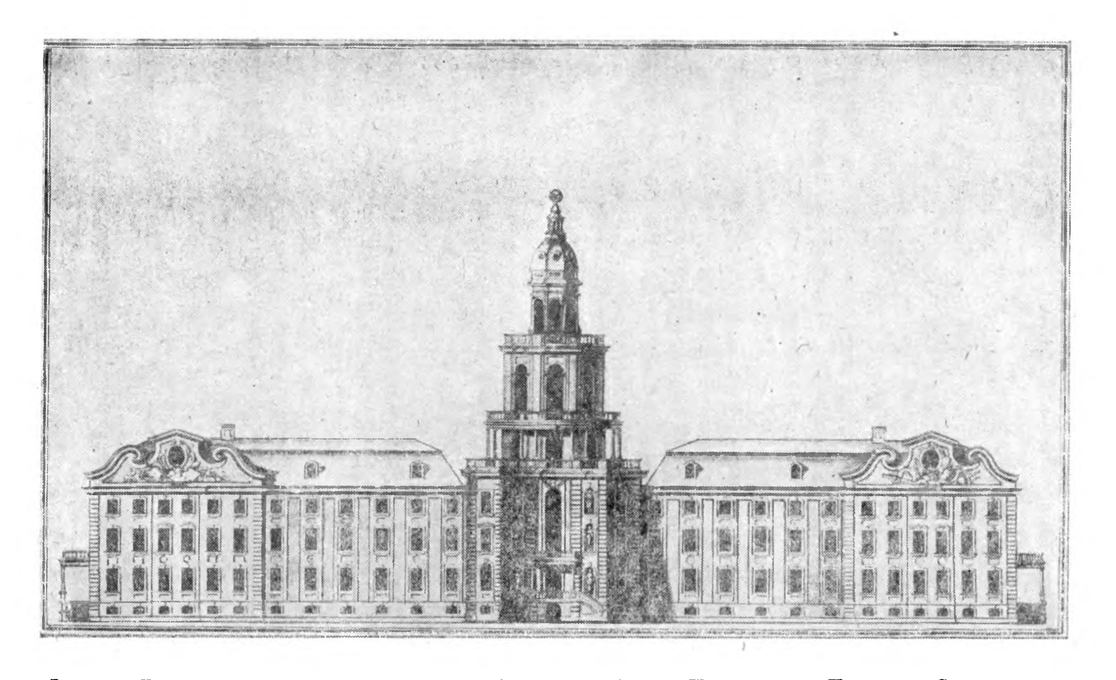
Об этом событии сообщалось в петербургских «Ведомостях» 26 ноября: «Вчерашнего дня отперта здесь паки императорская библиотека с кунст- и натурал-каморою потом, как оная в новые академические палаты переведена...». На торжестве открытия присутствовало много представителей знати. «Впредь будет Библиотека равным же образом повсенедельно дважды, а именно во вторник и в пятницу пополудни от 2 до 4 часа, отперта и всякому вход во оную свободен».[80]

---

[78] Настоящий раздел монографии представляет собой сокращенный вариант написанной нами главы II «Истории Библиотеки Академии наук СССР» (М.—Л., 1964, с. 37—93) с добавлением некоторых новых материалов.

[79] История Академии наук СССР, т. 1. М.—Л., 1958, с. 432.

[80] «Ведомости», 1728, 26 ноября, № 95, с. 383—384.



Здание Библиотеки и Кунсткамеры. Фасад на Неву. Из книги «Палаты Санктпетербургской Академии наук».

В нашем предыдущем исследовании, где говорилось об основании и первом десятилетии существования этой первой в России государственной библиотеки общественного пользования, подчеркивались необычный для страны характер ее книжных фондов, состав читателей и та роль, которую она сыграла в культурной жизни России.[81] Эта необычность еще более проявилась и в послепетровское время, когда Библиотека вошла в состав Академии наук и стала обслуживать потребности крупнейшего научного учреждения страны.

Следует сказать, однако, что, превратившись с созданием Академии наук в ведомственное учреждение, библиотека не утратила публичного характера. Это подчеркивается в приведенной выше цитате из «Ведомостей» («всякому вход во оную свободен»), а еще ранее — в проекте регламента Академии наук, разработанном в конце 1725 г., где также говорится о свободном для всех входе в Библиотеку.[82] Характерно также, что долгое время после учреждения Академии библиотека продолжала называться «императорской» или «государственной», а не Библиотекой Академии наук. И все же основной задачей ее стало теперь обслуживание ученых Академии.

Значение Библиотеки для Академии было понятно не только академикам, но и руководству Академии наук. В своем доношении от 30 апреля 1725 г. на имя императрицы Екатерины I, поднимая вопрос о предоставлении для размещения Академии наук бывшего дворца царицы Прасковьи Федоровны, находившегося рядом со строившимся тогда новым зданием Библиотеки и Кунсткамеры, первый президент Академии Л. Л. Блюментрост аргументировал эту просьбу тем, что «поистине библиотеке не можно в расстоянии быть от Академии, понеже учительным не меньше нужды в книгах, как мастеровым в инструментах».[83] Таким образом, президент просил пе-

[81] Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века, с. 319—358.

[82] «Учен. зап. имп. Акад. наук по первому и третьему отделениям», т. 2, 1864, с. 179—180.

[83] Материалы для истории имп. Академии наук, т. 1. СПб., 1885, с. 108—109. Вследствие того что Библиотека была расположена тогда далеко от Академии наук, в доме Шафирова на Петроградской стороне, где первоначально размещалась Академия наук, и в соседнем с ним доме Строева была создана для

ревести Академию поближе к Библиотеке, а не наоборот. Как мы видели, забота государства и руководства Академии наук выразилась не только в постройке для нее особого здания, но и в изготовлении специального оборудования для книг.

Еще большая забота была проявлена в деле пополнения Библиотеки новыми книгами. Это в отличие от других библиотек страны делалось регулярно и целенаправленно, причем основной задачей было снабжение всей научной литературой, необходимой академикам в их работе. К сожалению, сами академики были отстранены от участия в решении вопросов комплектования книжных фондов Библиотеки, и пополнение ее новыми книгами производилось людьми, недостаточно сведущими в науках, под руководством главы Академической канцелярии и «библиотекаря» Шумахера, полновластно распоряжавшегося в те годы не только в Библиотеке, но и в самой Академии. Вследствие этого не всегда приобретались самые необходимые ученым книги. В своем ответе на запрос Сената академики 21 ноября 1732 г. выражали большое сожаление, что Библиотека и Кунсткамера находятся в полной власти Шумахера, а не академического собрания, а если бы академическое собрание занималось Библиотекой, то «Библиотека избранием лутчих книг, которые только ученые люди разумеют, совершеннее наполнена быть могла».[84]

Источники комплектования книжных фондов Библиотеки были разнообразны. Использовались и покупка книг, как за рубежом, так и внутри страны, и приобретение литературы в порядке обмена на издания Академии наук, и передача в Библиотеку книг и рукописей из различных учреждений, и поступление в академическую Библиотеку книжных собраний частных лиц, и, наконец, поступление книг в виде дара.

Наибольшее число книг в рассматриваемый период поступило в Библиотеку Академии наук в составе личных собраний государственных деятелей и ученых. Некоторые

сотрудников Академии специальная библиотека — первый из известных нам филиалов Библиотеки Академии наук (A. de La Motraye. Voyages en Englois et en François... La Haye, 1732, p. 272; ЛОААН, ф. 3, оп. 1, № 3, л. 326).

[84] Материалы для истории имп. Академии наук, т. 2. СПб., 1886, с. 189—194.

из этих собраний распоряжением правительства передавались в Академию безвозмездно (библиотеки Петра, царевича Алексея Петровича), другие приобретались Академией наук за деньги у наследников владельцев книжных собраний. Чаще всего представители Академии предварительно делали осмотр книг, оставшихся после владельцев личных библиотек, при этом выносилось решение, какие из книг заслуживали того, чтобы быть переданными в Библиотеку. Остальные книги либо поступали в книжную лавку для продажи, либо вообще не приобретались Академией. Таким образом, в Библиотеку попадало не все, что было собрано библиофилами того времени.

Посмотрим теперь, какие же книжные собрания поступили в Библиотеку Академии наук в рассматриваемый период. В течение 1725—1729 гг. туда были переданы отдельными партиями книги, рукописи, географические карты и чертежи из собрания Петра I (характеристика его дана в нашем предыдущем исследовании).[85] Это была библиотека очень широкого профиля, в которой находились книги на различных языках. Всего в Библиотеку Академии наук поступило из петровского собрания свыше 1600 печатных книг и рукописей и значительное число карт и чертежей. Впрочем, картографические материалы в 1739 г. переданы во вновь организованный Географический департамент Академии наук.[86] Если считать, что в Библиотеке Академии наук в конце 1725 г. насчитывалось около 11 800 книг, включая и первую передачу собрания Петра I (208 книг),[87] то выходит, что последующие передачи его собрания (свыше 1400 книг) увеличили книжный фонд Библиотеки почти на 12%, при этом особенно возрос русский фонд, поскольку библиотека Петра состояла наполовину из русских книг, а до этого в Библиотеку Академии наук (если не считать ее первоначальный книжный фонд) поступала почти исключительно иностранная литература. В числе русских книг петровского собрания в Библиотеку Академии наук было передано 206 рукописей, среди которых находились

---

[85] Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века, с. 169—177.
[86] История Библиотеки Академии наук СССР, с. 51.
[87] Там же, с. 25.

и старинные рукописи, принадлежавшие еще членам семьи царя Алексея Михайловича.[88]

Следующим крупным приобретением Библиотеки Академии наук были книги из собрания царевича Алексея Петровича. Характеристика этого собрания была также дана нами в предыдущем исследовании.[89] В Библиотеку Академии наук была передана большая ее часть: 268 книг на иностранных языках (в том числе 5 рукописных) и одна на русском языке («Побеждающая крепость» Богсдорфа издания 1709 г.). Следует сказать, что некоторые русские книги Алексея Петровича (в том числе рукописные) поступили в Библиотеку в составе других книжных собраний (Петра I, царевны Натальи Алексеевны).[90]

В последующие годы (до 1740 г. включительно) в Библиотеку были переданы книги из собраний адъюнкта А. Б. Крамера, переводчика И. В. Паузе, известного сподвижника Петра I Я. В. Брюса и неясно какое, но, по-видимому, небольшое число книг из собраний академика Г.-Ф.-В. Юнкера и гравера П. Пикарта. О небольших по числу книг библиотеках Крамера и Юнкера говорилось в предыдущей главе монографии. Поступление в Библиотеку Академии наук этих книжных собраний не могло сколько-нибудь изменить характер ее книжного фонда (тем более что не все книги Крамера были переданы в Библиотеку Академии наук). Другое дело — книжное собрание Брюса, о котором подробно говорилось в нашем предыдущем исследовании.[91] Весьма значительное по общему числу книг (свыше 1600) и очень интересное по своему составу, оно обогатило книжный фонд Библиотеки Академии наук, особенно литературой естественнонаучного профиля. Итак, за период с 1725 по 1740 г. в Библиотеку Академии наук в составе личных книжных собраний поступило около 3500 книг, в числе которых имелось немало ценных изданий и рукописей.

Как уже говорилось выше, важным источником комплектования Библиотеки Академии наук была покупка

---

[88] Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. XVIII век. Вып. 1. М.—Л., 1956, с. 14—15.

[89] Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века, с. 180—184.

[90] Там же, с. 183.

[91] Там же, с. 184—203.

книг за рубежом и внутри страны. Покупка зарубежных изданий производилась через посредство корреспондентов Академии наук, которыми обыкновенно являлись иностранные книгопродавцы. После учреждения в 1728 г. книжной лавки Академии наук закупка книг за рубежом и переписка с иностранными корреспондентами стала производиться через нее (она же вела и книгообмен), но, как мы увидим дальше, это произошло не сразу.

В Ленинградском отделении Архива Академии наук СССР сохранились перечни книг, закупленных для Библиотеки наук за рубежом в 1723—1732 гг.: каталог книг, которыми Библиотека пополнилась в 1723—1732 гг.,[92] и каталог книг из книжной лавки, которыми Библиотека пополнилась в 1732—1742 гг.[93] Сведения за 1732 г., имеющиеся в обоих каталогах, как показывает их сличение, не дублируют, а дополняют друг друга, и можно предположить, что пополнение Библиотеки Академии наук иностранной литературой начало осуществляться через книжную лавку Академии только с 1732 г. Данные каталогов о комплектовании Библиотеки книгами, закупленными за границей в 1726—1740 гг.,[94] можно представить так:

Год	Число томов	Число названий книг	Год	Число томов	Число названий книг
1726	67	13	1735	12	9
1727	136	19	1736	44	14
1728	177	67	1737	12	8
1729—1730	157	59	1738	67	51
1731—1732	414	308	1739	107	36
1733	255	113	1740	105	20
1734	11	11	Итого	1564	728

При ознакомлении с этими данными бросается в глаза большое различие между числом названий и числом томов иностранных книг, поступивших в Библиотеку Академии наук. Это объясняется тем, что в числе иностранной литературы Библиотека закупала целый ряд периодических и многотомных изданий. Так, в 1727 г. был приобретен 81 том «Mercure historique et politique»,

[92] ЛОААН, ф. 158, оп. 1, № 256.
[93] Там же, № 257, л. 5—11 об.
[94] Данные за 1725 г. приведены нами в монографии «Книга в России в первой четверти XVIII века» (с. 341).

в 1737 г. — 30 томов «Europae Fama». В том же году в Библиотеку поступили тома 24—27 «Bibliothèque Françoise», тома 40—44 «Bibliothèque Germanique», «Journal des Savans» за 1732—1739 гг. и т. д.[95]

Второе обстоятельство, на которое обращаешь внимание при изучении данных этих каталогов, — это сильные колебания цифр, характеризующих ежегодные поступления иностранной литературы. Быстрое возрастание в 1726—1733 гг. числа книг, закупленных в течение года для Библиотеки, сменяется в 1734 г. резким падением, после чего кривая новых поступлений очень медленно начинает ползти вверх. Нам представляется, что сильное уменьшение в 1734 г. числа поступивших в Библиотеку иностранных книг объясняется тем, что в этом году на пост президента Академии был назначен барон И. А. Корф, страстный книголюб, который широко использовал средства Академии для пополнения своей личной библиотеки. Уже в то время, когда Корф не был президентом Академии наук, а посланником в Дании, ему пришлось вернуть свой долг: летом 1746 г. он выслал из Копенгагена 8 ящиков с книгами (1755 томов), из которых только 17 имелись в Библиотеке.[96] Таким образом, Корф пополнял свое книжное собрание за счет книг, приобретенных Академией наук и нужных Библиотеке. За 6 лет его президентства Библиотека ежегодно недополучала в среднем по 290 книг.

Как видно из приведенных данных, за 15 лет, с 1725 по 1740 г., для Библиотеки Академии наук было закуплено около 2000 иностранных книг, т. е. значительно меньше числа книг, поступивших в ее фонды в составе частных книжных собраний. И все же этот источник комплектования имел весьма существенное значение для Библиотеки.

Помимо закупок за границей, Академия наук приобретала для своей Библиотеки книги и внутри страны. Некоторые русские издания поступали из книжной лавки,

---

[95] ЛОААН, ф. 158, оп. 1, № 257, л. 5—11 об. Названия иностранных книг, поступивших в Библиотеку Академии наук в 1736—1742 гг., приводятся в русском переводе в другом деле ЛОААН: ф. 3, оп. 1, № 80, л. 146—154.

[96] Там же, ф. 158, оп. 1, № 258 (Каталог книг, полученных от Корфа).

куда они были переданы для продажи.[97] Ряд книг был закуплен у частных лиц. Так, в 1732 г. было выплачено 11 руб. академику Миллеру за вывезенные им из Берлина книги и вещи,[98] в 1737 г. были куплены книги и монеты, вывезенные лекарем П. Киснером из Швеции,[99] в 1738 г. у наследников художника П. Пикарта было приобретено 12 книг с гравированными рисунками,[100] в 1740 г. у инженера Шварца куплена за 50 руб. «сочиненная» им книга «Описание о Китае с разными ландкартами».[101]

Большую активность в приобретении для Библиотеки рукописей проявлял заведующий русским фондом ее А. И. Богданов. В своем рапорте в декабре 1736 г. Богданов писал: «Сторговал я, нижайший, две книги рукописные у купецкого человека Терентия Никифорова, книжника, ценою за 1 рубль и десять копеек, а именно: книга Мефодия Панфилийского ... писана древним письмом в лето 6971 (т. е. в 1463 г.,— *С. Л.*) ..., вторая книга Поверстная, написанная в 1667 г., переводчиком А. Виниусом ... И оные вышеупомянутые обе книги приличествуют быть в Академии наук и библиотеке..., а хотя Поверстная книга и имеется при Академии наук, но для потребного случая прилично быть и другому экземпляру такой же книги». Богданов, как мы видим, аргументировал приобретение каждой книги. Радея об экономии скупых средств Академии, отпускавшихся на пополнение Библиотеки, Богданов сговорился с книгопродавцем, что вместо наличных денег ему будут отпущены 11 экз. календарей на 1737 г., изданных Академией наук. По сохранившимся сведениям, только в 1736 и 1737 гг. Богдановым было приобретено для Библиотеки более сорока рукописей в обмен на ходовые издания Академии: «Японские истории», «Уложение», «Генеральный регламент».[102]

Особенно много рукописных материалов было передано в Библиотеку Академии наук совершенно безвозмездно В. Н. Татищевым, который сыграл выдающуюся

---

[97] Например, в числе переданных в 1736—1742 гг. в Библиотеку книг из книжной лавки Академии наук были и русские издания (ЛОААН, ф. 158, оп. 1, № 80, л. 146—154 об.).

[98] Материалы для истории имп. Академии наук, т. 2, с. 745.

[99] Там же, т. 3, с. 516.

[100] Там же, с. 823.

[101] Там же, т. 4, с. 343—344.

[102] ЛОААН, ф. 3, оп. 1, № 841, л. 15, 16, 20—22; Исторический очерк и обзор фондов, с. 232.

роль в комплектовании ее рукописного фонда. Еще находясь в 1724—1726 г. в Швеции, Татищев договорился о снятии копий книг по русской истории в Упсальской библиотеке. В 1726 г. в Библиотеку были переданы рукописи, присланные Татищевым из Швеции: «Петрикеева Кроника Российская», «Скитово описание России» и др.[103]

Возвратясь из Швеции, В. Н. Татищев поддерживал тесные отношения с Библиотекой, посылал ей рукописи, карты, а также сделанные по его поручению переводы исторических книг. Так, в 1737—1738 гг. Библиотекой был получен от Татищева ряд переводов К. Кондратовича «Гелмодиева Кроника словенская» (2 части), 4 части «Кромеровой истории», «Татарская хронология Кирхерова» и др.[104] В 1741 г. от Татищева был получен «Летописец» Нестора «с продолжением от разных другых писателей, разделенный на два тома».[105] Среди рукописей, полученных от Татищева, находились и его собственные сочинения. В свою очередь Библиотека стремилась помочь Татищеву в его научной работе, высылая необходимые ему книги.

Ряд печатных и рукописных книг поступил в Библиотеку Академии наук из государственных учреждений, в том числе и из самой Академии. Так, в декабре 1730 г. Канцелярией артиллерии и фортификации был передан экземпляр книги «Апостол», напечатанный во времена Ивана Грозного и хранившийся до этого в Петербургском цейхгаузе.[106] В каталоге Библиотеки Академии наук, опубликованном в 1742 г., значится «Ракитова история о Турецкой монархии, переведена с польского языка 1725 г.», полученная из Синода.[107] В 1736 г. в Герольдмейстерскую контору были привезены рукописи, найденные в стене новгородской казармы и являющиеся частью фонда Посольского стола Новгородской приказной палаты. Из привезенных 43 рукописей А. И. Богдановым были отобраны для Библиотеки Академии наук 16.[108]

---

[103] ЛОААН, ф. 3, оп. 1, № 2330; Материалы для истории имп. Академии наук, т. 1, с. 191.

[104] Материалы для истории имп. Академии наук, т. 3, с. 309—310, 314—315, 621, 682—683.

[105] ЛОААН, ф. 3, оп. 1, № 841, л. 53.

[106] Там же, № 2330, л. 171.

[107] Исторический очерк и обзор фондов, с. 223.

[108] Там же, с. 219.

В Академии наук существовала практика снятия рукописных копий с тех книг и рукописей, которые до того времени отсутствовали в Библиотеке. Это делали писцы Академии. Так, в 1740 г. бригадиру И. С. Унковскому был возвращен взятый у него Академией еще в 1738 г. «Журнал о калмыцких народах», с которого была снята рукописная копия и передана в Библиотеку. По сохранившимся сведениям, в 1737 и 1738 гг. писцами Канцелярии Академии наук было сделано 5 копий для Библиотеки, в том числе записок А. А. Матвеева о стрелецком бунте, перевода с турецкого «Краткого описания Турецкого государства», «Беседы милости с истиной» А. Белободского.[109]

Любопытны сведения о комплектовании книжных фондов Библиотеки Академии наук с помощью книгообмена. Обладая собственной типографией и регулярно публикуя труды своих ученых, Академия наук имела большие возможности приобретать нужную ей литературу не за наличный расчет, а путем обмена на свои издания. Ввиду того что распространением академических изданий, а также закупкой и продажей иностранных книг занималась книжная лавка Академии, нет ничего удивительного, что и книгообмен сосредоточился в ее руках.

Корреспондентами Академии наук при книгообмене являлись те же агенты из числа зарубежных книгопродавцев, у которых Академия покупала нужные ей издания. Такими корреспондентами в 1725—1730 гг. были Вейтбрехт в Амстердаме, Кледичен и Шустерн в Лейпциге. С Шустерном отношения поддерживались в течение длительного времени. Он был корреспондентом Академии и в 1746 г., когда другим ее агентом был уже не Кледичен, а Кланер, бывший директор книжной лавки Академии наук (1730—1738 гг.), вернувшийся за границу.[110]

Испытывая постоянные затруднения в деньгах, Академия наук стремилась приобретать с помощью книгообмена возможно большее число изданий. При этом было очень важно, чтобы корреспонденты присылали ей именно ту зарубежную литературу, в которой Академия больше всего нуждалась. Когда в 1739 г. книгопродавец

[109] Материалы для истории имп. Академии наук, т. 4, с. 416; Исторический очерк и обзор фондов, с. 442—448.

[110] Бочагов А. Книжная палата Академии наук. 1728—1740. СПб., 1893, с. 7—8; Материалы для истории имп. Академии наук, т. 8, с. 110—111.

Нольме из Гааги предложил Академии свои услуги в качестве корреспондента, Канцелярия Академии наук дала свое согласие при условии, что иностранные издания будут высылаться в Россию в соответствии со списками литературы, составленными в Академии.[111] Однако подобного рода требования осуществить было нелегко, и случаев, когда из-за границы присылалась ненужная Академии наук литература, было немало. Как мы уже видели на примере приобретения для Библиотеки рукописей А. И. Богдановым, книгообмен как источник комплектования использовался Академией и для пополнения русских фондов, но это было в то время явлением довольно случайным.

До сих пор мы говорили, выражаясь современным языком, о книгообмене по эквиваленту, т. е. об обмене с соблюдением принципа равенства стоимости обмениваемых изданий. Однако во второй четверти XVIII в. существовал и обмен без эквивалента. Академия наук посылала свои труды в зарубежные учреждения в расчете получить от них иностранные научные издания. При этом число получаемых книг заранее не оговаривалось. Подобный книгообмен установился, например, с Португалией и Китаем.

Инициатором обмена с Португалией был лейб-медик императрицы Елизаветы Петровны португалец Рибейро Санхец, обещавший поднести Академии свои научные труды. В связи с этим возникла мысль послать издания Академии наук в лиссабонскую Академию исторических наук. 19 декабря 1735 г. Академия наук выслала в Лиссабон 13 томов трудов Академии, переплетенных в роскошный переплет из красного сафьяна. Несмотря на то что португальская Академия занималась лишь историческими науками, в числе посланных ей книг были труды не только по гуманитарным наукам (например, труды Байера) и общенаучного характера («Комментарии» Академии наук), но и книги по естествознанию (математика, медицина). В своем письме, написанном по-латыни, русская Академия наук сообщала, что она рада установить общение с португальской Академией, занимающейся историческими науками, русская же Академия занимается

[111] Материалы для истории имп. Академии наук, т. 4, с. 51—52.

математикой, физикой, историей, исследованием древностей и другими науками.

В июле 1738 г., т. е. через $2^1/_2$ года, Академия получила из Португалии 27 томов книг (14 названий), переплетенных в сафьяновый переплет с королевским гербом. Это была исключительно историческая литература и литература по истории церкви. В своем письме лиссабонская Академия приветствовала начало книгообмена и просила сообщить, какие книги желает получить русская Академия.[112]

5 сентября 1740 г., т. е. более чем через два года после получения книг из Португалии, Академия наук послала в Лиссабон новую партию книг (15 томов), в числе которых были «Комментарии», а также труды академиков Эйлера, Байера, Делиля, Аммана и др. Таким образом, Академия снова посылала наряду с гуманитарной литературой и книги по естественным наукам. В сопроводительном письме сообщалось, что, хотя в русской Академии никто не знает португальского языка, Академия рада полученным из Португалии книгам и желает продолжать книгообмен.[113] Приведенные факты показывают, что практического значения книгообмен с Португалией не имел. Устанавливая связи с Португалией и посылая в Лиссабон книги по естественным наукам, в которых там не нуждались, Академия наук заботилась больше о поднятии своего престижа, чем о получении нужной ей литературы.

Также не получил должного развития и установленный в это время книгообмен с Китаем. Известный писатель и путешественник Лоренц Ланге ездил в Китай в 1715 и 1719 гг. и был русским резидентом при Китайском дворе.[114] В 1730 г. он привез из Китая от иезуитских миссионеров 82 тетради китайских книг в 8 папках.[115] В 1734 г., в связи с новой поездкой в Китай, Ланге обратился к Академии, не пожелает ли она отправить с ним книги к иезуитам, так как иезуиты «обещаются Академии, напротиву того, новизнами и протчими

112 Там же, т. 6, с. 377—378, 481—484.
113 Там же, с. 518—520.
114 Там же, с. 333.
115 Бакмейстер И. К. Опыт о библиотеке и кабинете редкостей и истории натуральной Санктпетербургской императорской Академии наук... СПб., 1779, с. 93—94.

имеющимися книгами и протчим довольствовать». Академия постановила послать с Ланге в Китай по 1 экз. «всех российских книг, которые здесь изданы». При этом указывалось, что академики Байер и Делиль уже вели переписку с иезуитами. На отправку книг была получена санкция Сената.[116] Необходимо отметить, что книгообмен с Китаем был связан в то время с огромными трудностями, так как караван от Москвы до Пекина шел 16 месяцев.[117]

Ланге взял с собой академические издания не только для передачи иезуитам в Китае, но также и для продажи в дороге. Как видно из его письма Шумахеру от 17 мая 1735 г., он продавал в Тобольске и других городах по пути в Китай календари и гравюры.[118] Местные чиновники в дороге не раз вскрывали багаж Ланге для взимания пошлин. В связи с этим, еще проезжая через Владимир, Ланге 5 марта 1735 г. просил ходатайства Академии наук перед правительством, чтобы вещи его осматривались в пути лишь один раз. По указу правительства вещи, которые везлись в Китай, должны были осматриваться лишь в Тобольске, после чего они запечатывались правительственной печатью и в дальнейшем не подлежали осмотру до самой китайской границы. В свою очередь вещи, которые Ланге должен был везти из Китая, запечатывались на китайской границе и больше уже не вскрывались до самого Петербурга.[119]

В октябре 1737 г. Ланге сообщил из Селенгинска, что выслал с караваном в Академию три ящика китайских книг. Эти книги, запечатанные на границе таможенной печатью, были доставлены в Москву, а оттуда в июне 1738 г. привезены в Петербург.[120] В ноябре 1739 г. в Китай снова были посланы книги из Академии.[121] Ланге был в это время уже иркутским вице-губернатором. Поэтому Академии пришлось ходатайствовать перед Кабинетом е. и. в., чтобы новому директору каравана Фир-

---

[116] Материалы для истории имп. Академии наук, т. 2, с. 488, 515, 528; т. 6, с. 333.

[117] Записки Вебера. [Перевод с немецкого П. Борисова]. — «Русский архив», год десятый, СПб., 1872, с. 1406.

[118] Материалы для истории имп. Академии наук, т. 2, с. 725—726.

[119] Там же, с. 609—610, 689—690, 715—716.

[120] Там же, т. 3, с. 594—595; т. 6, с. 485.

[121] Там же, т. 6, с. 496.

сову было предписано доставить книги иезуитам «понеже от оных в Академию в присылке имеются разные вещи безденежно», а также взять для продажи в пути издания Академии наук.[122] О доставке этих книг Академия получила известие лишь в апреле 1746 г. В свою очередь иезуиты выслали в Академию 6 томов китайских книг и семена растений. Как видно из «экстракта», составленного известным уже нам переводчиком И. Россохиным, эти 6 томов содержали: Евангелие с толкованием, переведенное на китайский язык иезуитами еще в 1736 г., «Астрономию», «сочиненную» иезуитами и напечатанную в Китае в 1742 г., «Краткую географию» в 4 томах, напечатанную в Китае в 1694 г.[123]

Из всего сказанного о комплектовании книжных фондов Библиотеки Академии наук новой литературой видно, что Библиотека регулярно пополнялась новыми изданиями, главным образом зарубежными, а также приобретала рукописи. Источники комплектования, как мы видели, были разнообразны. В этом отношении Библиотека выгодно отличалась от других крупных русских библиотек того времени, которые пополняли свои фонды лишь от случая к случаю. Однако, вследствие того что академики были отстранены от решения насущных библиотечных дел, далеко не все возможности, имевшиеся у Академии, использовались для комплектования книжных фондов Библиотеки.

Так, например, Академия имела свою книжную лавку, закупавшую в большом количестве иностранную научную литературу для распространения в России, но никто не следил за тем, чтобы один экземпляр каждого из приобретенных за рубежом изданий в обязательном порядке передавался в Библиотеку. Точно так же было и с русскими изданиями. Академия регулярно публиковала труды своих ученых, и они попадали в Библиотеку через книжную лавку, но не было проявлено заботы о том, чтобы экземпляр каждого издания обязательно был в ней, а между тем большое число экземпляров этих книг раздавалось высокопоставленным лицам и рассылалось по спискам. Интересно, что по распоряжению президента Академии Корфа от 2 мая 1735 г. Книжная палата обя-

---

[122] Там же, т. 4, с. 244—245.
[123] ЛОААН, ф. 3, оп. 1, № 842, л. 156—157 об.

зана была высылать бесплатно один экземпляр академических изданий в библиотеку Рижской ратуши «за сообщенные в Академию к собранию российской гистории полезные известия».[124] В отношении своей Библиотеки такого распоряжения дано не было.

Попутно следует сказать несколько слов о традиционной ошибке по поводу комплектования русских фондов, допущенной рядом историков Библиотеки начиная с А. В. Бородина. В своей рукописной «Истории развития фондов Библиотеки Академии наук», положенной в основу соответсвующего раздела путеводителя «Библиотека Академии наук СССР. 1728—1729», Бородин рассматривает возложенную на Академию наук обязанность «свидетельствовать» перед печатанием все выходящие в России светские книги как своеобразное начало получения Библиотекой уже с 1728 г. обязательного экземпляра отечественных изданий.[125] Это мнение ошибочно. Ни в 20-х годах XVIII в., ни позднее полнота комплектования Библиотеки русскими книгами обеспечена не была. На это обстоятельство мы указывали еще в соответствующей главе «Истории Библиотеки Академии наук СССР».[126]

Что же представлял собой книжный фонд Библиотеки Академии наук в рассматриваемый нами период? На этот вопрос можно получить ответ с помощью изучения каталогов. Рукописные каталоги имелись в Библиотеке уже в первые годы ее существования. Сюда заносились и новые поступления. О наличии каталогов говорит, например, такой факт. В январе 1733 г. на требование Сената о высылке библиотечных каталогов Блюментрост отвечал, что имеющиеся каталоги «отданы для переводу переводчикам» и затем будут высланы в Сенат, причем будет сообщено, откуда какие книги поступили.[127] Каталоги хранились у Шумахера, а потом у его помощника Тауберта под замком и для академиков были недоступны. Поэтому Академическое собрание потребовало составить для себя специальный каталог Библиотеки.[128]

---

[124] Материалы для истории имп. Академии наук, т. 7, с. 491.
[125] ЛОААН, ф. 158, оп. 5, № 4, л. 1.
[126] История Библиотеки Академии наук СССР, с. 59—60.
[127] Материалы для истории имп. Академии наук, т. 2, с. 258.
[128] Там же, т. 6, с. 318—319.

Каталоги, отражающие книжный фонд Библиотеки Академии наук до середины 30-х годов XVIII в., не сохранились. В Ленинградском отделении Архива Академии наук СССР имеются лишь описи отдельных книжных собраний, передававшихся в Библиотеку (например, книги Я. В. Брюса, Петра I), и притом не всех. Наиболее ранний из известных нам каталогов всех книжных фондов Библиотеки — трехтомный рукописный алфавитный каталог — был составлен в 30-х годах XVIII в. и хранится в Ленинградском отделении Архива Академии наук.[129] Он явно неполно отражает книжные фонды Библиотеки того времени. Ввиду того что об этом каталоге подробно сказано в главе II «Истории Библиотеки Академии наук СССР»,[130] мы ограничимся простым его упоминанием и перейдем к рассмотрению значительно более совершенного Камерного каталога.

Как уже говорилось выше, в феврале 1734 г. Академическая конференция вынесла решение о составлении для нее специальных каталогов Библиотеки. Возможно, что именно это решение побудило Шумахера приступить к изданию библиотечных каталогов. Печатный каталог Библиотеки Академии наук, так называемый Камерный, первый и единственный за всю ее историю печатный каталог, более или менее полно отражающий все ее книжные фонды, вышел в 40-х годах XVIII в. на латинском языке.[131]

Расположение материала в каталоге соответствовало расстановке книг в Библиотеке, поэтому о расстановке книг следует сказать подробнее. Библиотека, как мы помним, занимала восточное крыло здания Библиотеки и Кунсткамеры, однако в том же крыле находились также Канцелярия Академии наук, помещение переводчиков, переплетная мастерская, «магазин с книгами академической печати». Шкафы с книгами стояли в больших залах каждого из трех этажей здания, причем большой зал первого этажа назван в поэтажном плане «каморой H», второго — «каморой P», третьего — «каморой W». От этих названий произошло и название самого каталога — Камерный.

---

[129] ЛОААН, ф. 158, оп. 1, № 1—3.

[130] История Библиотеки Академии наук СССР, с. 74—75.

[131] Bibliothecae imperialis Petropolitanae, pars I—IV. Typis Academiae imperialis scient. 1742.

В большом зале первого этажа помещалось 46 шкафов с книгами по истории, филологии, философии, церковной истории, географии, математике и другим наукам. На этом же этаже находилась и комната унтер-библиотекаря, в которой стояло 4 шкафа с каталогами (каталоги Библиотеки, каталоги Кунсткамеры, каталоги иностранных библиотек, периодика). В большом зале второго этажа размещались 22 шкафа с книгами по естественным наукам (анатомия, медицина, химия и т. д.), описания путешествий, юридическая и церковная литература. Тут же была комната библиотекаря, в которой находились также 4 шкафа с иностранными рукописями. В большом зале третьего этажа помещались 22 шкафа с книгами по истории северных стран, прикладному искусству, архитектуре, садоводству, военному делу, кораблестроению, механике, гидравлике и другим наукам. Здесь же находились картографические издания, книги на языках народов Азии, а также печатные и рукописные русские книги. В меньших по размеру комнатах 3-го этажа размещались фонды дублетных и некомплектных изданий, фонд книг и гравюр академической печати, фонд «заповедных книг», т. е. изъятых тогдашней цензурой из обращения.

Руководство Библиотекой стремилось, как мы видим, хранить книги в систематическом порядке, но этот принцип не был выдержан. Так, например, исторические книги находились как на первом, так и на третьем этажах, то же было и с книгами религиозного содержания. Всего под книги было занято 94 шкафа, из них под русской литературой — 7 шкафов: книги академической печати (1 шкаф), «книги прежней печати» (3 шкафа), рукописные книги (3 шкафа).

Печатный каталог Библиотеки отражал эту расстановку. Каталог состоял из четырех частей, причем 4-я часть подразделялась на два тома. В 1-й части каталога («Книги теологические») было дано описание 1125 книг, размещенных в шкафах 19—22 большого зала 2-го этажа («камора P»). Систематических разделов в этой части каталога не было, и книги делились только по формату. Во 2-й части каталога («Книги юридические») давалось описание 718 книг, размещенных в шкафах 15—18 того же зала. В этой части также не было систематических разделов. Книги делались лишь по форматам.

3-я часть каталога («Книги медицинские») имела уже 4 систематических раздела: 1) книги по анатомии, хирургии, фармакологии, химии, 2) книги по естественной истории, 3) каталог медицинских диссертаций, 4) Historia exotica (описания путешествий и другая географическая литература). В этих разделах, кроме третьего, книги располагались по форматам (в третьем разделе по томам переплетенных вместе диссертаций). В конце части помещался алфавитный указатель. В 3-й части каталога, название которой, как мы видим, было очень неточное, давалось описание 3214 книг, размещенных в шкафах 1—14 того же большого зала 2-го этажа (камора P).

Наиболее сложной по составу была 4-я часть каталога, носившая общее и весьма условное название «Книги по философии». Часть эта состояла, как уже говорилось, из двух томов, в первом из которых находилось 9, а во втором — 15 систематических разделов. В конце тома II помещался также раздел русских книг и рукописей, описанных по-латыни («libri ruthenici»). В обоих томах 4-й части каталога давалось описание 10 505 книг и рукописей (в т. I — 5827, в т. II — 4678), расположенных в шкафах залов 1-го (камера H) и 3-го (камера W) этажей.

Нет нужды перечислять все систематические разделы Камерного каталога. Укажем только, что систематизация была очень нечеткой. Так, например, в первый раздел тома II были включены книги как по всеобщей истории, так и по географии; в четырнадцатом разделе того же тома вместе с литературой по гражданской архитектуре находились книги по оптике, механике и другим наукам. В то же время литература по одной и той же отрасли знания помещалась в разных разделах. Например, книги по «естественной истории» находились в третьем разделе тома I 4-й части каталога и во втором разделе его 3-й части. В целом состав 4-й части каталога был очень пестрым: здесь были книги по истории, литературе, математике, архитектуре, военным наукам, картографические издания и т. д. И с точки зрения принципов систематизации нашего времени название части («Книги по философии») являлось крайне неудачным. Каждый систематический раздел этой части каталога делился по форматам книг, а в конце раздела помещался алфавитный указатель.

Внутренний вид помещения Библиотеки Академии наук. Гравюра Х. Вортмана. Из книги «Палаты Санктпетербургской Академии наук».

Что касается раздела русских книг, находившегося, как мы уже знаем, в конце тома II, то он состоял из таких подразделов: 1) книги теологические, 2) книги гражданские (оба раздела делились по форматам книг), 3) книги рукописные (делился на книги теологические и книги гражданские). В конце каждого из подразделов имелись алфавитные указатели. Русский книжный фонд состоял из 338 печатных книг и 282 рукописей (всего 620), помещавшихся в шкафах 1—3-го зала 3-го этажа (камора W). Таким образом, в Камерный каталог было включено 15 562 книги, из которых русских было лишь 620, т. е. менее 4%.

Вследствие того что классификация XVIII в. очень условна, мы лишены возможности дать на основе Камерного каталога четкую характеристику состава книжного фонда Библиотеки Академии наук с распределением книг по отраслям знания. Все же некоторые выводы можно сделать. Из общего числа 15 562 книг в Библиотеке было только 1986 книг (13% всего количества) по теологии (включая и церковную историю, так что они могли бы быть отнесены и к исторической литературе). Это говорит о светском характере книжных фондов. Книги по естественным наукам, по грубому подсчету, составляли около 5000 (32%) книг, книг по гуманитарным наукам было около 8600 (55%). Таким образом, в Библиотеке преобладала гуманитарная литература, несмотря на то что Академия уделяла основное внимание естественным наукам. Это объясняется тем, что главная масса книг поступила в Библиотеку в составе личных книжных собраний, где именно гуманитарная литература была чаще всего хорошо представлена.

Следует сразу же оговориться, что приведенные на основе Камерного каталога цифры не могут дать точного представления о числе книг в Библиотеке, вследствие того что не все книги были занесены в каталог. Так, В. А. Петровым установлено, что в Камерном каталоге отсутствует значительное число рукописей, поступивших в Библиотеку в 1728—1729 гг. в составе книжных собраний Петра I и Алексея Петровича. Возможно, что это было сделано умышленно.[132] Кроме того, как мы видели, какое-то число книг, поступивших в Библиотеку, оказа-

---

[132] Исторический очерк и обзор фондов, с. 240—241.

лось в фонде дублетных книг и, очевидно, также не было отражено в каталоге. Но как ни условно указанное нами число книг в Библиотеке Академии наук, оно все же дает представление о размере ее книжного фонда, превосходившего во много раз книжные фонды даже таких крупнейших библиотек, как, например, Типографская. По богатству своих фондов Библиотека Академии наук была для своего времени явлением уникальным.

Традиционной датой выхода в свет Камерного каталога считается 1742 г. Она обозначена на большинстве экземпляров титульного листа этого каталога. Однако нам удалось обнаружить в фондах Библиотеки Академии наук экземпляр 4-й части Камерного каталога, на титульном листе которого проставлен год издания 1741. Следовательно, первоначально предполагалось издать каталог уже в 1741 г. и какая-то часть работы по напечатанию каталога в этом году была действительно выполнена. Но в конце 1741 г. произошел правительственный переворот (на престол вступила Елизавета Петровна), печатание каталога задержалось, а далее началось следственное дело Шумахера, и каталог фактически вышел гораздо позже, хотя дата 1742 г. на большинстве экземпляров титульного листа сохранилась.

Однако не столь важно уточнение даты выхода в свет каталога, как выяснение вопроса, по состоянию на какой год он отражает наличие книг в Библиотеке Академии наук. По данным В. А. Петрова, производившего кропотливую сверку Камерного каталога со списками новых поступлений в Библиотеку, рукописи, поступившие в 1736 г., уже не были отражены в каталоге. На основании этого В. А. Петров делает вывод, что Камерный латинский каталог «был в основном составлен уже к 1736 г.».[133] Это утверждение Петрова не совсем точно. Как показывают сохранившиеся данные, работа над каталогом производилась даже в 1740 г. Однако в целом Петров прав — каталог отражает наличие книжных фондов в Библиотеке не на 1741 или 1742 г., а на начало 1736 г., т. е. поступления в Библиотеку Академии наук начиная с 1736 г. уже в нем не отражены.

Все же история Камерного каталога рисуется нам следующим образом. В феврале 1734 г. состоялось изве-

[133] Там же.

стное решение профессоров Академии о составлении для Конференции каталога Библиотеки, побудившее Шумахера приступить к работе по подготовке к печати имевшегося в библиотеке рукописного каталога. 31 января 1735 г. в Академию в качестве студента (с октября 1737 г. адъюнкт) был принят И.-Ф. Брем, который и стал основным составителем Камерного каталога. В течение 1735—1740 гг. Брем подготовил каталог к печати, по русскому фонду ему помогал Я. Я. Штелин, знавший русский язык.

В 1741 г. каталог набирался в типографии и частично был напечатан. По аналогии с историей другого издания, печатавшегося одновременно с каталогом, — «Палаты Санкт-Петербургской Академии наук», можно предположить, что в каталоге тоже было посвящение правительнице Анне Леопольдовне. Правительственный переворот конца 1741 г. заставил уничтожить посвящение и был причиной задержки выхода каталога. Необходимо было перепечатать первую часть каталога, и на титульном листе появился другой год — 1742 (вместо 1741). Эта работа не была полностью закончена до ареста Шумахера и начала следственного дела над ним. Библиотека была опечатана, типографские работы по набору каталога прекращены. И лишь в 1744 г. Камерный каталог вышел из печати тиражом всего 200 экз. и в течение 1744—1745 гг. был разослан академикам и адъюнктам Академии, а также почетным ее членам и корреспондентам. В продажу он не поступал.[134] Из приведенных данных следует, что в Библиотеке Академии наук уже к началу 1736 г. было 15 562 книги (не считая дублетов), а учитывая, что за 1736—1740 гг. в книжные фонды поступило еще около 2000 книг (коллекция Брюса и др.),[135] можно считать, что к концу 1740 г. число книг в Библиотеке возросло до 17 560 — цифра совершенно неслыханная для русских библиотек XVIII в.

Ознакомившись с Камерным каталогом, академики единодушно дали о нем отрицательный отзыв. В своей жа-

---

[134] Более подробно об истории подготовки Камерного каталога см.: История Библиотеки Академии наук СССР, с. 77—79. В этой монографии для краткости мы не приводим данные архивных и печатных источников, обосновывающие нашу версию подготовки этого каталога.

[135] История Библиотеки Академии наук СССР, с. 71.

лобе Сенату в сентябре 1745 г. они писали, что Камерный каталог составлен «весьма худо», вследствие того, что он издан «без ведома Академии и без поверения профессорского собрания, без всякого старания о исправлении находящихся в них (т. е. каталогах, — *С. Л.*) многих погрешностей». Академики указывали, что при сверке печатного каталога с книжными фондами, производившейся академиком Миллером, было обнаружено много ошибок.[136] Сам Миллер писал в своей «Истории Академии наук», что уже из простого перечисления разделов каталога видно, что систематический порядок в нем не выдержан. Еще меньше выдержан порядок расположения материала внутри разделов.[137] Таким образом, даже с точки зрения принципов систематизации XVIII в. Камерный каталог имел много недостатков. Кроме того, составителями было допущено большое число ошибок в описаниях книг.

Грубые ошибки Камерного каталога отмечает и один из авторов «Исторического очерка и обзора фондов рукописного отдела» Е. И. Боброва. Она пишет, что систематизация книг в этом каталоге вызывает недоумение, например помещение книг по математике, физике, метеорологии, астрономии, географии в раздел «Древние и современные философы», внутри же разделов названия книг расположены без всякого порядка и лишь иногда произведения одного автора сгруппированы в одном месте. Некоторые книги описаны в каталоге подробно, другие крайне сокращенно, имеется много случаев искажения авторских имен (например, Strigatti вместо Sirigati). «Ясно, что каталог составлялся людьми, хотя и владевшими европейскими языками, но не знакомыми подробно ни с книгами, которые они систематизировали, ни с принципами научной классификации».[138]

Как мы уже знаем, в Библиотеке Академии наук имелись каталоги зарубежных библиотек, хранившиеся в особом шкафу в комнате унтер-библиотекаря, которые несомненно могли бы оказать большую помощь при подготовке к печати Камерного каталога. Однако иностранный опыт не был использован. На основании сравнения Камерного каталога с современными ему каталогами за-

---

[136] Материалы для истории имп. Академии наук, т. 7, с. 640, 643.

[137] Там же, т. 6, с. 555—556.

[138] Исторический очерк и обзор фондов, с. 146.

рубежных библиотек, несомненно имевшихся в то время в Библиотеке Академии наук, автор рукописной истории Библиотеки Академии наук Н. М. Каратаев приходит к выводу, что Камерный каталог значительно уступал им. «Важнейшее преимущество лучших иностранных каталогов заключалось в тщательной систематизации, большей подробности, логичности и отчетливости». Кроме того, «почти все издания сопровождались обстоятельными предисловиями с разного рода разъяснениями, иногда к обычной росписи присоединялись библиографические примечания и заключались обычно списки опечаток». Наконец, некоторые каталоги, кроме алфавитного, имели и другие указатели.[139] Таким образом, стремясь добиться скорого результата, Шумахер и в этом случае не очень-то заботился о качестве работы и не счел нужным привлечь к делу составления каталога ученых Академии наук, кроме Штелина.

Несмотря на все недостатки Камерного каталога, выход его в свет был большим событием не только для Библиотеки Академии наук, но и для всей библиотечной жизни страны. Впервые в России появился печатный каталог всех книг крупной библиотеки, которым могли пользоваться не единичные читатели, а сравнительно широкий круг лиц. Было положено начало систематизации литературы, пусть весьма несовершенной. Кроме того, наличие печатного каталога облегчило комплектование книжных фондов отсутствующей в Библиотеке литературой. Не менее важно и то, что создание каталога явилось началом надлежащего учета книг. Один из экземпляров Камерного каталога, расшитый на тетрадки по систематическим разделам с добавлением между печатными листами листов чистой бумаги, служил своеобразной инвентарной книгой — новые поступления вписывались от руки в соответствующие разделы каталога.[140] К сожалению, ко времени выхода Камерного каталога часть книг Библиотеки Академии наук была уже утрачена. Это видно из того, что при ревизии Библиотеки в 1744—1746 гг. Шумахер всячески противился сверке книжных фондов с описями новых поступлений в Библиотеку.

---

139 ЛОААН, ф. 751, оп. 1, № 2, л. 46—47.

140 Такой каталог хранится в настоящее время в фондах Ленинградского отделения Архива Академии наук СССР: ЛОААН, ф. 158, оп. 1, № 4—13, 15—38.

Почти одновременно с Камерным вышел из печати каталог одних лишь русских книг Библиотеки, опубликованный на русском языке. Этот каталог, изданный в 1742 г., так же как и латинский, был построен в соответствии с расстановкой книг, т. е. по шкафам, и также в литературе иногда называется Камерным. Каталог состоял из двух частей: «Российские печатные книги, находящиеся в императорской Библиотеке» и «Российские рукописные книги».

Первая часть, в которой давалось описание книг, размещенных в шкафах 1—3 большого зала 3-го этажа (камора W), состояла из двух разделов: «Книги церковные» и «Книги гражданские». В каждом из разделов книги распределялись по форматам, причем в пределах форматов были еще и систематические рубрики: книги «грамматические», «математические» и т. д. Вторая часть каталога, в которой давалось описание рукописных книг, размещенных в шкафах 20—22 той же «каморы», состояла из разделов: «Книги рукописные церковные», «Книги гражданские различного содержания», «Книги рукописные, до Российской истории надлежащие». Внутри разделов рукописи распределялись по форматам. В каждой из обеих частей каталога имелся алфавитный указатель.

Уже беглое ознакомление со структурой русского каталога показывает, что она несколько отличается от структуры русской части латинского каталога: наличие систематических подрубрик в русском каталоге делало систематизацию книг более дробной. Но дело было не только в этом, а и в различии числа книг, включенных в оба каталога. Если в латинский каталог вошло 620 русских книг (338 печатных и 282 рукописные), то в русский было включено 724 книги (394 печатные и 330 рукописных), т. е. на 104 книги больше. Следовательно, дело здесь не в простом переводе названий книг с русского на латинский язык, как считал Н. Н. Аблов, автор статьи о А. И. Богданове.[141]

В. А. Петров, производивший сверку рукописей, включенных в латинский и русский каталоги, установил, что порядок расположения рукописей даже внутри совпадающих по названию разделов в обоих каталогах часто раз-

---

[141] Аблов Н. Н. Сподвижник Ломоносова, первый русский книговед Андрей Богданов (1693—1766). — «Сов. библиография», 1941, сб. 1 (19), с. 138.

личен, а в некоторых случаях одни и те же рукописи отнесены в этих каталогах к разным разделам. Отсюда можно сделать вывод, что оба каталога, по всей вероятности, составлены разными людьми. Сверка В. А. Петрова показала также, что в латинском каталоге отсутствует описание 100 рукописей, включенных в русский каталог и поступивших в Библиотеку после 1735 г. Однако в русском каталоге отсутствует описание почти 50 рукописей, имеющихся в латинском каталоге. Происхождение большей части их (30) известно — это рукописи из собрания Паузе, поступившие в Библиотеку академии наук в 1735 г. Ввиду того что многие из рукописей Паузе имеют целиком иностранный текст или же иностранный текст с русским переводом, они, очевидно, не были включены в русский вариант каталога сознательно.[142]

Если к составлению латинского каталога Библиотека приступила еще в 1735 г., то русский каталог начал составляться (независимо от латинского) значительно позже и в него вошли книги, которые отсутствуют в латинском. Однако, вследствие того что русский каталог по объему значительно меньше латинского, включающего и все иностранные книги, он был закончен, напечатан и вышел в свет в 1742 г., в то время как латинский каталог пролежал еще полтора года в типографии.

Сравнивая характер описания рукописей в обоих каталогах, В. А. Петров приходит к выводу, что целый ряд описаний русского каталога гораздо точнее и подробнее характеризует их содержание, чем описания латинского каталога,[143] хотя имеются и обратные примеры. В сложном деле описания рукописей составитель русского каталога сделал шаг вперед по сравнению со своими предшественниками. Так, он постоянно применяет метод выделения автора на первое место, что при описании книг, как мы видели, было в первой половине XVIII в. обычным явлением, однако при описании рукописей — новшеством. Фамилия автора ставилась в родительном падеже, а если было известно и имя, то оно ставилось перед

[142] Исторический очерк и обзор фондов, с. 240—241.

[143] Описание книг в латинском Камерном каталоге по существу ничем не отличалось от описания книг в каталогах новых поступлений в Библиотеку, представление о котором дано в нашем предыдущем исследовании (Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века, с. 350—351).

фамилией автора (в алфавитном же указателе фамилия ставилась перед именем).

В состав авторского обозначения, выделяемого при описании на первое место, входили должность, профессия и другие сведения об авторе, например: «Митела Магни, итальянского архитектора...». Если требовалось сохранить подлинное название рукописи, описание начиналось с заглавия. Большое значение имело включение в заглавие даты рукописи, что обычно раньше не применялось. В. А. Петров отмечает также умение составителя правильно передать заглавие рукописи, отбросив лишь второстепенные слова; дать удачное заглавие в том случае, если его раньше не было, а в необходимых случаях дополнить.[144]

Описание печатных книг, включенных в Камерный русский каталог, имело много общего с описанием рукописей. В отличие от латинского каталога место издания и выходные данные ставились здесь в предложном падеже: «Ягана Монсана правдивое мореплавание в Балтийском море, показывающее курсы, берега, положение мест и фарватера, мели песочные и каменистые пороги. В Санктпетербурге 1721». Интересно стремление составителя каталога собрать в одном месте переиздания каждого произведения. В целях экономии в описаниях произведений вместо повторения фамилии автора и названия книги ставилось сокращенное обозначение: «тож», «такая ж», «его ж» и т. д. или делался прочерк:

Тож. В Санктпетербурге 1715 году.
Его ж. В Москве 1707 году.
— В Москве 1714 году.

Таким образом, почти одновременно вышли два печатных каталога русских фондов Библиотеки Академии наук на латинском и русском языках. Составителями латинского были Штелин и Брем, составителем второго — А. И. Богданов. Несмотря на то что не сохранилось прямых данных, что именно Богданов составлял каталог на русском языке, авторство его в нашей печати никто не оспаривает. Приведенные В. А. Петровым доказательства авторства Богданова[145] еще раз подтверждают правильность установившегося мнения, а новшества, примененные

[144] Исторический очерк и обзор фондов, с. 241—247.
[145] Там же, с. 242—243.

составителем русского каталога при описании рукописей, характеризуют его как серьезного библиографа первой половины XVIII в.

Интересно выяснить вопрос о том, насколько полно русский каталог Богданова представляет отечественные издания, иными словами, насколько полно Библиотека Академии наук комплектовалась русскими книгами. Как мы уже знаем, в каталог Богданова были включены 394 печатные книги. Если учесть, что, согласно данным табл. 2 (см. главу вторую), в России вышло только за 1725—1735 гг. свыше 300 книг на русском языке, а за период 1700—1724 гг., по данным нашего предыдущего исследования, — свыше 570 книг (не считая малолистный печатный материал),[146] и принять во внимание, что до XVIII в. в пределах Русского государства издано около 660 книг,[147] то мы придем к заключению, что русский фонд Библиотеки отражал лишь небольшой процент отечественных изданий (около $^1/_4$). Как видно, немецкое руководство Библиотеки в лице Шумахера не было заинтересовано в полноте комплектования литературы на русском языке.

Каталог Богданова для русских фондов Библиотеки, так же как и латинский Камерный для иностранных фондов, являлся основным документом по учету книг. Сохранились экземпляры Камерного каталога, на которых по большей части рукой А. И. Богданова, производившего сличения каталога со списками новых поступлений, сделаны пометы о происхождении многих книг и рукописей.[148]

Особый интерес представляет выяснение вопроса о читателях Библиотеки Академии наук. Как мы уже знаем, в отличие от других русских библиотек Библиотека Академии наук с самого своего основания являлась книгохранилищем общественного пользования, имевшим срав-

---

[146] Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века, с. 98.

[147] Приблизительный подсчет числа русских изданий до XVIII в. сделан на основании «Очерка славяно-русской библиографии» В. М. Ундольского (М., 1871) и «Книги в России в XVII веке» С. П. Луппова. Киевские издания учтены при подсчете лишь начиная с 1654 г.

[148] ЛОААН, ф. 158, оп. 1, № 214 (это дело передано на постоянное хранение в Рукописный отдел Библиотеки Академии наук); БАН РО, шифр 45.13.21.

нительно широкий по тому времени круг читателей.[149] Этот характер Библиотеки сохранился и в послепетровское время, хотя основными читателями в этот период были все же ученые Академии наук.

В Ленинградском отделении Архива Академии наук сохранились журналы выдачи книг читателям за 1726—1728 гг. и 1733—1735 гг.[150] Записи в журнале за 1726—1728 гг. велись в хронологическом порядке начиная с 14 января 1726 г. по 6 декабря 1728 г., при этом за период с 29 января 1727 г. по 13 марта 1728 г. никаких записей о выдаче книг не было. Очевидно, книги в это время не выдавались в связи с переездом Библиотеки из Кикиных палат в здание Кунсткамеры на Васильевском острове.

При выдаче книг в журнале отмечалась дата выдачи, записывались названия книг и фамилии лиц, получивших книги, причем читатели расписывались (не всегда) в получении литературы. Записи велись небрежно, иногда карандашом. При возвращении книг записываемое перечеркивалось или делалась соответствующая отметка. Как видно из журнала, в 1726—1728 гг. в Библиотеке было 39 читателей, основными из них являлись сотрудники Академии наук — академики, адъюнкты, студенты, переводчики и т. д., среди них Г.-З. Байер, Л. Л. Блюментрост, И.-С. Бекенштейн, Г.-Б. Бюльфингер, И. Вейтбрехт, Х. Гольдбах, Х.-Ф. Гросс, Ж.-Н. Делиль, И.-Х. Коль, Ф.-Х. Майер, Г.-Ф. Миллер и др. С июля 1728 г. Библиотеку стал посещать знаменитый Л. Эйлер, бывший тогда еще адъюнктом Академии. Посторонние читатели насчитывались единицами: Я. В. Брюс, А. И. Остерман, граф Санди [151] и некоторые другие.

За 1 год и 9.2 месяца (с 14 января 1726 г. по 29 января 1727 г. и с 13 марта по 6 декабря 1728 г.) было 170 посещений Библиотеки и взято 557 книг, т. е. в среднем на одного читателя приходилось за это время 4.3 посещения и взято 14.3 книги. А на одно посещение приходилось в среднем 3.3 книги. В пересчете на 1 год цифры будут выглядеть следующим образом: посещений Библио-

---

[149] Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века, с. 321, 351—354.

[150] ЛОААН, ф. 158, оп. 1, № 408, 421.

[151] Приехал в Россию в 1724 г., знаток геральдики («Русский архив», 1866, стб. 273—274).

теки 96, взято книг 315. На читателя в год приходилось 2.5 посещения и 8 книг. Наиболее активными читателями Библиотеки были Г.-З. Байер, за указанный период посетивший Библиотеку 26 раз и взявший 123 книги, И. Вейтбрехт (25 посещений, 66 книг), Г.-Ф. Миллер (14 посещений, 56 книг), Г. Пашке (6 посещений, 32 книги), И.-С. Бекенштейн (8 посещений, 19 книг). Кроме книг, из Библиотеки в эти годы выдавались и рукописи. За период с июня 1726 г. по март 1727 г. было взято 20 рукописей. Рукописи были выданы Г.-З. Байеру, Ф.-Х. Майеру, Л. Л. Блюментросту и др., а также в Канцелярию Академии наук.

Другой из дошедших до нас журналов выдачи книг читателям относится, как уже говорилось, к 1732—1735 гг.[152] В этом журнале для каждого читателя были отведены определенные листы, которые представляли собой как бы их формуляры. Формуляры располагались в порядке алфавита фамилий читателей, причем из общего алфавита был выделен формуляр цесаревны Елизаветы Петровны (будущей императрицы), которым открывался журнал. Характер записей был аналогичен характеру записей только что описанного журнала. При возврате запись зачеркивалась или делалась помета о возврате. Журнал велся небрежно, многие записи разобрать очень трудно. На некоторых читателей, например Л. Эйлера, И.-Э. Фишера, было заведено по два и более формуляров.

Всего в Библиотеке в эти годы было 102 читателя, включая и 6 учреждений (формуляры были открыты, например, на Канцелярию Академии наук, Конференцию Академии наук, Кабинет е. и. в.). Отдельный формуляр был заведен на Китай (China), куда была выслана из Академии «Японская история». Из общего числа индивидуальных читателей несколько более половины составляли сотрудники Академии наук: академики, адъюнкты, студенты, переводчики, учителя гимназии, канцеляристы, мастера. Среди посторонних читателей, кроме двух принцесс (Елизаветы Петровны и Анны Леопольдовны), были представители знати (А. М. Черкасский, Б. Г. Юсупов, Н. Ф. Головин, Р.-Г. Левенвольде, А. И. Остерман, Б.-Х. Миних, баронесса Миних и др.), два пред-

[152] ЛОААН, ф. 158, оп. 1, № 408.

ставителя высшего духовенства (Феофан Прокопович и А. Кондоиди) и ряд менее знатных читателей из числа чиновников, офицеров, врачей. Читателем библиотеки был и В. Н. Татищев.

Наиболее активными читателями были Эйлер, который за 1733—1735 гг. взял из Библиотеки 139 томов (66 названий), Байер (88 томов), Крафт (81 том), Амман (59 томов). Всего за 1732—1735 гг. было взято книг 865 названий (около 1500 томов), а в среднем в год 375 томов. Таким образом, на одного читателя в год приходилось менее 4 книг (3.75), и если принять число посещений Библиотеки, которое дает Н. М. Каратаев (217 за 4 года,[153] т. е. в среднем 54 в год), то на читателя в год приходилось лишь 0.5 посещения. Такое сильное снижение посещаемости по сравнению с 1726—1728 гг. объясняется тем, что в 30-е годы XVIII в. почти половину читателей составляли посторонние для Академии лица, которые читали меньше. В некоторых формулярах за 4 года было всего 1—2 записи.

Какую же литературу брали читатели Библиотеки Академии наук? Ученые, как правило, читали книги, связанные с их занятиями в Академии. Однако круг их интересов был часто значительно шире. Так, например, Эйлер, помимо книг по своей специальности, брал также литературу по общим вопросам естествознания, по географии и т. д. Посторонние читатели часто использовали Библиотеку для чтения занимательной литературы. Представителей знати интересовали книги о путешествиях, мемуары, историческая литература. Принцессе Анне Леопольдовне были выданы, например, 4 тома «Записок о Петре Великом» («Mémoires de Pierre le Grand») и другие книги, причем в журнале за одну из них имеется ее собственноручная роспись.[154] В формуляре адмирала Головина были записаны такие книги, как «Путешествие на Север» («Voyage au Nord»), в формуляре Юсупова — «История Португалии», «История революции в Риме» и др. «Voyage au Nord» была популярной книгой, ее читали и представители знати, и ученые. Интересно, что среди книг, выданных Феофану Прокоповичу, кроме литературы по истории церкви, были записаны также книги

---

[153] Там же, ф. 751, оп. 1, № 2, л. 56.
[154] Там же, ф. 158, оп. 1, л. 1.

по естественным наукам, например по анатомии, что еще раз подтверждает широту его интересов.

Для характеристики запросов читателей этого времени приведем несколько цифр, полученных Н. М. Каратаевым в результате анализа записей выданных книг. В 1732—1735 гг. читателям были выданы книги по следующим отраслям знания: [155]

История, мемуары, дипломатические документы	386
Общенаучная литература (труды ученых обществ)	182
Литература	181
Varia (справочники, сборники и т. д.)	180
География и путешествия	148
Математика, астрономия, механика	148
Естествознание (зоология, ботаника, минералогия)	125
Медицина	33
Философия	29
Языкознание	22
Технические и военные науки	18
Богословие	6
Итого	1458

Общее число посещений, как уже говорилось, было 217, из них в 1732 г. —28, в 1733 — 53, в 1734 — 53, в 1735 — 83. При этом наибольшее число посещений приходилось на декабрь, январь, май. В летние месяцы цифра посещений резко снижалась.[156] Из приведенных данных видно, что на одно посещение приходилось в среднем около 7 книг (1458 : 217), т. е. по сравнению с 1726—1728 гг. в два раза больше. Таким образом, читатели в 1732—1735 гг. посещали Библиотеку реже, но брали каждый раз книг значительно больше, чем раньше. Данные о спросе на литературу по разным отраслям знания характерны для XVIII в. Наиболее спрашиваемой была, как мы видели на целом ряде примеров, именно историческая литература. Особенностью Библиотеки Академии наук, впрочем, был большой спрос на естественнонаучную, в основном биологическую, литературу (что объяснялось наличием в Академии ученых-биологов), а также большой интерес к общенаучным изданиям.

---

[155] Там же, ф. 751, оп. 1, № 2, л. 54—55.
[156] Там же, л. 56.

Приведенные сведения о читателях Библиотеки Академии наук далеко не в полной мере рисуют картину обслуживания этой Библиотекой читателей. Как мы видели, данные сохранились лишь за отдельные годы. Кроме того, иногда выдача книг, по-видимому, и в это время не регистрировалась в журнале, и книги нередко давались без расписки или без всякой регистрации. Перед сильными мира сего академическое начальство в лице Шумахера заискивало и боялось напомнить о необходимости вернуть книги. Об этом вспоминали, как правило, лишь тогда, когда неаккуратный читатель попадал в опалу. Тогда и предъявлялись к нему претензии.

В Архиве Академии наук сохранился список невозвращенных книг, взятых из Библиотеки за время с 1721 по 1733 г.[157] В списке значится 41 читатель, не вернувший книги, среди них много представителей знати: принц Мекленбургский, принцесса Анна Петровна (дочь Петра), А. И. Остерман, Н. Ф. Головин, Б. Г. Юсупов, Р.-Г. Левенвольде, барон Гюйссен и др. В списке значился и ряд сотрудников самой Академии наук, в том числе и все ее президенты: Блюментрост, Кейзерлинг, Корф, Бреверн.

Всего по списку за это время значится 159 невозвращенных книг. В других документах имеются сведения о книгах, не возвращенных А. П. Волынским, Анной Леопольдовной, Минихом.[158] Все приведенные данные говорят о том, что круг читателей Библиотеки был шире, чем тот, который нами установлен по журналам выдачи книг. Вместе с тем они характеризуют также малую заботу о сохранности книг со стороны руководства Канцелярии Академии наук, в ведении которой находилась Библиотека.

Несколько слов о сотрудниках Библиотеки. В официальном штате числились только библиотекарь, 4 работника, выполнявшие техническую работу, сторожа. «Библиотекарем» был Шумахер. В библиотечной работе в рассматриваемый период он, занятый другими делами, непосредственного участия не принимал, но Библиотека находилась в его полном ведении. Характеристика Шу-

---

[157] Там же, ф. 158, оп. 1, № 407, л. 1—5 об.

[158] Материалы для истории имп. Академии наук, т. 4, с. 436—437; т. 5, с. 19—20.

махера дана в нашем предыдущем исследовании.[159] Приведенные же в настоящей главе факты, например о том, как он руководил составлением Камерного каталога, как мало заботился о сохранности книг, ярко характеризуют его пренебрежительное отношение к Библиотеке и низкий уровень его культуры.

Пользуясь своим влиянием в Академии, Шумахер стремился переложить дела по Библиотеке на других людей, не числящихся в ее штате. Ближайшим его помощником был его зять Иоганн Каспар Тауберт, «архитекторский сын», один из первых выпускников академической гимназии, зачисленный в 1732 г. в штат Академии. По распоряжению президента Блюментроста Тауберт должен был «обретаться при Кунсткамере и Библиотеке и что до оных касается, как в порядке, так и в чистоте и обыкновенных исправностей иметь ... смотрение».[160] Несмотря на то что Тауберт родился в России и в противоположность Шумахеру хорошо знал русский язык, он всю жизнь считал себя иностранцем и таким считали его и окружающие лица. Беспринципный карьерист, думающий лишь о собственных выгодах, личность еще более мелкая, чем Шумахер, Тауберт всю свою карьеру построил на родственных отношениях и заискивании перед сильными людьми. Зять Шумахера, пасынок эконома Академии Фельтена, шурин академика Г.-В. Крафта, Тауберт быстро продвигался по службе в Академии. Начав в 1732 г. с 50 руб. жалованья в год, он уже через два года, в 1734 г., получал 150 руб., еще через два года — 250 руб., в мае 1738 г. был назначен адъюнктом с жалованьем 360 руб. в год, хотя продолжал работать в Библиотеке. В 1741 г. Шумахер выхлопотал ему должность «унтер-библиотекаря» с окладом 500 руб. в год.[161]

Как библиотечный работник Тауберт не зарекомендовал себя. Отзывы о нем академиков резко отрицательны. Так, в своих доношениях в Сенат они писали, что Тауберт «в науках столько искусства не имеет, как при библиотеке потребно» и «во всю его унтер-библиотекарскую

---

[159] Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века, с. 355—357.

[160] Материалы для истории имп. Академии наук, т. 4, с. 437—438; т. 2, с. 143.

[161] Там же, т. 2, с. 143, 482; т. 3, с. 148, 719—720; т. 4, с. 583—584, 620.

бытность он, сколько известно, ничего при библиотеке не делал», отчего и происходили все непорядки: не выписывалась нужная литература, не принимались меры для охраны книг от хищений, книги выдавались читателям без записи в журнал и т. д.[162] Таким образом, подобно Шумахеру, Тауберт был для Библиотеки Академии наук довольно бесполезным человеком.

Вся основная работа по Библиотеке производилась не Шумахером и Таубертом, а другими лицами. Как сообщает Миллер, в 1726—1728 гг. библиотечную работу выполнял известный уже нам владелец крупного книжного собрания Готфрид Пашке, но, получая довольно скудное вознаграждение за свой труд, он вскоре ушел из Академии.[163] В 1728 г. к библиотечной работе был привлечен сам Миллер, который, по его словам, помогал перемещать книжные фонды и расставлять книги в здании Кунсткамеры, выдавал книги читателям и по возвращении книг ставил их на место. В противоположность Шумахеру, Миллер стремился строго соблюдать при расстановке книг систематический порядок и считал своей заслугой, что добился этого.[164] Работы по Библиотеке было много, и уже в 1729 г. в помощь Миллеру был дан адъюнкт А.-Б. Крамер, который помогал Миллеру и в выполнении им других его обязанностей.[165] Мы не знаем, сколько времени работал в Библиотеке Миллер, но Крамер выполнял библиотечную работу еще в 1733 г., что видно из доношения Блюментроста в Сенат в январе 1733 г.[166]

Большую роль в истории Библиотеки Академии наук сыграл «библиотекарский помощник» Андрей Иванович Богданов, о котором выше уже говорилось. Сын мастерового пороховых дел, А. И. Богданов родился около 1696 г.[167] В течение 7 лет (1712—1719) он заменял на

[162] Там же, т. 7, с. 483, 639—640.

[163] Там же, т. 6, с. 94.

[164] Материалы для истории имп. Академии наук, т. 6, с. 149, 167.

[165] Там же, с. 180—181.

[166] Там же, т. 2, с. 259.

[167] Дата рождения Богданова (1696 или 1697 г.) устанавливается на основании ведомости о служащих Библиотеки Академии наук, составленной в 1754 г. В ведомости указывается, что Богданову в это время было 57 лет (ЛОААН, ф. 3, оп. 1, № 845, л. 15—16).

работе своего престарелого отца. Затем Богданов поступил в Петербургскую типографию Синода, откуда был взят в типографию Академии наук. Работа в качестве тередорщика типографии не удовлетворяла Богданова, и в 1730 г. он подал прошение в Академию наук об определении его в Библиотеку, в которой он мог бы «вседневно работать, что к ее уборству, чистоте и порядку принадлежит». Просьба была уважена,[168] и хотя он еще в течение ряда лет продолжал числиться тередорщиком, но в действительности работал в Библиотеке, а с 1736 г., как написано в его челобитной от 3 сентября 1766 г., стал «помощником при Библиотеке»,[169] фактически же заведующим ее русским фондом.

Скромный труженик, большой энтузиаст своего дела, Богданов проделал очень большую работу, упорядочив русский фонд, на который его предшественники-иностранцы обращали мало внимания. Выше уже говорилось о Богданове как о составителе русского печатного Камерного каталога 1742 г. и о его работе по пополнению фондов русских книг и рукописей. Можно с полным основанием утверждать, что Богданов был первым сотрудником Библиотеки Академии наук, который с большой любовью выполнял свои обязанности и хорошо знал подведомственный ему книжный фонд. Однако вознаграждение за свой труд он получал ничтожное. В 1737 г. он получал всего 50 руб. в год. В 1739 г. и в последующие годы он проходил по ведомостям как «служитель при Библиотеке», но жалованье его даже в 1745 г. было всего 96 руб. в год.[170]

Фондом иностранных книг в течение длительного времени ведал И.-Ф. Брем. Уроженец Ревеля, Брем был принят в Академию наук в качестве студента в январе 1735 г., а в октябре 1737 г. произведен в адъюнкты с жалованьем 360 руб. в год.[171] Все это время, вплоть до ухода из Академии в 1747 г., Брем был занят в основном работой в Библиотеке. В сведениях, которые представлялись в Сенат в 1737 г., о Бреме сообщалось, что он «трудится

---

[168] Кобленц И. Н. Андрей Иванович Богданов. М., 1958, с. 33—46.

[169] Там же, с. 135.

[170] Материалы для истории имп. Академии наук, т. 3, с. 439; т. 4, с. 261; т. 7, с. 458.

[171] Там же, т. 2, с. 619; т. 3, с. 505.

в библиотеке и сочиняет каталоги, содержит журнал книгам, которые он же раздает и назад получает».[172] Интересно, что в доношении академиков Сенату от декабря 1745 г. сообщалось, что Брем «поныне всегда должность подбиблиотекаря отправлял», а Тауберт «только одно имя подбиблиотекаря носит».[173]

Как мы уже видели, Брем был основным составителем печатного Камерного латинского каталога, он же привлекался к составлению описей и оценки книг, поступающих в Библиотеку. Неудивительно, что при большом объеме работы по составлению печатного Каталога Брем наделал много ошибок, тем более что почти все академики были отстранены Шумахером от участия в этом ответственном деле. Впрочем, Брем, по-видимому, не был творческим библиотечным работником и в составлении каталога следовал указаниям Шумахера, для которого был важен конечный результат всякой работы, а не ее качество.

Канцелярия Академии наук привлекала к библиотечной работе и других сотрудников Академии. Так, 15 апреля 1740 г. было предписано академику Я. Я. Штелину, «чтоб он сверх своего дела, и в библиотеке отправлял и то все делал, что ему от советника и библиотекаря Шумахера приказано будет», за что ему было положено дополнительное вознаграждение 200 руб. в год.[174] Как мы уже знаем, Штелин был участником составления Камерного латинского каталога на русские фонды.

К библиотечной работе, помимо Г. Пашке, привлекались и другие студенты. Окончившему академическую гимназию студенту И. Г. Остервальду за работу в Библиотеке платили 3 руб. в месяц, в 1741 г. он ушел из Академии.[175] В 1740 г. студенту Цейтлеру за переписку 680 листов каталога было уплачено 81 р. 60 к.[176] Таким образом, за исключением Богданова и Брема, все другие сотрудники Академии наук, привлекавшиеся к библиотечной работе, являлись для Библиотеки довольно случайными людьми.

---

[172] Там же, т. 3, с. 574—575.
[173] Там же, т. 7, с. 732.
[174] Там же, т. 4, с. 370.
[175] Там же, с. 437, 579.
[176] Там же, с. 513.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Материалы нашего исследования дают четкий ответ на основной вопрос, поставленный нами при написании монографии: в каком направлении шло развитие просвещения и книжного дела (в частности) в послепетровское время, не было ли случаев отказа от начинаний Петра, возврата к старому, снижения темпов развития? Многоаспектный анализ всех имеющихся данных по истории русской книги 1725—1740 гг. подтвердил жизненность преобразований Петра и показал, что дальнейшее развитие просвещения в России шло по пути, намеченному Петровскими реформами. При этом не наблюдалось и сколько-нибудь заметного снижения темпов развития. Наоборот, учреждение Академии наук дало новый, мощный толчок развитию русской науки и культуры, оно имело также огромное влияние на дальнейшее развитие издательского дела.

Типография Академии наук стала мощной базой подготовки светских книг, которые все более оттесняли на второй план книги религиозного содержания. Наряду с учебными пособиями по разным отраслям знания стала издаваться и подлинно научная книга; получила дальнейшее развитие и обрела новые формы русская периодика. В целом темпы книгопечатания не только не снизились, но в области периодики значительно превзошли темпы петровского времени, казавшиеся когда-то чрезмерными.

Благодаря активной деятельности Академии, с помощью ее книжной лавки, книга быстро продвигалась к населению, при этом наряду с русскими изданиями рас-

пространялась и иностранная литература, чего при Петре еще не удалось добиться. И хотя не все книги имели одинаковый успех и отдельные виды издательской продукции подолгу лежали нераспроданными (результат недостаточной осведомленности академического начальства о характере духовных потребностей населения), все же тематика книг, интересующих различные круги русских читателей, расширилась по сравнению с петровским временем. И это в конечном итоге говорило о постепенном повышении общего уровня образованности.

О том же свидетельствует и расширение круга книголюбов (владельцев книг), среди которых мы видим теперь представителей самых различных групп населения. Светскую книгу покупали и чиновники (подьячие, секретари, канцеляристы), и военнослужащие (офицеры, капралы, солдаты), и типографские работники, и представители посада (купцы, мещане), и учителя и ученики учебных заведений, и духовенство.

Значительно возросло и число крупных книжных собраний, принадлежавших частным лицам. Личные библиотеки, разумеется, сильно отличавшиеся по числу книг, имели не только представители высших слоев русского общества, но и многие представители интеллигенции, а также отдельные чиновники и купцы. Новым явлением, характерным для рассматриваемого периода, было появление библиотек ученых — специализированных книжных собраний с хорошим подбором книг по сравнительно узкой области знания.

Дальнейшую эволюцию претерпели и государственные библиотеки. Число их возросло (в основном за счет библиотек учебных заведений), увеличился книжный фонд, улучшился подбор литературы. Особую роль играла Библиотека Академии наук — крупнейшее книгохранилище страны, которое постоянно увеличивало свои книжные фонды и служило образцом постановки библиотечного дела для всех других русских библиотек.

На основании всего сказанного следует сделать вывод, что годы, непосредственно следующие за эпохой Петровских реформ, несмотря на все трудности, переживаемые страной в период господства временщиков, никак не являлись периодом упадка в области культуры и книжного дела страны. Это был дальнейший этап в развитии просвещения страны со своими специфическими чертами.

Список сокращений

БАН	— Библиотека Академии наук СССР.
ВМОИДР	— Временник Московского общества истории и древностей российских.
ГБЛ	— Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина.
ГИМ	— Государственный Исторический музей.
Исторический очерк и обзор фондов	— Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Вып. 1. XVIII век. М.—Л., 1956.
ЛОААН	— Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР.
Описание документов и дел архива Синода	— Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего правительствующего Синода. СПб.
ОИГП	— Описание изданий гражданской печати. 1708—январь 1725 г. М.—Л., 1955.
ОИНК	— Описание изданий, напечатанных кириллицей. 1689—январь 1725 г. М.—Л., 1958.
ОРО БАН	— Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР.
ПДП	— Памятники древней письменности и искусства.
ПСЗ	— Полное собрание законов Российской империи.
ПСПиР	— Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи.
РИБ	— Русская историческая библиотека.
РО	— Рукописный отдел.
Сборник статей и материалов	— Сборник статей и материалов Библиотеки Академии наук СССР по книговедению.
ТИКДП	— Труды Института книги, документа, письма.

ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук СССР.

ФБОН — Фундаментальная библиотека общественных наук АН СССР.

ЧОЛДП — Чтения в Обществе любителей духовного просвещения.

ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.

ЦГИА — Центральный государственный исторический архив СССР.

ЦНБ — Центральная научная библиотека АН УССР.

Список иллюстраций

Указатель имен

Оглавление

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
41	16 сверху	поздравительнные	поздравительные
106	6 »	Повесть об Апполонии Тирском	Повесть об Аполлонии Тирском
112	17 »	Ульрицем	Ульрици
125	12 снизу	учебные книги [52]	учебные книги» [52]
136	22 »	«Система, или состояние. . .	«Систима, или состояние. . .
146	13 »	То же	То же
152	12 сверху	То же	То же
161	1 снизу	Евдокимова сына Верещагина Большого 1733 год».	Евдокимова сына по названию Верещагина Большого 1733 год».
253	5 »	Петре Великом. СПб., 1862,	Петре Великом. Т. I. СПб., 1862,
374	правый столбец, 13 сверху	Корсаков Д. А. 171, 172, 180, 206,	Корсаков Д. А. 170, 171, 180, 206,

С. П. Луппов